

2500-3372 (PRINT)
2542-1190 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY. SERIES: POLITICAL,
SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC
SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA.
SERIA: POLITICHESKIE,
SOTSIOLOGICHESKIE
I EKONOMICHESKIE NAUKI

ТОМ 9 № 3
2024

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К2 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3 в 2023 году.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-pses.kemsu.ru>

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376.
Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 94233.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

16+

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K2) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission in 2023.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik-pses.kemsu.ru>

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-67376. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Subscription indices: 94233 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор,
д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Баранова Инна Владимировна, д-р экон. наук, проф.,
НГТУ (Новосибирск, Россия).

Бычкова Светлана Михайловна, д-р экон. наук, проф.,
СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).

Глушакова Ольга Владимировна, д-р экон. наук, доцент,
НГТИ (Новосибирск, Россия).

Головацкий Евгений Васильевич, д-р социол. наук,
доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Капогузов Евгений Алексеевич, д-р экон. наук, доцент,
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Кисляков Михаил Михайлович, д-р полит. наук, доцент,
СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).

Кравченко Сергей Александрович, д-р филос. наук,
проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).

Кремер Раймунд, Dr. Hab., проф. Потсдамского
университета (Потсдам, Германия).

Матвеева Елена Викторовна, д-р полит. наук, доцент,
Кузбасский ГАУ (Кемерово, Россия).

Мекуш Галина Егоровна, д-р экон. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).

Немировский Валентин Геннадьевич, д-р социол. наук,
проф., ИНИОН РАН (Москва, Россия).

Нехода Евгения Владимировна, д-р экон. наук, проф.,
ТГУ (Томск, Россия).

Озерникова Татьяна Георгиевна, д-р экон. наук, проф.,
НГТУ (Новосибирск, Россия).

Резник Семён Давыдович, д-р экон. наук, проф., ПГУАС
(Пенза, Россия).

Силин Анатолий Николаевич, д-р социол. наук, проф.,
ТИУ (Тюмень, Россия).

Слинкова Ольга Константиновна, д-р экон. наук, проф.,
БелГУ (Белгород, Россия).

Солодова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф.,
ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).

Суслов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).

Удальцова Мария Васильевна, д-р экон. наук, проф.,
НГУЭУ (Новосибирск, Россия).

Чирун Сергей Николаевич, д-р полит. наук, доцент,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доцент,
АлтГУ (Барнаул, Россия).

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

EDITORIAL BOARD

Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State
Technical University (Novosibirsk, Russia).

Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., St. Petersburg
State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).

Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk
State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Evgeny V. Golovatsky, Dr.Sci.(Sociol.), Assoc. Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).

Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof.,
Lomonosov Omsk State University (Moscow, Russia).

Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof.,
Siberian Institute of Management branch of RANEPА
(Novosibirsk, Russia).

Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State
Institute of International Relations (University)
(Moscow, Russia).

Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University
(Potsdam, Germany).

Elena V. Matveeva, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kuzbass State
Agricultural University (Kemerovo, Russia).

Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute
of Scientific Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk
State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State University
of Architecture and Construction (Penza, Russia).

Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof.,
Altai State University (Barnaul, Russia).

Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial
University (Tyumen, Russia).

Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National
Research University (Belgorod, Russia).

Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute
of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).

Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member
of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State
University of Economics and Management
(Novosibirsk, Russia).

Социокультурное и политическое развитие общества

Интеграционная повестка в деятельности органов Союзного государства Беларуси и России
Вагапов Д. Р. 317

Видовое разнообразие делинквентных молодежных субкультур в современной России:
опыт теоретического исследования
Молчанов А. А., Нятина Н. В. 326

Самооценка преподавателя вуза в контексте современных медиа
Проскурина А. С. 338

Влияние ДЭГ на явку избирателей на выборах в России в 2021–2023 гг.
Федоров В. И. 349

Включенность некоммерческих организаций и объединений в деятельность общественных
комиссий при главных бюро медико-социальной экспертизы в субъектах Российской Федерации
Фомина Т. А., Щанина Е. В. 359

Есть ли профессиональное будущее в индустриальном секторе? Взгляд уральских школьников
(по результатам социологического исследования)
Шалагина Е. В., Шихова О. Н. 371

Экономика и управление: теория и практика

Рынок труда в креативных индустриях
Антонова И. С., Оглезнева Е. А. 381

Теоретические и практические аспекты формирования системы индикативных показателей
диагностики экономической безопасности холдинговых структур
Кокорина Д. А. 398

Сравнение схожести интеллект-карт в задачах маркетингового анализа
Логинова Ю. В., Логинов И. В. 410

Взаимное влияние условий и оплаты труда на потребность системы здравоохранения
в медицинских работниках
Меркулов Н. А., Анисимов А. Ю. 424

Исследование причин и факторов изменения потребительского поведения населения
Московцева Л. В., Языкова С. В., Шапошникова И. В., Орлова А. А. 433

Региональная экономика

Повышение ВРП экономики Иркутской области на основе роста уровня энергетической
эффективности регионального промышленного комплекса
Дзюба А. П., Конопелько Д. В. 443

Систематизация показателей, отражающих состояние ключевых факторов в модели
экономического развития региона
Козий К. Ю. 459

Оценка привлекательности ресторанных рынков регионов Сибирского федерального округа
Максименко И. А., Вашико Т. А., Здрестова-Захаренкова С. В. 467

Исследование рисков экономической безопасности территорий в период неопределенности,
вызванной пандемией
Хашир Б. О., Плясова С. В., Усанов А. Ю., Иода Ю. В. 479

Society: Cultural and Political Development

- Integration Agenda in Government Work of the Union State of Belarus and Russia
Vagapov D. R. 317
- Delinquent Youth Subcultures in Russia: Theoretical Research Experience
Molchanov A. A., Nyatina N. V. 326
- Self-Esteem in University Educator and Contemporary Media
Proskurina A. S. 338
- Effect of Remote Electronic Voting on Voter Turnout in Russia in 2021–2023
Fedorov V. I. 349
- Non-Profit Organizations and Associations in Public Commissions Under Chief Bureaus
 of Sociomedical Assessment in Different Regions of Russian Federation
Fomina T. A., Shchanina E. V. 359
- Do Industrial Jobs Have Good Prospects? A Sociological Survey of School Students from the Ural
Shalagina E. V., Shikhova O. N. 371

Economics and Management: Theory and Practice

- Labor Market in Creative Industries
Antonova I. S., Oglezneva E. A. 381
- Developing a System of Economic Security Indicators for Holdings: Theory and Practice
Kokorina D. A. 398
- Similar Mind Maps in Marketing Analysis
Loginova J. V., Loginov I. V. 410
- Joint Effect of Working Conditions and Wages on Labor Shortage in Healthcare
Merkulov N. A., Anisimov A. Yu. 424
- Causes and Factors of Changes in Consumer Behavior
Moskovtseva L. V., Yazykova S. V., Shaposhnikova I. V., Orlova A. A. 433

Regional Economy

- Raising Gross Regional Product of Irkutsk Region by Increasing Energy Efficiency
 of Regional Industrial Complex
Dzyuba A. P., Konopelko D. V. 443
- Key Factors in Regional Economic Model: Systematizing Indicators
Koziy K. Yu. 459
- Attractiveness of Restaurant Markets in Siberian Federal District
Maksimenco I. A., Vashko T. A., Zdrestova-Zakharenkova S. V. 467
- Regional Economic Security Risks during Pandemic Uncertainty
Khashir B. O., Plyasova S. V., Usanov A. Yu., Ioda Yu. V. 479

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/yuvsmz>

Интеграционная повестка в деятельности органов Союзного государства Беларуси и России

Вагапов Данат Рашитович

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Россия, Саранск

eLibrary Author SPIN: 8134-5088

<https://orcid.org/0009-0007-0423-2094>danat-vagapov@yandex.ru

Аннотация: Объем накопленных внутренних противоречий в построении и развитии Союзного государства Беларуси и России к концу 2010-х гг. поставил под сомнение возможность реализации целей, заложенных в Договоре о создании Союзного государства. Однако начало 2020-х гг. охарактеризовалось не только обострением внешних угроз для суверенитета и безопасного существования стран-участниц, но и актуализацией интеграционной повестки в рамках Союзного государства, в контексте которой реализация решений укрепила основы единения и углубила интеграцию по многим трекам взаимодействия (экономическим, оборонным, социальным и т.д.). Цель исследования – выявить перспективы и особенности интеграции России и Белоруссии с начала осени 2021 г. по май 2024 г. посредством изучения интеграционной повестки органов Союзного государства и осуществляемых ими интеграционных мер. Достижению цели способствовало применение следующих методов: дискурсивного и системного анализа; качественного и формализованного анализа документов; общенаучных методов. По результатам исследования определены особенности и тенденции интеграционных процессов Союзного государства, связанные с формированием единого экономического, оборонного, информационного, миграционного пространства. Такая установка позволяет провести успешную социально-политическую интеграцию граждан и размыть границы между понятиями *гражданин Российской Федерации* и *гражданин Республики Беларусь*. Особое внимание уделено анализу реализации отраслевых программ, принятых в ноябре 2021 г., и концептуально-стратегических документов, разработанных и утвержденных в рассматриваемый период.

Ключевые слова: механизмы интеграции, экономическая интеграция, наднациональные институты, Союзное государство, Россия, Беларусь

Цитирование: Вагапов Д. Р. Интеграционная повестка в деятельности органов Союзного государства Беларуси и России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 3. С. 317–325. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-317-325>

Поступила 13.06.2024. Принята после рецензирования 11.07.2024. Принята в печать 15.07.2024.

full article

Integration Agenda in Government Work of the Union State of Belarus and Russia

Danat R. Vagapov

National Research Ogarev Mordovia State University, Russia, Saransk

eLibrary Author SPIN: 8134-5088

<https://orcid.org/0009-0007-0423-2094>danat-vagapov@yandex.ru

Abstract: The internal contradictions in the development of the Union State of Belarus and Russia that had accumulated by the end of 2010s called into question the possibility of realizing the Treaty on the Creation of the Union State. In 2020s, however, external threats to the sovereignty and safety of both countries aggravated to a degree when the integration agenda gained newfound relevance in such areas of interaction as economy, defense, society, etc. The article describes the problems and prospects of the integration of Russia and Belarus from September 2021 to May 2024. The author used discursive, systemic, qualitative, and formalized analyses

to study the integration agenda of both governments and the integration measures they implemented. The concept of the Union State presupposes a shared economic, defense, information, and migration environment that will eventually result in a socio-political integration of citizens, thus erasing the borders between the concepts of *a citizen of the Russian Federation* and *a citizen of the Republic of Belarus*. The article concentrates on industrial programs adopted in November 2021, as well as on conceptual and strategic documents developed and approved in 2021–2024.

Keywords: integration mechanisms, economic integration, supranational institutions, Union State, Russia, Belarus

Citation: Vagapov D. R. Integration Agenda in Government Work of the Union State of Belarus and Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 317–325. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-317-325>

Received 13 Jun 2024. Accepted after peer review 11 Jul 2024. Accepted for publication 15 Jul 2024.

Введение

Союзное государство Беларуси и России (СГ) на сегодняшний день является наиболее продвинутым и перспективным объединением всего постсоветского пространства. Однако необходимо отметить переменность и фрагментарность успеха в реализации пунктов Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. (Договор), в частности, по вопросам наднационального институционального строительства, учреждения единого гражданства, введения единой валюты, принятия Конституции СГ и др. Явно выраженная политико-экономическая линия построения Союзного государства на этапе принятия Договора постепенно, уже в 2000-х гг., сменилась на колеблющуюся неясность позиции Республики Беларусь (РБ) в вопросе сохранения полноты суверенитета и привела к возникновению противоречий между Российской Федерацией (РФ) и РБ в расстановке приоритетов интеграции. На уровне уже существующих органов СГ (Высшего Государственного Совета – ВГС, Парламентского Собрания Союза Беларуси и России – ПС, Совета Министров – СМ, Постоянного комитета, а также прочих союзных институций) экономические, оборонные, социальные и другие треки сближения государств ранее сопровождалась разработкой и реализацией новых программ и мероприятий вне зависимости от приостановки построения органов власти объединения и отсутствия Конституции Союзного государства [1; 2]. Но судя по имеющимся результатам деятельности, реализуемые меры имели все же сдержанный характер.

Объективная диспропорция государств-участников СГ по ряду ключевых параметров (объем экономики, количество населения, геополитическое влияние и др.) затрудняет выработку приемлемой формы

интеграции для обоих государств. В силу этих факторов в определенные периоды объединения отмечается тяготение характера взаимоотношений государств к наиболее выгодному как экономическому, так и политическому торгу. Показательным, например, является обсуждение 31 «дорожной карты» в 2019–2020 гг. лидерами государств, которые должны были вывести интеграцию СГ на качественно новый уровень посредством реализации программ, способствующих в первую очередь созданию единого экономического пространства как одной из основных целей СГ¹. Но в решении данного вопроса «камнем преткновения вновь стали "нефть, газ и налоги", который не смогли "сдвинуть" с места и президенты обеих стран на последней встрече в сентябре 2020 года. В итоге "дорожные карты" отложены до лучших времен» [3, с. 129].

Внешнее давление на РФ и РБ, выраженное в экономических санкциях, попытке переворота в 2020 г. в Белоруссии, постковидном ослаблении общемировой экономики, обострении миграционной ситуации и др., усилило необходимость принятия новых мер для гармоничного взаимодействия государств-участников СГ. Начиная со второй половины 2021 г. прослеживается актуализация интеграционной повестки в области формирования единого экономического и оборонного пространства. Немаловажной ее частью являются вопросы создания единого миграционного и информационного пространства. Однако главенствующим и приоритетным направлением интеграции выбрано именно экономическое, успешные решения в рамках которого, вероятно, позволят в дальнейшем активизировать эффект «переплескивания» (согласно неофункционалистской концепции интеграции) и осознать

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. *Союзное государство*. URL: <https://посткомср.рф/docs/item/236184/> (дата обращения: 12.05.2024).

более взвешенную и четкую потребность государств в углублении политической интеграции [4; 5].

Экспертным сообществом отмечается важность и своевременность выхода СГ на новый этап интеграции. Так, анализу предпосылок и существенных характеристик нового интеграционного этапа СГ посвящены научные работы О. В. Бахловой и Е. Г. Уляшкиной [6], В. И. Борисенко и Е. Н. Чернышевой [7], В. А. Бобкова [8], В. В. Земскова [9] и др. И. П. Ситов же, подчеркивая актуализацию общего курса России и Белоруссии на сближение, затрагивает проблематику их экономического взаимодействия в условиях санкций и обозначает важные направления проведения слаженной политики по переориентации на импортозамещение [10]. Принятие государствами новых направлений совместного развития экономики мотивирует на поиск новых конфигураций взаимодействия. А. В. Сотников обосновывает предположение о приближении РФ и РБ к введению единой валюты посредством реализации 28 программ, принятых в 2021 г., оценивая их потенциальное значение как ведущее «к прорыву в политической сфере в самом широком смысле» [11]. Однако стоит отметить, что на май 2024 г. вопросы о введении в оборот единой союзной валюты пока не включены в основную повестку органов власти СГ.

Исследованию вопросов интеграции в области обеспечения безопасности СГ посвящены работы А. М. Воронова [12], Н. П. Гаврилюка и В. В. Сорочана [13] и др. Геополитические особенности положения СГ в современном мире отражены в работе Н. М. Сергеева и Г. Ю. Волкова [14]. Все более значимым и актуальным элементом в структуре обеспечения безопасности любого государства становится информационная безопасность. Так, А. К. Дубень, исследуя Концепцию информационной безопасности Союзного государства 2023 г., обосновывает необходимость более детальной гармонизации и унификации законодательств РФ и РБ в данной области и в разработке соответствующих стратегических документов [15]. Аргументация первоочередной важности решения задач по формированию единого информационного пространства СГ встречается и в работе Л. И. Котиевой [16].

Особое место в анализе СГ отводится вопросам создания единого миграционного пространства, что является важной составляющей как совместного экономического развития, так и обеспечения

безопасности. Например, в работах А. А. Пережогина и Д. Н. Шурухновой выделяются наиболее проблемные области реализации общей миграционной политики СГ, а также обосновывается необходимость комплексного подхода к формированию единого миграционного пространства посредством решения задач, связанных с трудовой внешней и внутренней миграцией, демографией и безопасностью [17; 18]. В рамках принятой в 2021 г. Концепции миграционной политики СГ в повестку деятельности органов власти объединения продолжают включаться новые задачи².

Анализу процессов совместного развития образования и патриотического воспитания молодежи в СГ посвящены труды В. В. Климука и Р. В. Залепукина [19], Н. В. Панкевича и В. В. Руденко [20] и др. Несмотря на работу государств-участников СГ в области гармонизации и унификации законодательства в сфере образования, на сегодняшний день все же наиболее деятельными и результативными мерами признаются инициативы и практики сотрудничества самих образовательных учреждений [21]. В том числе выдвигаются идеи о важности сохранения автономности государственной политики в области патриотического воспитания. Подчеркивается принципиальное значение образования завершеного варианта Парламента СГ для продвижения данных мер на качественно новый уровень посредством более тесной коммуникации органов управления СГ и гражданскими сообществами [22]. Необходимость более активного включения граждан РФ и РБ в общественные процессы интеграции осознается и на уровне институтов СГ, в связи с этим повестка деятельности органов объединения включает в себя разработку соответствующих мер, законодательных инициатив и мероприятий по сближению народов и стран.

Методы и материалы

Проведению исследования способствовали следующие научные методы: дискурсивный анализ обсуждаемой органами власти СГ интеграционной повестки; системный и институциональный анализы деятельности органов СГ в процессе выработки и принятия решений; качественный и формализованный анализы документов, концептуальных, стратегических и нормативно-правовых основ СГ; ретроспективный анализ; методы индукции и дедукции; синтез и др.

² Гайдукевич: Беларусь и Россия сформируют единую миграционную политику. Беседовал Владимир Крапоткин. *Евразия.Эксперт*. 08.02.2023. URL: https://eurasia.expert/belarus-i-rossiya-sformiruyut-edinuyu-migratsionnuyu-politiku/?utm_referrer=search.integrum.ru (дата обращения: 11.05.2024).

Теоретико-концептуальную базу исследования составили установки представителей интеграционной концепции неофункционализма (Э. Хаас, Л. Линдберг и др.).

Результаты

Приступая к рассмотрению и анализу интеграционной повестки в деятельности органов власти СГ, необходимо учитывать имеющиеся условия, в рамках которых происходят выработка и принятие совместных решений на уровне объединения. Исследователи нередко придают особое значение наличию некоторых институциональных препятствий: отсутствию четких представлений государств о форме объединения Союзного государства; отсутствию его Конституции; незавершенности оформления институциональных структур; неполноценной реализации функций и полномочий в области законотворчества ПС и т.д. [23]. Однако чрезмерный акцент при анализе СГ на обусловленности всего интеграционного процесса формой надгосударственной системы управления, а не сущностным наполнением принятых в органах СГ решений видится весьма категоричным и сужающим анализ деятельности объединения к оценкам сквозь призму интеграционной концепции представителей федерализма.

На наш взгляд, наиболее перспективным и продуктивным в сотрудничестве государств является переосмысление вариантов интеграции путем концентрации на способах создания единого, безопасного, безбарьерного в миграционном, экономическом и информационном плане пространства, в котором должно быть сформировано общество со взаимодействующими между собой элементами. Соответственно, создание обозначенных выше условий может явиться прочным фундаментом для продолжения институционализации управления Союзным государством и возобновления повестки политической интеграции. В данном суждении, безусловно, отражаются идеи представителей неофункционалистской концепции интеграции, что, на наш взгляд, также соответствует пути на сближение, выбранному РФ и РБ.

Центральная повестка всей системы органов СГ во многом зависит от содержания согласованных и принятых решений ВГС. В связи с этим приоритет в анализе повестки СГ отводится именно данному

органу, в ходе работы которого согласовываются союзные программы, утверждается бюджет объединения, направленный на их реализацию, вырабатываются и официально одобряются концепции, стратегии, доктрины, а также направления совместной деятельности. Принятию наиболее важных и поворотных решений в рамках заседаний ВГС предшествует обсуждение повестки на уровне глав государств и на уровне СМ. Практическая деятельность ПС включает в себя: принятие бюджета объединения, разработку мер по унификации законодательства РФ и РБ, обсуждение широкого круга насущных проблем и вопросов, стоящих на пути развития Союзного государства.

Отправной точкой нового, рассматриваемого в статье этапа интеграции в рамках объединения, является заседание ВГС от 4 ноября 2021 г. По результатам принятых органом решений можно констатировать, что «лучшие времена», до которых были отложены несогласованные «дорожные карты» в 2019–2020 гг., наступили. Поворотным событием в интеграции России и Беларуси стало принятие Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг. (Основные направления на 2021–2023 гг.), состоящих из 28 интеграционных программ. Документ включал в себя такие направления деятельности, как: гармонизация финансовой политики государств; унификация транспортного рынка; формирование единого рынка энергоресурсов; выработка единых норм защиты прав потребителей; согласование единой политики в социально-трудовой сфере; гармонизация законодательства в сферах налогообложения, финансов, торговли, таможенной сфере и др.³ Обсуждение необходимости проведения изложенных в документе мероприятий в той или иной форме происходило и до заседания ВГС 2021 г. Но лишь встреча Президентов РФ и РБ, прошедшая 9 сентября, привела к их скорейшему принятию⁴. Уже 10 сентября в рамках работы СМ документ был одобрен и утвержден на ближайшем заседании ВГС.

Работа над выполнением принятых мер велась согласно плану и с включением всех органов СГ. Так, в рамках правительственного часа при ПС 19 декабря 2022 г. министр экономики РБ, А. В. Червяков, заявил о своевременности принятия 28 программ в конце 2021 г. и подчеркнул особое значение

³ Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг. Декрет № 6 от 04.11.2021. URL: <https://посткомср.рф/docs/item/237509/?ysclid=ldwhw9n2cx680505941> (дата обращения: 09.05.2024).

⁴ О чем договорились Путин и Лукашенко. РБК. 10.09.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/09/2021/613afeab9a7947352d278b62> (дата обращения: 15.05.2024).

их реализации в отсутствие каких-либо критических последствий от санкций⁵.

М. В. Мишустин, Председатель СМ, на заседании органа 27 марта 2023 г. подвел итоги сотрудничества государств за 2022 г.: несмотря на кризисный в силу санкционного давления период, товарооборот РФ и РБ составил 45 млрд долл., что указало на увеличение объема торговли государств на 12 % по отношению к 2021 г. В 2023 г. товарооборот достиг уже 53 млрд долл., а объем возрос на 6 % в сравнении с 2022 г.⁶ Подобный рост интенсивности торговли между РФ и РБ вызван и введенными ограничениями поставок белорусской продукции на рынки сбыта ЕС в результате наложенных санкций, что требует компенсирующих мер, в частности, расширения российско-белорусского рынка.

Важно отметить, что РФ и РБ не столкнулись с существенными препятствиями на пути осуществления утвержденных мер экономической интеграции. Так, к концу 2022 г. было выполнено уже 732 мероприятия из 989⁷, а по итогам ВГС от 29 января 2024 г.⁸ Правительствам и Национальным банкам РФ и РБ было поручено выработать подходы к оценке эффективности реализованных уже в полном объеме программ. Помимо этого, в рамках ранее упомянутого заседания В. В. Путин проанализировал результаты работы государств на пути к интеграции, подчеркнув, что именно благодаря выполнению принятых 4 ноября 2021 г. программ, удалось унифицировать российское и белорусское законодательство, сформировать правовые и организационные основы общего экономического пространства, создать условия для проведения единой макроэкономической и денежно-кредитной политики для совместной работы по минимизации ущерба от незаконных западных рестрикций⁹. Перечисленные Президентом РФ достижения, естественно, имеют довольно общий характер

и не ограничиваются данным перечнем, но стоит добавить, что реализованные меры, согласно изначально заявленным целям, должны поспособствовать усилению промышленной кооперации, созданию дополнительных рабочих мест, новых транспортно-логистических маршрутов, упрощению способов решения организационно-бюрократических вопросов для предпринимателей и др. [24]. Фактические результаты принятых интеграционных мер в области экономики на сегодняшний день наблюдаются лишь частично, поэтому оценка эффективности выполненных работ требует определенного количества времени. Примечателен в этом отношении пример реализации программы по формированию общих принципов функционирования единого рынка связи и информатизации, т.к. до сих пор не приняты окончательные меры по отмене роуминга на территории СГ. Решение этого вопроса (в первую очередь важного для малого бизнеса и рядовых граждан) все еще стоит на повестке органов власти СГ и государств-участников объединения, а результаты деятельности в данном направлении ожидаются в скором времени¹⁰.

Торговля энергоресурсами, безусловно, является одним из ключевых вопросов в отношениях РФ и РБ, но запуск системы функционирования единых рынков в данной отрасли в полной мере пока не осуществлен. Критерием выполнения программы по формированию единого рынка газа стало принятие договоренностей о фиксированной цене на него для РБ до 2025 г. Важно, что по некоторым отраслям интеграции, в частности по вопросам функционирования рынков энергоресурсов, работа будет продолжена в рамках «Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг.» (Основные направления на 2024–2026 гг.)¹¹. При этом важно отметить гармонизацию законодательств в области

⁵ Червяков: Беларусь и Россия в ответ на санкции усилили интеграцию. *БЕЛТА*. 19.12.2022. URL: <https://www.belta.by/economics/view/chervjakov-belarus-i-rossija-v-otvet-na-sanktsii-usilili-integratsiju-540805-2022/> (дата обращения: 14.05.2024).

⁶ Головченко: двусторонний товарооборот Беларуси и России в 2023 году составил около \$53 млрд. *БЕЛТА*. 09.02.2024. URL: <https://www.belta.by/economics/view/golovchenko-dvustoronnij-tovarooborot-belarusi-i-rossii-v-2023-godu-sostavil-okolo-53-mlrd-614527-2024/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷ В Москве прошло заседание Высшего Государственного Совета Союзного государства. *Союзное государство*. 06.04.2023. URL: <https://postkomcр.рф/activities/events/235027/?ysclid=lwtkdeksdq627843214> (дата обращения: 21.05.2024).

⁸ О ходе выполнения Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг. и Союзных программ. Декрет № 1 от 29.01.2024. URL: <https://postkomcр.рф/docs/item/238635/> (дата обращения: 09.05.2024).

⁹ В Санкт-Петербурге прошел Высший Госсовет Союзного государства. Главное. *СОЮЗ. Беларусь-Россия*. 31.01.2024. URL: <https://rg.ru/2024/01/31/v-sankt-peterburge-proshel-vysshij-gossovet-soiuznogo-gosudarstva-glavnoe.html?ysclid=lwtggyvbj0612361763> (дата обращения: 20.05.2024).

¹⁰ Россия и Белоруссия намерены отменить взаимный роуминг. *РИА Новости*. 24.05.2024. URL: <https://ria.ru/20240524/rouming-1948196159.html?ysclid=lwv3078tma915207409> (дата обращения: 25.05.2024).

¹¹ Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг. Декрет № 2 от 29.01.2024. URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/dekret-ot-29-yanvara-2024-g-2-ob-osnovnyh-napravleniyah-realizacii-polozheniy-dogovora-o-sozdani-ly-soyuznogo-gosudarstva-na-2024-2026-gody> (дата обращения: 14.05.2024).

энергетики как важный этап подготовки к полноценному функционированию единых рынков. Также в рамках мероприятий по запуску второго энергоблока Белорусской АЭС в 2023 г. принятие соглашений между РФ и РБ о сотрудничестве в обращении с ядерными отходами отражает нормативно-правовое обеспечение интеграции государств, без осуществления которого дальнейший разговор о сближении в каком-либо направлении не имеет смысла. Мероприятия по организации безопасной и эффективной совместной деятельности в области атомной энергетики тоже внесены в повестку запланированных на 2024–2026 гг. мероприятий.

Использование рубля при расчетах за поставки энергоресурсов, упрощение таможенных процедур и удешевление или отмена ряда таможенных пошлин являются следствием как реализации интеграционных программ, так и секционной политики западных государств [25]. Таким образом, экономический трек интеграции активизировался вовремя, гармонично сопровождая процесс переориентации РФ и РБ на создание и реализацию новых вариантов конфигурации экономического сотрудничества в рамках СГ. А экономические санкции, на наш взгляд, в сложившейся ситуации могут восприниматься как катализатор формирования единого экономического пространства.

На сегодняшний день, согласно ранее упомянутым Основным направлениям на 2024–2026 гг., начата реализация новых интеграционных программ, включающих в себя сущностное продолжение принятых 28 отраслевых программ в ноябре 2021 г. Основная доля запланированной деятельности все также посвящена макроэкономическим задачам в области энергетики, транспорта, логистики и финансов. Однако, стоит отметить, что фокус внимания утвержденных в 2024 г. программ, помимо вышеупомянутых направлений, акцентирован и на интеграцию в области культурного, социального, научно-технологического и информационного пространства.

Отдельно стоит отметить содержание утвержденной на заседании ВГС 29 января 2024 г. Стратегии научно-технологического развития Союзного

государства на период до 2035 г.¹² (Стратегия), в которой обозначены шаги и методы по развитию перспективных и наукоемких областей экономики, требующих разработки и внедрения передовых научных исследований. Целью упомянутой Стратегии, по словам В. В. Путина, является укрепление технологического суверенитета и реализация программ по импортозамещению¹³.

Особо важным является рассмотрение интеграционной повестки органов власти СГ, относящейся к коллективной безопасности государств-участников объединения. Анализируя интеграцию в области формирования единой системы безопасности СГ, отметим, что начавшаяся в феврале 2022 г. специальная военная операция (СВО) на территории Украины в значительной мере сместила повестку государств на совместное решение вопросов по обеспечению безопасности. Так, в обновленной Военной доктрине СГ 2021 г. были закреплены общие и актуальные взгляды государств-участников Союзного государства на угрозы и принципы организации совместной безопасности, одним из ключевых элементов которой является военная сила¹⁴. В 2022 г., в соответствии с возникшими внешними угрозами, была развернута Региональная группировка войск и сил СГ, задействование которой ранее осуществлялось лишь в рамках совместных учений.

На заседании ВГС 2023 г. было заявлено о начале разработки Концепции безопасности Союзного государства. Отмечается, что документ, помимо содержащихся в нем концептуальных основ и принципов функционирования системы безопасности, будет носить и стратегический характер, отражающий среднесрочные цели СГ на пути формирования единого оборонного пространства¹⁵. ПС в течение 2023 г. активно занимался рассмотрением и согласованием союзной Концепции безопасности совместно с профильными ведомствами государств. На данном этапе работа ведется на уровне национальных Советов безопасности, а утверждение документа запланировано на 2024 г.

Подписанию в 2023 г. Концепции информационной безопасности предшествовала активизация обсуждения проблемы информационного суверенитета

¹² О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 г. Постановление ВГС СГ № 2 от 29.01.2024. URL: <https://посткомсг.рф/docs/item/258637/> (дата обращения: 14.05.2024).

¹³ Путин: подготовлена Стратегия технологического развития Союзного государства до 2035 года. ТАСС. 29.01.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19846137?ysclid=lwxnj8epd403332435> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁴ О Военной доктрине Союзного государства. Постановление № 5 от 04.11.2021. URL: <https://посткомсг.рф/docs/item/237511/?ysclid=lww7nv1w6361198984> (дата обращения: 11.05.2024).

¹⁵ Беларусь и Россия провели консультации по проекту Концепции безопасности Союзного государства. БЕЛТА. 30.05.2024. URL: <https://www.belta.by/society/view/belarus-i-rossija-proveli-konsultatsii-po-proektu-kontseptsii-bezopasnosti-sojuznogo-gosudarstva-637885-2024/> (дата обращения: 12.05.2024).

в рамках органов власти СГ и национальных органов государств. Например, в апреле 2022 г. парламентом РС (в лице его председателя Г. Б. Давыдько) было озвучено, что информация в современном мире является оружием массового поражения¹⁶, и уже в ноябре на заседании РС началось обсуждение о формировании единого информационного пространства и связанных с этим новых угроз безопасности¹⁷. Содержание Концепции включает в себя базовые принципы осуществления согласованной информационной политики государств-участников СГ и основы принятия мер по обеспечению безопасности единого информационного пространства Союзного государства, создающего возможности и предпосылки для сближения и воспроизводства общих целей и ценностей.

Остро стоящим вопросом как с точки зрения обеспечения безопасности границ, так и с точки зрения беспрепятственного осуществления своих прав гражданами РФ и РБ на территории объединения является вопрос миграции. Концепция миграционной политики СГ 2021 г. гармонизирует и унифицирует нормативные правовые акты РФ и РБ в области пограничного, визового контроля по отношению к иностранным гражданам, а также фиксирует принципы совместного осуществления миграционной политики. Создание единого рынка труда, унификация правовой базы государств в области защиты трудящихся и предоставления социальных гарантий, свободное перемещение и пребывание россиян и белорусов на любой территории объединения, отсутствие ограничений по созданию бизнеса, получению образования и т. д. фактически способствуют размытию границ между понятиями *гражданин РФ* и *гражданин РБ*, что в результате создает предпосылки для более эффективной реализации института союзного гражданства и усиления самоидентификации каждого гражданина СГ.

Заключение

Специфика интеграционной повестки в деятельности органов власти СГ позволяет сделать выводы о том, что, несмотря на переориентацию общей направленности интеграционного дискурса на вопросы о суверенитете и дальнейшем укреплении институциональной структуры СГ, с осени 2021 г. РФ и РБ пришли к консенсусу по активизации

неофункционалистской траектории интеграции. Основные направления деятельности сосредоточены на формировании единого экономического, оборонного, информационного, миграционного пространства. Наличие же полноценно функционирующего двухпалатного Парламента СГ ускорило бы сближение по имеющимся линиям взаимодействия.

Экономические санкции в совокупности с обострением внешних угроз на западной границе СГ подтолкнули государства к поиску новых линий взаимодействия и усилению имеющихся. Принятые на заседании ВГС 4 ноября 2021 г. документы сгладили просматривавшиеся процессы дестабилизации внутри объединения и стали фундаментом всех последующих обсуждений и решений в рамках органов власти СГ и государств-участников. Успешное завершение реализации ранее утвержденных программ интеграции, а также принятие концепций, стратегий и доктрин дают возможность говорить о наличии довольно четко выстроенного плана по созданию единой бесшовной среды внутри СГ, что при дальнейшем сближении России и Белоруссии неизбежно актуализирует вопросы о гармоничной и справедливой, а главное – нужной для граждан СГ социально-политической интеграции. Но несмотря на имеющиеся положительные результаты деятельности по сближению государств, сохраняются некоторые трудности, связанные, например с полноценной реализацией института союзного гражданства; наличием разных подходов РФ и РБ к государственному управлению и регулированию экономики; неоконченным характером практического формирования единых рынков газа и нефти; поиском оптимальных механизмов реализации эффективной миграционной политики в рамках СГ и др. Данные вопросы не остаются без внимания органов власти Союзного государства и государств-участников, и имеются все должные предпосылки для их решения в обозримом будущем.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article

¹⁶ Давыдько: информация сегодня используется как оружие массового поражения. *БЕЛТА*. 27.04.2022. URL: <https://www.belta.by/society/view/davydtko-informatsija-segodnja-ispolzuetjsja-kak-oruzhie-massovogo-porazhenija-498621-2022/> (дата обращения: 13.05.2024).

¹⁷ Депутаты рассмотрели вопросы формирования общего информационного пространства Беларуси и России. *Парламентское собрание Союза Беларуси и России*. 09.11.22. URL: <https://belrus.ru/info/deputaty-rassmotreli-voprosy-formirovaniya-obshhego-informacionnogo-prostranstva-belarusi-i-rossii/> (дата обращения: 13.05.2024).

Литература / References

1. Союзное государство Беларуси и России от Сообщества к Союзному государству, ред. Г. А. Рапота, Р. А. Курбанов, М.: Юнити-Дана, 2017. 592 с. [Union State of Belarus and Russia. *From Community to creation of the Unified State*, ed. Rapota G. A., Kurbanov R. A., Moscow: Unity-Dana, 2017, 592. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zmkxbn>
2. Бахлова О. В. Стратегия интеграционного развития Союзного государства Беларуси и России. *Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения: XXI Национ. науч. конф. с Междунар. уч. (Москва, 16–17 декабря 2021 г.)* М.: ИНИОН РАН, 2022. Вып. 17. Ч. 1. С. 44–47. [Bakhlova O. V. Strategy of integration development of the Union State of Belarus and Russia. *Modernization of Russia: Priorities, problems, and solutions: XXI National Sci. Conf. with Intern. Participation*, Moscow, 16–17 Dec 2021. Moscow: INION RAS, 2022, iss. 17, pt. 1, 44–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynagoe>
3. Пирогов А. И., Растимешина Т. В. Союзное государство России и Беларуси: Кризис или крушение надежд? *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2021. № 1. С. 126–131. [Pirogov A. I., Rastimeshina T. V. Union State of Russia and Belarus: Crisis or frustration? *Ekonomicheskie i sotsialno-gumanitarnye issledovaniia*, 2021, (1): 126–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jeqwra>
4. Haas E. B. *The uniting of Europe: Political, social and economic forces, 1950–1957*. California: Stanford University Press, 1968, 552.
5. Lindberg L. N. *The political dynamics of European economic integration*. California: Stanford University Press, 1963, 367.
6. Бахлова О. В., Уляшкина Е. Г. Динамика интересов и позиций в области экономической интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь (2019–2020 гг.). *Экономическая история*. 2021. Т. 17. № 4. С. 404–418. [Bakhlova O. V., Uliashkina E. G. Dynamics of interests and positions in the field of economic integration of Russia and Belarus (2019–2020). *Russian Journal of Economic History*, 2021, 17(4): 404–418. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15507/2409-630X.055.017.202104.404-418>
7. Борисенко В. И., Чернышева Е. Н. Новый этап интеграции Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь (2021). *Социально-гуманитарные знания*. 2022. № 2. С. 64–69. [Borisenko V. I., Chernysheva E. N. A new stage in the integration of the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus (2021). *Sotsialno-gumanitarnye znaniia*, 2022, (2): 64–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.2.51773>
8. Бобков В. А. Союзное государство: модель интеграции и стратегия развития. *Беларуская думка*. 2022. № 6. С. 62–68. [Bobkov V. A. The Union State: An integration model and a development strategy. *Belaruskaia dumka*, 2022, (6): 62–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qgpfwe>
9. Земсков В. В. Интеграционные процессы как фактор обеспечения экономической безопасности союзного государства. *Вестник евразийской науки*. 2023. Т. 15. № S1. [Zemskov V.V. Integration processes as a factor in ensuring the economic security of the Union State. *The Eurasian Scientific Journal*, 2023, 15(S1). (In Russ.)] URL: <https://esj.today/PDF/74FAVN123.pdf> (дата обращения: 12.05.2024). <https://elibrary.ru/jgomes>
10. Ситов И. П. Союзное государство как форма экономической интеграции: от необходимости к возможностям. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2022. № 6. С. 53–57. [Sitov I. P. The Union State of Russia and Belorussia as economic integration form: From necessity to possibilities. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, 2022, (6): 53–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlqhhd>
11. Сотников А. В. Программы Союзного государства: новый комплексный шаг к интеграции. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022. № 3. С. 33–37. [Sotnikov A. V. Union State programs: A new comprehensive step towards integration. *Russian Foreign Economic Bulletin*, 2022, (3): 33–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tzoeas>
12. Воронов А. М. Теория безопасности Союзного государства: состояние и концепты развития. *Вестник Московского университета МВД России*. 2024. № 1. С. 25–30. [Voronov A. M. Union State security theory: State and concepts of development. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, (1): 25–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-25-30>
13. Гаврилюк Н. П., Сорочан В. В. Модели развития Союзного государства в условиях военно-технического сотрудничества России и Белоруссии. *Казачество*. 2022. № 63. С. 15–20. [Gavrilyuk N. P., Sorochan V. V. Development models of the Union State in the conditions of military and technical cooperation between Russia and Belarus. *Kazachestvo*, 2022, (63): 15–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kopekwa>

14. Сергеев Н. М., Волков Г. Ю. Союзное государство в современных геополитических реалиях. *Постсоветский материк*. 2023. № 1. С. 24–44. [Sergeev N. M., Volkov G. Yu. The Union State in modern geopolitical realities. *Postsovetskii materik*, 2023, (1): 24–44. (In Russ.)] https://doi.org/10.48137/23116412_2023_1_24
15. Дубень А. К. Информационная безопасность в Союзном государстве: универсальное правовое измерение. *Международное право*. 2024. № 1. С. 1–11. [Duben A. K. Information security in the Union State: Universal legal dimension. *Mezhdunarodnoe pravo*, 2024, (1): 1–11. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2644-5514.2024.1.69960>
16. Котиева Л. И. Общее информационное пространство Союзного государства: вопросы формирования. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022. № 4. С. 59–64. [Kotieva L. I. Common information space Union State: Formation issues. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, (4): 59–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.059-064>
17. Пережогин А. А. Формирование единого миграционного пространства Союзного государства: история и современность. *Труды Академии управления МВД России*. 2022. № 4. С. 23–32. [Perezhogin A. A. Formation of a common travel area of the Union State: History and modernity. *Trudy Akademii upravleniia MVD Rossii*, 2022, (4): 23–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2022-464-23-32>
18. Шурухнова Д. Н. Перспективы формирования и реализации единой миграционной политики в рамках Союзного государства. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2022. № 1. С. 185–189. [Shurukhnova D. N. Prospects for the formation and implementation of a unified migration policy within the framework of the Union State. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2022, (1): 185–189. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nyzbyo>
19. Климук В. В., Залепукин Р. В. Перспективы развития нормативно-правового обеспечения политики Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации в научно-инновационной и образовательной сферах. *Актуальные проблемы государства и права*. 2023. Т. 7. № 1. С. 17–27. [Klimuk V. V., Zelepukin R. V. Prospects for the development of regulatory and legal support for the policy of the Union State of Republic of Belarus and Russian Federation in the scientific, innovative and educational spheres. *Current issues of the state and law*, 2023, 7(1): 17–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-17-27>
20. Панкевич Н. В., Руденко В. В. Союзное государство Беларуси и России: идентитарная политика как ключевой фактор интеграции. *Социум и власть*. 2023. № 4. С. 7–20. [Pankevich N. V., Rudenko V. V. The Union State of Belarus and Russia: An identity policy as a key factor of integration. *Society and Power*, 2023, (4): 7–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/poydky>
21. Солопова О. В., Козополянская-Соловьева А. В. Союзное государство России и Беларуси в конце XX – начале XXI века: развитие сотрудничества в сфере образования. *Вестник Московского университета. Серия 8: история*. 2023. № 2. С. 129–158. [Solopova O. V., Kozopolianskaia-Soloveva A. V. The Union State of Russia and Belarus in the late 20th and early 21st centuries: Development of cooperation in education. *Lomonosov history journal*, 2023, (2): 129–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-129-158>
22. Бахлова О. В., Бахлов И. В., Уляшкина Е. Г. Политика патриотического воспитания в рамках Союзного государства Беларуси и России: потенциал институционализации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология*. 2023. Т. 25. № 4. С. 940–952. [Bakhlova O. V., Bakhlov I. V., Uliaskina E. G. The patriotic education policy within the framework of Belarus and Russia Union State: The potential for institutionalization. *RUDN Journal of Political Science*, 2023, 25(4): 940–952. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-940-952>
23. Малышев Д. В. Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь: институционализация и современное состояние. *Постсоветские исследования*. 2019. № 8. С. 1551–1562. [Malyshev D. V. The Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus: Institutionalization and the current condition. *Postsovetskie issledovaniya*, 2019, (8): 1551–1562. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cghubg>
24. Сибирская Е. В., Овешникова Л. В. Сближение макроэкономической политики России и Белоруссии. *Регион: системы, экономика, управление*. 2023. № 4. С. 29–36. [Sibirskaya E. V., Oveshnikova L. V. Convergence of macroeconomic policies of Russia and Belarus. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*, 2023, (4): 29–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scughg>
25. Сибирская А. В., Сулейков А. А. Влияние санкционного давления на экономики стран Союзного государства. *Постсоветские исследования*. 2023. Т. 6. № 6. С. 695–703. [Sibirskaya A. V., Suleikov A. A. Impact of sanctions pressure on the economies of the countries of the Union State. *Postsovetskie issledovaniya*, 2023, 6(6): 695–703. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ssepvu>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qwinja>

Видовое разнообразие делинквентных молодежных субкультур в современной России: опыт теоретического исследования

Молчанов Артем Андреевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7968-4238

<https://orcid.org/0009-0007-9942-8638>

artem_molchanov_2015@bk.ru

Нятина Наталья Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 9172-7807

<https://orcid.org/0000-0002-8512-3282>

Аннотация: Состояние дезорганизации в обществе является «плодотворной почвой» для развития субкультур среди разных возрастных групп (как положительной, так и отрицательной направленности). С точки зрения инновационного типа адаптации личностью или группой могут разрабатываться определенные ценностные ряды в обновленном формате, актуализирующие другой взгляд на решение существующих противоречий. Одновременно с этим возникают и деструктивные социокультурные объединения, которые готовы пересматривать общепризнанное и принятое. Как следствие, развивается протестная активность, возникают антиобщества (по П. Бергеру). Цель – изучить видовое разнообразие делинквентных субкультур, распространенных среди современной российской молодежи, и рассмотреть причины их возникновения и развития. Осуществляется это посредством подробного изучения существующих подходов к объекту исследования, определения авторской типологии, основанной на социологической интерпретации. Авторами представлены виды молодежных делинквентных субкультур, базирующиеся на анализе их направленности и рисков: субкультуры с возможностью «карьерного продвижения»; субкультуры, направленные на организацию анти-социального досуга; субкультуры, подражающие (копирующие) правила определенных тотальных организаций; субкультуры эскапизма; субкультуры гендерной направленности; уличные субкультуры; субкультуры, чья активность инспирирована скулшутингом. Предложенное видовое разнообразие учитывает те аспекты общественной жизни, которые заслуживают особого внимания исследователей и специалистов. При этом авторы отмечают, что при изучении каждого субкультурного сообщества требуется особый междисциплинарный подход, рассматривающий как социокультурные и правовые адаптационные механизмы, действующие в том или ином обществе, так и причины его формирования и развития в онлайн- и оффлайн-пространствах. **Ключевые слова:** молодежь, субкультуры, субкультурные сообщества, делинквентность, социально опасное поведение, деструктивность, противоправная активность, социальные сети

Цитирование: Молчанов А. А., Нятина Н. В. Видовое разнообразие делинквентных молодежных субкультур в современной России: опыт теоретического исследования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 3. С. 326–337. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-326-337>

Поступила в редакцию 08.02.2024. Принята после рецензирования 24.06.2024. Принята в печать 01.07.2024.

full article

Delinquent Youth Subcultures in Russia: Theoretical Research Experience

Artem A. Molchanov

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

eLibrary Author SPIN: 7968-4238

<https://orcid.org/0009-0007-9942-8638>

artem_molchanov_2015@bk.ru

Natalia V. Nyatina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

eLibrary Author SPIN: 9172-7807

<https://orcid.org/0000-0002-8512-3282>

Abstract: Social disorganization triggers the development of subcultures, both positive and negative. As part of innovative adaptation, a person or a group may update certain sets of values, thus offering an alternative solution to some existing contradictions. Destructive socio-cultural associations, on the contrary, revise and

oppose the generally recognized and accepted values, which leads to protest activity and what Peter Berger defined as anti-societies. The article describes the current diversity of delinquent youth subcultures in Russia and their development. The author designed a typology based on sociological interpretation, affiliations, and risks: 1) subcultures with career prospects; 2) subcultures of antisocial leisure activities; 3) subcultures that imitate certain totalitarian organizations; 4) subcultures of escapism; 5) subcultures of gender orientation; 6) street subcultures; 7) school-shooting subcultures. This classification takes into account those aspects of social life that deserve special scientific attention. Each subcultural community requires a special interdisciplinary approach that would consider its socio-cultural and legal adaptation mechanisms, causes, and online and offline functioning.

Keywords: youth, subcultures, subcultural communities, delinquency, socially dangerous behavior, destructiveness, illegal activity, social networks

Citation: Molchanov A. A., Nyatina N. V. Delinquent Youth Subcultures in Russia: Theoretical Research Experience. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 326–337. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-326-337>

Received 8 Feb 2024. Accepted after peer review 24 Jun 2024. Accepted for publication 1 Jul 2024.

Введение

Современное российское общество представляет собой многоуровневое, динамичное, исторически сложившееся социокультурное образование, проявляемое в функционировании системы социальных институтов, организаций и групп, деятельность которых направлена на обеспечение устойчивого развития как формальных, так и неформальных социальных связей между людьми и их различными объединениями с учетом постоянного обновления практик общественной активности и участия в определенных сообществах. Первостепенное значение отводится правовым и социальным нормам, обращению к которым выступает легальной формой отнесения поведения людей либо к нормативному, либо к девиантному (отклоняющемуся от социальных норм) и делинквентному (антисоциальному, противоправному). Специфика этих норм – в выражении явления группового сознания, легитимирующего представления членов того или иного общества о требованиях к должному поведению его представителей. В идеальном случае реализация контролирующей функции норм происходит путем конструирования поля желательной активности, которая ориентировала бы личность в ее поведении на «должные» и «дозволенные» поступки. Однако при анализе поведенческих практик необходимо учитывать тот факт, что при принятии определенной нормы за поведенческий стандарт отклонения от нее будут осуществляться в противоположные стороны.

Молодежь как уникальная не только демографическая, но и культурная группа находится в состоянии поливариативного выбора жизненного развития, создаваемого многочисленными альтернативами деятельности, которые не всегда отвечают нормативным требованиям. Многоаспектность

делинквентного поведения в молодежной среде связана в первую очередь с многочисленностью средовых факторов его популяризации. Как отмечает В. И. Мищенко, анализ факторов, воздействующих на возникновение делинквентного поведения в молодежной среде, отражает то, что функционирование социальных институтов, таких как семья, образование, досуг и труд, находится в состоянии раскогласованности. Это состояние, в свою очередь, порождает ситуации, при которых молодые люди вынуждены сталкиваться с противоречивыми представлениями о «должном» и «правильном». Это вносит определенные трудности в процесс усвоения норм и требований общества [1, с. 29]. Отдельно стоит отметить актуальность широких возможностей негативного воздействия различных средств массовой коммуникации (интернет-сообществ, форумов, каналов), способных популяризовать противоправные модели поведения среди большого количества молодежи и нормализовать их в молодежной культуре.

Объектом исследования выступают молодежные делинквентные субкультуры, проявление которых в современном обществе поливариантно. Предметная область изучения задается видовым разнообразием данных субкультурных образований, оказывающих непосредственное воздействие на жизненную траекторию личности и внешнюю социальную среду. С методологической точки зрения особую значимость представляет структурно-функциональный подход, который позволяет раскрывать дисфункциональность делинквентных субкультурных образований в современном обществе. Кроме того, совместное применение принципов системности и адаптивности усиливает эффекты (явные и латентные) включенности и интериоризации

ценностей, повышающих рискогенность социального поведения молодых людей. Использование общенаучных методов при изучении данной проблемы позволяет соответствующим образом унифицировать существующие подходы и оценить их жизнестойкость в формате «текущей современности».

Молодежная субкультура является отражением собственной интерпретации и понимания смысловых ценностей и ценностных ориентаций; она показывает дифференциацию социально значимых норм и нередко является самобытной, отличающейся от общепризнанной. Но в то же время именно подобное осмысление молодыми людьми ключевых ориентиров способствует самопрезентации и налаживанию диалога со *значимыми и обобщенными другими*. Субкультуры помогают молодежи идентифицировать себя с референтными социальными группами и интериоризировать определенные ценности (в том числе антиценности), несмотря на мнение и оценки окружающих [2, с. 33].

С точки зрения современных исследователей, для прогнозирования развития механизмов взаимодействия среди молодежных субкультур необходимо изучать закономерности, присущие им. С этой целью рекомендуется проводить анализ различных типов субкультур как существующих, так и ранее существовавших. В работе [2] коллектив авторов предлагает концепцию *базовой субкультуры*, которая определяется на основе обобщения сходных качественных характеристик различных субкультур. Она является условной и выделяется путем определения ключевой особенности, общей сразу для нескольких молодежных субкультур [3, с. 11]. По мнению Е. О. Кубякина, молодые люди, входящие в делинквентные субкультуры, попадают под воздействие изначально романтизированной картины «преступной жизни» и сами становятся соучастниками поддержания подобной иллюзии [4, с. 264]. Поэтому молодежные субкультурные объединения и их видовое разнообразие выступают актуальным объектом социологического изучения. Они обладают способностью определять стиль жизни и мышления своих представителей, которые могут значительно отличаться от общественно одобряемых и нормативно закрепленных стандартов. В этой связи делинквентные субкультуры (чьи ценности и интересы связаны с осуществлением противоправной активности) требуют особого исследовательского и социально-управленческого внимания, т.к., попадая под их влияние, молодые люди рискуют потерять связь с нормативными способами организации своей деятельности, что приведет к дальнейшей маргинализации и криминализации их жизнедеятельности.

Теоретические основы

В нынешней действительности молодое поколение, являясь уникальным сегментом общества, привлекает внимание исследователей и политиков. Современная культура обладает ярко выраженной ориентацией на социальные изменения и инновации, в которых ведущая роль отводится молодежи, ввиду ее большей открытости и восприимчивости к новейшим формам активности. Вследствие этого исследователями отмечается постоянная *пересборка* – обновление ранжированного ряда ключевых ценностей, традиций, которое затрудняет процесс адаптации молодого человека к общественным требованиям [5, с. 164].

Одним из первых социологов, который обосновал и выдвинул гипотезы о возникновении и распространении противоправных субкультур, был А. Коэн. Он отмечал актуальность так называемой *утилитарной делинквентности* и справедливо указывал на ключевую исследовательскую особенность при изучении субкультурных образований: они чаще всего рассматриваются как отражение дисфункциональности семьи как малой социальной группы, социальная связь в которой выполняет ключевую роль в идентификации ценностей и их интериоризации молодым поколением. Итак, социальная связь с низкой интенсивностью и структурной проводимостью (которая наблюдается зачастую в семьях низшей страты) влияет на воспроизведение деструктивных ценностей и способствует включению в *уличные* сообщества [6, с. 121–137].

Американский социолог Н. Смелзер отмечает существование в информационном обществе большого количества его подгрупп, видимость различий которых основывается на специфических ценностях и нормах необходимого поведения. С точки зрения исследователя, именно интериоризированная людьми система норм и ценностей, отличающих одну группу от культурного большинства, называется субкультурой. При этом участники субкультур полностью не отвергают доминирующую (массовую) культуру, а лишь отклоняются от некоторых ее постулатов в пользу альтернативных практик познания мира и удовлетворения потребностей [7, с. 62]. Социальные практики обусловлены, с одной стороны, определенной фазой функционирования общества (позиция «сверху»), с другой – конкретным поведением индивидов и их групп (позиция «снизу»). По мнению П. Штомпки, социальные практики имеют решающее влияние на сознание индивидов, т.к. позволяют получать подтверждение истинности или ложности тех или иных мировоззренческих аспектов и, следовательно, развивать, и отвергать их [8, с. 271–283].

С. Коэн отмечает: в условиях открытого информационного общества, когда происходит непосредственная трансляция различной по стилю, жанру и достоверности информации, усиливается маргинализация социальных групп и упрощается мышление, что приводит к иррациональности в понимании определенных социальных проблем. Подобные культурные потоки могут формировать субкультуру *недоверия*, которая может пронизывать всю систему, а также субкультуру *моральной паники*, позволяющей увидеть линии разлома, в обществе и властные отношения в нем [9, с. 59–65].

Субкультуры, выступая одним из агентов социализации, помогают молодым людям в процессе освоения окружающей действительности. Так, британский социолог М. Брэйк выделяет следующие функции молодежных субкультур [10, с. 23]:

- 1) предложение альтернативных способов решения некоторых проблем, коллективно переживаемых молодым поколением;
- 2) представление возможности отбора значимых элементов, таких как стиль, досуг, идеологий;
- 3) предложение осмысленного жизненного пути в рамках реализации свободного времени;
- 4) актуализирование новых экзистенциальных дилемм для принятия молодыми людьми самостоятельных решений.

Главной особенностью делинквентных субкультур выступает то, что их представители конструируют свои взгляды на основе оппозиции к конвенциональным общественным представлениям о недопустимости преступлений и правонарушений. Личность молодого человека в ситуациях включения в делинквентные субкультурные практики неизбежно попадает под влияние необходимости выстраивать свои действия в строгом соответствии со стандартами социализации криминализованного окружения. Этот процесс сопровождается разнообразными формами проявления демонстративного игнорирования соблюдения законов: обычно путем совершения антиобщественных действий, а также их оправдания и возвеличивания [11, с. 150]. Представители подобных субкультурных сообществ имеют опыт по моральному оправданию своей деятельности. Они предоставляют новичку продуманные поводы дальнейшего следования начатой линии противоправного поведения. Так индивид обучается у более опытных субкультурщиков (теоретически и практически) быть *своим*, т.е. разделять и продвигать взгляды субкультурной группы [12, с. 51–59].

Среди отечественных трудов по типологизации деструктивных субкультур можно выделить работу А. В. Толстых. В ней автор предлагает типологию по направленности деятельности представителей субкультур [13, с. 14]:

- 1) политизированные;
- 2) эколого-этические, ведущие борьбу за окружающую среду;
- 3) нетрадиционные религиозные;
- 4) радикальные молодежные, отличающиеся повышенной агрессивностью;
- 5) образа жизни, формирующие свой образ жизнедеятельности (хиппи, панки, эмо);
- 6) по интересам;
- 7) субкультура *золотой молодежи*.

С. А. Сергеев выделяет типологию молодежной субкультуры, исходя из критерия ценностных ориентаций [14, с. 95–96]:

- 1) романтико-эскапистские (хиппи, толкиенисты);
- 2) гедонистично-развлекательные (рейверы, реперы и пр.);
- 3) криминальные (гопники, урла);
- 4) анархо-нигилистические (панки, металлисты, сатанисты и пр.).

По временному критерию он выделяет традиционные молодежные субкультуры, имеющие достаточно длительную историю (хиппи, панки, битники и др.), и новые, возникшие в последнее десятилетие (толкиенисты, униформисты, металлисты и др.).

Таким образом, среди возможных оснований для типологизации молодежных субкультур можно отметить следующие: принадлежность, взаимоотношения, степень общения, направления деятельности, степень конформности и т.д. При анализе исследователи придерживаются полярных мнений относительно роли субкультурных сообществ в жизни и деятельности молодых людей. Так, с одной стороны, субкультуры призваны обеспечить интеграцию, идентификацию и коммуникацию молодежи в определенной социальной группе, члены которой разделяют общие ценности. С другой – возникновение субкультурных сообществ связано с дисфункциональностью институциональной системы, не в полной мере реализующей свое назначение. Поэтому происходит появление и развитие тех сообществ (в том числе сетевых), которые компенсаторно действуют вне принятой и распространенной системы норм и ценностей, и направлены на самореализацию и интеграцию с опорой на противоправные социальные практики.

Результаты

В настоящее время в исследовательской литературе фрагментарно рассматриваются вопросы видового разнообразия субкультурных сообществ. Особое внимание уделяется криминальным (асоциальным / антиобщественным) субкультурам. Однако следует уточнить, что их виды могут зависеть от ключевого основания, которое и влияет на содержательные (качественные) характеристики данных объединений. Авторы предлагают классифицировать делинквентные субкультуры на следующие виды:

1. Субкультуры с возможностью «карьерного продвижения» (где четко определены роли и возможность смены ролей). Каждая субкультура отличается своей самобытностью и особой контекстуальностью, предполагающей основания вхождения, правила взаимодействия, определенные традиции, распределение функциональных требований. Но, кроме привычных духовных и поведенческих составляющих, она может предполагать определенное ролевое распределение с акцентом на восхождение и нисхождение. Данная возможность привлекательна для молодых людей, т.к. формируется латентная микросистема (дисфункциональная), в которой выстраиваются сети коммуникаций и требования к носителю определенного ранга.

Иллюстративным примером такого типа являются подростковые субкультуры *вымогательства* под руководством более взрослой молодежи (как правило, школьные сообщества в гендерном аспекте – преимущественно мужские). Они выстраиваются по типу *сетевого маркетинга*. Так, организация делинквентной группировки осуществляется следующим образом: основной лидер набирает / выбирает несколько человек 23–25 лет (и старше), каждый из которых организует группу молодежи в возрасте от 20–23 лет, последующие участники осуществляют ту же самую выборку, но уже с людьми намного моложе предыдущих. В результате у каждой группы есть свой локальный лидер [15]. Деньги после передачи *сбытовым агентам* (т.е. локальным лидерам) перемещаются вверх по цепочке – от «старшего» к «старшему», доходя до главного организатора, который, в свою очередь, отдает полученные средства другим агентам криминального мира.

Спортивно-ориентированные группы молодежи также попадают под трансформацию в делинквентные иерархически организованные субкультуры (со своим сленгом, атрибутикой и обязанностями). Примером такой трансформации выступает активность

футбольных фанатов. Среди их субкультурных практик наиболее выделяются так называемые *забивы* – выяснение отношений с фанатами других футбольных команд путем массовых драк, которые могут проводиться и в городском пространстве, и в лесах. Как отмечает С. В. Медников, представителям данной субкультуры важен сам процесс массовых драк (как защиты силы и чести своего клуба). Большинство подобных субкультурных объединений имеют даже устав, необходимый для частичной регламентации действий участников в соответствии с их положением в иерархии. В таком своде правил обычно предписывается количество выездов на *забивы* в другие города, присутствовать на которых обязан каждый участник группировки [16].

Выделяются три основные группы в зависимости от фанатской иерархии. Во главе находятся *хулиганы* – наиболее агрессивные и последовательные члены фан-движения. Они пытаются претендовать на звание элиты, что выражается в их внешнем виде (обычно одежде с клубной символикой). При этом использование атрибутики той или иной команды накладывает на ее владельца ответственность за сохранение и приумножение командной силы. Ниже по иерархии располагаются члены фан-групп. Они немногочисленны (20–40 человек) и обычно формируются по территориальному принципу (фанаты клуба с одного района), что важно для быстрого сбора *своих* в случае необходимости. Внизу вертикали находятся *кузьмичи*. В субкультурной среде так обозначают неорганизованных фанатов, которые не участвуют в выездах [16].

Субкультура уже давно обрела культовый статус. Например, существуют художественные фильмы, отражающие важные аспекты жизни и организации ее участников. Среди них: «Околофутбола» 2013 г. (Россия); «Хулиганы Зеленой улицы» 2005 г. (Великобритания) и др. Популярны у молодежи и околофутбольные интернет-сообщества. Например, сообщество ВК Okolofutbola.TV¹ (70 тыс. подписчиков).

2. Субкультуры, направленные на организацию антисоциального досуга. В современной исследовательской практике строгий субкультурный подход, связанный с символическими актами сопротивления массовой культуре и классовой принадлежностью, подвергается критике. Как отмечает Е. Л. Омельченко, основные идеи представителей постсубкультурных концепций (*неоплемен, сцен*) направлены на отражение временного характера

¹ Okolofutbola.TV. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/okolof> (дата обращения: 31.01.2024).

приверженности тем или иным субкультурным практикам. Специфика включенности современных молодых людей в такие сообщества состоит в эпизодических досуговых взаимодействиях, которые соединяют их разные идентичности. Отодвигаются на второй план вопросы четкой приверженности, маркированности и идеологичности [17, с. 4].

Иллюстрацией субкультуры, направленной на организацию антисоциального досуга, может послужить субкультура *шоплифтеров*, чья активность сосредоточена на магазинных кражах. Возможность поделиться результатами данной деятельности в тематических сообществах выступает главным фактором развития у вовлеченных молодых людей деформированного отношения к ответственности. Как отмечают С. В. Рослякова и Е. Г. Черникова, включение в объединения шоплифтеров наиболее интересно подросткам-авантюристам, которые готовы пойти на демонстративное правонарушение / преступление (в зависимости от суммы украденного) ради внимания сверстников и других участников этого движения [18, с. 211].

Другим примером может послужить молодежная субкультура *ЧВК Редан*, ставшая известной в начале 2023 г. и быстро набравшая популярность в социальных сетях. Она имеет схожее название с преступной группировкой «Геней Редан» из манги и аниме «Hunter x Hunter». Субкультура сформировалась и получила скандальную славу после того, как в московском ТЦ «Авиапарк» произошел конфликт между так называемыми *редановцами* и скинхедами. Данная субкультура в наибольшей степени популяризировалась в подростковой среде. Стилиевыми маркерами участников *ЧВК Редан* выступают татуировки с пауками, длинные волосы, черная одежда (чаще всего с капюшоном) и штаны в черно-белую клетку. В одном из самых популярных одноименных телеграм-каналов² на данный момент состоит 39,5 тыс. участников.

Исследователи отмечают, что в идеологическом аспекте представители *ЧВК Редан* не ассоциируют свою деятельность с экстремистской. Тем не менее среди участников особо популярна противоправная досуговая практика в публичных развлекательных местах, основой которой выступает сбор большими группами (с предварительным планированием и обсуждением в социальных сетях) обычно

для того, чтобы спровоцировать конфликт с представителями других субкультур. Свою активность *редановцы* снимают на видео и делятся ей в тематических сообществах и каналах. Исследователями отмечается, что подобное «включение» подростков в новую субкультуру представляет собой повышенную общественную опасность, заключающуюся прежде всего в расширении круга правонарушителей в молодежной среде [19, с. 79–81]. Также существует риск что стремление к популярному экстремальному досугу (с целью получения нового опыта и эмоций) способно трансформироваться во вхождение в противоправные группы на основе совместного времяпрепровождения с последующим переходом к преступной деятельности.

3. Субкультуры молодежи, подражающие правилам определенных тотальных организаций. Тема делинквентных субкультур нашла свое отражение в опросах общественного мнения. В 2020 г. ВЦИОМ представил результаты опроса, касающегося осведомленности об активности такой субкультуры как *Арестантский уклад един* (АУЕ) и отношения к ней. Было выявлено, что информированность об АУЕ в российском обществе не очень высокая: только один из пяти опрошенных смог ответить, чем именно занимаются представители данной субкультуры (22 %), вдвое больше ответов дала молодежь 18–24 лет (46 %). Более половины россиян считают проблему распространения движения АУЕ (в 2020 г. признано экстремистским и запрещено на территории РФ³) важной и требующей скорейшего решения (62 %). Это мнение чаще встречается среди россиян возраста 60 лет и старше (72 %). Не считают эту проблему важной 19 % россиян, чаще – молодежь 18–24 лет (35 %)⁴.

С точки зрения С. Н. Чируна, формирование и активность субкультуры АУЕ и других криминализованных молодежных движений оказывают значительное отрицательное влияние на процесс социализации молодых людей. В условиях быстрого развития интернет-технологий АУЕ начинает приобретать черты постмодернистского мема, который постулирует жестокость, а также занимается ее скрытым распространением в тех кругах, в которых этого совсем не ожидают. Влияние данной субкультуры затрагивает далеко не только молодежь, т. к. его последователи, уже вышедшие из молодежного

² ЧВК РЕДАН. *Telegram*. URL: <https://t.me/chvkredantg> (дата обращения: 31.01.2024).

³ Верховный суд признал экстремистским и запретил движение АУЕ. *РБК*. 17.08.2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/08/2020/5f3a5acc9a79473da0c66a9f7y> (дата обращения: 23.01.2024).

⁴ АУЕ: угроза реальная или мифическая? *ВЦИОМ*. 15.10.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aeu-ugroza-realnaya-ili-mificheskaya> (дата обращения: 23.01.2024).

возраста, обеспечивают вербовку новичков, рассказывая и показывая им «романтическую» картину преступной жизни. Рядовые участники (обычно юноши 12–17 лет) агрессивно продвигают эту картину «блатной жизни» в среде своих сверстников (чаще всего во дворах и учебных заведениях). Пенитенциарные схемы организации коммуникации и быта (например, *общак*) воспринимаются через игровые установки, интериоризируются в силу психологических особенностей восприятия подростками нового опыта и далее транслируются в их повседневность [20, с. 53–58].

Исследовательское и социально-управленческое внимание к данной субкультуре обосновано демонстрацией ее представителями хоть и иллюзорных, но все же привлекательных для многих ценностей и способов устройства в жизни. В среде АУЕ такие конвенционально значимые социальные лифты как образование, работа и другие способы нормативной мобильности, не в почете. Они подменяются на прохождение «школы жизни» (получение «черного диплома») путем пребывания в местах лишения свободы.

Коллектив авторов Кубанского государственного университета, исследуя причины молодежной (нео)криминализации и влияния на нее делинквентной субкультуры АУЕ, отмечает, что в процессе социализации подростков важную роль играют межличностные взаимодействия со значимыми референтными и другими группами. В рамках исследования были выявлены авторитетные для подростков люди (из числа старших по возрасту), опыт которых важен для них, и поэтому они готовы брать с них пример. Согласно результатам, у большей части респондентов (43,5 %) в качестве авторитетного человека выступает один из родителей. Для пятой части респондентов (20,9 %) не существует значимого взрослого. Для 10,6 % – один из родственников, для 7,3 % – друг или знакомый, для 6,5 % – старшие брат или сестра [21, с. 121]

4. Субкультуры эскапизма. Эскапизм как тип социальной адаптации описал представитель структурно-функционального подхода – американский социолог Р. Мертон. Исследователь отмечает, что люди с таким типом поведения не принимают цели общественного развития и те средства, которые приемлемы и допустимы. Эскаписты изолированы от внешнего мира, не осваивают доступную социальную практику, не выстраивают сети реальной социальной коммуникации.

Ярким примером данной субкультуры в цифровом пространстве является объединение хикикомори. *Хикикомори* – это японский термин, применяемый в отношении людей, которые остаются «запертыми» в локализованном пространстве, изолированными от всех в течение длительного времени. Так называемые *хикки* добровольно отказываются от социальной жизни и стремятся к полному социальному уединению.

В современных исследованиях представителей такой субкультуры называют цифровыми отшельниками и сравнивают с представителями социального дна. Ключевые акценты философии хикикомори: уверенность в непонимании, отсутствии любви со стороны близких, собственной ненужности, а также отсутствие смысла в существующей организации жизненного и социального порядка. Такие основания являются основой «пограничной ситуации», которая подталкивает «молодого человека к тому, чтобы оставить мир и уйти в своеобразный виртуальный монастырь» [22, с. 44]. В Японии численность хикикомори дошла до одного миллиона человек (при общей численности населения 129 млн). Первому поколению хикки в Японии сегодня уже за 40 лет, стаж их изоляции составляет более 20 лет, в других же странах хикикомори – это преимущественно молодые люди и подростки [22, с. 41–46].

В настоящее время в сообществе ВКонтакте *Hikikomori*⁵, созданном в 2011 г., состоит 580204 пользователя. Если исходить из аннотации сообщества, особое внимание *Hikikomori* уделяет людям, у которых проблемы с социальной адаптацией, а ключевой вектор размещаемого контента – развлекательный. Вот наиболее характерные фразы, популярные в группе: *Да и кому нужен такой, как я?; Извини, но у меня свой мир; Будь готов к боли. Люди бросят тебя при первой возможности; Я бесполезный человек. Не вижу смысла в этом мире; Иногда мне кажется, я не из этого мира; Внешний мир пугает, поэтому я посижу тут немного; Никто меня не ждет; Все люди мерзкие.* Такая социально-психологическая позиция не дает основы для рационального осмысления происходящих событий, а манипуляция сознанием в цифровом пространстве вполне может привести к антисоциальным поступкам. Так, второй пост в ленте данного сообщества такой: *8 фильмов и сериалов с точки зрения убийцы.* И далее следует описание причин, почему данное кино может заинтересовать подписчиков. Подобная аннотация не совпадает с описанием самого сетевого субкультурного

⁵ Hikikomori. ВКонтakte. URL: <https://vk.com/hikikomorii> (дата обращения: 31.01.2024).

объединения, где указано, что они оказывают «поддержку людям, у которых проблемы с социальной адаптацией»⁶.

5. Субкультуры гендерной направленности. Учитывая современную диверсификацию субкультурных объединений и возможность создания закрытых сетевых сообществ, которые заслуживают особого внимания со стороны специалистов и исследователей, происходит распространение таких сообществ, отрицающих сложившиеся культурные ценности и ценностные ориентации.

Социально-психологическая дезадаптация, принадлежность к негативной социальной позиции, деструктивная форма взаимодействия с девушками / женщинами стали основой для создания и последующего распространения субкультуры *инцелов* (от англ. *involuntary celibates* – вынужденный целибат). Виртуальная коммуникация его представителей воплощается в реальных противоправных деяниях, опасных для жизни и здоровья женщин. Уверенность в гендерном превосходстве способствует тому, что мужчины готовы нарушать существующие правовые нормы и открыто в этом признаваться⁷.

Чаще всего термином *инцел* описывают мужчин (в возрасте до 30 лет), которые испытывают перманентный негативный опыт в общении с противоположным полом, выплескивая агрессию и обиду в различных онлайн-сообществах (как тематических, так и нейтральных). Женщины обвиняются ими в том, что в качестве сексуальных партнеров они выбирают преимущественно успешных и привлекательных мужчин. Субкультурная идентичность инцелов выстраивается на основе общей невосребованности и сексуальной пассивности, при этом всю вину за это они возлагают на противоположный пол. Соответственно, в их кругах нередки призывы к изнасилованиям и другим аморальным действиям. Распространены взгляды, направленные на оправдание объективации и дискриминации женщин. В случаях с домогательствами вина автоматически приписывается жертве (на ней были вызывающие одежда и / или косметика, яркие аксессуары и т. п.).

В российском сегменте данной субкультуры популярно такое движение, как *Мужское государство* (с 2021 г. признано экстремистским и запрещено на территории РФ⁸). Сетевая активность данного движения основывается на травле, кибербуллинге

и публикациях, порочащих честь и достоинство конкретных женщин. Особо радикальные представители инцел-субкультуры разделяют извращенные деструктивные идеи био- и социал-дарвинизма, воспринимают насилие над женщинами как «норму» и «право сильного» [23, с. 140].

6. Уличные субкультуры. Несмотря на интенсивный переход активности молодежи в онлайн-формат в современной российской действительности, ИРЛ-практики (от англ. *in real life*) продолжают сохранять востребованность как один из важнейших способов коммуникации, выстраивания идентичности, а также самовыражения и самопрезентации. Среди сохраняющих популярность субкультур в городском пространстве наиболее выделяются граффити-райтеры. *Граффити* (от итал. *graffito* – начерченный) выступает одним из распространенных видов городского современного искусства. Тексты и рисунки, обычно наносимые при помощи аэрозольной краски и трафарета на поверхности различных зданий и габаритные предметы (гаражи, вагоны поездов, ограждения, билборды, лифты и т. п.), призваны публично демонстрировать художественное самовыражение молодых людей. Соответственно, значимость данной субкультурной практики заключается в большом диалогическом потенциале субкультурной молодежи [24, с. 56].

Граффити как форма коммуникации позволяет молодым людям выражать и отстаивать свою социальную, политическую и нравственную позицию. Однако некоторые исследователи обращают внимание на то, что в подобной изобразительной деятельности молодежь стремится к символическому протесту по отношению к ценностям официальной культуры и к социальным и правовым нормам. Таким образом, граффити – это художественная субкультурная форма девиантного (а в некоторых случаях и делинквентного) поведения, распространенная преимущественно в молодежной среде.

В связи с этим возникает вопрос о том, в каких случаях можно рассматривать нанесение граффити как правонарушение? По мнению А. В. Скорика, важным фактором такой неоднозначности выступает политика двойных стандартов. С одной стороны, несанкционированные граффити (вне зависимости от их расположения и меседжа) осуждаются и принимаются за вандализм, а с другой – услуги

⁶ Там же.

⁷ Водитель фургона-убийцы в Торонто оказался женоненавистником. *Российская газета*. 25.04.2018. URL: <https://rg.ru/2018/04/25/voditel-furgona-ubijcy-v-toronto-okazalsia-zhenonenavistnikom.html> (дата обращения: 27.01.2024).

⁸ «Мужское государство» признали экстремистским и запретили в России. *РБК*. 18.10.2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/10/2021/616d73739a7947f9a54f55f0> (дата обращения: 27.01.2024).

граффити-райтеров могут официально использоваться для художественного оформления городских проектов (часто по заказу местной администрации), и тогда результат их деятельности будет определяться как публичное искусство [25, с. 68].

В России интернет-сообщества культуры граффити также являются значимым местом коммуникации и популяризации данной субкультуры (не все подписчики являются действующими граффити-райтерами). Среди тематических сообществ в социальной сети ВКонтакте наиболее популярным на данный момент является ГРАФФИТИ СОЮЗ⁹ (178 тыс. подписчиков). Следует отметить, что развитие данной субкультуры в силу ее открытости и публичной демонстрации сложно проигнорировать еще и потому, что ее практики трансформируются в инструмент политических игр (как провластных, так и оппозиционных). Граффити начинает рассматриваться в роли «нового медиа» для достижения различных целей по воздействию на ценности и интересы молодежи.

7. Субкультуры, чья активность вдохновлена скулшутингом. Скулшутинг – феномен насильственных противоправных деяний, реализуемых в образовательном пространстве, направленный на покушение на жизнь и здоровье участников учебного процесса (от англ. *school shooting*). Он возник в начале XX в., но получил распространение лишь в конце XX в. в связи с эффектом *Колумбайн* – массовой волной вооруженных нападений учеников на школы (по аналогии с инцидентом 1999 г. в одноименной школе США, получившим широкое освещение в СМИ). Современные исследователи определяют следующие особенности скулшутинга [26, с. 95–96]:

- связи с радикальными кругами в онлайн и офлайн имеют определяющую роль для установления и поддержания одиночными субъектами мотивов и способности совершать противоправные инциденты;
- первостепенное значение для возникновения и распространения данной субкультуры играют социальные связи;
- по социальным связям одиночки не являются «неопределяемой угрозой», они нарушают нормы операционной безопасности, маркируя свое социальное поведение;
- при определенных обстоятельствах одиночки, развивая и поддерживая устойчивые социальные связи, интегрируются в более крупные радикальные сообщества и движения.

Виртуальная сеть скулшутеров выходит за рамки формальных границ в онлайн-сообществах, т.к. среди их ближайших участников диагностируются сотни, а иногда и тысячи пользователей, которые в разной степени приобщены к скулшутеровской или смежным по тематике делинквентным онлайн-субкультурам. Как следствие, малочисленность сообществ не отражает реальную картину опасности, поскольку в действительности его потенциальная база более значительна и может в десятки раз превышать количество действующих подписчиков [27, с. 372]. Современные исследователи отмечают, что при анализе постов в социальной сети ВКонтакте можно группировать тематические субкультурные сообщества по трем типам данных: 282 публичные группы, содержащие деструктивный контент по скулшутингу; 12 открытых аккаунтов подтвержденных скулшутеров; 1022 действующих аккаунта, в которых выявлен интерес к скулшутингу [28, с. 187–188].

Антисоциальная направленность данной субкультуры законодательно закреплена, а в социальном аспекте способствует массовой панике, росту социальной напряженности. Тем не менее сообщения представителей данного сообщества находят отклик среди молодых людей. В [29] работе отмечено, что наблюдается сращивание субкультуры *колумбайн* с различными «играми смерти», а также с объединениями террористической направленности (например, *Маньяки. Культ убийства* – МКУ). Среди интересов представителей данного движения выделяют: феномен скулшутинга; оружие; радикальные политические идеологии и религии; биографии известных скулшутеров / маньяков / террористов и т.п. Исследователями также были выделены типичные черты колумбайнера в России: подросток (15–19 лет) с нормальными показателями интеллекта и социальной активности; зачастую воспитание в неполной семье; владение навыками планирования и техническими познаниями в области огнестрельного оружия и взрывчатки [29, с. 211–213].

Рассмотренные делинквентные субкультуры являются объектом междисциплинарного анализа: с правовой точки зрения антиобщественные деяния квалифицируются как преступления, и в ответ на их совершение накладываются определенные формальные санкции; с социологической – внимание обращено на особенности социального взаимодействия в субкультурных сообществах, дифференциацию ценностей и их определенную трансляцию, преобладание субкультурных практик через

⁹ ГРАФФИТИ СОЮЗ. *ВКонтакте*. URL: <https://vk.com/graffitiunion1> (дата обращения: 27.01.2024).

обучение им. Социальная диагностика позволяет определять маркеры деструктивного участия, цифровые следы данной активности.

Заключение

Делинквентные субкультурные сообщества претендуют на определенную инвариантную основу (отрицание сложившихся норм, ценностей, социально одобряемых практик; социальная интеграция на основании собственного видения социальной действительности). Каждое объединение по-своему уникально, т. к. вырабатывает латентные и открытые формы противостояния социальным, правовым нормам и поддерживающим их институтам. При этом эти формы (преимущественно основанные на агрессии, отчуждении, безответственности, жестокости) морально оправдываются активными представителями субкультуры для облегчения вовлечения новых участников. Направленность делинквентных субкультурных сообществ разнообразна: от организации досуговых практик в деструктивных формах до уголовно наказуемых радикальных антиобщественных деяний. Такое разнообразие не позволяет агентам социализации и субъектам социального управления применять традиционные, адаптивные приемы и технологии. К каждому деструктивному субкультурному объединению требуется особый подход, основанный на сочетании социокультурных и правовых интегративных механизмов, а также на изучении причин его формирования и развития в онлайн- и офлайн-пространствах. Это необходимо, поскольку латентный характер сообществ формирует новые риски криминализации молодежи

в современном обществе, с трудом поддающиеся анализу и разработке конкретных проектов и программ, направленных на минимизацию антиобщественного субкультурного воздействия на молодое поколение.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining». <https://rscf.ru/project/24-28-01230/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 24-28-01230: Social and political mobilization of constructive and destructive type in the conditions of multiple network worlds of Siberian regions of resource development: possibilities of using data-mining tools, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01230/>

Литература / References

1. Мищенко В. И. Особенности делинквентного поведения учащейся молодежи. *Мир науки, культуры, образования*. 2015. № 5. С. 29–31. [Mishchenko V. I. Features of delinquent behavior of students. *Mir nauki, kulturny, obrazovaniia*, 2015, (5): 29–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxuscl>
2. Канаян В. А., Козлов А. А., Гушин В. А., Бугаков И. С. Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга: теория, практика, методы профилактики экстремизма. СПб.: Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями, 2008. 277 с. [Kanaian V. A., Kozlov A. A., Gushchin V. A., Bugakov I. S. *Informal youth communities of St. Petersburg: Theory, practice, methods of preventing extremism*. St. Petersburg: Komitet po molodezhnoi politike i vzaimodeistviu s obshchestvennymi organizatsiiami, 2008, 277. (In Russ.)]
3. Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. 261 с. [Omelchenko E. L. *Youth cultures and subcultures*. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2000, 261. (In Russ.)]
4. Кубякин Е. О. Криминализация молодежной культуры в условиях современного информационного общества. *Общество и право*. 2010. № 2. С. 263–267. [Kubyakin E. O. Criminalization of youth culture in the context of modern information society. *Society and law*, 2010, (2): 263–267. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndayef>
5. Скакун А. С. Основные подходы к дефиниции понятий «молодежная культура» и «молодежные субкультуры». *Регионоведение*. 2014. № 3. С. 164–173. [Skakun A. S. Basic approaches to definition of the concepts

- of "youth culture" and "youth subculture". *Russian journal of regional studies*, 2014, (3): 164–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/svroef>
6. Cohen A. K. *Delinquent boys: The culture of the gang*. NY: The Free Press of Glencoe, 1955, 202.
 7. Смелзер Н. Дж. Социология. М.: Феникс, 1994. 687 с. [Smelser N. J. *Sociology*. Moscow: Feniks, 1994, 687. (In Russ.)]
 8. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 414 с. [Sztompka P. *The sociology of social change*. Moscow: Aspekt Press, 1996, 414. (In Russ.)]
 9. Коэн С. Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров. 2-е изд. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 352 с. [Cohen S. *Folk devils and moral panics: The creation of the mods and rockers*. 2nd ed. Moscow: HSE, 2022, 352. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2926-3>
 10. Brake M. *Comparative youth culture. The sociology of youth culture and youth subcultures in America, Britain and Canada*. 1st ed. London: Routledge, 1985, 238. <https://doi.org/10.4324/9780203408940>
 11. Шереужева О. Х., Хубиев Б. Б. Социальное управление делинквентными субкультурами. *Журнал научных статей «Здоровье и образование в XXI веке»*. 2016. Т. 18. № 3. С. 149–153. [Shereuzheva O. H., Hubiev B. B. Social management of delinquent subcultures. *The journal of scientific articles "Health and education millenium"*, 2016, 18(3): 149–153. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfayfx>
 12. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018. 270 с. [Becker H. S. *Outsiders: Studies in the sociology of deviance*. Moscow: Elementary forms, 2018, 270. (In Russ.)]
 13. Толстых А. В. Подросток в неформальной группе. М.: Знание, 1991, 79 с. [Tolstykh A. V. *A teenager in an informal group*. Moscow: Znanie, 1991, 79. (In Russ.)]
 14. Сергеев С. А. Молодежные субкультуры в республике Татарстан. *Социологические исследования*. 1998. № 11. С. 95–102. [Sergeev S. A. Youth subcultures in the Republic of Tatarstan. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1998, (11): 95–102. (In Russ.)]
 15. Ханипов Р. А. Делинквентность: современные подростковые сообщества и подростковые практики. *Социологические исследования*. 2007. № 12. [Khanipov R. A. Delinquency: Modern teenage communities and adolescent practices. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2007, (12). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opcwqp>
 16. Медников С. В. Психологические составляющие агрессивного поведения футбольных болельщиков: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 144 с. [Mednikov S. V. *Psychological components of aggressive behavior of football fans*. Cand. Psychol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2012, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qfyryn>
 17. Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 1. С. 3–27. [Omelchenko E. L. Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique? *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 2019, (1): 3–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>
 18. Рослякова С. В., Черникова Е. Г. Современные формы девиантного поведения подростков и их социальная профилактика. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2021. Т. 10. № 1. С. 209–212. [Roslyakova S. V., Chernikova E. G. Modern forms of deviant behavior of adolescents and their social prevention. *Azimuth of scientific research: Pedagogy and psychology*, 2021, 10(1): 209–212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/waryns>
 19. Жилкин М. Г., Шемчук С. Ю. «ЧВК "РЕДАН"»: феномен популярности деструктивной субкультуры. *Сибирский юридический вестник*. 2023. № 4. С. 78–84. [Zhilkin M. G., Shemchuk S. Yu. "PMC "REDAN": The phenomenon of popularity of destructive subculture. *Siberian law herald*, 2023, (4): 78–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.4.78>
 20. Чирун С. Н. Молодежное «АУЕ» как интегральный феномен российского постмодерна. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 1. С. 49–65. [Chirun S. N. AUE youth organization as an integrated phenomenon of the Russian postmodernity. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 2019, (1): 49–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.03>
 21. Хагуров Т. А., Чепелева Л. М., Остапенко А. А., Русия Н. Т., Иванова М. С., Крышкина А. С., Хагурова С. Т., Чепелева А. А. «АУЕ»: основные формы и причины подростковой неокриминализации в современной России. Опыт социологического исследования. Краснодар: КубГУ, 2021, 212 с. [Khagurov T. A., Chepeleva L. M., Ostapenko A. A., Rusiia N. T., Ivanova M. S., Kryshkina A. S., Khagurova S. T., Chepeleva A. A. *AUE: Forms and causes of juvenile delinquency in modern Russia. The experience of sociological research*. Krasnodar: KubGU, 2021. 212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lqzpxf>

22. Баева Л. В. Эскапизм в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти». *Ценности и смыслы*. 2018. № 2. С. 39–54. [Baeva L. V. Escapism in digital socium: From hikikomori to "groups of death". *Values and meanings*, 2018, (2): 39–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xqodnr>
23. Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений. *Lex Russica*. 2022. № 11. С. 131–148. [Nikishin V. D. Harmful information in Internet media: The "Overton window" and the relationship of destructive network currents. *Lex Russica*, 2022, (11): 131–148. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.131-148>
24. Самыгин С. И., Касьянов В. В., Шилина Н. А. Граффити как явление художественных субкультурных практик в молодежной среде. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. № 8. С. 55–58. [Samygin S. I., Kasyanov V. V., Shilina N. A. Graffiti as a phenomenon of artistic subcultural practices in youth environment. *Humanities, social-economic and social sciences*, 2018, (8): 55–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/saavxt>
25. Скорик А. В. Граффити как субкультура вызова и протеста. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2016. Т. 6. № 1. С. 63–69. [Skorik A. V. Graffiti as a subculture of provocation and outcry. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2016, 6(1): 63–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vprhcr>
26. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? *Власть*. 2021. Т. 29. № 1. С. 93–108. [Karpova A. Yu., Maksimova N. G. School shooting in Russia: What matters? *Power*, 2021, 29(1): 93–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920>
27. Чудинов С. И., Сербина Г. Н., Мундриевская Ю. О. Сетевая организация скулшутеров в социальной сети «ВКонтакте» на примере фанатского сообщества «керченского стрелка». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 4. С. 363–383. [Chudinov S. I., Serbina G. N., Mundrievskaya Y. O. School shooting network on VKontakte: Case study of a fan community dedicated to "kerch shooter". *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 2021, (4): 363–383. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1740>
28. Гриненко У. Б., Ромеро Рейес И. В. Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике «скулшутинг» в социальной сети «ВКонтакте». *Психология и право*. 2021. Т. 11. № 4. С. 180–195. [Grinenko U. B., Romero Reyes I. V. Semantic analysis of digital destructive content of school shooting in the social network "VKontakte". *Psychology and law*, 2021, 11(4): 180–195. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110413>
29. Силантьев Р. А., Чекмаев С. В., Рагозин Ю. Г. Сатанисты против «биомусора». История мизантропической идеологии в России, или Убей биомусор! М.: Снежный ком, 2022. 222 с. [Silantev R. A., Chekmaev S. V., Ragozin Iu. G. *Satanists are against bioscum. The history of misanthropic ideology in Russia, or Kill the bioscum!* Moscow: Snezhnyi kom, 2022, 222. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/yljads>

Самооценка преподавателя вуза в контексте современных медиа

Проскурина Александра Сергеевна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3551-1169

<https://orcid.org/0000-0002-2108-1415>

asproskurina@fa.ru

Аннотация: Существует неразрывная связь между самооценкой, развитием личности и социальным контекстом, задающим направленность жизни человека. Цель статьи – раскрыть данную связь, в рамках которой личность индивида влияет на его профессиональный успех. Такое воздействие отчетливо проявляется в работе современного преподавателя вуза как в медиапространстве, так и в немедийном пространстве. Роль педагога меняется вместе с развитием общественных отношений и на сегодняшний день имеет характер части процесса складывания культурного капитала и информационной экономики. Профессиональная самооценка преподавателя, выражаемая в управленческих метриках, определяет то, насколько успешно он выполняет эту функцию. Сами же метрики демонстрируют существование *социального контракта* между профессионалом и обществом, в котором профессионал предлагает свои умения и навыки и ожидает соответствующего вознаграждения, влияющего на его самооценку и на их (профессионала и общества) дальнейшее взаимодействие. Профессия преподавателя вуза в этом контексте имеет ряд особенностей: наличие студента как актора; формальные требования администрации вуза; способность удовлетворять потребность учащихся в личностном контакте в условиях стандартизации и массового производства информации. На основе анализа теории и практики данного вопроса преподавателю вуза предлагаются рекомендации, направленные на поддержание самооценки: 1) развитие эмоционального интеллекта; 2) управление впечатлением; 3) различение. В статье приведены элементы медиаприсутствия, с помощью которых их можно выполнить.

Ключевые слова: социальный анализ Интернета, профессиональная самооценка, самооценка преподавателя вуза, современный преподаватель, высшее образование, преподаватель вуза

Цитирование: Проскурина А. С. Самооценка преподавателя вуза в контексте современных медиа. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 3. С. 338–348. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-338-348>

Поступила в редакцию 24.06.2024. Принята после рецензирования 31.07.2024. Принята в печать 05.08.2024.

full article

Self-Esteem in University Educator and Contemporary Media

Aleksandra S. Proskurina

Financial University Under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3551-1169

<https://orcid.org/0000-0002-2108-1415>

asproskurina@fa.ru

Abstract: Self-esteem and personal development depend on the social context. This article describes this correlation, within which personality affects the professional success. Such an impact is manifested in the work of a modern university educator, both in the media space and beyond. The social role of the teacher changes together with public relations: today, it is part of cultural capital and information economy. The professional self-esteem of a university educator, expressed in managerial metrics, determines their performance. The metrics can reveal a social interaction between the specialist and the society, where the specialist exchanges skills for reward, which affects the self-esteem and further interaction. The work of a university educator depends on the presence of the student as an actor, formal requirements of the university administration, and the ability to meet the students' need for personal contact under standardization and mass production of information. The article gives university teaching personnel

some recommendations on maintaining self-esteem connected with the development of emotional intelligence, impression management, and identification. The recommendations are supported by media presence cases.

Keywords: social analysis of the Internet, professional self-esteem, self-esteem of a university educator, modern educator, higher education, university educator

Citation: Proskurina A. S. Self-Esteem in University Educator and Contemporary Media. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 338–348. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-338-348>

Received 24 Jun 2024. Accepted after review 31 Jul 2024. Accepted for publication 5 Aug 2024.

Введение

Самооценка – это:

1) одновременно и психологический, и социальный феномен, отражающий социальную адаптацию личности и представления человека о важности себя и своей деятельности для мира в целом [1];

2) собрание социально-значимых функций, которые индивид освоил за свою жизнь и реализует в конкретной деятельности [2, с. 142].

Человек неотделим от своей деятельности как в науке, так и в современной жизни. Эта статья посвящена рассмотрению данной неотделимости, в частности, в работе современного преподавателя вуза.

Личность – это в некотором роде соединение внутреннего и внешнего откликов. Первый связан с ее самосознанием и формируется в том числе через профессию, когда человек *присваивает* результаты своей деятельности и делает их частью своего *скиллсета* – набора навыков. Второй отклик указывает на осознание целостности индивида обществом, которое дает понять, что человек адекватен, что он ведет себя в соответствии с коллективными нормами и ценностями. В социологии, например, термин *самость* определяется именно как двухсторонний вариант формирования личности, имеющий как компонент от себя, так и компонент внешних воздействий. Двусложная социальность личности – характеристика, которая свойственна человеку в силу условий его развития как биологического вида. Так, Д. П. Макадамс констатирует следующий факт: человек изначально формируется как актер, выполняющий социальные действия для достижения примитивных, а затем и более сложных целей [3].

Социальность личности является компонентом выживания человека. Она сформировалась как инструмент противостояния вызовам природы, справляться с которыми получалось лучше коллективными усилиями. Д. П. Макадамс отмечает, что складывание идентичности является важным элементом развития личности. Идентичность трактуется им как расширение функций индивида в качестве социального актора и мотивированного агента

отношений. По мере взросления человек осваивает способность выполнять новые социальные роли, укрепляя при этом основные черты личности и характера. Люди развиваются в индивидуальных и особенных формах, однако необходимость принятия социальных ролей обучает их управлять ожиданиями и тем навыкам, которые востребованы в обществе на данный момент. Кроме того, идентичность предполагает наличие целей, планов, проектов и ценностей – того, что делает человека мотивированным агентом [3].

Социологическая перспектива взгляда на анализ профессии современного преподавателя вуза требует постановки ряда вопросов:

1. Насколько личность связана с успехом человека в профессии?
2. Возможно ли управление личностным аспектом для достижения лучших результатов?
3. Почему именно в преподавательской профессии личность сегодня играет значимую роль, несмотря на повышение уровня стандартизации преподавательской деятельности?
4. В чем особая социальная значимость *человечности* педагога в вузе?

Ответ на них дает возможность по-новому взглянуть на реалии, постепенно становящиеся для нас привычными: ведение социальных сетей; эмоциональный интеллект; человеческий фактор и управленческие метрики, применяемые в организациях.

Результаты

В преподавании складывание педагогической идентичности предполагает наличие перечисленных выше компонентов. Преподаватель – это индивид, находящийся в особых отношениях с обществом, т. к. обладает уникальным набором навыков и функций. Его идентичность дает возможность занимать более высокую позицию во время общения, достигаемую при признании обществом важности распространения знаний [4]. Их секуляризация, т. е. отделение от профессиональной практической деятельности,

осуществляется через социальную роль преподавателя как агента обеспечения новых форм стабильности. Одновременно с появлением социальной роли педагога меняется и социальная роль ученика: он перестает быть пассивным, принимающим информацию внутри семейной или клановой системы, и стремится к автономному познанию, добровольному освоению нового в самостоятельно сформулированных для себя целях. В таком осмыслении социальный компонент личности преподавателя является частью более широкого контекста трансформации общественных отношений, связанных в том числе со становлением информационной инфраструктуры и развитием массовой коммуникации.

Информация, обмен информацией, обладание информацией и ее передача становятся ценностями, которые можно обменивать на все, необходимое человеку для выживания. По мнению П. Бурдые, знания в форме образования (процесса и результата) – часть культурного капитала, который (в отличие от трех других типов капиталов) крайне сложно получить через конвертацию [5]. Преподаватель же в своей посреднической позиции помогает студентам в приобретении большого объема социальных и материальных благ.

Так или иначе, для обоих типов откликов (внешнего и внутреннего) источником является взаимодействие с внешним миром. Человек не может осознать себя как личность без сравнения с другими людьми. В результате этого процесса складываются три варианта самооценки [6]:

1. *Заниженная* – продукт негативного внешнего отклика, из-за которого индивид больше всего осознает риск исключения из общества. Например, преподаватель из-за этого может идти на поводу у студентов, брать на себя больше учебно-методической нагрузки или постоянно соглашаться на замены за частую во вред себе.

2. *Адекватная* – это способность *фильтровать* обратную связь от мира и себя самого, выраженная в концепции *зеркального Я* Ч. Х. Кули. Социолог утверждает, что внутри каждого человека есть воображаемое зеркало, через которое он на себя смотрит и которое дает проекцию предполагаемого восприятия человека обществом, т.е. человек совершает действие, потом предполагает, как на него могут отреагировать, и в соответствии с этим меняет свое поведение [7]. Гибкость данного подхода в том, что есть возможность самостоятельного регулирования воздействия внешнего отклика на субъекта. Преподаватель с адекватной самооценкой в качестве такого зеркала может поставить самого себя в студенческие годы. Тогда планируемые им по отношению

к студентам действия будут проходить через линзу потенциальной реакции от внезапно более понятной и принимаемой преподавателем личности.

3. *Завышенная*. Здесь важно указать на теорию А. Адлера – психолога, изучавшего, как меняется самооценка вследствие социализации и собственно социального существования человека. По его мнению, опыт заставляет субъекта компенсировать происходящее через изменение своего поведения и самоощущения [8]. В подходе А. Адлера компенсация радикальная: комплекс неполноценности восполняется чрезмерностью самооценки. Подобное можно увидеть и в преподавательской среде: например, в коллектив приходит новый педагог, к которому на старом месте работы относились плохо, и, чтобы избежать повторения этого опыта, он может не идти на контакт со студентами, грубить коллегам и выставлять жесткие требования.

Важным аспектом эффективной трудовой деятельности человека является его сложившаяся профессиональная самооценка, включающая [9]:

1) профессионально определяемое чувство достоинства;

2) осознание своей социальной значимости и того, в чем заключаются полезные для общества результаты личной профессиональной деятельности;

3) уверенность в собственном успехе, что позволяет продолжать заниматься делом, даже если оно периодически не приносит удовольствия.

Профессиональная самооценка тесно связана с таким явлением, как *выгорание* (*синдром выгорания*) – реакцией организма на хронический стрессовый характер условий труда, приводящий к эмоциональному истощению, потере мотивации и уменьшению объема принимаемых на себя обязательств. Это состояние особенно характерно для тех, чья работа связана с взаимодействием с людьми. Выделяется три структурных компонента выгорания: эмоциональное истощение, деперсонализация (неспособность вовлекаться в общение на любых его уровнях, отстраненность от происходящего) и ощущение отсутствия или незначительности личных достижений [10].

Для описания взаимосвязи самооценки и профессиональной деятельности применяется аббревиатура OBSE (*Organization-Based Self-Esteem*). Эта форма, построенная на основе опыта американских работников в различных секторах экономики, была сформулирована и объяснена Дж. Пирсом в 1989 г. как широкая рамка для описания самооценки индивида в связи с различными аспектами его профессиональной деятельности [11]. Когда осуществляются замеры OBSE, то производится оценка уверенности

сотрудника в том, что он способен на многое, что он значим для организации и достоин своего рабочего места.

Данное сокращение (OBSE) встречается во многих работах, в которых ученые стремятся выявить, какую долю самооценка занимает в трудовой деятельности, насколько она определяет успех в работе. Исследования, проведенные в организационной среде, подтверждают важность этой формы в прогнозировании отношения, поведения и здоровья сотрудников. Например, мета-аналитические обзоры связывают OBSE с такими ключевыми организационными результатами, как *удовлетворенность* работой, *лояльность* и *вовлеченность*. Другие научные изыскания показывают значительные положительные корреляции OBSE с эффективностью работы, внеарольной эффективностью (организационным гражданским поведением), а также значительные отрицательные корреляции с намерением смены места работы. Так, в исследовании коллектива авторов, реализованном в 2008 г. с участием выпускников университетов 1970–1999 гг.¹, была выявлена положительная корреляция между OBSE и личным ощущением поддержки от организации, взаимодействием между работником и лидером и определена отрицательная корреляция между OBSE и степенью невротичности [12].

OBSE как метрика раскрывает целый ряд характеристик взаимодействия между сотрудником и работодателем, основой которых являются ощущения работника, его убеждение в том, что он – важная часть места, в котором трудится; с ним считаются; его отсутствие и присутствие влияет на состояние организации. Например, в исследовании работников трех государственных предприятий Китая² была подтверждена теоретически обоснованная гипотеза о главных компонентах обстановки на работе, указывающих на чувство собственной важности работника [13]:

- 1) структура рабочего пространства и практики управления (в том числе неформальные практики и возможность участия в управлении);
- 2) сигналы от *значимых других* в организации (поддержка сотрудника и подчеркивание его значимости руководством);
- 3) осознание эффективности и компетентности, порождаемое прямыми личными результатами труда в организации.

Еще одним компонентом является система социальных обязательств, определяемых как коммуникативными и юридическими договоренностями, так и психологическими внутренними убеждениями индивида [14]. Человеком интериоризируется некий *социальный контракт*, который заключается между ним и работодателем. Такой контракт – продолжение идеи о двухкомпонентном составе личности, демонстрирующий существование индивидуального и социально-детерминированного в поведении сотрудника. Соотношение между индивидуальным и социальным относительно OBSE можно отразить следующим образом, представленным на рисунке³.

При этом ощущение контракта может быть исключительно индивидуальным, что к тому же коррелирует с социологическим пониманием отношений: они строятся на социальном действии, т. е. действии, сознательно направляемом на других с определенной целью. Однако понимание того, как оно должно выглядеть, что определяет успешность достижения цели во взаимодействии, остается субъективным. Итак, успешность социальных взаимодействий как систем взаимонаправленных социальных действий зависит от успешности социализации индивида и степени освоения им общепринятых систем знаков, символов и обменов. Складывание таких контрактов может входить в сферу деятельности HR-подразделений и руководства, т. к. формирование социальной договоренности усиливает интеграцию индивида и, как следствие, способствует повышению его комплексной профессиональной самооценки [13].

В академической литературе и экспертных оценках дискуссионными являются вопросы о степени влияния личности профессионала на его восприятие работы и о соотношении значимости личностных особенностей в процессе складывания

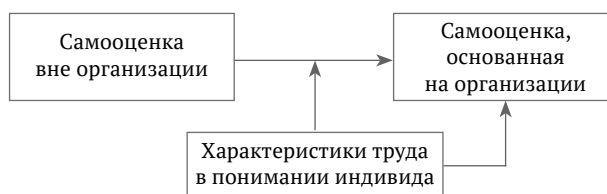

Рис. Модель личности и характеристик труда относительно самооценки, основанной на организации OBSE
Fig. Personality and work model in relation to organization-based self-esteem

¹ Три волны на одной выборке: 1721, 1366, 290 респондентов.

² В первую волну – 810 индивидуальных анкет; во вторую – 462 диады *работник – супервайзер*.

³ Сост. по: [14].

профессиональной самооценки [15–17]. То есть определенные типы людей могут быть изначально более склонными к заниженной самооценке, и в таком случае профессиональный контекст станет отражением этой склонности, а не отдельной характеристикой индивида. Но данное утверждение не является верным, т. к. самооценка и личность человека в своей основе не складываются в вакууме индивидуального мышления: они – часть процесса, но не его абсолютное выражение. На рисунке этот компонент обозначается как *самооценка вне организации*, т. е. те убеждения, которые сложились у индивида в процессе взросления и социализации.

Сами по себе основные установки, как показывают исследования, складываются из четырех компонентов: общая самооценка, обобщенная трактовка самоэффективности, невротизм и локус контроля [18]. Профессиональная самооценка зачастую характеризуется как компонент личностной мотивации, который связан с внутренними побуждениями, однако у преподавателей – с трансформацией мира. Несмотря на объективную способность педагога к такой трансформации, в образовательном процессе присутствуют и другие участники, не полностью зависящие или вообще не зависящие от тех действий, которые он предпринимает (речь идет о студентах и администрации учебного заведения).

С ролевой точки зрения, однозначность положения студента и преподавателя относительно друг друга уже не так стабильна. В древности мастер своего дела очень высоко ценился: он обладал значительным социальным весом во многих культурах. К такого рода мастерам относился и преподаватель, владеющий определенным профессиональным навыком и способный эффективно его передавать другому человеку. На сегодняшний день преподаватели вуза как участники рыночной структуры перестроились на новые неолиберальные рельсы: студент приходит к ним с запросом на получение знаний, умений и навыков, который самостоятельно удовлетворить не может. Отсюда и рождается спрос и предложение на знания. Однако для самого преподавателя этот запрос – не вариант действий, а приоритет, поддержанием которого занимается организация, к которой работник принадлежит.

Итак, в наше время преподаватель, с одной стороны, – обладатель уникального *скиллсета*, а с другой – тот, кто должен выполнять организационно-детерминированные функции из-за влияния ролевых ожиданий. Даже если структура учебного процесса переключается больше инициативы и ответственности на студентов (например, через формат перевернутого класса), все равно многое

будет зависеть не от педагога, а от локуса контроля самих обучающихся. Преподавательскую самооценку, которая является значимым фактором успеха в работе, может несколько понижать фактическая неспособность контролировать студентов.

Преподаватель находится между двумя категориями требований – студенческими и административными. Его расположение между этими акторами ситуации образовательного взаимодействия можно рассмотреть с двух сторон:

- 1) есть однозначно сильные стороны, например, юридические гарантии, возможность саморазвития и личностного развития с точки зрения объема ответственности, который преподавателю доверяют;
- 2) применяется количественная оценка сложно квантифицируемых фактов трудовой деятельности, а также формализация требований.

Вариантом стандартизированной оценки качества работы преподавателя с позиции удовлетворенности *потребителя*, т. е. студентов, является разработанная Европейским фондом управления качеством модель EFQM (*European Foundation for Quality Management*), которая строится на трех взаимосвязанных компонентах [19]:

1. Фундаментальные концепты качества: добавление ценности для клиентов; создание устойчивого будущего; разработка условий для новых возможностей организации; использование творчества и инновационности; ведение за собой через видение, вдохновение и демонстрацию целостности; гибкое управление; преуспевание через использование талантов людей; устойчивое достижение выдающихся результатов.

2. Критерии как рамочная инструкция по воплощению фундаментальных идей качества в жизнь.

3. Рамочная инструкция для динамической оценки уровня качества организации через поиск слабых зон в системе управления.

С позиции данной модели качество преподавания обеспечивается за счет мониторинга и совершенствования учебного процесса. Учитывая специфику преподавательской деятельности, следует отметить, что часть мониторинговой активности перекладывается на самого преподавателя: он имеет возможность самостоятельно выбирать педагогический подход, учебные материалы и содержание заданий для достижения целей обучения. Повышение качества образования во многом зависит именно от этой индивидуальной способности [20]. Тем не менее, как уже было отмечено, полностью контроль эффективности преподаватель не осуществляет – управленческий, административный блок являются неотъемлемой частью деятельности.

Практика педагогической деятельности через призму профессиональной самооценки

В исследовании, проведенном в Финансовом университете при Правительстве РФ, поставлены под вопрос традиционные подходы к тому, как английский язык преподают в качестве иностранного, и как именно должна выглядеть коммуникация между преподавателем и студентом. По итогам анкетирования, в котором участвовало 54 человека, выяснилось, что наиболее эффективно усвоение знаний происходит [21]:

1) в тех ситуациях, когда преподаватель владеет межличностными компетенциями, т. е. ведет себя как живой человек со своей историей (общение с преподавателем проходит *на одном языке*, он поддержит и поможет, расскажет истории из своей жизни) – 64,8 % опрошенных;

2) благодаря способностям к преподаванию, т. е. методическим компетенциям – 44,4 % опрошенных.

Итак, если в преподавателе студенты видят не только профессионала, но и личность, то обучение проходит эффективнее. Объяснением поиска личностного контакта может служить тот факт, что в современном обществе очень высока степень разобщенности людей. Начиная с XX в. с каждым новым десятилетием появляется все больше способов для интересного времяпрепровождения в одиночестве [22]. А. Г. Сырцева утверждает, что изоляция ведет к большей управляемости человека, но также отмечает, что человек не перестает быть человеком, и стремление к социализации все же остается [23].

Практика реализации исследований с общим названием *Преподаватель глазами студента* в различных вузах России демонстрирует схожие тенденции. Так, студенты Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) оценили зимой 2023 г. способность преподавателей общаться с аудиторией (*преподаватель устанавливает контакт с аудиторией, создает рабочую атмосферу*) на 4,6–4,7 балла из 5, что так же высоко, как и оценка студентами других аспектов преподавания⁴. Этот вид опроса – не новинка для российских вузов: в Иркутском государственном лингвистическом университете (ИГЛУ) с 2001 г. оценивается характер отношений между обучающимися и педагогами. По результатам сравнения данных на протяжении десятилетия, исследователи ИГЛУ делают

вывод о наличии тенденции на более теплые, неформальные и человеческие контакты – такое желание выражают студенты [24]. Демонстрацией их запросов являются и другие формы публичной характеристики преподавателей. Так, Центр качества образования Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого проводит конкурс *Лучший преподаватель глазами студентов*, в котором взаимодействие со студентами, в том числе на основе личного жизненного опыта, является одним из критериев для выбора педагога в качестве победителя⁵.

Интересный опыт исследования отражен в отчете из Оренбургского государственного аграрного университета. С опорой на проективную методику было реализовано сравнение идеального и реального образов преподавателя глазами студентов. В исследовании приняли участие только 32 респондента, но сделанные выводы в целом совпадают с информацией из других научных работ. Сравнение ассоциативных связей продемонстрировало существующий запрос студентов на помощь и принятие со стороны преподавателя, а также желание видеть в нем такие личностные качества, как ум, вежливость, настойчивость и решительность [25].

Альтернативную картину представляют исследователи из Смоленского государственного университета и Смоленского государственного медицинского университета, в которых было реализовано анкетирование среди 150 респондентов-преподавателей с различным опытом работы. В результате исследования было выявлено, что преподаватели чаще говорят о необходимости построения отношений со студентами на уровне личного диалога, т. е. активного формирования интереса к предмету – при отсутствии усилий в данном направлении снижается вовлеченность и даже успеваемость студентов. Как указано в общем выводе по исследованию: «существует необходимость в осознании преподавателями коммуникативных навыков, которые необходимы для перехода на новый формат отношений со студентами, построенных на принципах гуманизма, сотрудничества и партнерства» [26, с. 183].

Получается, что самооценка преподавателя – это и залог успеха в профессиональной деятельности, и залог противодействия разобщающим тенденциям современности. Чтобы лучше справиться с тем, что эту самооценку хочет разрушить или ослабить,

⁴ О результатах анкетирования «Преподаватель глазами студента». НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. URL: https://lunn.ru/sites/default/files/media/uch_proc/2022-23/prepodavatel_glazami_studenta.pdf (дата обращения: 24.05.2024).

⁵ Конкурс «Лучший преподаватель глазами студентов». ЦКО. URL: https://eduquality.spbstu.ru/best_professor_competition/ (дата обращения: 24.05.2024).

предлагаются следующие направления работы для внутреннего и внешнего источника формирования самооценки:

1. Необходимость развития *эмоционального интеллекта*. Специалисты по холистическому здоровью, эмбодименту (контакт со своим телом) и нейроспециалисты обращают внимание на то, что есть разница между эмоцией, возникающей без контроля, и действием, которым можно управлять [27]. Способность распознать свои эмоции, прочувствовать их и дать им место в психике – это все проявления развитого эмоционального интеллекта [28]. Кроме того, человек умеет осознавать и понимать не только свои эмоции, но и чужие, отличая их от обычного проявления отношения к нему со стороны другого. О значимости эмоционального интеллекта в работе педагога свидетельствуют и эмпирические исследования: студенты отмечают, что наличие или отсутствие навыков эмоциональной регуляции и саморегуляции у преподавателя заметно, особенно при взаимодействии в дистанционном формате [29]. Так, многими исследователями эмоциональный интеллект характеризуется как «системообразующий фактор продуктивности педагогической деятельности» [30, с. 47].

2. Важным является *управление впечатлением* из-за связи с влиянием на самооценку внешних реакций. Этот термин активно используется в работах И. Гофмана, для которого взаимодействие людей – это перформанс с актерами, сценой и аудиторией [31]. Управление впечатлением, точнее тем откликом, который преподаватель получает от аудитории, связано с четким пониманием того, что и зачем педагог делает. Следовательно, в его работе и самопрезентации должна быть очень четкая мотивация [32]. Следует избегать когнитивного диссонанса (*расхождения* по И. Гофману) между перформансом и заложенным в него смыслом, т.е. если стоит задача конструировать себя в информационном контакте как преподавателя, то все должно быть как у *преподавателя*. При этом за пределами широкой мотивации, например в воспитании будущих поколений, необходима даже более детальная разработка исполнения своей роли в общении. Такие проявления называются в маркетинге и продвижении *архетипами* (взятыми из психоанализа): люди разделяются на категории в зависимости от того, что ими движет [33]. Это несколько упрощенные модели, но в медиа и самопрезентации они очень хорошо работают.

Последние два компонента в подходе И. Гофмана – это *фронт-стейдж* и *бэкстейдж*, сцена и то, что за сценой соответственно:

1) необходимо профессионально конструировать себя как в речи, так и во внешности, уместно выбирать и использовать материалы;

2) помимо подготовки к работе, необходимо уделять внимание качественному отдыху, моральной и физической заботе о себе, а также хобби, семье, друзьям.

Работая в условиях, когда перформанс может быть подвергнут критике и сомнениям, важно помнить, что преподаватели – не только актеры на этой сцене, а преподавание – хоть и большая, важная часть жизни, но только ее часть.

3. Распространенным способом реализации управления впечатлением является присутствие в социальных сетях. Преподаватель может вести собственный канал, блог или публичный дневник, где возможна эксплуатация механизмов, описанных в статье ранее. Читатель (и студент, и коллега, и представитель администрации вуза) через фотографии / видео имеет возможность познакомиться с предметным миром педагога. Это важно потому, что человек видит *своих* через эстетику, через визуальное, т.к. растет и воспитывается в определенных условиях (по концепции *различения* П. Бурдьё) [34]. Демонстрация преподавателем своего предметного мира создает у читателя чувство схожести с ним и, следовательно, возвращает доверие к нему [35].

Медиаприсутствие преподавателя обладает и такой характеристикой, как *демонстрация человечности*. Информация о жизни преподавателя на работе и вне ее создает контакт, который так необходим сегодня человеку. Видеть в педагоге личность, значит больше доверять ему, чаще к нему прислушиваться и относиться к встречам на занятиях не как к пункту расписания, а как к возможности узнать что-то новое, трансформировать свое понимание мира в контакте с мудрым наставником. Бонусом к человечности преподавателя становится и *очеловечивание* читателя публичной страницы. Так, через реакции и комментарии педагог также пробивает стену социальной разобщенности, ближе знакомясь со студентами и коллегами.

Обсуждение

Сравнение выводов, сделанных в статье, с выводами проведенных исследований, затрагивающих тему присутствия педагогов в медиaprостранстве, демонстрирует актуальность исследовательских усилий в области описания и понимания места профессии преподавателя в зачастую противоречивой общественной трансформации:

1. Т. Джустен приводит ряд доказательств, обосновывающих высокую значимость «социальных

переменных в студенческой аудитории, в университете <...> для результативности студентов, чем демографических» [36, с. 21], и подтверждающих, что современный студент ищет в преподавателе «живого человека». В книге также формулируются рекомендации для преподавателя по управлению присутствием в медиапространстве, являющимся необходимой частью профессии.

2. В обзоре 23 статей (2009–2019 гг.) ученые обнаружили повышение формализации медиаприсутствия профессионалов, в частности, на контрасте между формальным и неформальным присутствием. В работе [37] приводятся результаты исследования обеих форм с акцентом на неоднозначности их соотношения. В настоящей статье этот вопрос не раскрыт, т.к. автор считает, что границы присутствия профессионала в Интернете размыты (выступает в роли профессионала и обычного пользователя).

3. В отчете об исследовании преподавателей, использующих Твиттер, констатируется множественность целей профессионального использования данной социальной сети [38]. Дж. Карпентер и Д. Крутка, например, отмечают, что замотивированные преподаватели ставят для себя в среднем 4–5 целей использования Твиттера: поиск и распространение ресурсов, взаимодействие с другими преподавателями, нетворкинг, участие в онлайн-обсуждениях и взаимодействие со студентами [38, с. 423–424]. Такой вывод перекликается с идеей о нормализации онлайн-существования педагога, т.к. онлайн как формат соответствует тем потребностям и требованиям, с которыми связана реализация профессиональной деятельности.

В данной статье не затрагивается аспект информационной безопасности, а также использование искусственного интеллекта. И то, и другое завоевывают все большее внимание исследовательского сообщества, однако в рамках сформулированной в статье цели не могут быть полноценно раскрыты.

Заключение

Контролируемое медиаприсутствие связано с имиджем не только преподавателя, но и вуза. Сила влияния социальных сетей и в целом информационного пространства может быть использована на благо организации, если речь идет о создании образа вуза, в котором хочется учиться, и педагог обладает большим потенциалом в этой области. И так, медиаприсутствие преподавателя – это полезный инструмент не только для него самого, но и для того места, где он работает. Педагог может способствовать созданию у студентов и абитуриентов

позитивного образа высшего образования; заинтересовать как обучающихся, так и потенциальных участников образовательного процесса в дисциплинах, которые он ведет, в специальности, которую студенты осваивают / будут осваивать; поддержать престиж вуза и получаемого в нем образования.

Основные выводы, сделанные по результатам теоретического исследования и анализа практики, заключаются в следующем:

1. Преподаватель – это источник информации в самом широком смысле. Он дает не только конкретные профессиональные знания, но и сведения о социальном мире. Сегодня есть большой запрос на самую разную информацию, поэтому ее распространение становится частью профессиональной деятельности преподавателя.

2. Профессиональная самооценка – значимый компонент планирования преподавателем вуза срока своей деятельности, складывающийся не только из индивидуального восприятия, но и из социального отклика, который в условиях неолиберализации современного образования может наносить самооценке ущерб.

3. Медиаприсутствие преподавателя обладает потенциалом противодействия неолиберальным тенденциям за счет перехода от квантифицированной рыночности к личностному контакту. Онлайн-существование преподавателей нормализуется, т.к. позволяет управлять впечатлением о преподавателе как о профессионале, формирует сообщество заинтересованных в образовании и специальности, а также улучшает имидж вуза. Таким образом, положительный эффект наблюдается для всех участников образовательных отношений.

4. Конкретные инструменты для поддержания профессиональной самооценки преподавателя вуза – это *эмоциональный интеллект* (способность распознавать свои и чужие эмоции; демонстрировать эмпатию и сопереживание); *управление впечатлением* (создание намеренного представления о профессии; преподавателе и специальности); *различение* (эстетическое оформление деятельности, укрепляющее связи между людьми за счет обращения к привычным образам; нормализация ценностей в визуальной форме).

В завершение приведем китайский фразеологизм: 师父领进门, 修行在个人 – *учителя открывают двери, а входите вы сами*. Преподавательская функция заключается именно в «открывании дверей», а это – тяжелая работа, для выполнения которой педагог должен быть уверен в себе и своих способностях, чему способствует стабильная профессиональная самооценка.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Гайфулин А. В. Различные теоретические подходы в определении понятия самооценки. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2009. № 1. С. 73–76. [Gaifulin A. V. Different theoretical approaches in defining the concept of self-esteem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2009, (1): 73–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jxqog1>
2. Деркач А. А. Самооценка как структурирующая процесса акмеологического развития. *Мир психологии*. 2005. № 3. С. 139–146. [Derkach A. A. Self appraisal as a form of structuring of the process of the acmeological development. *Mir psikhologii*, (3): 139–146. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cbetos>
3. McAdams D. P. *The art and science of personality development*. NY: The Guilford Publications, 2015, 368.
4. Wilson B. R. The teacher's role – a sociological analysis. *The British Journal of Sociology*, 1962, 13(1): 15–32. <https://doi.org/10.2307/587943>
5. Бурдьё П. Формы капитала. *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74. [Bourdieu P. The forms of capital. *Journal of Economic Sociology*, 2002, 3(5): 60–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oyuvrd>
6. Зуева Ю. В. Развитие профессиональной самооценки педагога. *Методист*. 2017. № 3. С. 17–19. [Zueva Iu. V. Development of teachers' professional self-esteem. *Metodist*, 2017, (3): 17–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yjwlpх>
7. Горшков Е. А. Интеракционистский подход Ч. Х. Кули к определению предмета и метода социальной психологии. *Приволжский научный вестник*. 2014. № 11-2. С. 80–85. [Gorshkov E. A. Interactionist approach of C. H. Cooley to the subject and method of social psychology. *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, 2014, (11-2): 80–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tfumnp>
8. Adler A. The neurotic character. *Fundamentals of Individual Psychology and Psychotherapy. The collected clinical works of Alfred Adler*, ed. Stein H. T. Bellingham: The Classical Adlerian Translation Project, 2002, vol. 1, 315.
9. Малютина Т. В. Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты. *Омский научный вестник*. 2014. № 5. С. 149–152. [Malyutina T. V. Professional identity, its structure and components. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2014, (5): 149–152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnddbz>
10. Khezerlou E. Professional self-esteem as a predictor of teacher burnout across Iranian and Turkish EFL teachers. *Iranian Journal of Language Teaching Research*, 2017, 5(1): 113–130. <https://doi.org/10.30466/ijltr.2017.20345>
11. Pierce J. L., Gardner D. G., Cummings L. L., Dunham R. B. Organization-based self-esteem: Construct definition, measurement, and validation. *Academy of Management journal*, 1989, 32(3): 622–648.
12. Ferris D. L., Brown D. J., Heller D. Organizational supports and organizational deviance: The mediating role of organization-based self-esteem. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2009, 108(2): 279–286. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2008.09.001>
13. Gardner D. G., Huang G.-H., Niu X., Pierce J. L., Lee C. Organization-based self-esteem, psychological contract fulfillment, and perceived employment opportunities: A test of self-regulatory theory. *Human Resource Management*, 2015, 54(6): 933–953. <https://doi.org/10.1002/hrm.21648>
14. Sumanasiri E. G. T., Ab Yajid M. S., Khatibi A. Organization-based self-esteem (OBSE) and its influence on self-perceived employability (SPE) of IT export sector employees in Sri Lanka. *European Scientific Journal*, 2016, 12(14): 124–133. <https://doi.org/10.19044/esj.2016.v12n14p124>
15. Orth U., Robins R. W. The development of self-esteem. *Current Directions in Psychological Science*, 2014, 23(5): 381–387. <https://doi.org/10.1177/0963721414547414>
16. Karanikola M., Doulougeri K., Koutrouba A., Giannakopoulou M., Papathanassoglou E. A phenomenological investigation of the interplay among professional worth appraisal, self-esteem and self-perception in nurses: The revelation of an internal and external criteria system. *Frontiers in psychology*, 2018, vol. 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01805>
17. *Encyclopedia of personality and individual differences*, eds. Zeigler-Hill V., Shackelford T. K. Cham: Springer International Publishing, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-24612-3>

18. Pierce J. L., Gardner D. G. Relationships of personality and job characteristics with organization-based self-esteem. *Journal of Managerial Psychology*, 2009, 24(5): 392–409. <https://doi.org/10.1108/02683940910959735>
19. Nenadál J. The new EFQM model: What is really new and could be considered as a suitable tool with respect to quality 4.0 concept? *Quality Innovation Prosperity*, 2020, 24(1): 17–28. <https://doi.org/10.12776/qip.v24i1.1415>
20. Лебедева Е. А., Скок Г. Б. Управление качеством учебного процесса и деятельности преподавателя на основе учета удовлетворенности потребителей образовательных услуг. *Университетское управление: практика и анализ*. 2005. № 1. С. 104–108. [Lebedeva E. A., Skok G. B. Management of learning process quality and teacher's activity on the basis of educational services' consumers' satisfaction. *University Management: Practice and Analysis*, 2005, (1): 104–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pisycr>
21. Вербицкая Е. А. Цифровые технологии в методике обучения иностранному языку: оценка эффективности глазами студента. *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 2. С. 238–240. [Verbitskaya E. A. Evaluating effectiveness of digital technology in English teaching: Student's perspective. *Mir nauki, kultury, obrazovaniia*, 2023, (2): 238–240. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-299-238-240>
22. Понукалина О. В. Досуг в теоретическом дискурсе социологии: подходы к исследованию. *Вестник Поволжского института управления*. 2017. Т. 17. № 6. С. 83–89. [Ponukalina O. V. Leisure in the theoretical discourse of sociology: Approaches to research. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2017, 17(6): 83–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2017-6-83-89>
23. Сырцева А. Г. Досуг как социологическая категория. *Записки философского факультета Орловского государственного университета*. 2015. Вып. 2. С. 1–5. [Syrtseva A. G. Leisure as a sociological category. *Zapiski filosofskogo fakulteta Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, iss. 2, 1–5. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvpyhb>
24. Молокова О. А. К вопросу об оценке студентами взаимоотношений с преподавателями. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. № 1. С. 38–41. [Molokova O. A. Dynamics of the students assessment of relationship with teachers. *TSPU Bulletin*, 2013, (1): 38–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvxqiv>
25. Балмугамбетова А. Ж., Ларина Е. Н. Образ преподавателя глазами студентов. *Научный электронный архив академии естествознания*. 2014. № 1. С. 1–9. [Balmugambetova A. Zh., Larina E. N. Educator's image in students' perception. *Nauchnyi elektronnyi arkhiv akademii estestvoznaniia*, 2014, (1): 1–9. (In Russ.)]
26. Гужва И. В. Партнерские отношения «преподаватель – студент» в условиях образовательного пространства современного вуза. *Ярославский педагогический вестник*. 2021. № 6. С. 178–185. [Guzhva I. V. Partnership "teacher – student" in the educational space of a modern university. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2021, (6): 178–185. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-6-123-178-185>
27. Portugal L. C. L., Alves R. de C. S., Junior O. F., Sanchez T. A., Mocaiber I., Volchan E., Erthal F. S., David I. A., Kim J., Oliveira L., Padmala S., Chen G., Pessoa L., Pereira M. G. Interactions between emotion and action in the brain. *NeuroImage*, 2020, vol. 214. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2020.116728>
28. Drigas A., Papoutsis C. Nine layer pyramid model questionnaire for emotional intelligence. *International Journal of Online & Biomedical Engineering*, 2021, 17(7): 123–142. <https://doi.org/10.3991/ijoe.v17i07.22765>
29. Черкезов С. Е., Ефимова Е. В., Шарыпова Т. Н. Значимость эмоционального интеллекта преподавателя вуза для студентов. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2022. Т. 14. № 1. С. 102–109. [Cherkeзов S. E., Efimova E. V., Sharypova T. N. The significance of the emotional intelligence of a university teacher for students. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*, 2022, 14(1): 102–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-1-102-109>
30. Истюфеева Ж. Н. Эмоциональный интеллект как условие профессионального развития преподавателя вуза. *Вестник педагогических инноваций*. 2018. № 2. С. 46–50. [Istyufeeva Zh. N. Emotional intelligence as a factor of academic staff professional development. *Journal of Pedagogical Innovations*, 2018, (2): 46–50. (In Russ.)] [https://elibrary.ru/xsmltv](https://elibrary.ru/xsqltv)
31. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с. [Hoffman I. *Representation of oneself to others in everyday life*. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole, 2000, 304. (In Russ.)]
32. Павлов А. В. Самопрезентация как социологическая проблема. *Сборник тезисов докладов научно-практической конференции студентов Курганского государственного университета: науч.-практ. конф. (Курган, 20 марта–1 апреля 2022 г.)* Курган: КГУ, 2022. Вып. 23. С. 150–151. [Pavlov A. V. Self-presentation as a sociological problem. *Proceedings of abstracts of the scientific and practical conference of students of Kurgan*

- State University: Proc. Sci.-Prac. Conf.*, Kurgan, 20 Mar–1 Apr 2022. Kurgan: KSU, 2022, iss. 23, 150–151. (In Russ.)
<https://elibrary.ru/odgrtb>
33. Ковальжина Л. С., Смирнов М. В. Саморегуляция жизнедеятельности: архетипы и их влияние на здоровье-сберегающее поведение. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2021. № 4. С. 45–48. [Kovalzhina L. S., Smirnov M. V. Self-regulation of life activity: Archetypes and their influence on health-saving behavior. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2021, (4): 45–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/spp.2021.4.7>
34. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения. *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48. [Bourdieu P. Distinction: A social critique of the judgement of taste. *Journal of Economic Sociology*, 2005, 6(3): 25–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oyobxd>
35. Дунас Д. В. Медиа на этапах жизненного пути человека: к вопросу о различении типов медиасоциализации. *Меди@льманах*. 2022. № 3. С. 16–25. [Dunas D. V. Media at different stages of a person's life path: Distinguishing types of media socialization. *Medi@lmanakh*, 2022, (3): 16–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2022.1625>
36. Joosten T. *Social media for educators: Strategies and best practices*. Hoboken: Jossey-Bass, 2012, 144.
37. Luo T., Freeman C., Stefaniak J. "Like, comment, and share" – professional development through social media in higher education: A systematic review. *Educational Technology Research and Development*, 2020, 68: 1659–1683. <https://doi.org/10.1007/s11423-020-09790-5>
38. Carpenter J. P., Krutka D. G. How and why educators use Twitter: A survey of the field. *JRTE*, 2014, 46(4): 414–434. <https://doi.org/10.1080/15391523.2014.925701>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/tzebkl>

Влияние ДЭГ на явку избирателей на выборах в России в 2021–2023 гг.

Федоров Владислав Иванович

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4497-1934

<https://orcid.org/0000-0002-4173-1358>

vifedorov@fa.ru

Аннотация: Развитие дистанционного электронного голосования в Российской Федерации и за рубежом трансформирует выборы, открывая перед государством и обществом новые возможности для перехода от субъект-объектных отношений к субъект-субъектным. Однако вопросы влияния данной системы голосования на политические процессы, особенно на региональном уровне, исследованы недостаточно и требуют пристального внимания со стороны представителей социальных наук. В связи с этим цель статьи – проанализировать влияние дистанционного электронного голосования на явку избирателей на федеральном и региональном уровнях выборов в России в 2021–2023 гг. в сравнении с выборами аналогичного уровня, но только с использованием бумажного избирательного бюллетеня. По итогам кросс-регионального и кросс-темпорального анализа электоральной статистики результатов выборов было частично доказано, что ДЭГ как дополнительный канал голосования создает условия для предотвращения снижения явки избирателей и обеспечивает ее рост на федеральном уровне. Тем самым российская сеть электронного голосования в 2021–2023 гг. показала свою эффективность для государства в качестве его оператора. Однако на региональных выборах с применением интернет-голосования тенденция к росту явки избирателей выражена слабее. Результаты исследования позволяют утверждать, что при условии широкого общественного контроля дистанционное электронное голосование оправданно рассматривать в качестве эффективной формы конвенционального политического участия.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, ДЭГ, выборы, Государственная Дума, ЦИК России, выборы высших должностных лиц субъектов, выборы президента России

Цитирование: Федоров В. И. Влияние ДЭГ на явку избирателей на выборах в России в 2021–2023 гг. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 3. С. 349–358. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-349-358>

Поступила в редакцию 05.07.2024. Принята после рецензирования 05.08.2024. Принята в печать 12.08.2024.

full article

Effect of Remote Electronic Voting on Voter Turnout in Russia in 2021–2023

Vladislav I. Fedorov

Financial University Under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the RAS, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4497-1934

<https://orcid.org/0000-0002-4173-1358>

vifedorov@fa.ru

Abstract: Remote electronic voting, also known as i-voting, transforms elections in Russia and worldwide, opening up new opportunities for the state and society to move from agent-object to subject-to-subject relations. However, the impact of i-voting on political processes, especially at the regional level, is yet to be studied by social sciences. The author analyzed the effect of remote electronic voting on voter turnout at the federal and regional elections in Russia in 2021–2023 and compared them with the turnout that involved traditional means of voting.

The cross-regional and cross-temporal analysis of electoral statistics partially proved that remote electronic voting as an additional voting channel increased voter turnout at the federal level. The Russian electronic voting network appeared to be an efficient state operator in 2021–2023. However, the increase in voter turnout was lower in the regions. If subjected to strict public control, remote electronic voting can justifiably be considered as an effective form of conventional political participation.

Keywords: remote electronic voting, i-voting, elections, State Duma, Central Election Commission of the Russian Federation, governor elections, presidential elections in Russia

Citation: Fedorov V. I. Effect of Remote Electronic Voting on Voter Turnout in Russia in 2021–2023. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 349–358. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-349-358>

Received 5 Jul 2024. Accepted after review 5 Aug 2024. Accepted for publication 12 Aug 2024.

Введение

В 2021–2023 гг. ключевой новацией избирательного процесса в Российской Федерации, определяющей значимые трансформации электорального участия, стало широкое распространение дистанционного электронного голосования (ДЭГ). ДЭГ проходило апробацию для оценки возможности масштабирования на выборах Президента в марте 2024 г., на которых оно применялось в 29 регионах. Новый способ голосования создал предпосылки для поляризации политических позиций по вопросу технологической модернизации выборов:

1. Сторонники ДЭГ (Центральная избирательная комиссия (ЦИК) РФ, мэрия Москвы, партии «Единая Россия», «Новые люди», «Зеленые», «Ростелеком», электоральные эксперты) видят в этой системе новый эффективный механизм электорального участия, обеспечивающий снижение нагрузки на организаторов выборов, повышение явки избирателей, рост электоральной поддержки.

2. Противники ДЭГ (КПРФ, Фонд борьбы с коррупцией¹, ряд электоральных экспертов и журналистов, считают, что партийно-политические предпочтения российского общества репрезентируются в процессе голосования в искаженном виде. При этом в законодательстве закреплена техническая возможность наблюдения за электронным голосованием со стороны кандидатов, партий и общественности.

ДЭГ в РФ преодолело путь от ограниченного эксперимента на выборах депутатов Московской городской Думы в 2019 г. до масштабного использования на выборах депутатов Государственной Думы (Госдума) в 2021 г. и в рамках региональных выборов в 2022–2023 гг. За четыре года опыт проведения ДЭГ получили 30 регионов, в которых

зарегистрировано около 49 млн избирателей. На губернаторских выборах России данная система к 2023 г. применялась 2 раза. В целом в ходе единого дня голосования в этом году ДЭГ проводилось в 25 регионах РФ: в 24 из них использовалась федеральная государственная информационная система², а в Москве – региональная государственная информационная система³.

Целью данного исследования является определение характера влияния ДЭГ на явку избирателей на выборах депутатов Государственной Думы и выборах высших должностных лиц субъектов РФ в 2021–2023 гг. в сравнении с выборами аналогичного уровня без ДЭГ. Наблюдение за проведением электронного голосования в России и за рубежом позволяет сформулировать гипотезу о том, что ДЭГ как дополнительный канал голосования создает условия для предотвращения снижения явки избирателей и обеспечивает ее рост. Это обусловлено расширением сроков и форм голосования, привлечением к конвенциональному политическому участию избирателей, ранее не голосовавших на избирательных участках.

Согласно авторскому подходу [1], электронное голосование в любом государстве выступает областью взаимодействия между официальной властью и контрвластью, представленной различными группами интересов общества, для приобщения граждан к законному политическому участию, которое обеспечивается удержанием и расширением аудитории избирателей, принимающими новый способ голосования. Сеть электронного голосования обладает значительным партисипативным потенциалом для обеспечения конвенционального политического

¹ Признан в России иностранным агентом и экстремистской организацией.

² Портал дистанционного электронного голосования ЦИК России. URL: <https://vybory.gov.ru/> (дата обращения: 04.05.2024).

³ Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/vote2024/> (дата обращения: 04.05.2024).

процесса и обмена информацией об электоральном выборе между государством и обществом.

При интенсификации электронного взаимодействия у государства и общества есть потенциал перехода от субъект-объектных к субъект-субъектным отношениям, в которых у второго будет возможность формулировать запросы к государству. Реализация этого потенциала во многом зависит от активности и самоорганизации общества. Успех функционирования сети электронного голосования для государства как его оператора выражен в таких показателях, как рост явки избирателей / предотвращение ее снижения, доверие общества к результатам выборов, минимизация организационных ресурсов на их проведение. Цель сети электронного голосования обусловлена целью государства, которая заключается в самосохранении и политическом управлении обществом с минимизацией неконвенциональных форм политического участия.

В связи с широким распространением электронного голосования наблюдается всплеск интереса исследователей к его различным аспектам. За рубежом публикации по данной теме начали появляться в начале 2000-х гг., а в России – после 2019 г., что стало естественной реакцией общественных наук на цифровизацию политического процесса. Так, пионеры зарубежных исследований электронного голосования, выработавшие политологический подход, рассматривают ДЭГ, во-первых, как новый механизм политического участия и мобилизации избирателей, во-вторых (в перспективе), как механизм онлайн-делиберации, формирующий условия для возможного перехода от представительной демократии к партисипативной [2–5].

В российском научном дискурсе изучались особенности электронного голосования и его влияние на результаты выборов [6–9] и довольно быстро по вопросу ДЭГ сложились позиции цифровых оптимистов, реалистов и алармистов:

1. К цифровым оптимистам следует отнести С. С. Морозову и Д. А. Будко, которые указывают, что привычка к электронному голосованию уже формируется у российских избирателей [9, с. 66]. По их мнению, неотъемлемой частью развития электронного голосования должна стать широкая просветительская работа разных ведомств на межрегиональном уровне для подготовки к более масштабному внедрению системы ДЭГ.

2. Реалистического подхода к электронному голосованию придерживается Н. А. Баранов, считающий, что у цифровых технологий на выборах есть потенциал для завоевания доверия общества по мере признания избирателями преимуществ ДЭГ, других

достижений в технологической модернизации избирательного процесса и решения технических проблем [7, с. 443–444].

3. Среди цифровых алармистов необходимо выделить известного политического консультанта И. Е. Минтусова, формулирующего сквозь призму зарубежного опыта электронного голосования в англосаксонских странах и Южной Америке проблемы и «серые зоны» ДЭГ (технические сбои и угрозы хакерских атак) [8, с. 71].

В зарубежных исследованиях предметно рассматривается вопрос влияния ДЭГ на явку избирателей [10–16]. Ученые признают, что ДЭГ как дополнительная и более удобная форма голосования имеет потенциал увеличения явки избирателей, но условия его применения в конкретной стране могут нивелировать возможности роста явки. В работах российских политологов данный вопрос остается одной из исследовательских лакун.

М. Солвак и К. Вассил отмечают, что привычка к ДЭГ формируется быстро, и чем выше будет доля электронных избирателей, тем более устойчивой станет и явка на выборах [14, с. 21]. В Швейцарии и Эстонии электронное голосование довольно успешно используют вот уже более 15 лет:

1. В швейцарских кантонах Женева и Цюрих применение ДЭГ в 2000-е гг. не обеспечило увеличения явки избирателей, т.к. эта форма голосования была непривычной и малоизвестной в отличие от досрочного голосования по почте и на избирательном участке [11]. При этом в 2006–2013 гг. новая система способствовала увеличению явки среди швейцарских избирателей в возрасте 80 лет и старше, в особенности мужчин, но не оказала никакого влияния на молодых людей [10]. Наиболее широко ДЭГ применялось в Швейцарии на референдумах и парламентских выборах в 2011–2017 гг. в 15 кантонах.

Однако накануне очередных парламентских выборов в 2019 г. в электронном голосовании были выявлены серьезные технические проблемы, из-за которых злоумышленники могли бы фальсифицировать итоги голосования. В результате общественного давления Федеральный совет Швейцарии принял решение отказаться от использования ДЭГ на 5 лет, ведя при этом разработку новой платформы электронного голосования, создателем которой стала государственная компания *Swiss Post*. Отказ от этой системы привел в 2019–2022 гг. к снижению явки среди избирателей-экспатриантов, для которых дистанционный способ голосования был гораздо удобнее, чем почтовое голосование [17].

В 2023 г. Швейцария вернула ДЭГ в выборную практику, сделав его доступным только для

избирателей-эспатриантов, зарегистрированных в кантонах Базель-городской, Санкт-Галлен и Тургау, а также для людей с ограниченными возможностями [18, с. 89]. В результате применения электронного голосования на парламентских выборах в этих субъектах страны явка избирателей увеличилась на 2 % по сравнению с предыдущими выборами, которые проводились без ДЭГ.

2. В Эстонии в 2005–2019 гг. применение ДЭГ не привело к значительному увеличению явки избирателей, т.к. голосование и без того было легкодоступным и не создавало цифрового разрыва между гражданами с разными социально-демографическими характеристиками [19]. Однако к 2023 г. Эстония провела уже пять парламентских выборов с использованием электронного голосования. По сравнению с последними выборами, реализованными в старой форме, прирост явки в 2003 г. составил 5,46 % и достиг в 2023 г. 63,7 %. Кроме того, Эстония также стала первым государством, доля электронных избирателей которого на общенациональных парламентских выборах в 2023 г. превысила половину, составив 51 % [20, с. 20].

Увеличение явки на 2–4 % стало возможным благодаря применению электронного голосования на выборах органов местного самоуправления в канадской провинции Онтарио (ДЭГ применяется там более 15 лет) [12, с. 1164]. Однако важно подчеркнуть, что положительный эффект ДЭГ на явку может быть нивелирован при необходимости регистрации избирателей на портале голосования и ограничении сроков голосования периодом накануне выборов.

Методы и материалы

Наибольшее значение в анализе влияния электронного голосования на явку избирателей отводится теории информационного общества и сравнительному подходу, т.к. они позволяют рассмотреть ДЭГ с учетом его социотехнической структуры и географии распространения. В качестве базовой модели исследования в статье применяется авторская концепция электронного голосования как сети коммуникаций государства и общества, одним из ключевых показателей успеха которой являются контроль и удержание аудитории избирателей, выражаемые в показателях явки на выборах. В рамках сравнительного подхода был проведен кросс-региональный и кросс-темпоральный анализ электоральной статистики результатов выборов с применением электронного голосования.

Результаты

Для государства как оператора сети электронного голосования рост и предотвращение снижения явки избирателей очень важны в целях вовлечения граждан в конвенциональное политическое участие. Чем выше явка, тем выше репрезентация политических интересов общества и легитимность выборов. Для России, как и для других государств, накануне перехода на ДЭГ актуальной проблемой являлось снижение явки избирателей на всех уровнях выборов. Во второй четверти XXI в. электоральная активность в РФ была ниже, чем в конце XX в. Тенденция к снижению явки наблюдалась даже на президентских и парламентских выборах. Так, в 1991–2012 гг. средняя явка на шести президентских выборах составила 69,15 %, а в 2018 г. – 67,54 %; по итогам семи парламентских выборов в 1993–2016 гг. – 58,42 %, а в 2021 г. – 51,72 %. В 2016 г. на выборах депутатов Госдумы абсентеистов стало больше, и явка составила 47,88 %.

Вопрос о причинах снижения электоральной активности в России остается дискуссионным. С одной стороны, постепенная потеря интереса к выборам и уменьшение явки избирателей можно объяснить сложившейся асимметрией отношений государства и общества с доминированием первого [21]. С другой – снижение электоральной активности объясняется трансформацией корпуса избирателей, включающего в себя больше экономически активных жителей городов с высоким темпом жизни, ориентированных на профессиональное обучение, работу и досуг. Параллельно с этим происходит естественное выветывание когорты пожилых избирателей, придерживающихся советской традиции обязательного участия в выборах и склонных доверять государственному аппарату [22, с. 139].

Рассмотрим в хронологическом порядке избирательные кампании, на которых ДЭГ широко применялось – выборы депутатов Госдумы в 2021 г. и губернаторские выборы в 2022–2023 гг. Эмпирической базой исследования являются официальные результаты выборов, опубликованные ЦИК России⁴, а также результаты опросов общественного мнения. Принимая во внимание, что для государства в системе электронного голосования один из критериев успеха – удержание и контроль аудитории избирателей [1], в каждом рассматриваемом случае избирательной кампании мы сравниваем проведенные выборы с использованием специального программного обеспечения с равным количеством выборов того же уровня без его применения.

⁴ Календарь выборов. ЦИК РФ. URL: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 04.05.2024).

Путем нахождения среднего арифметического рассчитывались: средняя явка граждан и результат кандидата / партии до перехода на электронное голосование и после. Разница между двумя значениями демонстрирует прирост / снижение явки избирателей. Эмпирическое ограничение статьи – недоступность для анализа данных о ДЭГ в разрезе участковой избирательной комиссии (УИК), поэтому можно сравнивать только агрегированные данные на уровне региона.

ДЭГ на выборах депутатов Госдумы

На выборах депутатов Государственной Думы в 2021 г. были опробованы следующие технологии повышения явки избирателей: трехдневное голосование и голосование по месту нахождения, применявшиеся по всей стране, и ДЭГ, применявшееся в семи регионах (Курская область, Москва, Мурманская область, Нижегородская область, Ростовская область, Севастополь, Ярославская область). В шести из семи регионов проведения электронного голосования (кроме Курской области) явка избирателей выросла. В целом по России на парламентских выборах в 2021 г. она составила 51,72 % и по сравнению с 2016 г. увеличилась на 3,84 %: через Интернет проголосовало 4,61 % избирателей. Наибольшая доля электронных избирателей была в Москве – 49,77 % с максимальным приростом явки на 15 %.

Анализ электоральной статистики парламентских выборов показывает корреляции между увеличением доли ДЭГ и приростом явки избирателей на уровне региона в целом (в Москве, Мурманской и Ярославской областях). В четырех других случаях появление электронного голосования не привело к значительному увеличению явки избирателей (рис. 1).

По мнению автора, идеологический мотив политического участия и партийная идентификация избирателя оказывают влияние на выбор способа голосования. Избиратель следует за установками той или иной политической силы, поддерживающей или отвергающей ДЭГ, что влияет на ее электоральную поддержку и структуру явки избирателей. Партия «Единая Россия» и ее кандидаты в одномандатных округах призывали использовать электронное голосование, а лидеры оппозиционных партий (прежде всего КПРФ) выступали против, настаивая на безопасности этой системы. Еще одним подтверждением предположения о влиянии идеологического мотива и партийной идентификации служит пример В. А. Рыжкова, кандидата от партии «Яблоко»,

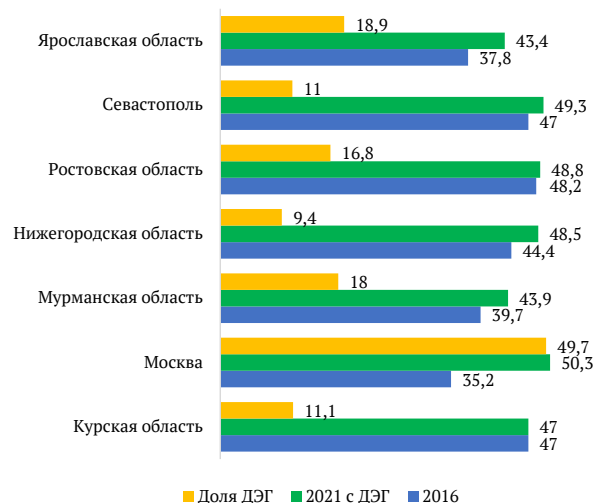

Рис. 1. Сравнение явки избирателей на выборах депутатов Госдумы в 2016 и 2021 гг., %

Fig. 1. Voter turnout in elections for State Duma, 2016 vs. 2021, %

который победил на довыборах в Московскую городскую Думу по округу № 37, проводившихся в 2021 г., призывая своих сторонников участвовать в ДЭГ.

При использовании ДЭГ в 2021 г. на выборах депутатов Госдумы поддержка «Единой России» относительно выборов 2016 г. снизилась. В целом по стране эта партия в 2021 г. набрала 49,82 % голосов избирателей против 54,2 % в 2016 г., т.е. на 4,38 % меньше. Во всех регионах с ДЭГ, кроме Севастополя (+2,6 %), у «Единой России» электоральная популярность также упала: в Нижегородской области – на 11 %, в Курской и Ярославской областях – на 8 %. Однако на выборах в одномандатных округах в регионах с ДЭГ в 2021 г. кандидаты-единороссы одержали победу в 27 округах из 33 (82 %), тогда как в 2016 г. – 29 из 33 (87 %). Кандидаты от «Справедливой России» победили в 2 округах Ярославской области и в одном округе Москвы, а самовыдвиженцы из «Списка Собянина» – в трех столичных округах.

КПРФ в 2021 г. во всех регионах с ДЭГ набрала больше голосов избирателей, чем на выборах в 2016 г. Более того, в Москве коммунисты практически удвоили результат, несмотря на половину электронных избирателей в структуре явки. При этом они не признали результаты электронного голосования парламентских выборов в Москве, по итогу которых ряд их кандидатов проиграл в одномандатных округах⁵. Так по сравнению с голосованием на участках результат единосроссов и «новых людей» в ДЭГ был выше, а КПРФ – ниже, что отражено в данных таблицы.

⁵ Мы не признаем электронного голосования! КПРФ. 20.09.2021. URL: <https://kprf.ru/activity/elections/205569.html> (дата обращения: 03.05.2024).

Табл. Сравнение результатов голосования на участках и в ДЭГ на парламентских выборах в РФ в 2021 г., %
Tab. Voting results at polling stations vs. remote electronic voting in parliamentary elections in 2021, %

Партия	Тип голосования		Разница между ДЭГ и УИК
	УИК	ДЭГ	
«Единая Россия»	41,21	47,24	+6,03
КПРФ	21,27	12,65	-8,62
«Справедливая Россия – За правду!»	9,9	9,17	-0,73
ЛДПР	8,57	8,36	-0,21
«Новые люди»	6,04	8,77	+2,73

Три другие парламентские партии агитировали людей голосовать за них любым удобным способом. «Справедливая Россия – За правду!» и ЛДПР выступили по-разному: справедливороссы увеличили свою электоральную популярность в регионах проведения ДЭГ и в целом по России, а ЛДПР уступила часть своих мест в парламенте дебютировавшим на федеральных выборах «Новым людям».

ДЭГ на губернаторских выборах

На губернаторских выборах в 2022 г. ДЭГ применялось в Калининградской, Новгородской, Томской, Ярославской областях (рис. 2). Избирательные кампании освещались в СМИ неактивно, что сказалось на интересе к выборам со стороны избирателей. А. А. Алиханов, губернатор Калининградской области, и А. С. Никитин, губернатор Новгородской области, уже побеждали на выборах в 2017 г. и пользовались

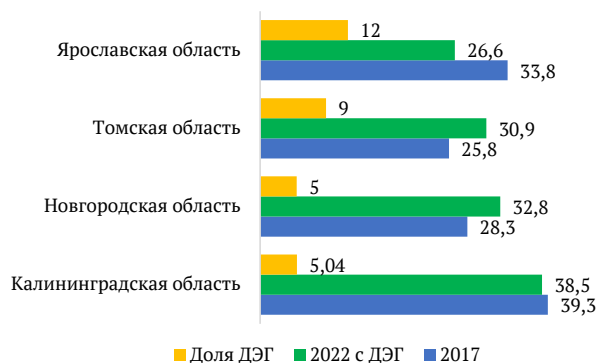

Рис. 2. Сравнение явки избирателей на губернаторских выборах в 2017 и 2022 гг., %

Fig. 2. Voter turnout in governor elections, 2017 vs. 2022, %

поддержкой жителей региона и политических элит, а вот в Томской и Ярославской областях были назначены врио В. В. Мазур и М. Я. Евраев. При использовании электронного голосования явка избирателей выросла в Томской области на 5,1 %, в Новгородской – на 4,5 %, а в Калининградской и Ярославской областях снизилась на 0,8 % и 7,2 % соответственно. В структуре явки доля электронных избирателей в 2022 г. составила 7,76 %, но в среднем выросла на незначительные 0,4 %.

По данным постэлекторального опроса ВЦИОМ⁶, 69 % россиян (+3 % с 15.09.2020), считают, что выборы в их регионе прошли в целом честно, без серьезных нарушений, фальсификаций. Противоположной точки зрения придерживаются 18 % (-6 % с 15.09.2020). По мнению 66 % россиян (+5 % с 15.09.2020) результаты выборов соответствовали волеизъявлению избирателей. 23 % считают, что результатам выборов доверять не следует (-5 % с 15.09.2020).

В 2023 г. география ДЭГ на губернаторских выборах расширилась до семи регионов, а явка избирателей относительно предыдущих выборов выросла в большинстве из них (рис. 3). Наиболее существенная положительная динамика отмечена в Московской (22,02 %), Нижегородской (15,51 %) областях и в Москве (12,28 %). Лишь в Алтайском крае явка избирателей снизилась, что можно объяснить избирательной кампанией с отсутствием интриги

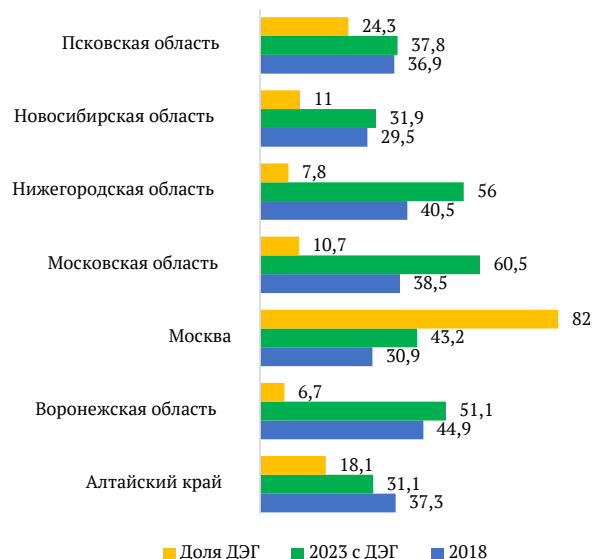

Рис. 3. Сравнение явки избирателей на губернаторских выборах в 2018 и 2023 гг., %

Fig. 3. Voter turnout in governor elections, 2018 vs. 2023, %

⁶ Региональные выборы–2022. ВЦИОМ. 19.09.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/regionalnye-vybory-2022> (дата обращения: 03.05.2024).

из-за неучастия в выборах депутата Госдумы М. Н. Прусаковой, члена КПРФ, и череды самоотводов уже зарегистрированных кандидатов. Примечательно, что на выборах мэра Москвы электронных избирателей впервые было больше (81 %), чем голосовавших бумажными бюллетенями.

В среднем явка избирателей на губернаторских выборах в 2023 г. по сравнению с выборами 2018 г. выросла на 7,58 %, а в 2023 г. доля ДЭГ в 7 регионах составила 22,8 % (без учета Москвы в шести регионах – 13,1 % против 7,76 % в 2022 г.).

В июле 2023 г. были обнародованы данные исследования ВЦИОМ, свидетельствующие о положительной динамике отношения россиян к процедуре ДЭГ. Как отметил М. В. Мамонов, руководитель Департамента политических исследований ВЦИОМ, порядка 76 % опрошенных заявляли, что знают / слышали / имеют опыт участия в ДЭГ. За распространение ДЭГ в регионах выступает большинство (59 %) респондентов⁷.

В августе 2023 г. также были обнародованы результаты исследований об отношении к ДЭГ московских социологов из группы *Russian Field* и их воронежских коллег из института общественного мнения «Квалитас». В Москве 48 % респондентов сообщили, что предпочитают проголосовать с помощью ДЭГ, а 45 % выбрали традиционный способ. Большинство опрошенных (71 %) выступили за распространение ДЭГ во всех регионах России. Более половины участников опроса (53 %) доверяют ДЭГ в Москве (27 % скорее доверяют, 26 % полностью доверяют). О недоверии сообщили 36 % москвичей, большая часть из которых – мужчины (42 %)⁸. В Воронежской области в опросе приняли участие 1,6 тыс. респондентов, из которых 69 % знали о возможности дистанционного голосования, еще 20 % что-то слышали, и ничего не знали 11 %. К возможности распространения ДЭГ 48 % относились скорее положительно, 23,5 % – нейтрально, 25 % – скорее отрицательно. Готовность проголосовать электронным способом выразили 30 % респондентов⁹.

Заметно, что всероссийские и региональные социологические исследования накануне региональных

выборов в 2023 г. отражали высокий уровень информированности о ДЭГ (69–76 %) как новом способе голосования, что привело к высокой доле электронных избирателей (22,8 %) в структуре явки. Однако показатели готовности принимать участие в ДЭГ заметно отличались: в Москве таких было больше, чем в Воронеже, где ДЭГ применялось впервые.

Существенных отличий в онлайн- и офлайн-голосовании 2023 г. в шести регионах не зафиксировано. Популярность С. С. Собянина в ДЭГ была выше, чем на УИК, что можно объяснить бойкотом ДЭГ со стороны избирателей Л. А. Зюганова и мобилизацией сторонников мэра Москвы. И, наоборот, в Воронежской области действующий губернатор А. В. Гусев получил заметно меньше электронных голосов, чем на участках. При этом в Воронежской области на губернаторских выборах в 2023 г. на дому проголосовали около 30 % избирателей, что всегда создает предпосылки для обвинений в фальсификациях. Отметим, что воронежский губернатор победил по результатам и дистанционного голосования, и «живого».

По сравнению с парламентскими выборами 2021 г. губернаторские избирательные кампании в 2022–2023 гг. проходили в условиях более низкого интереса избирателей в большинстве регионов, что характерно и для выборов за рубежом. Об отсутствии значимых нарушений в ходе электронного голосования в указанный период времени свидетельствуют эксперты Независимого общественного мониторинга, наблюдавшие за выборами в регионах проведения ДЭГ¹⁰.

Заключение

В результате проведенного кросс-регионального и кросс-темпорального анализа электоральной статистики результатов выборов с применением ДЭГ в России в 2021–2023 гг. сделаны выводы о характере влияния технологических новаций на выборы.

Во-первых, российская сеть электронного голосования показала свою эффективность для государства в качестве его оператора в таком ключевом показателе как рост явки избирателей / предотвращение

⁷ «Это генеральная репетиция перед 2024 годом» – мнение экспертов о предстоящем ЕДГ. *Независимый общественный мониторинг*. 27.07.2023. URL: <https://nom24.ru/info/events/eto-generalnaya-repetitsiya-pered-2024-godom-mnenie-ekspertov-o-predstoyashchem-edg/> (дата обращения: 03.05.2024).

⁸ Электоральные настроения москвичей (30–31 августа 2023). *Russian Field*. URL: <https://russianfield.com/votingmsk> (дата обращения: 03.05.2024).

⁹ Электронное голосование. В Воронежском клубе политологов обсудили роль новых технологий на выборах. *РИА «Воронеж»*. 25.08.2023. URL: <https://riavrn.ru/stories/elektronnoe-golosovanie-v-voronezhskom-klube-politologov-obsudili-rol-novyh-tehnologij-na-vyborah/> (дата обращения: 03.05.2024).

¹⁰ В ОП РФ создадут группу по проработке предложений наблюдателей за федеральной системой ДЭГ. *Независимый общественный мониторинг*. 26.09.2023. URL: https://nom24.ru/info/events/v-op-rf-sozdadut-gruppu-po-prorabotke-predlozheniy-nablyudateley-za-federalnoy-sistemoy-deg-/?sphrase_id=16361 (дата обращения: 03.05.2024).

ее снижения на федеральном уровне выборов. Однако на региональных выборах с применением ДЭК тенденция к росту общей явки избирателей выражена слабее. К таким же выводам приходят и другие российские исследователи, отмечающие отсутствие сильной корреляции ДЭГ и роста общей явки избирателей на выборах регионального уровня [23, с. 71]. Однако, по мнению И. Б. Борисова и А. О. Гаджиевой, цифровая модернизация избирательного процесса существенно облегчает работу членов избирательных комиссий и повышает удобство голосования для избирателей, что создает не всегда реализованные условия для роста их явки [24; 25]. В странах Европы тоже интенсифицируется развитие электронного голосования, стимулирующего электоральную активность [26, с. 2].

На выборах депутатов Государственной Думы в 2021 г. явка избирателей в целом по России составила 51,72 % и по сравнению с 2016 г. выросла на 3,84 %. В семи регионах проведения ДЭГ явка увеличилась на 5,31 % относительно 2016 г. В РФ общая доля электронных избирателей в структуре явки составила 4,61 %, близкие к показателям прироста электоральной активности. На губернаторских выборах в 2022 г. в четырех регионах применения ДЭГ явка избирателей выросла на 0,4 %, а доля электронных избирателей в структуре явки составила 7,76 %; в 2023 г. в семи регионах с ДЭГ прирост явки достиг 7,58 %, а доля электронных избирателей – 22,8 %. При этом в 8 из 11 случаев губернаторских выборов с ДЭГ отмечен рост явки, а в 3 – снижение. Отметим, что в 2023 г. в структуре явки на выборах мэра Москвы доля ДЭГ составила 82 %, а итоговая явка была на уровне 43 %, увеличившись на 12 % по сравнению с аналогичными выборами в 2018 г. Именно в Москве для участия в ДЭГ не нужна была предварительная регистрация на портале голосования, что подтверждает тезис о положительном влиянии отсутствия дополнительных фильтров для доступа к ДЭГ на электоральную активность [12, с. 1164].

Во-вторых, в связи с полученными данными выдвинутая гипотеза о положительном влиянии ДЭГ на явку избирателей на выборах федерального и регионального уровня в 2021–2023 гг. подтвердилась частично. Однако гибкие сроки и формы электронного голосования, его экстерриториальность, а также формирующаяся психологическая привычка [14] привлекают избирателей, которые ранее не голосовали на избирательных участках. Кроме того, одновременно с ДЭГ применялось трехдневное голосование и голосование по месту нахождения,

которые тоже выступали донорами явки избирателей, поэтому совокупный эффект этих технологий сказался на общем росте электоральной активности, в особенности на федеральных выборах. Для более глубокого понимания влияния ДЭГ на явку избирателей в России необходимо продолжение компаративного анализа на эмпирическом материале нескольких электоральных циклов с применением электронного голосования, что будет доступно после выборов депутатов Государственной Думы в 2026 г.

В РФ и других государствах-операторах ДЭГ влияние данной системы на рост и предотвращение снижения явки избирателей становится заметно спустя несколько электоральных циклов при постепенном знакомстве избирателей с новым способом голосования и расширением географии его применения. Очевидным барьером для организации более широкого участия российских избирателей в электронном голосовании остается необходимость предварительной подачи заявления на федеральном портале. В случае отказа от ДЭГ явка избирателей может снизиться, особенно в том случае, если для определенной группы этот способ голосования наиболее удобный, что, к примеру, произошло в Швейцарии с избирателями-экспатриантами [17].

В-третьих, ДЭГ проводится в интересах государства как создателя сети электронного голосования, вовлекающего в конвенциональное политическое участие новые группы избирателей, которые тоже получают преимущества, выбирая наиболее удобный способ голосования с гибкими сроками и формами. Электронное голосование выгодно тем политическим силам, которые агитируют своих избирателей принимать в нем участие. На выборах депутатов Государственной Думы в 2021 г. и других региональных выборах идеологический мотив политического участия проявился в следовании избирателей за призывами политических партий по участию («Единая Россия», «Новые люди») или бойкоту ДЭГ (КПРФ). На губернаторских выборах в 2022–2023 гг. в регионах проведения электронного голосования победили кандидаты, которые уже занимали должность губернатора в течение 5 лет либо были назначены врио решением Президента.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Статья написана в рамках научного проекта «Дистанционное электронное голосование в социально-политических коммуникациях: общественное наблюдение и политическое участие», реализованного в Институте научной информации по общественным наукам РАН и поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Funding: Project "Remote e-voting in socio-political communications: Public observation and political participation" was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research and implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences.

Литература / References

1. Федоров В. И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2022. № 4. [Fedorov V. I. Electronic voting: A communication network that links state and society. *Bulletin of Moscow Region State University*, 2022, (4). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1208>
2. Alvarez M. R., Hall T. E. *Electronic elections: The perils and promises of digital democracy*. Princeton: Princeton University Press, 2008, 256. <http://doi.org/10.1515/9781400834082>
3. Krimmer R. *The evolution of e-voting: Why voting technology is used and how it affects democracy*. Tallinn: TUT Press, 2012.
4. Krimmer R., Duenas-Cid D., Krivonosova I. New methodology for calculating cost-efficiency of different ways of voting: Is Internet voting cheaper? *Public Money & Management*, 2020, 41(1): 17–26. <https://doi.org/10.1080/09540962.2020.1732027>
5. Rubin A. D. *Brave new ballot: The battle to safeguard democracy in the age of electronic voting*. NY: Morgan Road Books, 2006, 280.
6. Алексеев Р. А. Технология блокчейн на выборах: прошлое, настоящее и будущее. *Журнал политических исследований*. 2020. Т. 4. № 4. С. 25–38. [Alekseev R. A. Blockchain technology in elections: Past, present and future. *Journal of Political Research*, 2020, 4(4): 25–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-25-38>
7. Баранов Н. А. От недоверия – к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022. Т. 24. № 3. С. 433–446. [Baranov N. A. From distrust to legitimization: The difficult path of digital electoral technologies, an evidence from Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 2022, 24(3): 433–446. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446>
8. Минтусов И. Е., Ячменева О. А. О практике электронного голосования в странах Южной Америки. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2023. № 2. С. 71–92. [Mintusov I. E., Yachmeneva O. A. On the practice of electronic voting in the countries of South America. *Grazhdanin. Vyborny. Vlast*, 2023, (2): 71–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yidp0a>
9. Морозова С. С., Будко Д. А. Особенности развития цифровой демократии в крупных городах России (на примере Санкт-Петербурга). *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. Т. 18. № 4. С. 456–469. [Morozova S. S., Budko D. A. Features of the digital democracy development in Russian cities (on the example of St. Petersburg). *Politicheskaja ekspertiza: POLITEKS*, 2022, 18(4): 456–469. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.407>
10. Ciancio A., Kämpfen F. The heterogeneous effects of internet voting. *European Journal of Political Economy*, 2023, vol. 79. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2023.102444>
11. Germann M., Serdült U. Internet voting and turnout: Evidence from Switzerland. *Electoral Studies*, 2017, 47: 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2017.03.001>
12. Goodman N., Stokes L. C. Reducing the cost of voting: An evaluation of Internet voting's effect on turnout. *British Journal of Political Science*, 2020, 50(3): 1155–1167. <https://doi.org/10.1017/S0007123417000849>
13. Pieters W., van Haren R. Temptations of turnout and modernisation: E-voting discourses in the UK and The Netherlands. *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*, 2007, 5(4): 276–292. <https://doi.org/10.1108/14779960710846146>
14. Solvak M., Vassil K. Could Internet voting halt declining electoral turnout? New evidence that e-voting is habit forming. *Policy & Internet*, 2018, 10(1): 4–21. <https://doi.org/10.1002/poi3.160>

15. Stromer-Galley J. Will Internet voting increase turnout?: An analysis of voter preference. *Society Online: The Internet in Context*, 2004, 87–102. <https://doi.org/10.4135/9781452229560.n6>
16. Vassil K., Weber T. A bottleneck model of e-voting: Why technology fails to boost turnout. *New Media & Society*, 2011, 13(8): 1336–1354. <https://doi.org/10.1177/1461444811405807>
17. Germann M. Internet voting increases expatriate voter turnout. *Government Information Quarterly*, 2021, 38(3). <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101560>
18. Федоров В. И. Возвращение электронного голосования на парламентских выборах в Швейцарии в 2023 году. *PolitBook*. 2024. № 2. С. 77–92. [Fedorov V. I. The Return of Internet voting in the Swiss parliamentary elections in 2023. *PolitBook*, 2024, (2): 77–92. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-77-92>
19. Ehin P., Solvak M., Willemson J., Vinkel P. Internet voting in Estonia 2005–2019: Evidence from eleven elections. *Government Information Quarterly*, 2022, 39(4). <https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101718>
20. Борисов И. Б., Игнатов А. В. Электронное голосование в Эстонии бьет рекорды. Общее и особенное в международном развитии ДЭГ. *Избирательное законодательство и практика*. 2023. № 1. С. 14–20. [Borisov I. B., Ignatov A. V. E-voting in Estonia breaks the record. The general and special in the international development of remote e-voting. *Izбирательное zakonodatelstvo i praktika*, 2023, (1): 14–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nfyqlr>
21. Жданов А. И., Коротаев А. В. Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социология власти*. 2022. Т. 34. № 3-4. С. 102–127. [Zhdanov A. I., Korotayev A. V. Elections, regime type and risks of revolutionary destabilization: Quantitative experience. *Sociology of Power*, 2022, 34(3-4): 102–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xgkjl>
22. Коротаев А. В., Новиков К. Е., Шульгин С. Г. Ценности пожилых в стареющем мире. *Социология власти*. 2019. Т. 31. № 1. С. 114–142. [Korotayev A. V., Novikov K. E., Shulgin S. G. Values of the elderly people in an aging world. *Sociology of Power*, 2019, 31(1): 114–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pgpslb>
23. Виноградова И. М. Технология дистанционного электронного голосования в России: опыт реализации и дальнейшие перспективы. *Politbook*. 2024. № 2. С. 51–76. [Vinogradova I. M. Remote electronic voting technology in Russia: Implementation experience and future prospects. *Politbook*, 2024, (2): 51–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-51-76>
24. Борисов И. Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2021. № 1. С. 124–139. [Borisov I. B. The end of the pre-digital era of political processes. *Grazhdanin. Vybory. Vlast*, 2021, (1): 124–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hewtvf>
25. Гаджиева А. О. Электронный список избирателей как новый элемент цифровизации избирательного процесса: правовые и организационные основы. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 15. № 5. С. 44–65. [Gadzhieva A. O. Electronic voters list as a new element of digitalizing electoral process: Legal and organizational basis. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, 15(5): 44–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.5.44.65>
26. Borucki I., Hartleb F. Debating e-voting throughout Europe: Constitutional structures, parties' concepts and Europeans' perceptions. *Frontiers in Political Science*, 2023, 5: 1–15. <https://doi.org/10.3389/fpos.2023.982558>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ldtzeu>

Включенность некоммерческих организаций и объединений в деятельность общественных комиссий при главных бюро медико-социальной экспертизы в субъектах Российской Федерации

Фомина Татьяна Алексеевна

Центр гуманитарных технологий и исследований «Социальная
Механика», Россия, Самара

Пензенский государственный университет, Россия, Пенза

eLibrary Author SPIN: 4459-6523

<https://orcid.org/0000-0003-1997-7746>

Щанина Екатерина Владимировна

Пензенский государственный университет, Россия, Пенза

eLibrary Author SPIN: 5610-2036

<https://orcid.org/0000-0002-6834-1886>shchanina@mail.ru

Аннотация: В России вовлечение общественности и некоммерческого сектора в совершенствование системы работы медико-социальной экспертизы, которая развивается более трех лет, привело к включению в общественные комиссии при главных бюро медико-социальной экспертизы значительного числа представителей профильных некоммерческих организаций. Среди них выделяются пациентские, внесшие новые ориентиры в содержание работы, а именно более оперативное подстраивание механизмов работы медико-социальной экспертизы под нужды целевой группы. Таким образом, актуальность исследования состоит в необходимости повышения качества и доступности услуг медико-социальной экспертизы для населения. Цель – проанализировать степень включенности некоммерческих организаций и объединений в деятельность общественных комиссий при главных бюро медико-социальной экспертизы. Было проведено социологическое исследование в рамках проекта «Общественное участие в совершенствовании системы МСЭ РФ: вовлечение, развитие, мониторинг», в ходе которого были получены данные из структурированных интервью с представителями общественных комиссий при главных бюро медико-социальной экспертизы и фокус-групповых интервью (2 группы по 12–15 представителей пациентских некоммерческих организаций, входящих в состав общественных комиссий). Анализ состава общественных комиссий за 2018–2022 гг. свидетельствует: 1) самая значительная группа среди общественных комиссий – представители пациентских некоммерческих организаций (34,1 %); 2) замечен тренд на выбытие из состава представителей главных бюро медико-социальной экспертизы (с 12 % в 2018 г. до 4 % в 2022 г.); 3) широкое представительство некоммерческих организаций указывает на общественную ориентацию комиссий. Анализ активности групп, входящих в общественные комиссии, показал, что наибольшую активность проявляют ключевые профильные группы – некоммерческие организации, основными формами работы которых являются заседания и консультирование граждан, способствующие повышению эффективности деятельности комиссий. Установлены факторы, влияющие на уровень активности работы общественных комиссий, такие как осознанность и понимание целей ее членами, степень их мотивации на достижение результатов в общественной работе, уровень включенности в деятельность и уровень организации своей работы. В заключении представлены следующие типы участия представителей пациентских некоммерческих организаций в работе общественных комиссий при главных бюро медико-социальной экспертизы: присутствие, представительство, достижение целей. Сделан вывод, что вектором развития является переход к типу достижения целей.

Ключевые слова: активность некоммерческих организаций, пациентские некоммерческие организации, пациентский активизм, общественная комиссия, медико-социальная экспертиза, здравоохранение и реабилитация граждан, интересы пациентов

Цитирование: Фомина Т. А., Щанина Е. В. Включенность некоммерческих организаций и объединений в деятельность общественных комиссий при главных бюро медико-социальной экспертизы в субъектах Российской Федерации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 3. С. 359–370. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-359-370>

Поступила 30.03.2024. Принята после рецензирования 11.07.2024. Принята в печать 15.07.2024.

full article

Non-Profit Organizations and Associations in Public Commissions Under Chief Bureaus of Sociomedical Assessment in Different Regions of Russian Federation

Tatiana A. Fomina

Social Mechanics Center for Humanities and Research, Russia, Samara

Penza State University, Russia, Penza

eLibrary Author SPIN: 4459-6523

<https://orcid.org/0000-0003-1997-7746>

Ekaterina V. Shchanina

Penza State University, Russia, Penza

eLibrary Author SPIN: 5610-2036

shchanina@mail.ru

Abstract: The system of medical and social expertise in Russia is three years old. Involvement of public and the non-profit sector have resulted in a significant number of representatives of specialized non-profit organizations in public commissions under the chief bureaus of sociomedical assessment. Patient-oriented non-profit organizations introduce new guidelines into the system, e.g., a more rapid adjustment of medical and social expertise to the needs of the target group. Nevertheless, the quality and accessibility of sociomedical assessment services remain a prospective research field. The article describes the involvement of non-profit organizations and associations in the activities of public commissions under the chief bureaus of medical and social assessment. The research was part of the project on *Public participation in improving the sociomedical assessment in the Russian Federation: involvement, development, and monitoring*. The research data were obtained from structured interviews with representatives of public commissions at the chief bureaus of sociomedical assessment and focus group interviews. Two groups included 12–15 representatives of patient non-profit organizations involved in public commissions. The resulting analysis of the composition of public commissions for 2018–2022 revealed the following facts. Patient non-profit organizations were the most significant group among public commissions are representatives of patient non-profit organizations (34.1%). Representatives of the chief bureaus of sociomedical assessment tended to leave: 12% in 2018 and 4% in 2022. The wide representation of non-profit organizations indicated the public orientation of the commissions. The most active participants were those non-profit organizations that consulted citizens, thus improving the effectiveness of the commissions. The factors that affected the activity of public commissions were connected with their employees, i.e., their awareness, goal understanding, motivation for public work, involvement, and workflow management. Patient non-profit organizations participated in the work of public commissions in following types: presence, representation, and goal achievement. The current development vector is the shift to the type of goal achievement.

Keywords: activity of non-profit organizations, patient non-profit organizations, patient activism, public commission, medical and social expertise, healthcare and rehabilitation, interests of patients

Citation: Fomina T. A., Shchanina E. V. Non-Profit Organizations and Associations in Public Commissions Under Chief Bureaus of Sociomedical Assessment in Different Regions of Russian Federation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 359–370. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-359-370>

Received 30 Mar 2024. Accepted after review 11 Jul 2024. Accepted for publication 15 Jul 2024.

Введение

В последнее десятилетие в Российской Федерации активно развивается концепция пациентоориентированности в отношении здравоохранения и реабилитации людей с особыми потребностями. Это связано с растущим пониманием роли пациента в системе здравоохранения и существенного значения активной позиции самого человека в сохранении здоровья и восстановлении утраченных функций [1]. Данный тренд можно охарактеризовать, как *ничего, что касается меня, не делается без меня*.

Таким образом, в центре внимания системы здравоохранения и общества в целом находится человек, его здоровье и благополучие.

Активизация гражданского участия стейкхолдеров в пациентских организациях в управлении здравоохранением формирует в ее развитых системах трансформацию взаимодействий между врачами, пациентами, государством, продвигая пациентоориентированный подход в предоставлении услуг охраны здоровья.

Ученые в своих работах так или иначе затрагивали тему нашего исследования, изучая определенные аспекты, рассматриваемые нами в целом. Были изучены:

1. Общие вопросы теории и практики развития гражданского общества в РФ и Европейском союзе российскими (А. С. Ахиезер; Е. А. Здравомыслова; С. В. Патрушев; И. А. Халий; О. Д. Цепилова; Л. И. Якобсон; О. Н. Яницкий и др.) и западными исследователями (З. Бауман; У. Бек; Э. Гидденс; Д. делла Порта; М. Диани; М. Кастельса; Б. Кландерман; А. Турэн и др.).

2. Взаимодействие с властью некоммерческих организаций и их структура политических и социальных возможностей (Б. С. Модель; И. М. Модель; Е. В. Израелян; А. В. Старшинова и О. И. Бородкина [2]; И. А. Халий; А. Е. Чирикова; Д. Шмидт; О. Н. Яницкий), в том числе правовые основы этих взаимодействий (А. Г. Акрамовская; М. И. Либоракина; Р. В. Зелепукин [3]).

3. Отдельные аспекты организации взаимодействия «третьего сектора» с бизнесом, властью и СМИ (М. Кляйнеберг [4]; Н. В. Ольховик [5]; Н. К. Радина [6]; С. А. Репников [7]; А. А. Шабунова [8]; А. В. Старшинова, Е. Б. Архипова, О. И. Бородкина [9]).

4. Международный опыт участия различных институтов в защите прав пациентов (А. Е. Колонато, Ю. А. Крашенинникова, Е. Б. Кузнецов, Д. А. Митина¹; О. А. Цыганова, Т. Г. Светличная [10]; R. Baggott, R. Forster [11]).

В настоящее время в России как на федеральном, так и на региональном уровне сформирована нормативно-правовая база по допуску социально ориентированных некоммерческих организаций к предоставлению социальных услуг как негосударственных поставщиков, где здравоохранение является одним из приоритетных направлений сферы услуг².

В отечественной научной школе исследуются отдельные ракурсы деятельности некоммерческих организаций (НКО) в сфере здравоохранения [12], изучается участие пациентских организаций в управлении здравоохранением в РФ, описываются сложившиеся на сегодня российские практики пациентских организаций, включая взаимодействия с государством и бизнесом в сравнении с зарубежным опытом [13–17].

Существующий в последнее десятилетие тренд активной государственной поддержки третьего сектора в Российской Федерации способствует появлению и развитию продвинутых практик гражданской активности пациентских сообществ по отдельным заболеваниям. Это способствует появлению исследований, связанных с информированностью людей с заболеваниями о поддерживающей деятельности пациентских организаций [13]. Труд посвящен детальному описанию современных примеров деятельности общественных пациентских организаций: механизмам оказания юридической поддержки пациентам в целях защиты их законных прав; информационной и просветительской работе; проведению «школ»; оказанию специфических видов помощи для больных и членов их семей; механизмам решения проблем больных на государственном уровне.

Особую роль в институционализированном пациентском активизме играют общественные советы при различных органах здравоохранения [18]. И с этой точки зрения интерес представляют следующие исследования о:

1) механизмах формирования и функционирования общественных советов при федеральных и региональных органах исполнительной власти [19];

2) конструировании собственной идентичности членов совещательно-консультативных органов в том числе в рамках глобальной нормативной модели [20];

3) роли общественных советов в повышении эффективности деятельности региональных органов государственной власти [21].

Возможностям реализации функции общественного контроля рассмотрены в работах [22; 23], а одна из разновидностей общественного контроля (общественная экспертиза) – в [24] труде.

Вовлечение общественности и некоммерческого сектора в совершенствование системы работы медико-социальной экспертизы (МСЭ), которая развивается более трех лет, привело к включению в общественные комиссии при главных бюро МСЭ (ОК при ГБ МСЭ) значительного числа представителей профильных НКО. Общественные комиссии начали действовать как переговорные площадки. Вхождение в них пациентских НКО внесло новые

¹ История и текущая практика защиты прав пациентов в ведущих странах мира: аналитический обзор зарубежного опыта защиты прав пациентов. М.: Фонд содействия развитию науки, образования и медицины, 2009. 80 с.

² О некоммерческих организациях. ФЗ № 7-ФЗ от 12.01.1996; Об основах социального обслуживания граждан в РФ. ФЗ № 442-ФЗ от 28.12.2013; Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг. Указ Президента РФ № 398 от 08.08.2016 (ред. от 01.07.2017); Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания. Постановление Правительства РФ № 1096 от 27.10.2016 (ред. от 29.06.2019); О реестре некоммерческих организаций-исполнителей общественно полезных услуг. Постановление Правительства РФ № 89 от 26.01.2017 (ред. от 20.03.2023). СПС КонсультантПлюс.

ориентиры в содержание работы, а именно более оперативное подстраивание механизмов работы МСЭ под нужды целевой группы.

Если ранее системные проблемы в организации деятельности по медико-социальному освидетельствованию решались после критического накопления массива индивидуальных жалоб пациентов по какому-либо одному вопросу, то вступление представителей пациентских НКО в ОК сделало их социальным институтом, обеспечивающим обратную связь государственного учреждения с целевой группой потребителей государственных услуг (рис. 1).

Активность ряда общественных комиссий, сбор информации о системных проблемах и поступающие от ОК предложения по улучшению работы с лицами, получающими инвалидность, позволили внести изменения в работу МСЭ, в частности, учесть ряд требований во Временном порядке признания лица инвалидом³ и ряде других документов.

Обобщение разрозненного опыта работы общественных комиссий в разных регионах, в том числе анализ успешных и неуспешных результатов

деятельности пациентских НКО в их составе, стало одним из предметов социологического исследования, проведенного в феврале 2023 г. в рамках проекта «Общественное участие в совершенствовании системы МСЭ РФ: вовлечение, развитие, мониторинг» и реализуемого Всероссийским союзом пациентов при поддержке Фонда президентских грантов⁴.

Целью исследования стал анализ степени включенности некоммерческих организаций и объединений в деятельность ОК при ГБ МСЭ. Научная новизна заключается в исследовании практик участия некоммерческих организаций и объединений в их работе в субъектах РФ на обширной региональной базе; описании их роли как структурных элементов данных институтов; выявлении особенностей их активности; представлении своей роли в повышении качества работы государственных учреждений.

Актуальность связана с необходимостью повышения качества и доступности услуг медико-социальной экспертизы для населения. Включение НКО и объединений в процесс экспертизы позволит расширить спектр предоставляемых услуг, учесть индивидуальные потребности граждан и повысить уровень доверия к системе.

Методы и материалы

Эмпирическая часть статьи основана на данных социологического исследования, полученных в ходе упомянутого нами проекта:

- структурированных интервью с представителями ОК при ГБ МСЭ (выборка сплошная – представители всех ОК при ГБ МСЭ⁵);
- фокус-групповых интервью: две группы (представителей пациентских НКО, входящих в состав общественных комиссий) по 10–15 человек.

ОК при ГБ МСЭ в субъектах РФ призваны содействовать профильному ведомству в совершенствовании работы в сфере медико-социальной экспертизы через: независимую оценку общественностью доступности государственной услуги по проведению медико-социальной экспертизы; обеспечение согласования и учета общественно значимых интересов граждан, имеющих инвалидность, и общественных объединений инвалидов; повышение информированности общества по вопросам медико-социальной экспертизы, реабилитации и абилитации инвалидов;

Рис. 1. Механизм взаимодействия общественности и некоммерческого сектора в ОК при ГБ МСЭ

Fig. 1. Interaction between public and non-profit sector in public commissions under chief bureaus of sociomedical assessment

³ О внесении изменения во Временный порядок признания лица инвалидом. Постановление Правительства РФ № 92 от 01.02.2021. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Т. А. Фомина являлась научным руководителем данного исследования и руководителем ежегодных мониторингов деятельности ОК при ГБ МСЭ в субъектах РФ.

⁵ n = 83, т.к. Архангельская область и Ненецкий автономный округ ведут совместную деятельность и имеют одну Общественную комиссию, а в Херсонской и Запорожской областях, ДНР и ЛНР данные структуры на момент проведения исследования отсутствовали.

рассмотрение обращений граждан по вопросам качества оказания государственной услуги, соблюдения специалистами учреждения принципов этики и деонтологии при общении с посетителями.

Результаты

Состав общественных комиссий оказывает заметное влияние на их активность и обращенность к конкретным запросам различных целевых групп получателей услуг государственных бюро МСЭ. Из сведений в таблице 1⁶ видно, что существенных изменений в составе комиссий в 2022 г. по сравнению с предыдущими годовыми циклами деятельности не произошло.

Самой представленной группой в совокупном составе ОК при ГБ МСЭ по-прежнему являются представители пациентских НКО⁷. На сегодняшний день они составляют 34,1 % всех членов ОК при ГБ МСЭ и присутствуют в 65 ОК из исследованных 83. Представители других НКО (кроме пациентских) – следующая по величине социальная группа в составе ОК (27,2 % члена) с присутствием в 53 регионах. Удельный вес этой группы стал чуть больше за последние годы, что отражено в большем числе комиссий (юристы, правозащитники и медицинское сообщество).

Изменения в совокупном составе ОК при ГБ МСЭ в 2022 г. касаются снижения в нем доли представителей органов власти как с профильными,

Табл. 1. Социально-профессиональные группы в ОК при ГБ МСЭ по России

Tab. 1. Social and professional groups in public commissions under chief bureaus of sociomedical assessment Russia

№	Социально-профессиональные группы	Доля в составе ОК, %					Число ОК в 2022 г.
		2018	2019	2020	2021	2022	
1	НКО пациентов (в т. ч. инвалидов, родителей)	35,3	33,9	36,2	32,0	34,1	65
2	НКО различные (не пациентов)	22,3	16,8	22,9	26,4	27,2	53
3	Другие органы власти (кроме профильного)	6,3	13,9	13,0	15,4	10,6	52
4	Юристы, правозащитники	6,6	6,1	6,3	6,9	7,9	45
5	ГБ МСЭ	12,0	7,0	5,7	5,4	4,0	27
6	Врачебное сообщество	6,4	5,7	5,8	4,6	4,8	36
7	Медицинские образовательные учреждения	2,1	2,5	1,9	1,3	1,1	11
8	СМИ	0,6	1,1	0,6	1,3	1,0	10
9	Профессиональные ассоциации	2,4	2,8	1,2	1,1	1,1	10
10	Бизнес-структуры	0,5	1,2	0,3	1,1	0,3	3
11	Страховые организации	0,8	1,2	0,8	1,0	0,8	9
12	Общественная Палата	2,2	2,0	1,4	1,0	1,9	–
13	Уполномоченный по правам ребенка	–	1,0	1,2	0,7	1,4	–
14	Уполномоченный по правам человека	–	1,5	1,1	0,6	1,2	–
15	ОНФ	1,5	2,2	1,2	0,4	1,0	–
16	Благотворительные фонды и организации	–			0,4	0,9	–
17	Учреждения для людей с инвалидностью	–			0,3	0,9	–
18	Политические партии	0,1	0,9	–	–	–	–
19	Религиозные конфессии	0,1	0,2	–	–	–	–
20	Фармацевтические компании	–	0,1	–	–	–	–
	Итого	100	100	100	100	100	–

⁶ Здесь и далее сост. по: результаты социологического исследования в рамках проекта «Общественное участие в совершенствовании системы МСЭ РФ: вовлечение, развитие, мониторинг», выполненного с участием авторов.

⁷ В этой группе, названной условно, представлены и пациентские НКО, и НКО инвалидов.

так и непрофильными полномочиями. Численность государственных и муниципальных служащих из непрофильных ведомств составляет 10,6 %. Доля представителей непрофильных органов власти в 2022 г. заметно снизилась по сравнению с ее растущими в течение трех предыдущих лет показателями. При этом данная группа по-прежнему имеет представительство в большинстве ОК – 52 из 83 исследованных.

Четко заметен тренд на выход представителей ГБ МСЭ из состава общественных комиссий после соответствующего административного решения об их выводе в 2019 г.⁸ Так, удельный вес представителей ГБ МСЭ в составе ОК продолжает медленно снижаться – с 12 % в 2018 г. до 4 % в 2022 г. (т.е. представителей теперь только в 27 из 83 ОК).

Широкое представительство НКО (пациентских и непациентских) – 61,3% от общей совокупной численности ОК при ГБ МСЭ – говорит в пользу общественной ориентации комиссий в содержании деятельности. В 2022 г. присутствие пациентских и непациентских НКО практически не изменилось и осталось на высоком уровне (в 2021 г. удельный вес всех НКО составлял 58,4 %, в 2020 г. – 59 %, в 2019 г. – 50,7 %).

Позитивным фактором является участие в ОК представителей Общественных палат и Общероссийского народного фронта (ОНФ), представителей органов власти и различных сообществ. При этом участие органов власти представляется достаточным, а увеличение представительства профессиональных сообществ и журналистов могло бы привнести новые аспекты в содержание работы большего количества комиссий.

В регионах составы ОК при ГБ МСЭ могут сильно различаться и иметь структуру, значительно отличающуюся от общей структуры «совокупной общественной комиссии». Так, всего в 83 обследованных ОК при ГБ МСЭ в 2022 г. работало 292 пациентских НКО, их численность в 2018–2021 гг. приведена на рисунке 2, в 2022 г. в среднем на одну ОК приходилось 3,5 НКО, но этот показатель в последние годы немного снижается.

При этом включены пациентские НКО в состав общественных комиссий неравномерно. Встречаются комиссии как со значительным численным составом (в Новосибирской области – 15 НКО при 19 членах комиссии, Севастополе – 13 НКО при 14 членах комиссии, Москве, Хабаровской, Оренбургской, Тамбовской, Ивановской, Кировской

областях, республике Адыгея и Алтайском крае – 10–11 НКО при 13–18 членах комиссии), так и те, в составе которых число пациентских НКО незначительно – от 1 до 3 организаций (рис. 3).

Расширение социальной базы комиссий при сохранении ведущей роли пациентских организаций и специалистов повышает эффективность их деятельности: у нас с каждым годом все меньше проблем при прохождении МСЭ пациентов, потому что за последний год еженедельная рабочая группа, в которую <входят> НКО, здравоохранение и МСЭ, обсуждает все те проблемы, какие есть при направлении пациентов на МСЭ (женщина 48 лет, руководитель НКО пациентов с сахарным диабетом, член ОК при ГБ МСЭ с 2020 г.).

Рис. 2. Динамика изменения числа пациентских НКО в ОК при ГБ МСЭ в 2018–2021 гг.

Fig. 2. Number of patient non-profit organizations in public commissions under the State Medical Examiner's Office, 2018–2021

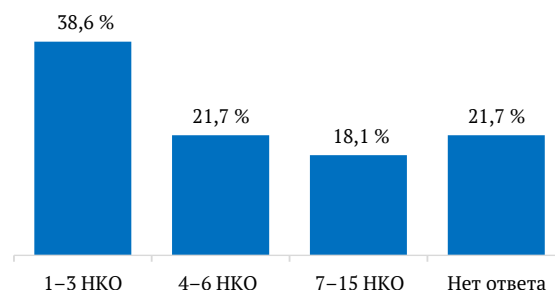

Рис. 3. Доля пациентских НКО в ОК при ГБ МСЭ, % от общего числа общественных комиссий в целом по России

Fig. 3. Patient non-profit organizations in public commissions under chief bureaus of sociomedical assessment, % total number of public commissions in Russia

⁸ Резолюция Круглого стола «Совершенствование общественного контроля в системе здравоохранения и МСЭ». Всероссийский союз пациентов. 29.11.2019. URL: <https://vspru.ru/media/846883/rezolyuciya-ks-26-x-kongress-2019.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).

Этот вывод подтверждается результатами анализа активности различных социально-профессиональных групп в работе общественных комиссий при ГБ МСЭ (табл. 2). Наибольшую активность проявляют ключевые профильные группы (представители НКО пациентов, других НКО, общественные деятели).

Несмотря на процесс выхода представителей ГБ МСЭ из членства в ОК им по-прежнему принадлежит значительная роль в определении повестки

работы комиссий. Это является отражением статуса профильного ведомства, которое во многих случаях осуществляет организаторские функции. При этом в 2022 г. по сравнению с 2021 г. сократилась доля вопросов, вынесенных на заседания ОК представителями профильных и непрофильных органов власти. Во все большем количестве комиссий управление их работой переходит под начало представителей общественности.

Практика мониторинга работы различных общественных советов в сфере здравоохранения⁹ показала, что со временем количество и активность их представителей возрастают. Такую же тенденцию демонстрируют и ОК при ГБ МСЭ. В 2022 г. более активное участие в работе комиссий стали принимать представители Общественных палат регионов и ОНФ, уполномоченные по правам человека и уполномоченные по правам ребенка. Несколько заметнее стала и работа в ОК юристов и правозащитников. Активность социально-профессиональных групп в ОК при ГБ МСЭ согласуется в целом со степенью их представленности в составе комиссий.

Чем более представительной является та или иная социально-профессиональная группа в составе общественных советов, тем большую активность она демонстрирует.

В 2022 г. с окончанием пандемийных ограничений общественные комиссии продолжили возвращение к «живому» формату своих заседаний как основной формы работы (табл. 3). Показатель частоты использования очных заседаний постепенно движется к допандемийному уровню. При этом освоенные членами советов компетенции по использованию технологий в онлайн-режиме надежно закрепили эти форматы в рабочем арсенале.

По частоте использования различных форм работы в 2022 г. значимых изменений не наблюдается, основными среди них остаются заседания общественных комиссий и консультирование граждан. Заметна некоторая динамика увеличения разнообразия используемых форм работы – постпандемийного закрепления в деятельности дистанционных форматов встреч и обсуждений (онлайн-заседаний, рабочих онлайн-встреч). Работа комиссий чаще стала включать консультационные формы работы с гражданами, что свидетельствует о постепенном повышении активности содействия членов комиссии в решении вопросов целевых групп.

Табл. 2. Доля вопросов, выносимых на заседания ОК представителями различных социально-профессиональных групп, % от числа общественных комиссий в целом по России
Tab. 2. Issues submitted to meetings of public commissions by representatives of various social and professional groups, % number of public commissions in Russia

№	Социально-профессиональные группы	2021	2022	Доля в составе ОК, %
1	Пациентские организации	29,3	28,8	34,1
2	ГБ МСЭ	26,2	19,1	4,0
3	Общественные деятели (кроме пациентских НКО)	20,2	21,6	27,2
4	Непрофильные органы власти	11,5	7,3	10,6
5	Юристы, правозащитники	2,9	5,6	7,9
6	Врачебное сообщество	3,1	2,7	4,8
7	Страховые организации	3,2	2,1	0,8
8	Бизнес-структуры	1,0	0,3	0,3
9	Медицинские образовательные учреждения	0,9	0,7	1,1
10	Профессиональные ассоциации	0,8	0,1	1,1
11	Журналисты	0,8	0,3	1,0
12	Общественная Палата	0,1	2,7	1,9
13	ОНФ	–	1,9	1,0
14	Уполномоченный по правам человека	–	1,5	1,2
15	Уполномоченный по правам ребенка	–	1,7	1,4
16	Иные	–	3,6	–

⁹ Мониторинг деятельности общественных советов проводится в рамках деятельности Всероссийского союза общественных объединений пациентов с 2012 г. В настоящий момент он охватывает деятельность общественных структур при территориальных органах Росздравнадзора, региональных органах управления здравоохранением, главных бюро медико-социальной экспертизы, ФМБА России, ГК «Росатом».

Табл. 3. Частота использования в ОК при ГБ МСЭ форм работы в целом по России, % от числа общественных комиссий
 Tab. 3. Forms of work in public commissions under chief bureaus of sociomedical assessment in Russia, % total public commissions

№	Формы работы	2019	2020	2021	2022	Число мероприятий в 2022 г.
1	Заседания очные	97,6	55,9	66,7	84,3	172
2	Заседания онлайн	–	35,3	38,6	31,3	65
3	Рабочие встречи очные	–	29,4	36,8	32,5	83
4	Рабочие встречи онлайн	–	20,6	8,8	8,4	19
5	Консультирование граждан	34,9	31,4	50,9	54,2	110
6	Круглые столы, конференции, семинары очные	36,1	13,2	22,8	28,9	61
7	Конференции, семинары онлайн	–	11,8	14,0	13,3	28
8	Запросы и обращения во властные структуры	45,8	35,3	33,3	34,9	71
9	Работа со СМИ (пресс-конференции, пресс-релизы)	51,8	47,1	31,6	32,5	66
10	Участие в мероприятиях партнеров	36,1	41,2	45,6	39,8	81
11	Выездные заседания – очные	18,1	10,3	7,0	18,1	28
12	Социологические исследования	10,6	8,8	7,0	9,6	10
13	Инициирование различных проверок	9,6	1,5	1,8	6	9
14	Работа горячей линии	19,3	33,8	33,3	32,5	66

По опыту советов при региональных органах управления здравоохранением и при Росздравнадзоре число форм работы общественных советов может достигать 30–40. К их числу относятся: различные публичные мероприятия; выездные мероприятия; межведомственные формы работы; пресс-мероприятия; работа в Интернете; встречи с пациентами, гражданами, целевой общественностью, прием обращений и жалоб; распространение информации; изготовление и распространение материалов; консультации; горячие линии; социологические исследования; подготовка рекомендаций; обучение экспертов, специалистов, граждан и др. Однако без инициативы, направления и рекомендаций со стороны руководства советов или ведомств, системного методического обеспечения и обмена успешным опытом набор форм работы сокращается до самых простых и до тех, которые реализуют отдельные члены общественных структур.

Практический порядок организации деятельности ОК является отражением отношения их членов к значимости своего участия (и своему назначению) в работе комиссий, преследуемых ими целей, уровня мотивации к общественной работе и уровня их самосознания в качестве общественных деятелей, а также – отражением региональной специфики

развития гражданского общества, наличия действующих общественных организаций и институтов.

Как показывают результаты исследования, уровень активности работы общественных комиссий разных регионов значительно различается и зависит от следующих факторов:

- наличия осознанности и существа целей членов ОК;
- степени мотивации членов ОК, направленной на достижение результатов в общественной работе;
- уровня включенности членов ОК в деятельность;
- уровня организации членами ОК работы.

Высокий уровень развития по оценкам экспертов демонстрирует лишь небольшое число ОК при ГБ МСЭ регионов России. Оценки представителей пациентских организаций о работе общественных организаций доказывают это:

1. *В первую очередь хочется добиться активизации членов общественных комиссий, потому что это самая главная проблема...* (женщина 48 лет, руководитель НКО пациентов с сахарным диабетом, член ОК при ГБ МСЭ с 2020 г.)

2. *Многие засиделись... Во всех комиссиях состоят и советах, но нигде не работают. Хочется просто начать эту работу, как минимум...* (женщина 51 года, руководитель НКО пациентов с неврологическими заболеваниями, член ОК при ГБ МСЭ с 2021 г.)

3. По моим внутренним ощущениям, что это просто мы собрались, просто было мероприятие. Пока никакой результативности для себя не увидела... (женщина 39 лет, руководитель НКО родителей с детьми с инвалидностью, член ОК при ГБ МСЭ с 2022 г.)

Цели участия в работе ОК при ГБ МСЭ, которые ставят участники исследования (представители пациентских НКО в общественных комиссиях), согласуются с целями, закрепленными в регламентирующем их деятельность документе, – Положении об общественной комиссии (Положение)¹⁰. К ним относятся:

- повышение качества жизни пациентов через удовлетворение их потребностей при обращении за услугами МСЭ;
- предупреждение претензионных обращений и жалоб пациентов в отношении работы бюро МСЭ;
- содействие повышению эффективности межведомственного взаимодействия при организации и оказании гражданам услуг МСЭ.

В основе компетентности в использовании возможностей и исполнении полномочий, закрепленных за комиссиями, лежит *информированность*. Как показали проведенные интервью, не все члены комиссий имеют точные представления, какие полномочия у них есть и в каких документах они закреплены. Многие информанты даже не смогли указать на то, что деятельность комиссии регламентируется Положением. Те участники исследования, которые знакомы с этим документом, также испытывают трудности с применением его положений для определения своих практических возможностей по достижению необходимых результатов в работе:

1) у нас, самих общественныхников, нет такого четкого представления, что мы там должны вообще делать, какие мы можем иметь права, функционал, что мы вообще можем до них донести (женщина 42 лет, руководитель НКО онкопациентов, член ОК при ГБ МСЭ с 2019 г.);

2) не хватает знаний, базы, чтобы понять, что там можно делать (мужчина 52 лет, руководитель НКО пациентов с неврологическими заболеваниями, член ОК при ГБ МСЭ с 2020 г.).

Достаточный для результативной работы уровень компетентности в использовании возможностей и полномочий, закрепленных за ОК, имеют немногие члены комиссий – не более десятой части экспертов, с которыми поговорили интервью, а уровень активности многих испытывает негативное

воздействие таких факторов, как низкая мотивация к затратам личных ресурсов на общественную работу и низкая вовлеченность в деятельность: *это просто заседания, когда мы собираемся, и вот они нам отчитываются больше о проведенной своей работе, нежели мы как общественность принимаем какие-то вопросы, повестки* (мужчина 52 лет, руководитель НКО пациентов с неврологическими заболеваниями, член ОК при ГБ МСЭ с 2020 г.).

Уровень развития деятельности общественных комиссий определяется активностью и результативностью их работы. Соответственно, позитивные сдвиги будут происходить при повышении активности трудовой деятельности и повышении результативности ее участников. При наличии существенной доли некоммерческих пациентских организаций в составе комиссий именно от их активности будет зависеть уровень работы общественных комиссий.

Заключение

По результатам исследования были выявлены три типа включенности представителей пациентских НКО в работу ОК при ГБ МСЭ, которые соответствуют содержанию целей участия НКО в работе комиссий и уровню их активности (табл. 4):

1. **Тип присутствия в ОК.** Представители пациентской НКО, откликнувшись на предложение войти в состав ОК, формально участвуют в работе комиссии, присутствуя на заседаниях, но не ставя для себя каких-либо задач. ОК рассматривается представителями пациентской НКО в рамках данного типа как источник информации о ситуации в сфере МСЭ. Он характерен для представителей НКО с невысоким уровнем организационного развития и для новых НКО.

2. **Тип представительства НКО в ОК.** В рамках данного типа основными задачами участия в работе ОК активисты пациентской НКО видят представление своего мнения по вопросам повестки, выработку рекомендаций по решению вопросов в сфере МСЭ и развитие и поддержку необходимого межведомственного взаимодействия в этой же сфере. Этот тип участия соответствует содержанию работы и полномочиям ОК, закрепленным в типовом Положении.

3. **Тип достижения целей с помощью ОК.** Активисты пациентских НКО в рамках данного типа не только представляют мнение своей организации по вопросам повестки, используя полномочия, предоставленные по Положению, но также инициируют и стимулируют процесс реализации решений ОК, не ограничиваясь только рекомендательным

¹⁰ О создании Общественной комиссии при ФГБУ ФБ МСЭ Минтруда России. Приказ ФГБУ ФБ МСЭ Минтруда России № 267 от 19.07.2021. ФГБУ ФБ МСЭ Минтруда России.

Табл. 4. Типы участия представителей пациентских НКО в работе ОК при ГБ МСЭ в России

Tab. 4. Patient non-profit organizations in public commissions under chief bureaus of sociomedical assessment in Russia: types of participation

Параметры участия Тип участия	Основная цель	Активность по представлению интересов НКО и целевой группы	Активность по обеспечению исполнения решений ОК	Степень использования полномочий ОК
Присутствие	Получение информации о ситуации в сфере МСЭ	–	–	Полномочия ОК практически не используются
Представительство	Представление интересов целевой группы при рассмотрении вопросов регулирования сферы МСЭ	+	–	Используется небольшая часть полномочий ОК
Достижение целей	Достижение запланированных результатов, соответствующих целям НКО	+	+	Используется большая часть полномочий ОК, и формируются дополнительные неформальные технологии и механизмы работы с использованием ресурсов ОК

характером деятельности. Цель – достичь решения конкретных вопросов в сфере МСЭ, согласующихся с целями самой НКО. Работа в ОК является ресурсом в плановой деятельности НКО и в достижении ее целей. Этот тип участия характерен для активистов пациентских НКО с высоким уровнем организационного развития.

Вектором развития деятельности ОК при ГБ МСЭ является постепенный переход пациентских НКО к реализации модели достижения целей, что будет способствовать повышению результативности деятельности комиссий в целом.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Т. А. Фомина – анализ литературы по проблеме исследования, методологический

и концептуальный анализ, написание и редактирование статьи. Е. В. Щанина – создание концепции и основной идеи исследования, постановка научной проблемы, обоснование актуальности.

Contribution: T. A. Fomina performed the review, conducted the methodological and conceptual analysis, and wrote the manuscript. E. V. Shchanina developed the research concept, formulated the scientific problem, and proved the relevance.

Благодарности: Авторы выражают признательность Всероссийскому союзу пациентов за содействие в проведении исследования, сотрудникам ФГБУ «Федеральное бюро медико-социальной экспертизы» Министерства труда и социальной защиты РФ, главных бюро МСЭ в субъектах РФ и действующих при них общественных комиссий за организационную поддержку.

Acknowledgments: The authors express their gratitude to the staff of the All-Russian Union of Patients, the Federal Bureau of Sociomedical Assessment of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, the chief bureaus of sociomedical assessment in Russian regions, and the public commissions.

Литература / References

1. Хохлов А. Л., Сычев Д. А. Концепция пациентоориентированности в медицине и фармации. *Пациентоориентированная медицина и фармация*. 2023. Т. 1. № 1. С. 1–4. [Khokhlov A. L., Sychev D. A. The concept of patient-oriented medicine and pharmacy. *Patient-Oriented Medicine and Pharmacy*, 2023, 1(1): 1–4. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37489/2949-1924-0001>

2. Старшинова А. В., Бородкина О. И. Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15. № 5. С. 221–236. [Starshinova A. V., Borodkina O. I. Sustainability strategies of socially oriented NPOs: Grant support mechanism. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2022, 15(5): 221–236. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.12>
3. Зелепукин Р. В. Роль и значение некоммерческого сектора в развитии социального государства: к вопросу о специальных правовых статусах некоммерческих организаций. *Актуальные проблемы государства и права*. 2019. Т. 3. № 9. С. 76–88. [Zelepukin R. V. The nonprofit sector role and importance in the social state development: To the question of nonprofit organizations special legal status. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava*, 2019, 3(9): 76–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-9-76-88>
4. Кляйнеберг М. Некоммерческие общественные организации в российском секторе социального обеспечения. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. Т. 3. № 1. С. 134–153. [Kleineberg M. Non-profit organizations within Russia's welfare sector. *The journal of sociology and social anthropology*, 2000, 3(1): 134–153. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oncfzf>
5. Ольховик Н. В. Взаимодействие общественных советов с помощниками начальников территориальных органов федеральной службы исполнения наказаний по защите прав человека. *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 405. С. 173–177. [Olkhovik N. V. Cooperation of public councils with assistants of principals of local offices of the Federal Penal Service over the protection of human rights. *Tomsk State University Journal*, 2016, (405): 173–177. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/405/25>
6. Радина Н. К. «Непротivление злу насилием»: о характере активизма российских неправительственных организаций. *Журнал исследований социальной политики*. 2011. Т. 9. № 2. С. 207–218. [Radina N. K. "Non-resistance to evil by violence": Nature of activism of Russian non-governmental organizations. *The journal of social policy studies*, 2011, 9(2): 207–218. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nunrqp>
7. Репников С. А. Некоммерческие организации как часть гражданского общества в России: современное состояние и проблемы. *Право и государство: теория и практика*. 2019. № 11. С. 82–84. [Repnikov S. A. Non-profit organizations as part of civil society in Russia: The current state and problems. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika*, 2019, (11): 82–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aenoez>
8. Шабунова А. А., Косыгина К. Е. Проблемы государственного управления развитием некоммерческого сектора на региональном уровне. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 4. С. 86–103. [Shabunova A. A., Kosygina K. E. Public administration issues in the development of the non-profit sector at the regional level. *Economic and social changes: Facts, trends, forecast*, 2019, 12(4): 86–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc.2019.4.64.6>
9. Старшинова А. В., Архипова Е. Б., Бородкина О. И. Паттерны взаимодействия российских граждан с НКО в условиях институциональных изменений третьего сектора. *Журнал институциональных исследований*. 2022. Т. 14. № 4. С. 42–55. [Starsinova A. V., Arkhipova E. B., Borodkina O. I. The patterns of interaction between Russian citizens and NGOs in the context of institutional change. *Journal of Institutional Studies*, 2022, 14(4): 42–55. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.4.042-055>
10. Цыганова О. А., Светличная Т. Г. Формирование систем защиты прав пациентов в зарубежных странах. *Экология человека*. 2013. Т. 20. № 3. С. 39–45. [Tsyganova O. A., Svetlichnaya T. G. Formation of patient rights protection systems in foreign countries. *Ekologiya cheloveka*, 2013, 20(3): 39–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17816/humeco17375>
11. Baggott R., Forster R. Health consumer and patients' organizations in Europe: Towards a comparative analysis. *Health Expectations*, 2008, 11(1): 85–94. <https://doi.org/10.1111/j.1369-7625.2007.00472.x>
12. Глуховский В. В., Гук А. П., Слабкой Г. А., Фролов Ю. А., Цолова С. Влияние граждан и их организаций на систему здравоохранения: международный опыт. Киев: Дизайн и полиграфия, 2006, 100 с. [Glukhovskii V. V., Guk A. P., Slabkoi G. A., Frolov Yu. A., Tsolova S. *The impact of citizens and their organizations on healthcare system: International experience*. Kiev: Dizain i poligrafia, 2006, 100. (In Russ.)]
13. Абрамов А. Ю., Витковская И. П. Роль общественных организаций в оказании медицинской помощи: по данным опроса родителей детей, страдающих орфанными заболеваниями. *Вестник РУДН. Серия: Медицина*. 2018. Т. 22. № 4. С. 443–449. [Abramov A. Yu., Vitkovskaya I. P. The role of public organizations in the organization of medical care: According to a survey of parents of children suffering from orphan diseases. *RUDN Journal of medicine*, 2018, 22(4): 443–449. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-0245-2018-22-4-443-449>

14. Беневоленский В. Б., Шмулевич Е. О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО: зарубежный опыт. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2013. № 3. С. 150–175. [Benevolenskiy V. B., Shmulevich Ye. O. Government support for socially oriented NPOs: Foreign experience. *Public Administration Issues*, 2013, (3): 150–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rboked>
15. Крашенинникова Ю. А. Роль НКО в управлении системой здравоохранения и перспективы развития пациентского движения в России. *Журнал исследований социальной политики*. 2009. Т. 7. № 4. С. 519–534. [Krasheninnikova Yu. A. The role of NGOs in the management of the healthcare system and the prospects for the development of the patient movement in Russia. *The journal of social policy studies*, 2009, 7(4): 519–534. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxzxun>
16. Кулькова В. Ю. Некоммерческие организации в предоставлении услуг в сфере здравоохранения на государственном и региональном уровнях. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2022. № 95. С. 81–92. [Kulkova V. Yu. Non-profit organizations in provision of healthcare services at state and regional levels. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 2022, (95): 81–92. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-81-92>
17. Масюк С. В. Деятельность пациентских организации в системе здравоохранения Российской Федерации. *Вестник Университета*. 2015. № 6. С. 44–49. [Masyuk S. V. Activity of patient organizations in health system of the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, 2015, (6): 44–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wansdx>
18. Щербина М. В. Институционализация экспертного сообщества: общественные советы при органах власти. *Власть*. 2018. Т. 26. № 3. С. 55–60. [Scherbina M. V. Institutionalization of the expert community: Public councils under the authorities. *Vlast*, 2018, 26(3): 55–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yugsri>
19. Дьякова Е. Г. Общественные советы при органах исполнительной власти: к вопросу об общественном контроле. *Теории и проблемы политических исследований*. 2017. Т. 6. № 3А. С. 96–117. [Dyakova E. G. Public councils at the regional level: Some areas of activity. *Theories and Problems of Political Studies*, 2017, 6(3A): 96–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zrpjif>
20. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Общественные советы при органах исполнительной власти: эксперты, контролеры или мирские челобитчики? *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 6. С. 180–201. [Dyakova E. G., Trakhtenberg A. D. Public councils under executive bodies: Experts, controllers or community advocates? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, (6): 180–201. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.09>
21. Орлова И. В., Соколова Т. Д. Роль и функции общественных советов в повышении эффективности деятельности региональных органов государственной власти. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2017. Т. 17. № 1. С. 124–131. [Orlova I. V., Sokolova T. D. The role and functions of public councils in enhancing effectiveness of regional state authorities. *RUDN Journal of Sociology*, 2017, 17(1): 124–131. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-1-124-132>
22. Матвеева Е. В., Митин А. А., Алагоз А. В. Институт общественного контроля в региональном политическом пространстве: современное состояние и перспективы развития. *Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 43. С. 191–202. [Matveeva E. V., Mitin A. A., Alagoz A. V. Institution of public control in the regional political landscape: Current state and prospects for development. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, (43): 191–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/1998863X/43/18>
23. Рагозина Л. Г. Общественное участие в развитии и контроле качества социальных услуг: опыт России и зарубежных стран. *Журнал исследований социальной политики*. 2015. Т. 13. № 1. С. 97–108. [Ragozina L. G. Public participation in the development and quality control of social services: The experience of Russia and foreign countries. *The journal of social policy studies*, 2015, 13(1): 97–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tphxdr>
24. Модель и практики Альянса некоммерческих организаций «Общественная экспертиза в здравоохранении», ред. Власов Я. В., Чураков М. В. М.: НИУ «ВШЭ», 2009. 192 с. [*The model and practices of the Alliance of Non-profit Organizations "Public Expertise in Healthcare"*, eds. Vlasov Ia. V., Churakov M. V. Moscow: HSE University, 2009, 192. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ybtlsc>

Есть ли профессиональное будущее в индустриальном секторе? Взгляд уральских школьников (по результатам социологического исследования)

Шалагина Елена Владимировна

Уральский государственный педагогический университет,

Россия, Екатеринбург

eLibrary Author SPIN: 4981-0970

<https://orcid.org/0009-0001-5140-705X>

elshal96@gmail.com

Шихова Ольга Николаевна

Уральский государственный педагогический университет,

Россия, Екатеринбург

eLibrary Author SPIN: 6012-2055

<https://orcid.org/0000-0003-4398-062X>

Аннотация: Актуальность изучения представлений школьников о профессиях промышленной направленности обусловлена изменениями на рынке труда, инновационным подъемом в области инженерной деятельности, необходимостью концептуализации профориентационной работы в образовательной организации, значимостью информационно-просветительской деятельности в сети Интернет. Кроме этого, при изучении мнений о выбираемых профессиях важно принимать во внимание меняющийся характер взросления, появление новых моделей успешности («текучих» жизненных траекторий). Цель – охарактеризовать представления современных школьников об индустриальных профессиях, включающие свойства привлекательности / непривлекательности в отношении будущих карьерных планов. Применены следующие методы исследования: онлайн-опрос учащихся 9 и 11 классов образовательных организаций Екатеринбурга (n = 7628); полуформализованное экспертное интервью с молодыми сотрудниками до 35 лет (n = 204); фокус-группа с 10 молодыми сотрудниками ПАО «Машиностроительный завод имени М. И. Калинина» в Екатеринбурге. Выявлено, что у выпускников школ сегодня наблюдаются профориентационные установки, которые основываются на: 1) слабой осведомленности о научно-технологическом развитии в области современной инженерной деятельности и непопулярности данной профессии; 2) непрестижности заводских профессий ввиду их табуированности (советской модели профессии как служения предприятию). Установлены непривлекательные черты профессии рабочего (*вредная для здоровья, сложная, не имеющая карьерных перспектив, однообразная*) и привлекательные (*стабильность*). Профессия инженера, по мнению школьников, более перспективна, разнообразна, высокооплачиваема и имеет сложный характер. Основным (и эффективным) агентом формирования понимания молодежью сути заводской профессии является опыт родителей о профессии – 50 % школьников из числа опрошенных не имеют реальных представлений о новых форматах деятельности промышленных предприятий.

Ключевые слова: представления о профессии, профессиональное самоопределение, промышленное предприятие, рабочие профессии, инженерные профессии, привлекательность профессии, школьники

Цитирование: Шалагина Е. В., Шихова О. Н. Есть ли профессиональное будущее в индустриальном секторе? Взгляд уральских школьников (по результатам социологического исследования). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 3. С. 371–380. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-371-380>

Поступила в редакцию 11.04.2024. Принята после рецензирования 23.07.2024. Принята в печать 29.07.2024.

full article

Do Industrial Jobs Have Good Prospects? A Sociological Survey of School Students from the Ural

Elena V. Shalagina

Ural State Pedagogical University, Russia, Yekaterinburg

eLibrary Author SPIN: 4981-0970

<https://orcid.org/0009-0001-5140-705X>

elshal96@gmail.com

Olga N. Shikhova

Ural State Pedagogical University, Russia, Yekaterinburg

eLibrary Author SPIN: 6012-2055

<https://orcid.org/0009-0001-5140-705X>

Abstract: Education organizations need to reconceptualize their career guidance activities in the context of global digitalization and technological development. The current changes on the labor market make it necessary to study schoolchildren's ideas about industrial jobs. Professional preferences of school students usually depend on their age and reflect new success models, i.e., the so-called fluid life trajectories. This research featured the attitudes of school students to industrial professions with their attractiveness and unattractiveness in terms of future career plans. The online survey covered 7628 students of 9th and 11th grades, a semi-formalized expert interview with young employees under 35 (n = 204) and a focus group of ten young employees of Kalinin Machine-Building Plant, Yekaterinburg. The school students based their career attitudes on the following assumptions. First, they lacked awareness of scientific and technological development in engineering and, as a result, considered this profession unpopular. Second, they did not perceive factory professions as prestigious because of the Soviet model of a factory worker as a servant to the factory. The unattractive features of a factory-related job were described as *unhealthy, difficult, with no career prospects, and monotonous*. The only attractive feature was *stability*. Engineering received a more favorable description, i.e., *promising, diverse, well-paid, and challenging*. The concept of a factory worker was shaped by the experience of parents: 50% of school students had very outdated knowledge of industrial production.

Keywords: ideas about a profession, professional self-identity, factory, worker, engineer, attractiveness of a profession, school students

Citation: Shalagina E. V., Shikhova O. N. Do Industrial Jobs Have Good Prospects? A Sociological Survey of School Students from the Ural. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 371–380. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-371-380>

Received 11 Apr 2024. Accepted after review 25 Jul 2024. Accepted for publication 29 Jul 2024.

Введение

С советского времени были заложены основы профильной подготовки подрастающего поколения именно в индустриальной области (фабрично-заводское ученичество, технические кружки, производственное обучение и пр.). Однако преобладавшие в то время мобилизационный и плановый принципы в профессиональной ориентации породили противоречие между высокой общественной значимостью рабочего класса, реальным уровнем жизни трудящихся и социалистической природой предприятий [1, с. 23]. К тому же с 2000-х гг. профориентационная работа в школах не получала должной финансовой поддержки, держалась в основном на энтузиазме учителей, части родителей и немногих оставшихся предприятий-шефов [2, с. 105]. Фрагментарность профессиональной ориентации на протяжении 20 пореформенных лет привела к серьезным расхождениям между намерениями

подростков и востребованными направлениями деятельности [3, с. 55].

На сегодняшний день представления о трудовой деятельности черпаются учащимися не только в стенах школы, но и через современные медиа, опыт родителей, мнение сверстников, что зачастую приводит к поверхностным знаниям о «модных» профессиях. Данная тенденция усиливается из-за активного освоения школьниками информационно-коммуникативных технологий. Как следствие, в структуре профессионального самоопределения представителей подрастающего поколения преобладает самостоятельная оценка собственных устремлений [4, с. 121], обладающая определенными рисками. Так, по данным исследования проекта *Профессии будущей Москвы*, 50 % школьников не имеют представления о сущности выбранной профессии, а 67 % не соотносят ее выбор

со своими реальными возможностями¹, что является следствием трансформаций, вызванных информационно-технологическими новациями.

Новая (постиндустриальная) реальность в целом повлияла на изменения качественных характеристик труда: растет привлекательность нестандартной занятости; появляются альтернативные модели успешности (к примеру, дауншифтинг – добровольный отказ от карьерной гонки в пользу спокойного образа жизни); активно развивается калейдоскопная трудовая стратегия, в которой приоритет отдается личностным особенностям и стремлению индивида адаптировать профессиональный маршрут к изменениям, происходящим в жизни². С институциональной точки зрения российский рынок труда столкнулся с проблемой дефицита рабочей силы (особенно в индустриально-промышленном секторе).

Следует подчеркнуть, что регионы с высокой концентрацией промышленного производства, к которым можно отнести Урал, тяжело и долго проживали процессы, связанные со сменой индустриальной модели развития экономики [5; 6]. Уральские социологи в своих исследованиях указывают на феномен деактуализации ценностных ориентаций учащейся молодежи в области получения инженерно-технического образования и последующего трудоустройства на промышленных предприятиях [7]. Данный процесс сопровождается разрывом механизмов культурной трансмиссии, когда опыт старшего поколения перестает влиять на реальный выбор профессионального пути [8, с. 154].

В 2023 г. Департаментом по труду и занятости Свердловской области был сделан анализ по 205 профессиям (должностям) и отмечен по его результатам эффект неудовлетворенного спроса именно на рабочие профессии (слесарь, токарь, электромонтер, электрогазосварщик)³. Государственная политика на данный момент вполне определенно указывает на данные проблемы и предлагает свои решения, с 2005 г. развивая профильное обучение во многих образовательных организациях. Например, существует проект *Уральская инженерная школа*, реализуемый в Свердловской области как государственная

программа *Развитие системы образования в Свердловской области до 2024 г.*, действие которой продлено до 2034 г.⁴ Эти документы заявляют о необходимости продвигать и популяризировать промышленные группы профессий. Сами предприятия уже сейчас активно внедряют инновационные и высокотехнологичные мощности, системы автоматизации и роботизации производства, о чем готовы рассказать широкой общественности, становясь более открытыми и публичными для населения.

Однако в области профильного обучения, как показывают исследования, возникают проблемы распределения учащихся по профилям, смещения на углубленное изучение отдельных предметов, переориентации на подготовку к поступлению в вуз [8, с. 155]. Но несмотря на реализацию различных проектов, существует информационный «голод» в отношении профессий индустриального сектора [9].

В промышленной отрасли при количественном кадровом дефиците весьма актуальным вопросом для изучения остается вопрос об отраслевой мотивации учащейся молодежи, включающей отношение к профессии и уровень сформированности профессиональных планов [10; 11]. Данный аспект сопряжен с изменениями в области профессионального самоопределения [12, с. 80] и осведомленностью учащихся о перспективах карьерного роста в условиях меняющегося промышленного производства [13, с. 133].

Изучение представлений учащихся о профессии в индустриальном секторе – не просто набор знаний о содержании труда, а нечто более широкое. Важно понять, какие агенты / институты оказываются для выпускника наиболее ценными, значимыми. Не менее важно выявить, какие свойства и характеристики для школьников представляются приемлемыми и привлекательными, а какие – нет. Следовательно, цель исследования – определить представления современных старшеклассников о профессиях индустриально-промышленной направленности, исходя из свойства привлекательности / непривлекательности в аспекте будущих карьерных планов.

¹ В борьбе между профессиями прошлого и профессиями будущего победят компетенции настоящего. *Профобразование*. 11.09.2017. URL: <http://проф-обр.рф/board/4-1-0-1559> (дата обращения: 05.04.2024).

² Стенограмма секции «Образование и профессия: стратегии и практики в новой реальности»: XIII Междунар. Грушинская социол. конф. М.: Московский центр урбанистики «Город». 2023. 32 с. URL: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2023/stenogramma_2023/obrazovanie-i-professija.pdf (дата обращения: 05.04.2024).

³ Об утверждении перечня востребованных профессий (должностей, специальностей) для трудоустройства в организации, испытывающих потребности в привлечении работников. Приказ ДТЗН Свердловской области № 32 от 14.02.2024. *ИПП Гарант*.

⁴ О проекте «Уральская инженерная школа». Указ Губернатора Свердловской области № 453-УГ от 06.10.2014 (ред. от 31.05.2016). *СПС Кодекс*.

Методы и материалы

Прикладное социологическое исследование было реализовано в 2023 г, его объектом выступали учащиеся 9 и 11 классов образовательных организаций Екатеринбурга ($n = 7628^5$). Предмет исследования – представления школьников о профессиях в индустриальном секторе и степени их привлекательности для будущих карьерных планов.

Задачи исследования [5, с. 113]:

- 1) изучение образа работника производственной сферы в представлениях учащихся;
- 2) анализ факторов позитивного / негативного отношения к работе на промышленном предприятии.

В качестве метода сбора эмпирических данных была использована онлайн-анкета, размещенная на платформе Yandex. Отбор респондентов производился целевым способом. Анкетирование было выполнено при поддержке Министерства образования и молодежной политики Свердловской области.

Дополнительно в качестве объекта были изучены молодые сотрудники ПАО «Машиностроительный завод имени М. И. Калинина» в Екатеринбурге (ЗиК). Предметом исследования в данном случае выступали мнения состоявшихся работников о привлекательности / непривлекательности заводских профессий в среде школьников. Эмпирической базой стали результаты формализованного экспертного интервью с молодыми сотрудниками ЗиК в возрасте до 35 лет ($n = 204$)⁶. Принципы формирования выборочной совокупности: репрезентативность по типу структурных подразделений; репрезентативность по уровню образования. Кроме того, анализировались результаты фокус-группы с молодыми работниками завода ($n = 10$) и экспертного интервью с сотрудниками кадровой службы ($n = 5$).

Результаты

Социальные представления, как указывал С. Московичи, являются выражением определенного способа восприятия реальности, основанного на понимании и передачи того, что уже известно [14, с. 5]. Для нашего исследования анализ представлений школьников о профессии имеет значение в силу того, что они способны влиять на поведение индивида, а значит являются одним из маркеров будущего профессионального выбора.

Обозначенная социологическая категория строилась на основе изучения образов профессий рабочего

и инженера в сознании учащихся, источников их формирования, а также анализа свойств привлекательности / непривлекательности с точки зрения потенциального места работы и построения карьерных планов.

Образ работника производственной сферы в представлении учащихся

В исследовании мы остановились на образах рабочего и инженера, которые изучались с применением методологии семантического дифференциала Ч. Э. Осгуда. В качестве биполярных шкал были использованы характеристики профессиональной деятельности, имплицитно содержащие черты *старой* и *новой* индустриальности, т.е. респондентам были предложены 7 биполярных 3-балльных шкал [5, с. 115]: разнообразная – однообразная; перспективная – неперспективная; интересная – неинтересная; сложная – простая; высокооплачиваемая – малооплачиваемая; вредная для здоровья – невредная для здоровья; стабильная – нестабильная.

Данные характеристики скорее отражают эмоционально-чувственную сторону восприятия подростками профессий, что позволяет исследовать социальные стереотипы, субъективную оценку социальной реальности.

По результатам исследования, проведенного в работе [5], можно увидеть, что **профессия рабочего** кажется подросткам непривлекательной, хоть и ответы учащихся были не слишком категоричны – нейтральны. К наиболее отрицательным характеристикам этой профессии респонденты отнесли параметр *вредная для здоровья* (–0,6 балла). Позиция *сложная* работа (1,5 балла) для участников исследования – привлекательная черта, но в то же время эта трудовая деятельность для них *однообразная* (–0,4 балла). Подросткам данная профессия *неинтересна* (–0,2 балла) и считается менее *перспективной* (–0,01 балла). Оценка *низкооплачиваемая* работа ушла в положительную коннотацию (0,1 балла), но это, скорее, граница между высокой и низкой оплатой. В целом профессия рабочего оценивается как *стабильная* (1,2 балла), что весьма очевидно передает отношение молодежи к функционированию предприятий заводской направленности.

Информанты из числа молодых сотрудников заводского предприятия в ходе проведения фокус-группы указывали на определенные стереотипы

⁵ Рассчитано по: Информационно-аналитические материалы о результатах ГИА-9, 11 в Свердловской области в 2022 г. ЕГЭ и ОГЭ в Свердловской области. URL: <http://ege.midural.ru/publikacii/analiticheskie-materialy.html> (дата обращения: 05.04.2024).

⁶ Выборка многоступенчатая, квотная.

в сознании современных школьников по поводу рабочих профессий: «Они думают, что завод – это всегда пыльно и грязно» (ФГ. И3, муж., 33 года, высшее, монтажник⁷). Сотрудники кадровой службы указывали на то, что «слово *завод* сегодня пугает молодежь» (ЭИ. И1, жен., 46 лет, руководитель отдела ДПО⁸). Итак, помимо изменений в процессе профессионального самоопределения молодого поколения, в обществе есть и социальные стереотипы в отношении заводских профессий, которые отчасти являются причинами непривлекательности образа работника промышленного предприятия.

Профессия инженера участниками опроса воспринимается как более приемлемая и одновременно сложная (1,7 балла), но *разнообразная* (0,9 балла), по-видимому, из-за своей творческой и интеллектуальной направленности. Появляется характеристика *интересной деятельности* (0,8 балла) и *невредной для здоровья* (0,6 балла). Профессия инженера представляется молодому поколению более *перспективной* (1,2 балла), *высокооплачиваемой* (1,1 балла), а также *стабильной* (1,2 балла), в последней позиции коррелируя с оценкой профессии рабочего. Итак, по мнению школьников, уступает в привлекательности профессии *инженер* по следующим позициям: заработная плата; характер интересной и разнообразной деятельности; степень вредности для здоровья.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что в сознании подростков профессия рабочего соотносится со *старой* моделью индустриальности (имеющей силу влияния с советского времени). Отчасти такое мнение является отголоском суждения о том, что «работа на заводе репрезентируется в СМИ как приверженность традициям и идеям труда во благо общества» [15, с. 129]. Между тем именно инженерные профессии сегодня являются источником инновационного развития Уральского региона и не только.

Анализ факторов отношения к работе на промышленном предприятии

Для дальнейшего анализа уточним, что в нашей выборке были представлены обучающиеся выпускных классов среднеобразовательных школ Екатеринбурга: из них 3812 девятиклассников, 3816 одиннадцатиклассников. 57,2 % среди учащихся 9 классов и 53,2 % среди 11 классов отметили, что не имеют достаточной информации о работе на современном заводе. Половина опрошенных не знакома

с деятельностью индустриальных предприятий Екатеринбурга. С одной стороны, не все школьники готовы и хотят быть специалистами в индустриальном секторе, с другой – низкий уровень осведомленности о современной специфике трудовой деятельности в условиях промышленного сектора – ключевая проблема, которая должна решаться в рамках специально организованной профориентационной работы. В целом в то время как развитие науки и техники находится на подъеме, престиж инженерных профессий в обществе падает [16, с. 733].

50 % школьников из 9 и 11 классов, участвовавших в исследовании, затруднились выразить свое мнение об источниках информации, на которые они готовы были бы опираться для понимания специфики работы на индустриальном предприятии. Примерно треть респондентов (26,6 % – из 9 классов и 29 % – из 11 классов) указали, что читали о такой деятельности в Интернете. Возможно, данный способ поиска информации свойственен тем, кто целенаправленно настроен на знакомство с техническими профессиями.

Можно отметить и поколенческий фактор, когда представление о профессии формируется благодаря опыту родителей – в среднем у 20 % школьников на заводе работают или работали их родственники. Молодые работники промышленного предприятия подтверждают это: «Я сама пришла на завод, потому что на производстве работало много знакомых, они говорили: *здесь стабильно, здесь решают вопросы жилья*» (ФГ. И5, жен., 29 лет, средне-специальное, крановщица). При этом и эксперты говорят о том, что семейный опыт – это самый продуктивный путь формирования положительного образа рабочей профессии: «Общество влияет на мировоззрение молодых, а вот разговор в семье о производстве может подпитывать и мотивировать» (ЭИ. И1, жен., 46 лет, руководитель отдела ДПО). 8 % респондентов отметили, что о такой работе им рассказывали в школе, и примерно такая же доля опрошенных указала на *экскурсию на производство* (завод).

По полученным данным формирование представлений о работе на промышленном предприятии у старшеклассников протекает сегодня скорее стихийно и случайно, чаще – через самостоятельные усилия и личный интерес. Действенным механизмом информирования о заводских профессиях и профессионального ориентирования выступает межпоколенческий диалог в рамках семьи

⁷ Прим.: ФГ – фокус-группа, И3 – информант под третьим номером, муж. – мужчина, 33 года – возраст, высшее – уровень образования, монтажник – профессиональная принадлежность.

⁸ Прим.: ЭИ – экспертное интервью, И1 – участник-информант под номером один, жен. – женщина, 46 лет – возраст, руководитель отдела ДПО – профессиональная принадлежность.

и ближайшего референтного социального окружения и династический опыт. В целом отношение представителей молодого поколения к заводским профессиям оказывается весьма размытым и неопределенным. Как отмечали эксперты: «Молодые люди сами хотят придумывать правила игры, и им сложно подстраиваться под наши... Но по-другому здесь не будет...» (ЭИ. И2, жен., 36 лет, сотрудник кадровой службы).

Наш опрос в какой-то мере заставил школьников задуматься о привлекательных и менее значимых характеристиках выбираемой профессии, поскольку включал не только привычные параметры (*высокая заработная плата, перспективы карьерного роста*), но и *социальные льготы в организации, стабильная занятость или свободный график*. Ответы учащихся 9 и 11 классов свидетельствуют о складывающихся закономерностях в области представлений о потенциальной профессии и будущем месте работы. Более значимая характеристика – *высокая заработная плата* – такой ответ дали в среднем 76 % респондентов. Далее следует *перспектива карьерного роста* (50 %), *престижность профессии* (38 %) и *профессиональная самореализация* (44 %). Респондентов также интересует *гарантированное трудоустройство* (36 %) и *свободный график работы* (33 %). Менее значимой характеристикой явилась позиция о *социальных льготах в организации* (в среднем – 12 % опрошенных) [17, с. 536–537] (табл.).

Табл. Представления учащихся 9 и 11 классов Свердловской области о непривлекательных характеристиках профессии и будущего места работы, %

Tab. Unattractive representations of future profession by school students of 9th and 11th grades from the Sverdlovsk region, %

Характеристики	9 классы	11 классы
Мало социальных льгот	12,4	11,5
Неинтересная работа	73,1	75,1
Работа рутинная, однообразная, шаблонная	45,3	52,9
Невысокая зарплата	74,5	75,6
Работа может нанести вред здоровью	46,3	48,5
Нормированный рабочий день (с 8.00 до 17.00)	12,0	12,9
Тяжелые условия труда	42,7	47,6
Удаленность места работы от дома	21,4	22,2

Прим.: учащимся необходимо было выбрать не более 3 вариантов ответа.

Среди непривлекательных характеристик главные позиции занимают: *невысокая зарплата* (75 %), *неинтересная работа* (75 %), *работа может нанести вред здоровью* (48 %), *ее рутинность / однообразность / шаблонность* (46 %), *тяжелые условия труда* (46 %). По такому набору непривлекательных свойств группа профессий индустриальной направленности явно проигрывает в рейтинге предпочитаемых и перспективных с точки зрения трудоустройства. Сами работники реального промышленного предприятия (участники фокус-группы) отзывались на этот счет так: «Я уверен, что на заводе возможен карьерный рост: слесарь может стать начальником цеха...» (ФГ. И8, муж., 31 год, высшее, инженер-конструктор).

Если сравнить эти факторы с жизненными стратегиями, то становится ясно, что же школьники вкладывают в понятие *интересная работа*. Нами были сформулированы три варианта суждений, отражающих не только профессиональные ориентиры, но и жизненные планы учащихся:

- 1) устойчивый ориентир: *для меня в будущем важно иметь стабильное место работы, нормированный рабочий график, получать фиксированную зарплату;*
- 2) мобильный ориентир: *для меня важно в будущем работать в интересной, творческой, конкурентной среде;*
- 3) амбициозный ориентир: *для меня интереснее создать собственное дело, не зависеть от руководства.*

Анализируя установки наших респондентов относительно стратегии профессионального и трудового самоопределения, мы увидели, что основной массив опрошенных разделился следующим образом:

- планы найти стабильное место работы при сути 40 % девятиклассников и 35 % одиннадцатиклассников;
- не в меньшей степени школьников привлекает *творческая среда* (35 % девятиклассников и 31 % одиннадцатиклассников) и перспектива *собственного дела* (30 % девятиклассников и 29 % одиннадцатиклассников);
- предпочтение конкурентной среде отдают 35 % учащихся из 11 классов и 31 % из 9 классов.

Происходят изменения в рейтингах предпочитаемых профессиональных сфер. У молодого поколения возрастает значение процессов самореализации в трудовой деятельности (феномен *работа в удовольствие*). Кроме того, форма организации рабочего процесса также имеет значение. Например, явление фриланса сегодня продолжает привлекать к себе как внимание молодежи, так и старшего поколения [18]. Итак, мы наблюдаем устойчивую тенденцию,

которая проявляется в ориентации *работать на себя*, выбирать и менять разные проекты, быть мобильным при выборе и профессии, и сферы ее применения, не зависеть от одного работодателя, развиваться вне конкретного предприятия [19, с. 110].

На вопрос анкеты *Если Вы уже выбрали себе будущую профессию, пожалуйста, напишите какую?* школьники в основном отмечали область информационных технологий. Первые позиции в ней занимают следующие профессии: программист, IT-специалист, веб-дизайнер. Популярность профессий IT-сферы описана во многих современных работах [20–22], ориентацию на которые мы наблюдаем, анализируя результаты нашего исследования. Кроме этого, учащиеся указывали в качестве приоритетных для себя профессии *архитектор, врач, инженер, учитель, экономист, дизайнер, психолог*. Однако стоит подчеркнуть, что профессия инженера по частоте упоминаний оказывается лишь на 5 месте в рейтинге профессиональных предпочтений старшеклассников. Рабочие профессии подростки поместили лишь на 18 место, отнеся к ним прежде всего *автомеханика*. Профессия *механик*, которая может быть потенциально связана с заводским производством, попадает уже на 26 место.

Современная молодежь, осуществляя выбор возможных направлений своего развития в профессии и дальнейшем трудоустройстве, ориентируется скорее на медиасреду, продукты киноиндустрии (популярные кинофильмы, сериалы и пр.), а также учитывает мнения друзей и членов семьи. В результате основное влияние на этот выбор оказывает личный опыт взрослеющего и самоопределяющегося, т. е. его социальный капитал [23, с. 70].

Во многом у подрастающего поколения и его родителей сохраняется весьма традиционный образ заводского рабочего, а сама специальность является наименее предпочтительной [24]. Характеристики деятельности рабочего в непривлекательных коннотациях (*грязь, пыль, шум; неперспективность; рутинность* и т. п.), на которые ориентируются школьники, и о чем говорят молодые сотрудники промышленного предприятия, размышляя о представлениях старшеклассников, связаны с уже устаревшими стереотипами, слабо коррелирующими с современным производством.

Заключение

Понимание перспектив трудоустройства на заводы и предприятия реального сегмента экономики у старшеклассников весьма расплывчато и неопределенно. Рабочие и инженерные профессии пока

не попадают в приоритетные и не рассматриваются школьниками как высоко привлекательные. Во многом такое положение дел объясняется низким уровнем информированности молодежи об актуальной ситуации труда на производстве, слабом влиянии на эти представления профориентационной работы в школе, неадекватной репрезентации производственных профессий в медиасреде и тех медиаресурсах, активными потребителями которых выступают будущие выпускники [25; 26].

Сегодня в промышленном регионе, которым и является Урал, намечается развитие серьезного противоречия, основанного на разрыве между направленностями на осуществление своего профессионального выбора молодежью и реальной потребностью региона в кадровом потенциале [27].

Весьма привлекательной профессиональной стратегией для школьников выступает предпринимательство, организация собственного бизнес-проекта, что детерминировано активной трансляцией в медиасфере образцов успешного опыта такого рода, а также – тенденцией к индивидуализации жизненных стратегий молодежи.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Благодарности: Авторы выражают благодарность Е. В. Прямиковой, доктору социологических наук, профессору УрГПУ, и И. В. Шапко, кандидату философских наук, доценту УрГПУ, за совместную работу в рамках временного научного коллектива, активное участие в проведении и обработке результатов прикладного социологического исследования.

Acknowledgements: The authors express their gratitude to Professor E. V. Pryamikova, Doctor of Sociological Sciences, Ural State Pedagogical University, and Associate Professor I. V. Shapko, Candidate of Philosophical Sciences, Ural State Pedagogical University, for their assistance in conducting the survey and processing the results.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках научного проекта «Ценностная перспектива и потребностно-мотивационная сфера молодежи как условия ее устойчивой профессиональной самореализации на предприятиях реального сектора экономики», который был реализован Уральским государственным педагогическим университетом в 2022–2023 гг. по инициативе ПАО «ЗиК» в Екатеринбурге.

Funding: The research was part of the project ordered by Kalinin Machine-Building Plant, Yekaterinburg, from the Ural State Pedagogical University, 2022–2023: Values, needs, and motivations in young people as conditions for sustainable professional self-realization in the real sector of economy.

Литература / References

1. Захаровский Л. В. Советская модель профессионально-технического образования: актуализация опыта в современных условиях. Екатеринбург: РГППУ, 2015. 104 с. [Zakharovsky L. V. *The Soviet model of vocational education: actualization of experience in modern conditions*. Ekaterinburg: RSVPU, 2015, 104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wekckl>
2. Белова И. А., Французова Л. Я., Франсузов М. М. О проблемах профориентационной работы в школе. *Социологические исследования*. 2000. № 5. С. 103–106. [Belova I. A., Frantsuzova L. Ya., Frantsuzov M. M. On the problems of career guidance at school. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2000, (5): 103–106. (In Russ.)]
3. Селиванова З. К. О жизненных целях и профессиональных предпочтениях старших подростков. *Социологические исследования*. 2017. № 5. С. 51–56. [Selivanova Z. G. Life goals and professional preferences of older adolescents. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2017, (5): 51–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqrheb>
4. Шафранов-Куцев Г. Ф. Современные вызовы и реальность профориентационной деятельности в системе «школа – вуз – рынок труда». *Социологические исследования*. 2015. № 1. С. 120–128. [Shafranov-Kutsev G. F. Contemporary challenges and realities of professional orientation efforts within the system "school – university – labor market". *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, (1): 120–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rnbekb>
5. Исакова К. Л., Прямикова Е. В. Установки обучающихся общеобразовательных организаций на работу в промышленной сфере (на примере Свердловской области). *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2023. № 5. С. 110–118. [Isakova K. L., Pryamikova E. V. Institutions of students of general educational organizations to work in the industrial sphere (by the example of the Sverdlovsk region). *Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2023, (5): 110–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.012>
6. Акбердина В. В., Сергеева А. С. Индустриальные регионы России: сравнительный анализ. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2015. № 7. С. 98–117. [Akberdina V. V., Sergeeva A. S. Industrial regions of Russia: comparative analysis. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 2023, (7): 98–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdljqt>
7. Прямикова Е. В., Шапко И. В. Исследования ценностных ориентаций школьников и студентов: методологические и методические вопросы. *Педагогическое образование в России*. 2019. № 4. С. 43–49. [Pryamikova E. V., Shapko I. V. Studies of value orientations of schoolchildren and students: Methodological and methodological issues. *Pedagogical education in Russia*, 2019, (4): 43–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/po19-04-05>
8. Попович А. Э. Профилизация средней общеобразовательной школы в отечественной системе образования. *Вестник Университета Российской академии образования*. 2011. № 1. С. 153–156. [Popovich A. E. Russian high school: Typcasting domestic schooling. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniia*, 2011, (1): 153–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nufnbr>
9. Шалагина Е. В. Профориентация школьников в представлениях молодых специалистов промышленного предприятия (по материалам социологического исследования). *Молодежь в меняющемся мире: траектории самоопределения*: XIV Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 14 апреля 2023 г.) Екатеринбург: УрГПУ, 2023. С. 314–319. [Shalagina E. V. Vocational guidance of schoolchildren in the views of young specialists of an industrial enterprise (based on the materials of a sociological study). *Youth in a changing world: trajectories of self-identification*: Proc. XIV All-Russian Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 14 Apr 2023. Ekaterinburg: USPU, 2023, 314–319. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lnpdwo>

10. Ключарев Г. А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов. *Социологические исследования*. 2015. № 11. С. 49–56. [Kliucharev G. A. "Rupture" of education and labor market: Experts' opinions. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, (11): 49–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vbzysf>
11. Банникова Л. Н., Боронина Л. Н., Вишнеvский Ю. Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества. *Социологические исследования*. 2013. № 2. С. 58–68. [Bannikova L. N., Boronina L. N., Vishnevskii Yu. R. New phenomena in the value orientations of the Ural students. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2013, (2): 58–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwuqoh>
12. Пьянкова Л. А. Междисциплинарный анализ научной категории профессиональное определение. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 1. С. 75–88. [Pyankova L. A. Interdisciplinary analysis of the scientific category professional identity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(1): 75–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-1-75-88>
13. Мешкова И. В. Профессиональные интересы школьников как фактор прогнозирования развития рынка труда промышленного города. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2019. № 2. С. 132–144. [Meshkova I. V. Professional interests of schoolchildren as a factor in forecasting the labor market development of an industrial city. *Vestnik Krasnoiarского gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astafeva*, 2019, (2): 132–144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwfgci>
14. Moscovici S. The phenomenon of social representations. *Social representations*, eds. Farr R. M., Moscovici S., Cambridge: Cambridge University Press, 1984, 3–69.
15. Ваньке А. В., Кулаев М. А. Рабочие в дискурсе российских телеканалов и печатной прессы. *Социологические исследования*. 2015. № 7. С. 126–132. [Vanke A. V., Kulaev M. A. Workers in Russian TV-channels and print media discourse. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, (7): 126–132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ucfobh>
16. Банникова Л. Н. Студенты-инженеры. Студенты технического профиля подготовки о себе и о своем будущем. *Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала*, ред. Вишнеvский Ю. Р., Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 731–762. [Bannikova L. N. Engineering students. What technical students tell profile talk about themselves and their future. *Student 1995–2016: dynamics of socio-cultural development of students in the Middle Urals*, ed. Vishnevskii Yu. R. Ekaterinburg: UrFU, 2017, 731–762. (In Russ.)]
17. Шихова О. Н., Прямикова Е. В. Изучение планов старшеклассников по поводу профессионального будущего в индустриальном секторе. *Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии*: VI Междунар. конф. (Казань, 18–19 мая 2023 г.) Казань: КФУ, 2023. С. 533–541. [Shikhova O. N., Pryamikova E. V. Studying the plans of high school students for a professional future in the industrial sector. *Digital socialization and digital competence in the context of global systemic changes: Regulatory technologies, risks, scenarios*: Proc. VI Intern. Conf., Kazan, 18–19 May 2023. Kazan: KFU, 2023, 533–541. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ebwyhy>
18. Дидковская Я. В., Трынов Д. В. Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 1. С. 202–214. [Didkovskaya Ya. V., Trynov D. V. Social well-being and expectations of the youth in the industrial region. *Economic and social changes: Facts, trends, forecast*, 2019, 12(1): 202–214. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.12>
19. Долженко Р. А., Антонов Д. А. Трудоустройство выпускников: соответствие профессии и работы (на примере Свердловской области). *Народонаселение*. 2018. Т. 21. № 3. С. 109–121. [Dolzhenko R. A., Antonov D. A. Employment of graduates: Conformity of profession and work (the case of Sverdlovsk region). *Population*, 2018, 21(3): 109–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynhelj>
20. Амбарова П. А., Немировский М. В. Новые подходы к профессиональной ориентации в школе в условиях изменяющегося мира профессий. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2020. Т. 26. № 1. С. 188–199. [Ambarova P. A., Nemirovskii M. V. New approaches to vocational guidance at school in the changing world of professions. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Serii 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kultury*, 2020, 26(1): 188–199. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.1.021>
21. Надеева О. Г. Исследование информированности старшеклассников о профессиональных требованиях к инженерно-техническим работникам. *Педагогическое образование в России*. 2016. № 6. С. 77–82. [Nadeeva O. G. Research of the knowledge of senior pupils about the professional demands for the technical and

- engineering employees. *Pedagogical education in Russia*, 2016, (6): 77–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.26170/po16-06-13>.
22. Ситникова И. В. Профессиональные планы и стратегии трудоустройства современных студентов. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2019. № 4. С. 61–77. [Sitnikova I. V. Professional plans and employment strategies of modern students. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kultury*, 2019, (4): 61–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2019.4.5>
23. Бурдьё П. Формы капитала. *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74. [Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, 2002, 3(5): 60–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oyuvrd>
24. Вандышев М. Н. Потенциальная мобильность выпускников школ малых и средних городов Свердловской области. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2014. № 5. С. 114–124. [Vandyshev M. N. Potential mobility of school graduates in small and average cities in the Sverdlovsk region. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2014, (5): 114–124. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.5.06>
25. Водяха С. А., Водяха Ю. Е., Симбирцева Н. А., Шалагина Е. В. Вызовы времени: самопроектирование молодежи как междисциплинарная задача. *Общество. Среда. Развитие*. 2021. № 1. С. 15–20. [Vodiakha S. A., Vodiakha Iu. E., Simbirtseva N. A., Shalagina E. V. Challenges of the time: youth self-projection as an interdisciplinary task. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2021, (1): 15–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yzliyp>
26. Мягков А. Ю. Студенты технического вуза: профессиональные компетенции и ожидания на рынке труда. *Социологические исследования*. 2016. № 6. С. 102–109. [Myagkov A. Yu. Technical university students: Professional competencies and expectations on the labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2016, (6): 102–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wbbien>
27. Долженко Р. А. Форсайт по развитию школ Екатеринбурга: формулировка проблем и поиск решений. *Педагогическое образование в России*. 2020. № 5. С. 22–29. [Dolzhenko R. A. Foresight on the development of schools in Ekaterinburg: Formulation of problems and search for solutions. *Pedagogical education in Russia*, 2020, (5): 22–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/po20-05-02>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vsfcар>

Рынок труда в креативных индустриях

Антонова Ирина Сергеевна

Томский политехнический университет, Россия, Томск
Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург
eLibrary Author SPIN: 3124-0232
antonovais@tpu.ru

Оглезнева Елизавета Андреевна

Томский государственный университет, Россия, Томск

Аннотация: Обосновано рассмотрение рынка труда креативных индустрий в Томской области в качестве ключевого фактора развития креативных индустрий региона. Цель – предложить решения по совершенствованию подбора и отбора креативных специалистов в регионе на основе систематизации проблем в области рынка труда креативных индустрий. В процессе исследования проанализированы различные терминологические подходы к определению понятий *креативные индустрии*, *человеческий капитал* и *рынок труда*, и отражена их взаимосвязь. Обоснована значимость рынка труда для развития креативных индустрий. Оценены спрос и предложение на рынке труда креативных индустрий в регионе, а также качество образования и профессиональной подготовки кадров. Выявлены потенциальные проблемы, связанные с несоответствием требованиям рынка труда. Рекомендации по улучшению найма креативных специалистов с позиции креативных предприятий: проведение с кандидатами интервью, креативных тестов, кейсов, заданий; применение командных собеседований; реализация информационных кампаний о возможностях карьерного роста. Изучение тенденций изменения рынка труда креативных индустрий имеет актуальное значение в контексте роста креативного сектора экономики и его влияния на развитие региона.

Ключевые слова: креативные индустрии, человеческий капитал, рынок труда, креативная занятость, спрос на труд, предложение труда, найм

Цитирование: Антонова И. С., Оглезнева Е. А. Рынок труда в креативных индустриях. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 3. С. 381–397. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-381-397>

Поступила в редакцию 22.05.2024. Принята после рецензирования 31.07.2024. Принята в печать 05.08.2024.

full article

Labor Market in Creative Industries

Irina S. Antonova

Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk
Yeltsin Ural Federal University, Russia, Yekaterinburg
eLibrary Author SPIN: 3124-0232
antonovais@tpu.ru

Elizaveta A. Oglezneva

Tomsk State University, Russia, Tomsk

Abstract: The article describes a study of the labor market of creative industries in the Tomsk Region in order to substantiate its consideration as a key factor in the development of the local creative industries in the region. The authors systematized the existing problems to improve the selection and hiring of creative specialists. They analyzed various terminological approaches of the concepts of *creative industries*, *human capital*, and *labor market* in terminological interrelation. The supply and demand in the labor market of creative demonstrated its importance for the development of creative industries in the Tomsk Region. The analysis also involved quality of education and professional training in the field, which revealed some potential problems related to non-compliance with labor market requirements. Job interviews should include creative tests, and assignments, team work, and information campaigns about career opportunities. As the creative sector keeps growing, studying the current trends in the labor market of creative industries has become important in the context of economic growth and its impact on the regional development. The research opens up new prospects for regional studies in the sphere of creative labor market and possesses practical application.

Keywords: creative industries, human capital, labor market, creative employment, labor demand, labor supply, hiring

Citation: Antonova I. S., Oglezneva E. A. Labor Market in Creative Industries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 381–397. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-381-397>

Received 22 May 2024. Accepted after review 31 Jul 2024. Accepted for publication 5 Aug 2024.

Введение

В современном мире креативные индустрии приобретают все большую значимость в условиях глобализации, информатизации и развития цифровой экономики. Креативный сектор играет ключевую роль в экономическом развитии, способствуя увеличению ВВП, созданию новых рабочих мест и привлечению инвестиций. Особенность креативных индустрий – ориентация на создание уникальных продуктов, ценность которых может быть измерима не только функциональностью, но и использованием творчества, инноваций, креативности. Как и в любом другом секторе экономики, в креативных индустриях центральным элементом являются люди, создающие творческие продукты (результаты интеллектуальной деятельности). При этом, учитывая взаимосвязь динамичного развития отрасли и повышения мирового интереса к креативным продуктам, ситуация на рынке труда не может оставаться прежней. В связи с этим изучение тенденций изменения рынка труда креативных индустрий под влиянием роста данного сектора экономики является актуальной темой. Цель исследования – на основе систематизации проблем в области рынка труда креативных индустрий предложить решения по совершенствованию подбора и отбора креативных специалистов в Томской области.

Креативные индустрии представляют сектор экономики, с каждым годом увеличивающий свои масштабы [1]. В настоящее время многие страны уделяют особое внимание развитию данной отрасли, рассматривая ее как значимый фактор не только социокультурного, но и экономического прогресса. Существует множество определений термина *креативные индустрии*. Министерство культуры, СМИ и спорта Великобритании в документах по картированию креативных индустрий охарактеризовало

их как «те отрасли, которые берут начало в индивидуальном творчестве, навыках и таланте и которые имеют потенциал для создания богатства и рабочих мест посредством создания и эксплуатации интеллектуальной собственности»¹. То есть креативные индустрии – отрасли, основанные на индивидуальном творчестве и способные использовать интеллектуальную собственность для создания благ.

Если рассматривать другое определение, данное Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), то креативные индустрии – это «разнообразные группы видов деятельности, каждая из которых зависит в большей или меньшей степени от вклада в оригинальное производство и его защиты посредством различных прав интеллектуальной собственности»². Определение ВОИС подчеркивает значимость прав создателей, отражая важность интеллектуальной собственности и защиты уникальных продуктов в креативных отраслях. В публикации Организации Объединенных Наций, выпущенной Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, креативные индустрии были определены как «циклы создания, производства и распространения товаров и услуг, которые используют творчество и интеллектуальный капитал в качестве основных ресурсов»³. Подобный подход учитывает значимость творчества и интеллектуальной работы в процессе создания и продвижения креативных продуктов.

Стоит отметить, что содержание термина до сих пор оспаривается, и многие исследователи продолжают его изучение, например А. Ю. Трубецкая [2]. Однако в представленных на данный момент точках зрения все же есть общие характеристики, определяющие креативные индустрии как вид экономической деятельности, сочетающий творческий

¹ Creative industries mapping documents 1998. *GOV.UK*. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-1998> (accessed 14 Mar 2024). Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

² How to make a living in the creative industries. *WIPO*. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_cr_2017_1.pdf (accessed 14 Mar 2024).

³ Creative Economy Outlook 2022. *UNCTAD*. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2022d1_en.pdf (accessed 14 Mar 2024).

и экономический процессы, заключающиеся в создании, производстве, продаже товаров или услуг, которые являются результатом интеллектуальной деятельности. Креативные индустрии представляют собой широкий спектр деятельности, объединенный творческими, инновационными и уникальными решениями. Определение границ их отраслей достаточно нечетко, что связано с динамичностью, разнообразием других областей экономики и пересечением с ними. Кроме того, с развитием технологий и изменением потребностей рынка появляются новые формы креативной деятельности. Министерство культуры, СМИ и спорта Великобритании в 2015 г. представило следующий список отраслей, относящихся к креативным индустриям: реклама и маркетинг; архитектура; дизайн; кинематография; радио; фотография; разработка ПО, сервисов и приложений; издательское дело и пресса; музеи; галереи; библиотеки; музыка; театр; искусство⁴. Перечень видов деятельности разнообразен, однако объединен одним – творческим подходом к производству продуктов.

Креативные индустрии не только вносят свой вклад в экономику, но и способствуют повышению международной известности и улучшению взаимоотношений между странами: креативные отрасли экономики имеют значение не только с точки зрения экономических выгод, но и в контексте культурного обмена и дипломатии [3]. Креативные индустрии в Российской Федерации (РФ) рассматриваются как важный сектор экономики, в связи с чем в 2023 г. был принят законопроект ФЗ № 474016-8, согласно которому креативные индустрии – «экономическая деятельность, непосредственно связанная с созданием, продвижением на внутреннем и внешнем рынках, распространением и (или) реализацией креативных продуктов, обладающих уникальностью и экономической ценностью»⁵. В нашем исследовании будем опираться на данную формулировку.

Первыми разработку классификации креативных индустрий в РФ начали Агентства стратегических инициатив⁶. В дальнейшем Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) была представлена публикация, содержащая классификацию креативных индустрий. Были выделены следующие

виды экономической деятельности, относящиеся к креативным: арт-индустрия; исполнительское искусство; музыка; кино и анимация; фотография; издательская деятельность; телерадиовещание; информационные технологии и видеоигры; реклама; архитектура; дизайн; мода; ювелирное дело; музеи; библиотеки; архивы; культурное наследие; образование в креативных индустриях. По мнению авторов, представленная классификация не является «жесткой»⁷, следовательно, может изменяться в процессе улучшения статистических методов классификации и корректировки приоритетов поддержки творческих отраслей со стороны государства.

Важной характеристикой креативных индустрий является способность к созданию креативных продуктов – результатов интеллектуальной деятельности, от которых зависит успех любой отрасли. В данном случае ключевой фактор – творческий потенциал людей, их навыки, знания и накопленный опыт, т.е. капитал. Он представляет собой совокупность материальных и нематериальных средств, используемых для производства благ и получения прибыли [4]. В зависимости от назначения выделяют различные виды капитала, однако основная цель, независимо от классификации, единая – приносить доход.

Нематериальным, неосязаемым капиталом является *человеческий капитал*. Впервые данный термин был применен Д. Минсером в 1958 г.: он пытался объяснить особенности персонального дохода через различия между людьми с точки зрения полученного ими образования [5; 6]. Далее, в 1980-х гг., понятие использовалось в работах Т. Шульца и Г. Беккера [7–9], определивших *человеческий капитал* как «приобретаемые человеком ценные качества, которые могут быть развиты и усилены с помощью определенных видов деятельности», а также как имеющийся у каждого индивида запас знаний, навыков и способностей, используемых им для получения дохода либо в других целях, формирующийся на основе инвестиций в образование, повышение квалификации, улучшение здоровья и т.д., которые будут компенсированы более высоким уровнем будущих доходов» [7; 8; 10]. В представленных научных трудах определяется прямая зависимость между человеческим капиталом и доходом: улучшению качества жизни населения и повышению его доходов способствуют инвестиции

⁴ Creative industries economic estimates – January 2015. GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/creative-industries-economic-estimates-january-2015> (accessed 14 Mar 2024).

⁵ О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации. Проект ФЗ № 474016-8 (в ред. от 31.10.2023). СПС КонсультантПлюс.

⁶ Атлас креативных индустрий. Версия от 29.12.2022. Агентство стратегических инициатив. 29.12.2022. URL: <https://asi.ru/library/main/192164/> (дата обращения: 29.04.2024).

⁷ Креативная экономика Москвы в цифрах, ред. Л. М. Гохберг. М.: НИУ ВШЭ. 2021. 108 с.

в образование, повышение квалификации, получение дополнительных видов образования, формирующих в свою очередь человеческий капитал [11].

В современном мире (особенно в условиях цифровой экономики) усиливается необходимость наращивания человеческого капитала, отмечается его прямое влияние на увеличение темпа производств и, как следствие, ускорение экономического роста. Если выделять креативные индустрии, то исследователи отмечают особое воздействие человеческого капитала на динамику развития данного сектора [12]. Взаимосвязь экономики и человеческого капитала наглядно отражена на рынке труда: чем большим человеческим капиталом обладает работник, тем более востребованным он становится.

Рынок труда представляет собой совокупность экономических отношений, основным элементом которых является формирование спроса и предложения на рабочую силу. Субъектами спроса на труд выступают бизнес и государство; субъектами предложения на труд – наемные работники. Рынок труда представляет собой некоторого рода взаимосвязь между покупателем, который готов купить рабочую силу, и продавцом, который готов ее продать [13]. Вследствие этого важно отметить, что рынок труда, устанавливая подобную взаимосвязь интересов работодателей и работников, способен наладить равновесие между оптимальной стоимостью рабочей силы и условиями труда.

Понятия *креативные индустрии*, *человеческий капитал* и *рынок труда* обладают определенной взаимосвязью, представленной на рисунке 1. Креативные индустрии основаны на творческом потенциале людей и находятся в зависимости от человеческого капитала, являющегося стратегическим ресурсом для креативных индустрий, т.к. он включает в себя навыки, образование, опыт людей, позволяющие создавать уникальные креативные продукты и развивать новые идеи [14]. Уровень человеческого капитала оказывает влияние не только на развитие креативного сектора экономики, но и на рынок труда: помогает в поиске работы специалистам, повышает / понижает конкурентоспособность, определяет уровень оплаты труда.

Связующим звеном между тремя понятиями является процесс создания и внедрения инновационных и креативных продуктов, возникающий в результате взаимодействия *креативных индустрий*, *человеческого капитала* и *рынка труда*. Потенциал роста креативных отраслей выше, чем в других секторах, и технологии играют ключевую роль в этом развитии, меняя творческий взгляд и способствуя появлению новых областей деятельности [15]. Инновационные

Рис. 1. Взаимосвязь понятий *креативные индустрии*, *человеческий капитал* и *рынок труда*

Fig. 1. Concepts *creative industries*, *human capital*, and *labor market*

подходы, технологический прогресс занимают центральное место в трансформации динамики рынка труда и способны не только создавать новые рабочие места, но и изменять спрос на отдельные профессии, влиять на востребованность определенных навыков специалистов. Этот процесс приводит к тому, что участники рынка труда должны адаптироваться к быстроменяющимся условиям, совершенствовать свои навыки и знания, чтобы оставаться конкурентоспособными.

Рынок труда в секторе экономики, основанном на творческом потенциале и инновациях, имеет ряд особенностей и характеристик, отличающих его от других сфер занятости: высокая динамичность отрасли, быстрая сменяемость трендов, сложность прогнозирования развития индустрии [16]. Это влечет за собой не только возможность появления финансовых рисков, но и нестабильность, неопределенность креативных индустрий, которые сказываются не только на предложении труда, но и на спросе.

В случае падения потребительского спроса на креативные продукты работодатели могут столкнуться с трудностями планирования производства, финансовыми потерями, вследствие чего потребность компаний в рабочей силе, задействованной в данной отрасли, снизится. Для функционирования рынка необходим потребитель, нацеленный на покупку креативной продукции. Особенность потребительского сегмента заключается в предпочтении продуктов не массового производства, а в выборе эксклюзивной творческой продукции

и наличии такой компетентности, как *насмотренность*. Данный тип потребителей, по оценкам экспертов, в России находится на стадии формирования, что оказывает влияние на развитие креативных индустрий [16].

Несмотря на особенность потребительского сегмента, по данным НИУ ВШЭ, в 2021 г. численность креативного класса в РФ составила 3,4 млн человек, или 4,8 % от общей численности занятых, т.е. с 2017 г. она увеличилась практически на треть. Так как современные реалии ставят новые задачи и условия перед участниками рынка труда, наиболее значимый вклад в развитие креативных индустрий вносят представители современных специальностей, деятельность которых заключается в создании уникальных и инновационных продуктов, тогда как деятельность представителей традиционных профессий, наоборот, является незначимой. Так, около половины всех занятых (43,4 %) приходится на специалистов по маркетингу и рекламе и разработчиков программного обеспечения, а на специалистов архивов и музеев – 3,5 % [17].

Профессии в сфере креативных индустрий имеют ключевое значение для современной экономики, поскольку они способствуют созданию новых рабочих мест и стимулируют экономический рост. Одной из основных тенденций на рынке труда в креативных индустриях является появление новых креативных направлений деятельности, связанных с быстрым развитием технологий. Новые креативные профессии – виды деятельности, появившиеся в результате включения инновационных технологий в рабочий процесс специалиста, среди них в сфере творчества можно выделить: виртуального стилиста, интерактивного дизайнера, виртуального архитектора, виртуального рекламиста и интернет-маркетолога [18].

Технологии не только изменяют формат работы, но и способны оказывать влияние на профессию [19]. Если рассматривать новую специальность *интернет-маркетолог*, то ключевое различие будет заключаться в сфере деятельности, находящейся в онлайн-среде. Благодаря технологиям, интернет-маркетологи способны достичь широкого охвата аудитории с помощью онлайн-каналов, точно создавать рекламные кампании для определенного сегмента целевой аудитории, улучшать взаимоотношения с клиентами и повышать лояльность, используя сетевое пространство [20]. Рынок труда в креативных индустриях отличается динамичностью, что, с одной стороны, позволяет расширить возможности для творческого самовыражения, а с другой – обязывает специалистов творческих профессий повышать квалификацию и совершенствовать навыки.

Стремительное развитие технологий, сменяемость трендов, изменение потребностей рынка – это факторы, влияющие не только на креативную деятельность, но и на рынок труда креативных индустрий с основной тенденцией на цифровизацию и технологические инновации, за счет которых расширяется и изменяется предложение в секторе креативных индустрий, создаются новые форматы деятельности, основанные на онлайн-сервисах [21].

Одновременно с этим трансформируется поведение потребителей и, соответственно, спрос, что приводит к появлению новых участников рынка и новых видов деятельности, а работа креативных специалистов требует особых компетенций и навыков у [22]. Результаты исследования, проведенного коллективом НИУ ВШЭ в 2021–2023 гг., свидетельствуют о росте потенциала развития креативных индустрий в Томской области [23]. За два года этот субъект РФ поднялся с 6 на 4 место, уступив только Москве, Санкт-Петербургу и Новосибирской области. Так Томская область становится объектом для проведения кейс-стади, позволяющего выявить новые, неочевидные факторы потенциала развития креативных индустрий, в частности рынка труда креативных индустрий.

Научная гипотеза данного исследования заключается в том, что в условиях сжатия рынок труда становится ключевым фактором формирования креативных индустрий региона, ядром которого выступают специальности в области цифровых технологий. Подтверждение гипотезы будет свидетельствовать о необходимости учета данного критерия в анализе креативных индустрий на региональном уровне, тогда как выявление специфики развития креативных индустрий в Томской области позволит охарактеризовать развитие индустрии в целом.

Методы и материалы

Эффективное функционирование рынка труда требует постоянного анализа и оценки различных показателей, результаты которых позволяют получить не только объективную картину текущего состояния рынка, но и дают возможность прогнозировать потребность в дальнейших действиях. Например, со стороны государства это может проявляться в необходимости разработки государственных программ развития, со стороны бизнеса – в принятии управленческих решений в отношении планирования кадровых ресурсов и проч. При анализе рынка труда важно учитывать такие экономические категории, как спрос и предложение рабочей силы.

Анализ предложения труда – это исследование количества незанятых креативных специалистов,

отражение количества предложений труда в конкретных областях креативных индустрий. Однако следует отметить: в силу отраслевой специфики многие креативные специалисты находят свою профессиональную реализацию в таких организационно-правовых формах предприятий, как *самозанятость* или *индивидуальный предприниматель*, что может оказать влияние на конечный результат показателя [24].

В данном исследовании трудовые ресурсы предлагается оценивать через отношение показателей, отражающих общее количество резюме в креативных индустриях; соотношение количества всех опубликованных резюме к количеству резюме, относящихся к креативным сферам; соотношение количества резюме к количеству вакансий. Определять уровень предложения и актуальность отдельных специальностей можно с помощью сопоставления данных о количестве резюме в различных профессиональных видах деятельности. Кроме того, анализ таких основных характеристик профилей кандидатов, как пол, возраст, опыт работы, уровень образования, позволит оценить долю мужчин и женщин среди соискателей, возрастные группы, активно находящиеся в поиске работы, наиболее часто указываемый в резюме опыт работы и образовательный уровень специалистов креативных индустрий.

Основное значение анализа спроса на креативных специалистов заключается в возможности проанализировать его динамику на ту или иную профессию креативной индустрии, выявить популярные направления и предъявляемые требования к кандидатам. Показатель спроса на рабочую силу предлагается выражать через количество размещенных вакансий работодателей, соотношение их общего количества к количеству вакансий, относящихся к креативным индустриям. Оценку востребованности и актуальности определенных специальностей авторы далее проведут с помощью анализа количества вакансий в различных областях профессиональной деятельности. К тому же анализ спроса на рынке труда будет дополнен учетом данных об опыте работы и типе занятости, что позволит выявить, какой опыт работы наиболее востребован среди работодателей и какие типы занятости распространены в творческих специальностях. В настоящее время требования работодателей к работникам включают в себя [25]:

1) базовые компетенции (наличие соответствующего образования);

2) дополнительные компетенции (навыки для осуществления работы в пространстве цифровой среды, мультикультурализма, толерантности, здоровьесбережения);

3) универсальные компетенции (инструменты реализации рабочих функций).

В креативных индустриях заняты творческие специалисты, чья деятельность отличается от других отраслей экономики [26]. Следовательно, исследование требуемых от работодателей навыков и компетенций специалистов позволит определить уровень потребности в конкретных умениях кандидата. Наиболее востребованные навыки и компетенции предлагается выявить через количество упоминаний в вакансиях работодателей. Важным показателем рынка труда, который предлагается учесть, является заработная плата – результат взаимодействия спроса и предложения труда. Уровень оплаты труда может варьироваться в зависимости от вида деятельности, уровня образования и квалификации, опыта работы. Данный показатель способен выявить как высокооплачиваемые профессии, так и низкооплачиваемые, а также оценить, насколько совпадают интересы субъектов рынка труда в отношении уровня заработной платы.

Информационной базой исследования рынка труда креативных индустрий в Томской области стали данные резюме соискателей, опубликованные на цифровом портале российской компании интернет-рекрутмента *HeadHunter* (hh.ru)⁸ и данные о вакансиях, размещенных в 2023–2024 гг. на портале «РосНавык», созданном для аналитики рынка труда: анализа востребованных профессий, навыков, предложений работодателей и общих тенденций рынка⁹.

Анализ методик выявления креативных индустрий, проведенный в предыдущем разделе, показал:

1) единого подхода к выявлению креативных индустрий на сегодня не разработано;

2) существующие подходы, преимущественно связанные с выделением перечня Общероссийского классификатора видов экономической деятельности, имеют недостатки и критикуются научным сообществом;

3) данных для выявления креативных индустрий, креативного класса и творческих профессий крайне недостаточно (в т.ч. на основе доли занятых в творческих профессиях), в связи с чем зарубежный опыт выделения креативного класса ограничен;

⁸ HeadHunter (hh.ru). URL: <https://hh.ru/> (дата обращения: 16.04.2024).

⁹ РосНавык, мониторинг рынка труда. URL: <https://rosnavyk.ru/> (дата обращения: 12.04.2024).

4) следует признать и принять тот факт, что критика наличия критерия творчества или креативности в определенной деятельности полностью неустраима ввиду абстрактности и нематериальности самих понятий *творчество* и *креативность*.

Исходя из этого, предлагается авторский подход к выделению, сбору и анализу крайне ограниченных данных о креативных индустриях через вакансии на рынке труда, который устраняет нехватку данных для выделения креативного класса и творческих профессий в российской практике. Для этого на основе видов креативных индустрий, представленных НИУ ВШЭ, выявлены следующие вакансии, размещенные на портале «Роснавык» (табл. 1¹⁰).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что вакансии креативных индустрий имеют свойство пересекаться с позицией видов деятельности (традиционного подхода к выделению креативных индустрий), тогда как с позицией вакансий имеют четкое отражение. В статье предлагается анализировать творческие профессии, которые в различной степени проявляются в креативных индустриях, вызывая проблему пересечения видов творческой деятельности (например, журналист в издательской и телевизионной деятельности). Кроме того, результаты полученных вакансий дают ценные данные о срезе креативных вакансий на рынке труда в современных условиях.

Предложение на рынке труда креативных индустрий оценивается через совокупность показателей, представленных в таблице 2¹¹. Ввиду информационного содержания вакансий, для оценки спроса на креативный человеческий капитал в Томской области выделены такие параметры, как востребованность специальности, заработная плата, опыт работы, тип занятости, ключевые навыки и компетенции.

Табл. 1. Вакансии на рынке труда креативных индустрий
Tab. 1. Vacancies in creative industries

Виды	Вакансии
Арт-индустрия	Арт-директор, креативный директор, художник
Народные промыслы	–
Музыка, исполнительное искусство, культурно-досуговые учреждения	Артист, актер, аниматор, режиссер, сценарист, фотограф
Кино и анимация	Артист, актер, режиссер, сценарист
Фотография	Фотограф, ретушер
Издательская деятельность	Журналист, корреспондент, копирайтер, редактор, корректор
Телерадиовещание	Журналист, корреспондент, редактор
IT и видеоигры	Гейм-дизайнер, программист, разработчик, BI-аналитик, аналитик данных, маркетолог-аналитик
Реклама	Event-менеджер, PR-менеджер, SMM-менеджер, контент-менеджер, директор по маркетингу и PR
Архитектура	Архитектор
Дизайн	Дизайнер
Мода	Швея, портной, закройщик
Библиотека, архивы, музеи и культурное наследие	Библиотекарь
Ювелирное дело	–
Наука и образование	Научный специалист, исследователь

Табл. 2. Показатели динамики предложения на рынке труда
Tab. 2. Indicators of supply dynamics in labor market

Показатель	Характеристика показателя
hh.индекс	<ul style="list-style-type: none"> отражает соотношение количества резюме к количеству вакансий на рынке в выбранной профессиональной области в сравнении с аналогичным месяцем предыдущего года уровень индекса определяет конкуренцию среди соискателей: низкий показатель характеризует дефицит соискателей и, соответственно, низкий уровень конкуренции; чем выше уровень показателя – тем выше конкуренция среди соискателей за рабочие места
Динамика резюме	<ul style="list-style-type: none"> выражает изменение количества опубликованных резюме соискателей в разрезе профессиональных областей в соотношении с аналогичным месяцем предыдущего года, предоставляя возможность оценить динамику предложения на рынке труда

¹⁰ Сост. по: Креативная экономика Москвы в цифрах...; РосНавык, мониторинг рынка труда... Вакансия *продавец* исключена.

¹¹ Таблицы 2 и 3, рисунки 2 и 3 составлены по: HeadHunter (hh.ru)...

Результаты

Креативные индустрии – отрасль экономики, на которую оказывают особо сильное влияние мировые и общественные тенденции. Одна из них способствует интенсивному появлению на рынке труда новых креативных сфер деятельности, связанных прежде всего с динамичным развитием технологий. Появление новых креативных специальностей или популяризация уже существующих влияет как на изменение спроса работодателей, так и на предложение труда в этих областях.

По данным *hh.ru*, за 2023–2024 гг. в Томской области было опубликовано 5939 резюме, из которых 578 относятся к креативным сферам деятельности: информационные технологии, искусство, культура, научно-исследовательская деятельность, СМИ, маркетинг, реклама, ВТЛ, PR, дизайн, продюсирование, архитектура, проектирование, пошив, ремонт одежды и обуви, фото- и видеослужбы. Чтобы оценить актуальность профессии, необходимо сопоставить количество резюме по каждой отдельной креативной специальности с общим количеством резюме, относящимся к креативным индустриям.

Наибольшее количество опубликованных резюме в различных профессиональных областях размещено соискателями в сфере информационных технологий, дизайна, изобразительного искусства, научно-исследовательской деятельности и маркетинга (рис. 2). Низкое предложение отмечается в области искусства, а также в таких специальностях, как: швеи, портные, закройщики.

Анализ изменений количества резюме по отдельным профессиональным областям позволяет оценить, как изменилось предложение соискателей на рынке труда относительно аналогичного месяца предыдущего года. Показатель исчисляется в процентах, а в качестве сравнения представлен март 2023 г. Так, в сфере науки предложение труда увеличилось на 2 %; в сфере маркетинга, рекламы, PR – на 3 %; в области искусства, развлечения и массмедиа – на 4 %; в сфере информационных технологий – на 7 %.

Соотношение количества резюме к количеству вакансий на рынке труда и уровень конкуренции соискателей за рабочие места в отдельной профессиональной области представлены в таблице 3. Показатель, находящийся в диапазоне значений 4–7,9, определяет уровень конкуренции как *умеренный* (отсутствует дефицит и избыток соискателей). К таким сферам относятся информационные технологии и наука. Обратная ситуация наблюдается в следующих профессиональных областях: искусство, развлечения, массмедиа и маркетинг, реклама, PR. Показатель, выходящий за границы значения 12, определяет уровень конкуренции как *крайне высокий* (количество опубликованных резюме значительно превышает спрос работодателей).

Цифровая платформа для поиска специалистов и размещения резюме позволяет анализировать профили соискателей в зависимости от пола, возраста, опыта работы, уровня образования, желаемой заработной платы.

Рис. 2. Количество резюме в разрезе профессиональных областей
Fig. 2. Resumes by professional area

Табл. 3. Показатель hh.индекса: уровень конкуренции
Tab. 3. Indicators of hh.index: level of competition

Область деятельности	март 2023 г.	март 2024 г.
Информационные технологии	7,3	7
Искусство, развлечения, массмедиа	23,2	26,1
Маркетинг, реклама, PR	14,9	13,9
Наука, образование	5,8	7,8

На рисунке 3 отображены показатели распределения соискателей по возрасту, опыту работы и уровню образования в зависимости от пола. Наиболее активные кандидаты, находящиеся в поиске работы, – женщины в возрасте 30–40 лет и мужчины в возрасте 18–30 лет. Женщины в возрасте 18–30 лет и мужчины в возрасте 30–40 лет занимают вторую позицию активности среди желающих найти работу на цифровой платформе. Преимущественно кандидаты указывают в резюме опыт работы более 6 лет: мужчины – 64 %, женщины – 67 %. В основном на сайте встречаются резюме кандидатов с высшим образованием: мужчины – 76 %, женщины – 90 %. Вторую позицию занимают кандидаты с незаконченным высшим образованием и средним специальным. Наименьшее число соискателей имеет среднее образование: мужчины – 3 %, женщины – 2 %.

При выборе заработной платы кандидаты опираются на свои профессиональные навыки, опыт работы, финансовые потребности. Наибольшее количество соискателей указали желаемый уровень оплаты труда от 35 до 65 тыс. руб, на втором

месте – от 65 до 100 тыс. руб, наименьшее число резюме содержит информацию о предполагаемом доходе до 30 тыс. руб. и от 100 тыс. руб. Предложение креативных специалистов составляет около 10 % от общего числа опубликованных резюме в Томской области за последний год.

При анализе структуры резюме были выявлены следующие особенности предложения на рынке труда:

1. Наибольшее количество резюме зафиксировано в области информационных технологий, что связано с тенденцией развития технологий, мотивирующей работодателей проявлять высокий спрос на специалистов этой сферы. Из-за изменения спроса, меняется и предложение: кандидаты начинают сильнее ценить свои профессиональные компетенции, а значит, повышать трудовые требования к работодателю. Так информационные технологии – единственная креативная область, имеющая резюме соискателей с указанным желаемым доходом от 250 тыс. руб.

2. В областях, занимающих около 45 % от общего количества резюме, наблюдается крайне высокий уровень конкуренции. В таком случае соискателям свойственно занижать свои требования к работе, при этом продолжая увеличивать инвестиции в человеческий капитал. Например, среди соискателей, чья деятельность связана с искусством, наиболее желаемый доход находится в диапазоне 35–65 тыс. руб., а количество людей с высшим образованием совпадает с числом кандидатов, имеющих такой же уровень образования в сфере информационных технологий. То есть требования к условиям работы снижаются, а вклад в профессиональное развитие обретает ценность в повышении конкурентоспособности.

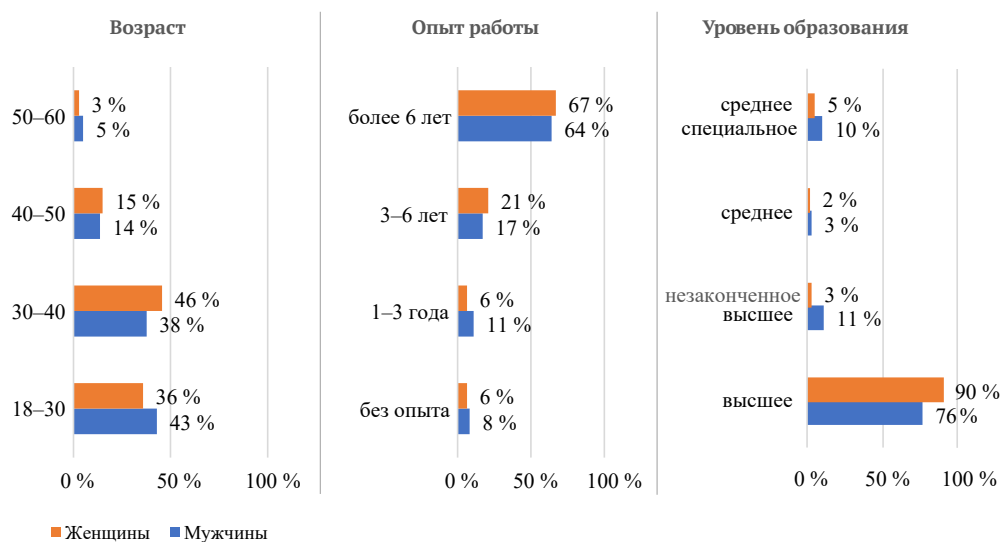

Рис. 3. Соотношение кандидатов на рабочие места по возрасту, опыту работы и уровню образования в зависимости от пола в 2023–2024 гг.
Fig. 3. Candidates by gender, age, work experience, and education, 2023–2024

В настоящее время рынок труда креативных индустрий в Томской области характеризуется высоким предложением в сфере информационных технологий и низкой конкуренцией в данной области, связанной с высоким спросом. Обратная ситуация складывается в условиях низкого или умеренного спроса на специалистов: в подобных сферах деятельности уровень конкуренции оценивается как крайне высокий.

По данным платформы «РосНавык» в Томской области актуальных вакансий более 15 тыс., при этом за последний год опубликовано 93202 вакансии, среди которых более 3500 тыс. приходится на специалистов креативных индустрий, а количество открытых позиций на апрель 2024 г. составляет 645.

Вакансия работодателя содержит следующий набор характеристик:

- 1) название вакансии;
- 2) описание вакансии;
- 3) работодатель – наименование организации, опубликовавшей вакансию;
- 4) ключевые навыки – навыки, указанные в вакансии работодателем;
- 5) опыт работы;
- 6) график работы;
- 7) заработная плата;
- 8) вид трудоустройства.

Исходя из информационного содержания вакансий, для оценки спроса на креативный человеческий капитал в Томской области будут выделены такие параметры, как: востребованность специальности,

заработная плата, опыт работы, тип занятости, ключевые навыки и компетенции.

На рисунке 4¹² представлен спрос на специалистов в креативных сферах. Он растет в Томской области особенно динамично в сфере маркетинга, IT-сфере, науке. Наиболее востребованными специалистами являются маркетологи, интернет-маркетологи, научные специалисты, исследователи, а также программисты и разработчики. Менее высокий спрос прослеживается на SMM-менеджеров, контент-менеджеров, дизайнеров, художников и швей. Низкий – на такие специальности, как: режиссер, сценарист, event-менеджер, BI-аналитик. Одним из факторов, оказывающих влияние на формирование спроса, выступает развитие цифровых технологий, т.к. цифровизация создает потребность в специалистах, имеющих навыки работы в онлайн-среде.

Тенденция развития технологий влияет не только на востребованность отдельных специальностей, но и на уровень заработной платы. Так, у работников наиболее высокооплачиваемых профессий креативных индустрий (гейм-дизайнер, программист, разработчик, маркетолог) предлагаемая оплата труда начинается от 100 тыс. руб., хотя средний уровень заработной платы специалистов креативных индустрий в Томской области составляет 50 тыс. руб.

Для многих работодателей одним из основных факторов при принятии решения о выборе кандидата выступает опыт работы. В Томской области наибольшее число работодателей находится в поиске креативных сотрудников с опытом работы 1–3 года (52%),

Рис. 4. Распределение вакансий в разрезе профессиональных областей
 Fig. 4. Vacancies by professional area

¹² Рисунок 4, таблицы 4 и 5 составлены по: РосНавык, мониторинг рынка труда...

специалистами без опыта работы либо с опытом работы 3–6 лет интересуется 22,6 % и 22,4 % работодателей соответственно, наименьшее число вакансий с требуемым опытом работы больше 6 лет (2,3 %). Достаточно высокий показатель желаемого работодателями опыта работы от 1 до 3 лет может быть объяснен не только выгодной составляющей для компании в виде низких затрат на заработную плату малоопытным сотрудникам, но и рядом преимуществ, отличающих молодых специалистов, у которых в силу возрастной категории небольшой опыт работы. Так, «молодые специалисты составляют перспективную группу из числа всего экономически активного населения», характеризующуюся высокой работоспособностью, высоким уровнем знаний в области информационных технологий, способностью к быстрой адаптации, а также свежими взглядами и идеями, что является особенно важным для креативных специалистов [27].

В таблице 4 представлены результаты сравнения специальностей с высоким, средним и низким уровнями востребованности на рынке труда креативных индустрий и выставляемыми требованиями работодателей по отношению к опыту работы кандидатов. Высокий спрос на отдельные специальности понижает требования, связанные с опытом работы. Работодатели готовы нанимать специалистов востребованных профессий, не акцентируя внимание на трудовом стаже.

Тип занятости определяет работодатель в зависимости от потребности в трудовых ресурсах. На рынке труда креативных индустрий в Томской области 89,1 % вакансий с требованием полной занятости, остальные (частичная, временная занятость и стажировка) занимают около 11 % от числа всех вакансий (7,4 %, 1,5 % и 2 % соответственно). Работодатели оценивают не только образование, опыт работы кандидатов, но и их умения, навыки, компетенции

и способности, определяющие эффективное выполнение обязанностей и являющиеся ключевым инструментом конкурентоспособности и успешной карьеры на рынке труда. Помимо профессиональных навыков, работодатели выделяют надпрофессиональные – универсальные навыки, личностные качества человека.

В таблице 5 показано, что наиболее востребованными считаются цифровые навыки и знания маркетинговых основ. Это подтверждается высоким спросом на специалистов в области маркетинга и IT-сферы, однако в состав креативных индустрий входят не только маркетологи и программисты. Творческая деятельность, не связанная с цифровыми тенденциями, характеризуется сниженной востребованностью на креативном рынке труда Томской области. С одной стороны, креативные индустрии Томской области следуют тенденции развития технологий, вследствие чего наиболее высокий спрос имеют специалисты, деятельность которых связана с цифровизацией и онлайн-средой, с другой – снижен спрос на креативный человеческий капитал в других областях креативных индустрий (искусство, кинематография). Вариативность спроса приводит к разнице в заработной плате, требуемом опыте работы, предложениях работодателей.

Наибольшее число работодателей стремится нанять сотрудников с небольшим опытом работы либо без опыта, но, если рассматривать показатели параметра *опыт работы*, исходя из данных, полученных при анализе предложения труда, наибольшее количество соискателей имеют опыт работы более 6 лет. Подобное противоречие может привести к тому, что соискателям потребуется больше времени на поиск работы, а работодателям – на принятие решения об изменении требований к кандидатам или о повышении условий труда, соответствующих ценности трудового ресурса.

Табл. 4. Соотношение требуемого опыта работы и востребованности специальности

Tab. 4. Required work experience vs. professional demand

Специальности	Общее количество вакансий	Уровень спроса	Опыт работы			
			без опыта	1–3 года	3–6 лет	более 6 лет
Маркетолог, интернет-маркетолог	103	высокий	27	59	17	–
Программист, разработчик	379	высокий	48	206	111	14
Научный специалист, исследователь	171	высокий	75	74	19	3
SMM-менеджер, контент-менеджер	59	средний	13	42	3	1
Дизайнер, художник	48	средний	10	33	4	1
Режиссер, сценарист	8	низкий	6	2	–	–

Табл. 5. Профессиональные и надпрофессиональные навыки

Tab. 5. Professional skills vs. soft skills

Профессиональные навыки	Количество упоминаний в вакансиях	Надпрофессиональные навыки	Количество упоминаний в вакансиях
Знание языка программирования	622	Работа в команде	297
Продвижение в социальных сетях	345	Грамотная речь	284
Знание основ в области маркетинга	326	Коммуникативная грамотность	278
Владение Adobe Photoshop	201	Креативное мышление	222
Проведение маркетинговых исследований	151	Организаторские навыки	215
Продажи	150	Информационная грамотность	145
Управление брендом	131	Ответственность	114
Разработка маркетинговых стратегий	117	Многозадачность	107
Базовые знания ПК	116	Аналитическое мышление	100
Графический дизайн	99	Обучаемость и адаптивность	94

На основе анализа спроса и предложения труда была выявлена проблема, связанная с высоким предложением в области дизайна и изобразительного искусства и низким спросом на соответствующие специальности. В ситуации избытка кадров возникла высокая конкуренция среди соискателей за рабочие места, что повлекло за собой повышение требований к кандидатам со стороны работодателей и увеличение ограничений у кандидатов, характеризующихся недостатком вариантов трудоустройства.

При этом, если рассматривать общие показатели (количество вакансий и резюме в креативных индустриях), спрос незначительно превышает предложение. Сложившаяся ситуация может оказывать следующие влияния:

- 1) положительное: улучшение условий труда, повышение зарплатных плат, в связи с увеличением конкуренции между работодателями за потенциальных сотрудников, а также создание обучающих программ, стажировок, стимулирующих привлечение специалистов в творческие отрасли;
- 2) отрицательное: превышение спроса над предложением может привести к уменьшению скорости роста и развития креативных индустрий.

В условиях динамичного развития креативных индустрий, быстроменяющихся мировых и общественных тенденций, высокой конкуренции на рынке труда отбор креативных специалистов становится ключевым фактором успеха для организаций в креативных сферах. Оценка креативных

способностей и потенциала кандидатов зачастую является субъективным процессом, т.к. представления о том, что является креативным или успешным в данной области различны. Креативные сотрудники способны выдвигать новаторские идеи, улучшать процессы и обеспечивать конкурентное преимущество, однако процесс отбора и подбора творческих специалистов может быть осложнен некоторыми факторами и требовать новых подходов.

Во-первых, творческий потенциал человека не всегда определяется лишь уровнем образования, количеством профессиональных переподготовок, повышений квалификаций. Уровень образования выступает для работодателя индикатором компетентности и квалификации специалиста, но для оценки креативной составляющей большее значение может иметь визуальный инструмент – профессиональное портфолио, в котором собраны работы, проекты, достижения специалиста, позволяющие продемонстрировать его творческий потенциал и стиль. Тем не менее профессиональное портфолио не всегда обеспечивает достоверность представленной кандидатом информации, поэтому может быть осуществлено внедрение в процедуру отбора с помощью проведения креативных тестов, кейсов и заданий: работодатели смогут справедливо оценить мышление, профессиональные знания, креативный потенциал – способность создавать новые продукты, генерировать идеи.

Во-вторых, основным видом собеседований является *индивидуальное* – процедурой отбора занимается специалист по подбору персонала, беседующий

с кандидатом лично. Вторую позицию по популярности занимает *групповое* собеседование, включающее проведение интервью одновременно с несколькими кандидатами. В большинстве случаев этот вид используется для экономии времени¹³. Учитывая, что наиболее востребованным навыком креативного специалиста для работодателей в Томской области является умение работать в команде, допустимо преобразовать формат групповых собеседований, предоставляя кандидатам возможность не только рассказать о своих достижениях, образовании, опыте работы, но и продемонстрировать навык командной работы в режиме реального времени. Подобное взаимодействие кандидатов позволит не только оценить навыки специалиста, его включенность в процесс, умение коммуницировать с незнакомыми людьми, но и указать на возможные недостатки. На рынке труда креативных индустрий Томской области наблюдается высокая конкуренция среди специалистов в области маркетинга, рекламы, искусства, массмедиа. Подобный способ проведения собеседований позволит сэкономить работодателям время на поиск сотрудника, отвечающего необходимым требованиям, и оценить, сравнить работу нескольких кандидатов одновременно.

В-третьих, в ходе анализа спроса и предложения на рынке труда креативных индустрий в Томской области выявлено несоответствие: большинство резюме соискателей с указанным опытом работы более 6 лет (65 %), но основная часть работодателей находится в поиске сотрудников с опытом работы до 3 лет (74,6 %). Подобная ситуация может быть вызвана следующими факторами:

1. Опытные сотрудники проявляют стремление получить новый профессиональный опыт и желание сменить место работы с целью карьерного роста, повышения уровня заработной платы. Исходя из накопленного человеческого капитала, требования специалистов с большим опытом к условиям работы возрастают, ведь и ценность такого сотрудника высока.

2. Работодателям выгоднее нанимать людей без опыта либо с небольшим опытом по двум причинам: молодые сотрудники в профессиональной сфере неотяжелены прошлым опытом, у них нет потребности в переобучении в отличие от многих опытных специалистов с устоявшимися методами работы, вызывающими сложности в адаптации в организации, использующей иные подходы. Молодых специалистов легче обучить, а отсутствие

опыта либо минимальный опыт работы позволит работодателям снизить затраты на оплату труда, т.к. таких сотрудников нанимают за невысокую заработную плату.

Исходя из перечисленного, разрешить сложившееся противоречие практически невозможно, однако избежать ситуации, когда у сотрудника возникнет потребность сменить место работы из-за отсутствия профессионального развития и возможности роста уровня заработной платы, можно. Привлечению и удержанию специалистов способствует представленная на этапе собеседования стратегия карьерного роста в данной организации. Например, если кандидат будет видеть, что помимо стандартных условий труда работодатель гарантирует профессиональное развитие сотрудника, а также демонстрирует, каким будет этот процесс и сколько усилий потребует со стороны кандидата, вероятность роста специалиста вместе с организацией повышается.

Итак, для процедуры отбора и подбора креативных специалистов недостаточно лишь стандартных оценок кандидатов (исключительно по уровню образования, опыту работы) или включения в процесс отбора разнообразных методов оценки (интерактива в командной работе, кейс-заданий, тестирования). Только их совместное использование, а также создание стимулирующей среды для проявления творческого потенциала и профессионального развития позволят сделать набор креативных специалистов эффективным.

Заключение

Несмотря на то что в настоящее время термин *креативные индустрии* не имеет общепринятого определения и продолжает оспариваться многими исследователями, можно сформировать единое мнение из совокупности различных трактовок: креативные индустрии представляют собой молодой, но активно развивающийся сектор экономики, основными ресурсами которого являются творчество и интеллектуальный капитал. В связи с ростом и усиливающимся вкладом в экономику, государство рассматривает креативные отрасли как важный сектор экономики, предпринимая меры их стимуляции и поддержки на законодательном уровне.

Креативные индустрии находятся в зависимости от мировых трендов, а точнее – от скорости их сменяемости. В этом заключается сложность прогнозирования развития индустрии и, как следствие, предположения изменения ситуации на рынке

¹³ Виды, типы и методы собеседования: обзор лучших практик. *HRTIME.RU*. URL: <https://hrtime.ru/contents/vidy-tipy-i-metody-sobesedovaniia-obzor-luchshikh-praktik/> (дата обращения: 23.04.2024).

труда. Увеличивающийся масштаб отрасли требует большого количества специалистов, обладающих высокой квалификацией, уникальными навыками и талантами, т.е. вкладывающихся в собственный человеческий капитал. Он является индикатором востребованности и конкурентоспособности специалиста на рынке труда.

В данном исследовании обоснована значимость рынка труда для развития креативных индустрий на примере Томской области, которая относится к числу лидеров по потенциалу их развития (4 место в рейтинге). В статье при решении задачи выявления особенностей рынка труда креативных индустрий были отражены основные показатели, определяющие ситуацию на рынке труда и способные отразить специфичность креативных отраслей. Определена тесная взаимосвязь между динамикой развития креативных индустрий и положением на рынке труда. Вследствие развития технологий, цифровизации появляются новые креативные профессии, сфера деятельности которых ориентирована на онлайн-среду. Изменению предложения на рынке труда соответствует динамика спроса, повышающегося на специалистов, использующих в работе сетевое пространство. Обратная ситуация – падение спроса – наблюдается с работниками традиционных профессий (специалисты архивов и музеев).

При решении задач оценки спроса и предложения и выявления проблем рынка труда креативных индустрий в работе было проведено исследование вакансий работодателей и резюме соискателей на креативные должности. Согласно представленным результатам, были сделаны выводы о динамике спроса и предложения труда и определены существующие сложности. Так, в Томской области на рынке труда креативных индустрий спрос превышает предложение, несмотря на прирост количества резюме в сравнении с мартом 2023 г. С одной стороны, превышение спроса над предложением может служить признаком того, что на рынке труда находится меньше квалифицированных специалистов, чем требуется работодателям. С другой – это повышает конкурентоспособность между работодателями, находящимися в поиске сотрудников, стимулируя их улучшать условия труда, повышать заработную плату, инвестировать в обучение и развитие специалистов.

Наиболее высокие показатели спроса и предложения зафиксированы в сфере информационных технологий, маркетинга и научно-исследовательской деятельности. На первый взгляд, это оказывает положительное влияние на креативные индустрии,

т.к. технологические тенденции требуют постоянного развития и совершенствования деятельности для успешной адаптации отрасли в современном мире, чему способствует рост потребности в специалистах, способных внедрять инновации в работу. Однако при этом снижается заинтересованность к менее востребованным специальностям, вследствие чего люди сталкиваются с трудностями при поиске работы.

Подобное несоответствие проявляется не только в рамках спроса, но и предложения труда. При его анализе было установлено, что между специалистами менее востребованных профессий присутствует высокая конкуренция. Соискатели вынуждены снижать требования к условиям работы, заработной плате, ощущая вместе с тем необходимость инвестировать в свое профессиональное развитие и рост. Заработная плата востребованных и менее востребованных специальностей креативных индустрий в Томской области может отличаться более чем на 100 тыс. руб., тогда как основные характеристики соискателей (уровень образования, возраст, опыт работы) могут быть идентичны.

При разработке предложений по совершенствованию найма креативных специалистов были выявлены особенности рынка труда креативных индустрий в Томской области, на основе которых выдвинуты предположения, способные улучшить процедуру отбора и подбора специалистов на креативные должности. Так как в креативных индустриях заняты творческие специалисты, чьи способности нельзя измерить стандартными показателями, то при процедуре подбора могут возникнуть сложности в объективности оценки творческого потенциала креативных специалистов. Люди, деятельность которых основана на творчестве, не всегда могут продемонстрировать свою уникальность, компетентность и креативность на традиционных собеседованиях. Также в креативных индустриях зачастую важным требованием выступает умение работать в команде, поэтому работодатели, выделяя навык командной работы как наиболее востребованный, обращают внимание на способность кандидата эффективно взаимодействовать с другими людьми в рабочем процессе, однако данная способность может быть полноценно выявлена лишь при вступлении в должность. Это создает для работодателя риски, прежде всего вызванные традиционной процедурой отбора.

Преобразование стандартных интервью с кандидатами в командный формат собеседований позволит нанимателям сформировать представления о коммуникативных способностях потенциального

сотрудника на первоначальном этапе. Для успешного найма таких специалистов требуется более гибкий и творческий подход к процессу отбора, позволяющий оценить не только основополагающие параметры кандидата, но и его мышление, способность генерировать новые идеи, находить нестандартные решения и подходы.

Результаты исследования имеют потенциал применения в дальнейших исследованиях рынка труда креативных индустрий, выявления специфики Томской области на основе сопоставления с другими регионами, а также управления креативными человеческими ресурсами. В практических целях могут быть использованы для оптимизации процедуры отбора и подбора креативных специалистов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00679 «Креативная реиндустриализация городов "второго эшелона" в условиях цифровой трансформации». <https://rscf.ru/project/22-18-00679/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00679: Creative reindustrialization of the second-tier cities in context of digital transformation, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00679/>

Литература / References

1. Тургель И. Д., Дербенева В. В., Баскакова И. В., Чукавина К. В. Теоретические подходы к определению креативных индустрий. *Р-Экономика*. 2022. Т. 8. № 4. С. 310–326. [Turgel I. D., Derbeneva V. V., Baskakova I. V., Chukavina K. V. Theoretical approaches to identifying creative industries, *R-economy*, 2022, 8(4): 310–326. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.15826/recon.2022.8.4.024>
2. Трубецкая А. Ю. Креативные индустрии: опыт применения практико-ориентированного подхода в российском современном образовании. *Обсерватория культуры*. 2019. Т. 16. № 3. С. 240–250. [Trubetskaya A. Yu. Creative industries: The experience of practice-oriented approach application in the modern Russian education. *Observatory of Culture*, 2019, 16(3): 240–250. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2019-16-3-240-250>
3. Wu H., Wu R. The impacts of emerging technologies and education to creative industry and the inspired economies. *ICSET 2019: Proc. 3rd Intern. Conf.*, Taipei, 15–17 Aug 2019. NY: ACM, 2019, 96–100. <https://doi.org/10.1145/3355966.3355987>
4. Butkova O. V. The definition of "capital" as an economic and accounting category. *INTERAGROMASH 2020: Proc. XIII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Rostov-on-Don, 26–28 Feb 2020. Rostov-on-Don: DSTU, 2020, vol. 175. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017513011>
5. Mincer J. Investment in human capital and personal income distribution. *Journal of Political Economy*, 1958, 66(4): 281–302. <https://doi.org/10.1086/258055>
6. Григорьев К. Н. Трансформация понятия «человеческий капитал». *Социология*. 2020. № 3. С. 83–89. [Grigorev K. N. Transformation of the concept of «human capital», *Sotsiologiya*, 2020, (3): 83–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfjras>
7. Schultz T. W. Capital formation by education. *Journal of Political Economy*, 1960, 68(6): 571–583. <https://doi.org/10.1086/258393>
8. Becker G. S. Human capital and the economy. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 1992, 136(1): 85–92.
9. Булина А. О., Мозговая К. А., Пахнин М. А. Человеческий капитал в теории экономического роста: классические модели и новые подходы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2020. Т. 36. № 2. С. 163–188. [Bulina A. O., Mozgovaya K. A., Pakhnin M. A. Human capital in economic growth: Classical models and new approaches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*, 2020, 36(2): 163–188. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.201>

10. Иванов М. И. Основные положения теории человеческого капитала и их развитие. *Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова*. 2019. Т. 36. № 4. С. 92–97. [Ivanov M. I. The main provisions of the theory of human capital and their development. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Kadyrova*, 2019, 36(4): 92–97. (In Russ.)]
11. Юнусова Г. Р. Человеческий капитал в развитии экономики региона: высококачественное высшее образование как инвестиции в человеческий капитал. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021. № 88. С. 190–203. [Yunusova G. R. Human capital in the development of region's economy: High-quality higher education as investment in human capital. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 2021, (88): 190–203. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-88-190-203>
12. Krišiukenienė D., Pilinkienė V. Theoretical presumptions of the creative industries innovation productivity performance. *Creativity Studies*, 2023, 16(1): 91–107. <https://doi.org/10.3846/cs.2023.15958>
13. Измашкина О. А. Оценка эффективности функционирования рынка труда Владимирской области на основе макропоказателей многофакторной оценки состояния регионального рынка труда. *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки*. 2023. № 4. С. 7–14. [Izmashkina O. A. Evaluation of the effectiveness of the functioning of the labor market of the Vladimir region on the basis of macro-indicators of a multifactorial assessment of the state of the regional labor market. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigorevicha i Nikolaia Grigorevicha Stoletovykh. Seriya: Ekonomicheskie nauki*, 2023, (4): 7–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uszfaw>
14. Pareja-Eastaway M. Creative Industries. *Journal of Evolutionary Studies on Business*, 2016, 1(1): 38–50.
15. Bujor A., Avsilcai S. Modern technologies and business performance in creative industries: A framework of analysis. *IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng*, 2016, 145. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/145/6/062001>
16. Труфанов Д. О., Ворошилов В. А., Борисюк Л. А., Малаховская А. М., Черепанова А. А., Сильвияйнен Д. С. Модель инфраструктуры подготовки кадров для креативных индустрий. *Экономика труда*. 2023. Т. 10. № 7. С. 1061–1078. [Trufanov D. O., Voroshilov V. A., Borisjuk L. A., Malakhovskaya A. M., Cherepanova A. A., Silviyaynen D. S. Training infrastructure model for creative industries. *Ekonomika truda*, 2023, 10(7): 1061–1078. (In Russ.)] <http://doi.org/10.18334/et.10.7.118661>
17. Гершман М. А., Демьянова А. В., Полякова Е. Ю. Креативный класс России: портрет в цифрах. Научный дайджест. Спецвыпуск. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 17 с. [Gershman M. A., Demianova A. V., Poliakova E. Yu. *Creative community in Russia: A quantitative profile. Scientific digest. Special edition*. Moscow: HSE University, 2023, 17. (In Russ.)]
18. Жунусова Л. С. Креативные профессии в эпоху цифровых технологий: как новые инструменты воздействуют на выбор профессий и мир творчества. *Инновационная наука*. 2023. № 5-2. С. 68–72. [Zhunusova L. S. Creative professions in the digital age: How new tools affect the choice of professions and the world of creativity. *Innovatsionnaya nauka*, 2023, (5-2): 68–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zwwwug>
19. Dharmani P., Das S. Influence of technological changes on evolution trajectories: Evidence from creative industries. *Academy of management proceedings*, 2022, (1). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4487097>
20. Грохотова К. В., Винокурова М. В. Использование инструментов интернет-маркетинга в качестве механизма продвижения услуг. *Global & Regional Research*. 2021. Т. 3. № 2. С. 59–69. [Grokhotova K. V., Vinokurova M. V. Using the tools of internet marketing as a mechanism to promote services. *Global & Regional Research*, 2021, 3(2): 59–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xbccel>
21. Towse R. Digitization Internet and the economics of creative industries. *The Internet and Philosophy of Science*, 2022, 154–171. <http://dx.doi.org/10.4324/9781003250470-10>
22. Абанкина Т. В. Креативная экономика в России: новые тренды. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022. № 2. С. 221–228. [Abankina T. V. Creative economy in Russia. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 2022, (2): 221–228. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-54-2-13>
23. Боос В. О., Гершман М. А., Гохберг Л. М., Куценко Е. С., Осташенко Т. В. Рейтинг креативных регионов России. Научный дайджест. Спецвыпуск № 3. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 34 с. [Boos V. O., Gershman M. A., Gokhberg L. M., Kutsenko E. S., Ostashchenko T. V. *Rating of creative regions in Russia. Scientific digest. Special Issue No. 3*. Moscow: HSE University, 2023, 34. (In Russ.)]

24. Ипполитов С. С. Малый бизнес в творческой индустрии: оценка вклада в экономику. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2022. № 2. С. 143–153. [Ippolitov S. S. Small business in the creative industry: Assessment of contribution to the economy. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2022, (2): 143–153. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-2106-143-153>
25. Головчин М. А. Востребованность работника «нового типа» и его компетенций в российской экономике. *Вестник Гуманитарного университета*. 2019. № 4. С. 100–111. [Golovchin M. A. The demand for the "new type" employee and his competencies in the Russian economy. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, 2019, (4): 100–111. (In Russ.)]
26. Джабраилова Л. Х., Хадуева Я. А. Креативные индустрии – основа новой экономической реальности. *Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки*. 2021. № 4. С. 184–192. [Dzhabrailova L. Kh., Khadueva Ya. A. Creative industries – the basis of a new economic reality. *Bulletin of Chechen State Pedagogical University. Series 1. Humane and Social Sciences*, 2021, (4): 184–192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqbwnp>
27. Ткаченко Ю. Г. Мониторинг регионального молодежного рынка труда. *Управление в экономических и социальных системах*. 2020. № 1. С. 17–25. [Tkachenko Yu. G. Monitoring the regional youth labor market. *Management in Economic and Social Systems*, 2020, (1): 17–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owkvxf>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/hehrya>

Теоретические и практические аспекты формирования системы индикативных показателей диагностики экономической безопасности холдинговых структур

Кокорина Дария Александровна

Нижегородская академия МВД РФ, Россия, Нижний Новгород

eLibrary Author SPIN: 1137-5177

daria52rus@yandex.ru

Аннотация: Проведен анализ состояния экономической безопасности холдинговой структуры Обнинского научно-производственного предприятия «Технология» имени А. Г. Ромашина. Используются теоретические и практические аспекты формирования системы индикативных показателей экономической безопасности. Выяснено, что холдинг состоит из семи предприятий, каждое из которых ведет свою хозяйственную деятельность. Своевременная диагностика рисков и угроз позволяет устранить их на раннем этапе, что экономит средства и силы для стабилизации экономической безопасности предприятия. Цель – определить и обосновать индикативные показатели для диагностики уровня экономической безопасности холдинга. В ходе изучения бухгалтерской (финансовой) отчетности организаций, входящих в холдинг структуры Обнинского научно-производственного предприятия «Технология» имени А. Г. Ромашина, выделены внешние и внутренние угрозы экономической безопасности каждого из предприятий холдинга, а также определены общие угрозы холдинговой структуры. Диагностика проводится на основании индикативных показателей (индикаторов безопасности), которые распределяются по группам безопасности. Данные индикаторы позволяют оценить уровень экономической безопасности холдинга. Если рассматриваемые индикативные показатели находятся вне нормативного уровня, необходимо принять меры, направленные на их стабилизацию и обеспечение безопасности холдинга в целом. В статье не только проведена диагностика состояния экономической безопасности холдинговой структуры, но и определены возможности для дальнейшего развития, предложены меры по нивелированию негативного воздействия со стороны внешней среды и обеспечению успешной деятельности предприятий. Существенным ограничением детального анализа выступает постановление Правительства РФ № 351 от 12.03.2022, которое дает возможность не публиковать отчетность российских компаниям для защиты от недружественных действий со стороны западных стран. В соответствии с этой информацией по финансовым показателям холдинга на текущий момент недоступна. Анализ данных проводился в ретроспективном разрезе.

Ключевые слова: экономическая безопасность, холдинговые структуры, угрозы экономической безопасности, индикативные показатели, финансовая устойчивость, финансовая безопасность, финансовые показатели, диагностика

Цитирование: Кокорина Д. А. Теоретические и практические аспекты формирования системы индикативных показателей диагностики экономической безопасности холдинговых структур. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 3. С. 398–409. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-398-409>

Поступила в редакцию 22.02.2024. Принята после рецензирования 19.05.2024. Принята в печать 27.05.2024.

full article

Developing a System of Economic Security Indicators for Holdings: Theory and Practice

Daria A. Kokorina

Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Russia, Nizhniy Novgorod

eLibrary Author SPIN: 1137-5177

daria52rus@yandex.ru

Abstract: The article introduces the case of economic security analysis of the Romashin Technology Research and Production Holding, Obninsk, Russia. The author relied on various theoretical and practical aspects of economic security indicators as a system. The holding in Obninsk united seven enterprises, each of which conducted its own business activities. As a result, a timely preventive diagnosis of risks and threats became a rather complicated issue. The research objective was to identify and justify a set of economic security indicators for the holding in question. A comprehensive analysis of financial reports of all organizations within the holding made it possible to identify external and internal threats to the economic security of the entire holding and its parts. The diagnostics was carried out on the basis of safety indicators, which were divided into safety groups. If the indicators were outside the regulatory level, the holding was recommended to stabilize them. The study also revealed some opportunities for further development, as well as yielded measures to eliminate the negative external impact. Government Decree No. 351, March 12, 2022, allowed Russian companies not to publish reports, thus protecting them against potential harm from unfriendly countries. However, the Decree prevented the author from getting access to the current financial data, which made the analysis retrospective.

Keywords: economic security, holding structures, threats to economic security, indicators, financial stability, financial security, financial indicators, diagnostics

Citation: Kokorina D. A. Developing a System of Economic Security Indicators for Holdings: Theory and Practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 398–409. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-398-409>

Received 22 Feb 2024. Accepted after review 19 May 2024. Accepted for publication 27 May 2024.

Введение

В условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны западных стран вопрос экономической безопасности нашего государства особенно актуален. Основой динамично развивающейся экономики являются стабильно работающие предприятия и организации, способные удовлетворить спрос населения, привлечь инвестиции, предложить инновации, уменьшить или исключить импортные товары и заплатить налоги. Холдинговые компании стоят во главе современных финансово-промышленных корпораций. Холдинги объединяют под своим началом предприятия как схожих, так и различных секторов экономики. Однако наличие самостоятельной хозяйственной деятельности отдельных подразделений, многоотраслевой характер их деятельности и другие факторы значительно усложняют обеспечение экономической безопасности холдинговой структуры.

Цель работы состоит в определении и обосновании индикативных показателей для диагностики уровня экономической безопасности холдинга.

Гипотеза исследования заключается в следующем: для диагностики общего уровня экономической безопасности холдинговой структуры целесообразно проводить диагностику экономической безопасности как входящих в холдинг стратегических единиц, так и холдинга в целом, а также оценку уровня экономической безопасности групп, входящих в холдинг предприятий, объединенных одним видом экономической деятельности.

В работе использовались как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация, системный и логический подходы), так и специальные (экономические, математические, статистические методы).

Формирование эффективной системы диагностики и оценки угроз является важным элементом механизма обеспечения экономической безопасности [1]. Обнаружение угроз в самом начале позволяет принять меры по устранению воздействия негативных факторов, выявить причины их возникновения и снизить стоимость мероприятий

по обеспечению экономической безопасности холдинга. В своих работах показатели экономической безопасности предприятия изучали такие отечественные ученые, как В. К. Сенчагов, А. Е. Суглобов, Т. Н. Агапова, В. С. Осипов, Н. Д. Эриашвили и др.

Само понятие *экономическая безопасность* возникло в тридцатые годы XX в. на фоне ликвидации последствий Великой депрессии, а также в связи с международной интеграцией и необходимостью обеспечивать стабильность экономики страны и защиту ее экономических интересов от внешних угроз и рисков [2, с. 15]. Определения этого термина различны по своим подходам:

1. «Совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию» [3], поэтому наличие проблем даже с одним из составляющих может привести к угрозе защиты в целом.

2. «Такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [4, с. 72]. Анализируя данный подход с точки зрения безопасности предприятия, можно сделать вывод, что оно должно иметь возможность сопротивляться внутренним и внешним негативным факторам, быть экономически независимым, обладать стабильностью и обеспечивать устойчивость развития.

3. Для минимизации финансовых угроз предприятие должно обеспечивать финансовую безопасность – определенное состояние организации, в той или иной мере достаточное для обеспечения текущей деятельности [5, с. 34].

4. *Экономическая безопасность* связана с инновационной деятельностью и созданием новых технологий и продуктов [6]. С этим утверждением трудно не согласиться, т.к. в настоящее время показатель инновационной активности российских предприятий значительно уступает указанному показателю западных стран.

5. «Состояние защищенности ключевых интересов хозяйствующих субъектов на стадиях проведения научных исследований и разработок, внедрения инновационных технологий и материализации полученного продукта» [7, с. 310].

6. *Экономическая безопасность* является частью национальной безопасности РФ¹. К стратегическим целям ее обеспечения относятся обеспечение экономической безопасности страны, развитие экономики и создание условий для развития личности.

7. «Состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»².

8. *Экономическая безопасность* предприятия предусматривает высокую степень защиты от нежелательных изменений [8, с. 113].

9. Эффективное использование корпоративных ресурсов способно предотвратить угрозы и обеспечить стабильное существование предприятия [9].

10. *Экономическая безопасность* «промышленного предприятия – это непрерывный процесс обеспечения на промышленном предприятии, находящемся в определенном внешнем окружении, стабильности его функционирования, финансового равновесия и регулярного извлечения прибыли, а также возможности выполнения поставленных целей и задач, способности его к дальнейшему развитию и совершенствованию на различных стадиях жизненного цикла предприятия и в процессе изменения конкурентных рыночных стратегий» [10].

Систематизируя представленные понятия, а также и другие, встречающиеся в научной литературе, можно выделить основные аспекты *экономической безопасности предприятия*:

- достижение желаемого уровня экономической безопасности за счет эффективного использования ресурсной базы;
- минимальная угроза всех форм риска, связанных с деятельностью предприятия;
- экономическая безопасность неразрывно связана с финансовой безопасностью, финансовой устойчивостью и экономической безопасностью инвестиционной деятельности;
- экономическая безопасность является величиной динамического характера, т.е. ее численное выражение имеет тенденцию к изменению во временных интервалах.

Таким образом, возникает задача выявления и оценки (в том числе с позиций угроз экономической безопасности) материальных и нематериальных ресурсов, необходимых для эффективного функционирования субъекта экономики.

¹ О Стратегии национальной безопасности РФ. Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. СПС КонсультантПлюс.

² О Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. Указ Президента РФ № 208 от 13.05.2017. СПС КонсультантПлюс.

К определениям угрозы экономической безопасности относятся:

1. Совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам РФ в экономической сфере³.

2. «Некий интегральный показатель, который характеризует степень снижения экономического потенциала предприятий за определенный промежуток времени» [11].

Таким образом, угрозу можно определить как действие конкретных деструктивных факторов, направленных на причинение ущерба определенному объекту.

Оценка состояния экономической безопасности предприятия заключается в своевременном выявлении ее угроз, оперативном реагировании на них, выработке управленческих решений и рекомендаций, формировании эффективной системы управления рисками.

Существует большое количество разнообразных методов проведения диагностики и определения интегрального показателя экономической безопасности, учитывающих действие различных угроз на состояние предприятия. Так, по мнению Е. Ю. Хрусталева и Ю. Е. Хрусталева, в систему количественных и качественных показателей экономической безопасности предприятия можно включить: уровень финансирования, долю НИОКР в общем объеме работ, долю НИР в общем объеме НИОКР, динамику производства, рентабельность производства, уровень оплаты труда, структуру кадрового потенциала, долю обеспеченности собственными источниками финансирования и т.д. [12]. Однако для каждого производства определяется свой перечень показателей, т.к. система обеспечения экономической безопасности включает в себя и финансово-экономические показатели, и показатели интеллектуально-кадровой безопасности, и технико-технологические, и др. [13]. Безопасность холдинга, в том числе и экономическая, основывается на стабильных показателях всех предприятий холдинговой структуры [14].

Угроза банкротства в настоящее время стала реальной для некоторых предприятий. В связи с этим главная задача для них состоит в том, чтобы восстановить свою платежеспособность и избежать ликвидации. Важным моментом в предупреждении кризисных ситуаций на предприятии являются диагностика финансового состояния и релевантное управление

резервами как явными, так и скрытыми [15]. По мнению Ф. Б. Риполь-Сарагоси, *финансовая устойчивость* – это состояние счетов предприятия, гарантирующее его постоянную платежеспособность [16], что влияет на экономическую группу индикативных показателей, рассмотренных в данной работе.

Любому предприятию для минимизации рисков и обеспечения экономической безопасности необходимо разрабатывать комплекс мероприятий, направленных на защиту от возможных угроз [17]. Для диагностики и проведения оценки экономической безопасности холдинговых структур в данной работе предложены индикативные показатели экономической безопасности. В целях проведения анализа и диагностики экономической безопасности было выбрано АО «Обнинское научно-производственное предприятие "Технология" имени А. Г. Ромашина» (ОНПП «Технология»), которое включает в себя семь предприятий (рис.). Холдинг осуществляет деятельность в сфере неметаллических материалов, малотоннажной и среднетоннажной химии, биоматериалов, создании наукоемкой, высокотехнологичной продукции из неметаллических материалов для авиационной, ракетно-космической техники, транспорта и вооружения.

На основе анализа статистических данных о финансовом состоянии указанного холдинга были установлены угрозы экономической безопасности его предприятий, выделены уровни и группы экономической безопасности предприятий и всего холдинга и определены индикативные показатели экономической безопасности на уровне предприятий, входящих в холдинг.

Методы и материалы

В рамках проведенной работы были применены такие методы, как сравнительный анализ, разработка системы индикативных показателей [18, с. 38], экономико-математические методы и др. Для исследования и разработки системы индикативных показателей экономической безопасности холдинговых структур для предприятий, осуществляющих деятельность в сфере неметаллических материалов, химии, биоматериалов, были использованы, в частности, бухгалтерская (финансовая) отчетность предприятий, входящих в структуру холдинга ОНПП «Технология», статистические данные, а также отраслевые обзоры внешних аналитических источников.

³ Там же.

Рис. Структура холдинга ОНПП «Технология» имени А. Г. Ромашина
 Fig. Romashin Technology Research and Production Holding, Obninsk, Russia

Результаты

Диагностика экономической безопасности АО «Восточный научно-исследовательский углехимический институт» (ВУХИН) показала, что предприятие занимает ведущее место по выпуску продукции коксохимической промышленности. Основная задача организации заключается в обеспечении высокого технического уровня коксохимического производства, соответствующего мировому. В ходе анализа документов бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также на основании годового отчета предприятия было определено, что рассматриваемая организация может столкнуться с такими угрозами, как: снижение платежеспособности покупателей, отсутствие инвестиционных вложений в разработку

научных исследований, снижение конкурентоспособности (табл. 1⁴).

Диагностика состояния экономической безопасности АО «Уральский научно-исследовательский химический институт с опытным заводом» (УНИХИМ с ОЗ) показала, что предприятие – монополист по технологиям хромата бария, бората бария, карбида и нитрида бора и единственный в России разработчик бескислородных соединений бора. В ходе анализа документов бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также на основании годового отчета предприятия было определено, что рассматриваемая организация может столкнуться с такими угрозами, как: снижение покупательной способности населения, зависимость

Табл. 1. Индикативные показатели экономической безопасности АО «ВУХИН»
 Tab. 1. Economic security indicators for Eastern Research Coal Chemical Institute

Индикативный показатель	2021	2022	Отклонение	
			Абсолютное	Относительное, %
Численность работников, человек	149	157	8	5
Выручка, тыс. руб.	270668	271629	961	100,36
Стоимость активов, тыс. руб.	830365	923570	93205	11
Коэффициент автономии (не ниже 0,5), %	0,86	0,86	–	–
Коэффициент текущей ликвидности (от 1,5–2 и выше), %	0,6	1,3	0,7	271

⁴ Сост. по: Отчетность организации АО «ВУХИН». List-org. URL: <https://www.list-org.com/company/99986/report> (дата обращения: 05.11.2023).

от конъюнктурных колебаний мирового рынка, падение эффективности технических разработок. Снижение основных финансовых показателей, а также низкий коэффициент текущей ликвидности может говорить об угрозе неплатежеспособности компании (табл. 2).

Диагностика экономической безопасности холдинга ОНПП «Технология» показала, что предприятие имеет стабильные финансовые показатели (табл. 3). Однако в будущем могут возникнуть проблемы из-за его включения в санкционный список, которое приведет к отсутствию поставки комплектующих импортного производства. Для данного предприятия также можно сформулировать следующие угрозы: отставание в разработке и внедрении

перспективных технологий, зависимость от конъюнктурных колебаний мирового рынка, снижение конкурентоспособности выпускаемой продукции и покупательной способности населения.

Диагностика состояния экономической безопасности АО «Институт пластмасс имени Г. С. Петрова» (Институт пластмасс) установила, что предприятие может столкнуться с такими дестабилизирующими факторами, как: снижение спроса на продукцию со стороны покупателей, потеря конкурентоспособности продукции в связи с отсутствием инновационных разработок. Но несмотря на снижение некоторых показателей предприятие имеет устойчивое финансовое состояние (табл. 4).

Табл. 2 Индикативные показатели экономической безопасности АО «УНИХИМ с ОЗ»

Tab. 2. Economic security indicators for Ural Scientific Research Chemical Institute and Pilot Plant

Индикативный показатель	2018	2019	Отклонение	
			Абсолютное	Относительное, %
Численность работников, человек	231	51	-180	22
Выручка, тыс. руб.	279173	265706	-13467	95
Стоимость активов, тыс. руб.	965504	956660	-8844	99
Коэффициент автономии (не ниже 0,5), %	0,65	0,66	0,01	102
Коэффициент текущей ликвидности (от 1,5–2 и выше), %	2,68	0,37	-2,31	14

Табл. 3. Индикативные показатели экономической безопасности холдинга АО «ОНПП "Технология"»

Tab. 3. Economic security indicators for Romashin Technology Research and Production Holding

Индикативный показатель	2017	2018	Отклонение	
			Абсолютное	Относительное, %
Численность работников, человек	1939	-	-	-
Выручка, тыс. руб.	6205060	5383613	-821447	87
Стоимость активов, тыс. руб.	10220319	10872962	652643	106
Коэффициент автономии (не ниже 0,5), %	0,66	0,63	-0,03	95
Коэффициент текущей ликвидности (от 1,5–2 и выше), %	1,92	1,77	-0,15	92

Табл. 4. Индикативные показатели экономической безопасности АО «Институт пластмасс»

Tab. 4. Economic security indicators for Petrov Institute of Plastics

Индикативный показатель	2017	2018	Отклонение	
			Абсолютное	Относительное, %
Численность работников, человек	183	187	4	102
Выручка, тыс. руб.	550741	395011	-155730	72
Стоимость активов, тыс. руб.	1233548	1203150	-30398	98
Коэффициент автономии (не ниже 0,5), %	0,93	0,95	0,016	102
Коэффициент текущей ликвидности (от 1,5–2 и выше), %	2,85	3,11	0,26	109

Диагностика состояния экономической безопасности АО «Государственный ордена Трудового Красного знамени НИИ химии и технологии элементо-органических соединений» (ГНИИХТЭОС) выявила, что предприятие проиграло более 59 % исков в роли ответчика. Помимо этого, в суде находится более 60 % нерассмотренных исковых заявлений, где истцом выступает ГНИИХТЭОС. Это может привести к банкротству предприятия, что подтверждают и финансовые показатели, приведенные в таблице 5.

Диагностика состояния экономической безопасности АО «Научно-исследовательский институт химии и технологии полимеров имени академика В. А. Каргина с опытным заводом» (НИИ полимеров) показала, что предприятие закупает комплектующие и сырье не напрямую у производителей, а через посреднические организации, соответственно, это влияет на стоимость конечного продукта – она возрастает (табл. 6).

Анализ состояния экономической безопасности АО «Научно-исследовательский институт синтетического волокна с экспериментальным заводом»

(ВНИИСВ) указал на то, что предприятие по некоторым видам продукции удовлетворяет всего 30 % потребностей страны. Поэтому необходимо создать и разработать технологии, позволяющие удовлетворить 100 % спрос. У ВНИИСВ также большой объем привлеченных денежных средств (кредиторская задолженность) и низкая дебиторская задолженность, что может привести к нарушению платежеспособности организации и снижению финансовой устойчивости (табл. 7⁵).

Диагностика экономической безопасности АО «Научно-исследовательский институт технического стекла имени В. Ф. Солинова» (НИТС) показала, что предприятие занимается разработкой продукции для оборонно-промышленного комплекса по государственным заказам (94 % от общего числа заказов) гражданской обороны, так что существует угроза зависимости от федерального бюджета (табл. 8⁶).

Проведенная диагностика экономической безопасности предприятий позволила выделить общие угрозы экономической безопасности холдинга:

Табл. 5. Индикативные показатели экономической безопасности АО «ГНИИХТЭОС»

Tab. 5. Economic security indicators for Institute of Chemistry and Technology of Hetero-Organic Compounds

Индикативный показатель	2015	2016	Отклонение	
			Абсолютное	Относительное, %
Численность работников, человек	–	–	–	–
Выручка, тыс. руб.	540073	541385	1312	100,2
Стоимость активов, тыс. руб.	3299620	3811100	511477	116
Коэффициент автономии (не ниже 0,5), %	0,71	0,53	–0,18	74
Коэффициент текущей ликвидности (от 1,5–2 и выше), %	0,54	0,61	0,07	113

Табл. 6. Индикативные показатели экономической безопасности АО «НИИ полимеров»

Tab. 6. Economic security indicators for Kargin Research Institute of Chemistry and Polymer Technology and Pilot Plant

Индикативный показатель	2017	2018	Отклонение	
			Абсолютное	Относительное, %
Численность работников, человек	–	–	–	–
Выручка, тыс. руб.	632792	1541490	908698	234
Стоимость активов, тыс. руб.	1542849	1527323	–15526	99
Коэффициент автономии (не ниже 0,5), %	0,54	0,66	0,12	124
Коэффициент текущей ликвидности (от 1,5–2 и выше), %	1,3	1,6	0,3	123

⁵ Сост. по: Бухгалтерская отчетность АО «ВНИИСВ» ИНН 6950161416 за 2020 г. *Е-ДОСЬЕ*. URL: <https://e-ecolog.ru/buh/2020/6950161416> (дата обращения: 05.11.2023).

⁶ Сост. по: Бухгалтерская отчетность АО «НИТС им. В. Ф. Солинова» ИНН 7727059017 за 2018 г. *Е-ДОСЬЕ*. URL: <https://e-ecolog.ru/buh/2018/7727059017> (дата обращения: 05.11.2023).

Табл. 7. Индикативные показатели экономической безопасности АО «ВНИИСВ»

Tab. 7. Economic security indicators for Eastern Research Coal Chemical Institute

Индикативный показатель	2019	2020	Отклонение	
			Абсолютное	Относительное, %
Численность работников, человек	157	157	–	–
Выручка, тыс. руб.	850929	594676	–256253	70
Стоимость активов, тыс. руб.	1029897	920970	–108927	90
Коэффициент автономии (не ниже 0,5), %	0,38	0,39	0,01	103
Коэффициент текущей ликвидности (от 1,5–2 и выше), %	0,46	0,32	–0,14	70

Табл. 8. Индикативные показатели экономической безопасности АО «НИТС»

Tab. 8. Economic security indicators for Solinov Research Institute of Technical Glass

Индикативный показатель	2017	2018	Отклонение	
			Абсолютное	Относительное, %
Численность работников, человек	–	–	–	–
Выручка, тыс. руб.	955057	907398	–47659	95
Стоимость активов, тыс. руб.	1331000	1018147	–312853	76
Коэффициент автономии (не ниже 0,5), %	0,46	0,44	0,02	96
Коэффициент текущей ликвидности (от 1,5–2 и выше), %	1,84	1,6	–0,24	87

- снижение платежеспособности покупателей на внутреннем рынке;
- зависимость от конъюнктурных колебаний мирового рынка;
- рост уровня бедности населения и снижение покупательной способности;
- низкая конкурентоспособность выпускаемой продукции;
- отставание в разработке и внедрении новых технологий;
- зависимость от иностранных поставщиков;
- устаревшие технологии и оборудование.

Выявленные в ходе проведения диагностики угрозы препятствуют стабильному, устойчивому и поступательному развитию предприятий холдинга.

Диагностику состояния экономической безопасности можно проводить на основании индикативных показателей, которые предлагается разделить на группы в зависимости от того, к какому сектору экономической безопасности предприятия эти показатели относятся. Анализ экономической безопасности холдинга ОНПП «Технология» показал, что для него можно выделить следующие группы оценки состояния экономической безопасности: безопасность экономического развития и безопасность управления.

Конкретный набор показателей для каждого предприятия может существенно отличаться и требует индивидуального подбора. Однако, укрупнив их, можно сформировать общие группы. Одним из вариантов проведения диагностики состояния экономической безопасности с использованием индикативных показателей может быть деление последних на группы. Так, в статье предложено рассмотреть финансово-экономическую и управленческую группы.

Для каждой группы нужно выделить свои индикативные показатели. На основе полученных данных можно оценить уровень экономической безопасности холдинга и выявить дестабилизирующие факторы.

Опираясь на работы отечественных и зарубежных ученых [1–4; 15; 19–23], в рамках данного исследования предложены индикативные показатели диагностики состояния экономической безопасности холдинга, с помощью которых можно выявить дестабилизирующие факторы, которые могут нанести ущерб деятельности холдинговой структуры. Предложенная диагностика позволяет изучить экономическую безопасность предприятия на основе каждого показателя, и при значениях показателей вне своего нормативного уровня предприятию необходимо

принять меры, направленные на их улучшение, а значит, и на улучшение экономической безопасности предприятия в целом [24].

Для диагностики показателей безопасности экономической группы (табл. 9) определены следующие коэффициенты:

- текущей ликвидности⁷;
- автономии⁸;
- соотношения собственных и заемных средств⁹.

Для диагностики безопасности управленческой группы установлены такие коэффициенты, как:

- производительность труда, которая, по мнению С. Д. Синка, уже сама по себе является показателем, оценивающим эффективность деятельности компании [25];
- стабильность кадров, определяющая успешность компании и обеспечивающая ее конкурентоспособность в долгосрочной перспективе [26];
- текучесть кадров.

Для расчета коэффициентов группы управления¹⁰ следует воспользоваться методом экспертной оценки и сравнить полученные данные с индикаторами экономической безопасности, представленными в таблице 10.

Табл. 10. Система индикаторов экономической безопасности и их значение для управленческой группы

Tab. 10. System of economic security indicators and their significance for management

Индикатор	Значение
Коэффициент производительности труда, \$/ч	от 10 до 30 часов
Коэффициент стабильности кадров, %	0,87
Коэффициент текучести кадров %	3–7 %

Итак, экономическая группа на основании индикаторов определяет угрозы экономической безопасности: отсутствие интересов инвесторов в финансировании капитала, преобладание заемных средств над собственными, низкая платежеспособность и т.д. Управленческая же группа определяет возможные угрозы со стороны кадрового потенциала, недостаточность их квалификации, социальную напряженность в коллективе, плохие условия труда и т.п.

Наличие большого количества индикаторов с низкими значениями говорит о неблагоприятном

Табл. 9. Система индикаторов экономической безопасности холдинга и их значение для экономической группы

Tab. 9. System of economic security indicators: holding vs. its parts

Индикатор		ВУХИН	УНИХИМ с ОЗ	ОНИП «Технология»	Институт пластмасс	ГНИИХТЭС	НИИ полимеров	НИТС	ВНИИСВ
		Коэффициент текущей ликвидности, % (от 1,5 до 2,5)	Значение	1,3	0,37	1,77	3,11	0,61	1,6
	Отклонение	-0,2	-1,13	+0,27	+1,61	-0,89	+0,1	+0,1	-0,2
Коэффициент автономии, % (не ниже 0,5)	Значение	0,86	0,66	0,63	0,95	0,53	0,66	0,44	0,77
	Отклонение	+0,36	+0,16	+0,13	+0,45	+0,03	+0,16	-0,06	+0,27
Коэффициент соотношения собственных и заемных средств, % (от 0,5 до 0,7)	Значение	0,017	0,52	0,25	0,013	0,47	0	0,81	0,28
	Отклонение	-0,483	0,02	-0,25	-0,487	-0,03	-0,5	+0,31	-0,22

⁷ Панфилов В. С. Ликвидность. М.: БРЭ. 2010. Т. 17. С. 465.

⁸ Коэффициент автономии. Audit-it.ru. URL: https://www.audit-it.ru/finanaliz/terms/solvency/coefficient_of_autonomy.html (дата обращения: 08.11.2023).

⁹ Соцкая А. Коэффициент соотношения заемных и собственных средств. 10.02.2023. URL: https://nalog-nalog.ru/analiz_hozyajstvennoj_deyatelnosti_ahd/koefficient_sootnosheniya_zаемnyh_i_sobstvennyh_sredstv-23/ (дата обращения: 08.11.2023).

¹⁰ Что показывает производительность труда и как ее рассчитать. 31.01.2023. URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/productivity/>; Как рассчитать коэффициент постоянства кадров. 03.06.2021. URL: <https://clubtk.ru/kak-rasschitat-koeffitsient-postoyanstva-kadrov/>; Что такое текучесть кадров, по какой формуле её считают и как снижают. 09.06.2023. URL: <https://skillbox.ru/media/management/chto-takoe-tekuchest-kadrov-po-kakoy-formule-eye-schitayut-i-kak-snizhayut/> (дата обращения: 08.11.2023).

или критическом уровне экономической безопасности, позволяет провести более детальный анализ и стабилизировать экономическое состояние холдинга. В таблице 11 представлены основные угрозы, которые могут повлиять на деятельность холдинга и даны рекомендации по их устранению. В целом уровень укомплектованности и качественная характеристика персонала позволяют решать стоящие перед предприятиями задачи. Планируемое увеличение объема производства и реализации продукции (работ, услуг) в будущем повлечет за собой рост численности сотрудников, если будут проанализированы указанные риски и угрозы и учтены рекомендации по их решению.

Заключение

Диагностика экономической безопасности холдинга ОНПП «Технология» свидетельствует о его стабильном финансовом состоянии и платежеспособности (признаки банкротства отсутствуют). Однако наблюдается снижение среднесписочной численности персонала в УНИХИМ с ОЗ, по ряду же других

предприятий информация о количестве занятых сотрудников недоступна.

В работе предложены оценочные индикативные показатели экономической безопасности в разрезе двух групп, и дано их обоснование. Предложенные индикативные показатели направлены на проведение диагностики экономической безопасности предприятий, составляющих холдинговую структуру, что позволяет выявлять уязвимости, оценивать угрозы и принимать необходимые меры для стабилизации состояния и сохранения устойчивости развития как отдельных предприятий, так и холдинга в целом.

Одним из важных факторов развития предприятия и обеспечения экономической безопасности являются человеческие ресурсы. В статье данное направление оформлено в отдельную группу, для которой определены индикативные показатели экономической безопасности. Снижение производительности труда, дефицит кадров могут оказать значительное влияние на состояние экономической безопасности предприятий холдинга.

Табл. 11. Оценка угроз экономической безопасности холдинга ОНПП «Технология» имени А. Г. Ромашина

Tab. 11. Threats to economic security of Romashin Technology Research and Production Holding

Группа	Основные угрозы	Рекомендации
Экономическая	<ul style="list-style-type: none"> слабая инновационная активность износ оборудования повышение цен на продукцию и снижение покупательной способности потребителей усиление конкуренции неопределенность в мировой экономике и экономике страны снижение цен на нефть санкционное давление со стороны ЕС и США снижение инвестиционной активности нестабильность внешних условий рост инфляционной нагрузки снижение экономической активности увеличение доли кредитных средств 	<ul style="list-style-type: none"> разработка мероприятий, направленных на снижение затрат рациональное использование мощностей производства внедрение новых продуктов разработка новых технологий устранение проблем логистики, поиск новых поставщиков освоение новых технологий, проведение мероприятий по эффективному использованию ресурсов
Управленческая	<ul style="list-style-type: none"> изменение среднесписочной численности персонала в связи со снижением объемов продукции (работ, услуг) отток рабочей силы из-за мобилизации снижение производительности труда в связи с дефицитом высококвалифицированных специалистов ухудшение психологического климата в коллективе дополнительные траты на обучение новых сотрудников, которые потом могут уйти на другие предприятия вынужденное повышение заработной платы, что, в свою очередь, влияет на увеличение стоимости конечного продукта и ведет к повышению цен для потребителей неэффективные методы мотивации и стимулирования сотрудников и их нелояльное поведение 	<ul style="list-style-type: none"> совершенствование системы оплаты труда улучшение условий труда проведение дополнительных мероприятий по материальному стимулированию сотрудников проведение специальных мер, направленных на помощь в адаптации молодых сотрудников внедрение системы наставничества развитие и профессиональное совершенствование работников возможности карьерного роста

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов для дальнейшего совершенствования предложенной методики диагностики уровня экономической безопасности холдинговых структур. Анализ и расчет предложенных индикативных показателей направлены на обеспечение предприятий холдинга возможностью своевременного выявления угроз экономической безопасности холдинговых структур.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Кокорина Д. А. Диагностика рисков в системе обеспечения экономической безопасности предприятий. *Развитие и безопасность*. 2023. № 3. С. 54–63. [Kokorina D. A. Diagnostics of risks in the system of ensuring economic security of enterprises. *Razvitie i bezopasnost*, 2023, (3): 54–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bycgbp>
2. Bullock J. A., Haddow G. D., Coppola D. P. Homeland security: The concept, the organization. In: Bullock J. A., Haddow G. D., Coppola D. P. *Homeland security: The essentials*, 2nd ed. Washington: Butterworth-Heinemann, 2018, 1–17.
3. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. *Вопросы экономики*. 1994. № 12. С. 4–16. [Abalkin L. I. Economic security of Russia: Threats and their reflection. *Voprosy Ekonomiki*, 1994, (12): 4–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sjovdj>
4. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России: общий курс. М.: Дело, 2005. 895 с. [Senchagov V. K. *Economic security of Russia: General course*. Moscow: Delo, 2005, 895. (In Russ.)]
5. Наумова О. А., Тюгин М. А. Методика мониторинга финансовой безопасности экономического субъекта на основе оценки риска наступления финансовых угроз. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2018. № 2. С. 34–41. [Naumova O. A., Tyugin M. A. The technique of monitoring the financial security of the economic entity based on the assessment of financial threatening risk. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, 2018, (2): 34–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18323/2221-5689-2018-2-34-41>
6. Анатский А. О. Обеспечение экономической безопасности инновационной деятельности российских предприятий в условиях цифровой экономики. *Прогрессивная экономика*. 2022. № 9. С. 15–28. [Anatsky A. O. Ensuring the economic security of innovative activities of Russian enterprises in the digital economy. *Progressivnaia ekonomika*, 2022, (9): 15–28. (In Russ.)] https://doi.org/10.54861/27131211_2022_9_15
7. Лещенко Ю. Г. Инновационный вектор в системе экономической безопасности России. *Вопросы инновационной экономики*. 2019. Т. 9. № 2. С. 301–316 [Leschenko Yu. G. Innovative vector in the system of economic security of Russia. *Russian Journal of Innovation Economics*, 2019, 9(2): 301–316. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/vinec.9.2.40689>
8. Айвазян С. А., Балкинд О. Я., Баснина Т. Д. Стратегии бизнеса: Аналитический справочник. М.: КОНСЭКО, 1998. 331 с. [Aivazian S. A., Balkind O. Ia., Basnina T. D. *Business strategies: An analytical guide*. Moscow: KONSEKO, 1998, 331. (In Russ.)]
9. Экономическая и национальная безопасность, отв. ред. Е. А. Олейников. М.: Экзамен, 2004. 768 с. [*Economic and national security*, ed. Oleinikov E. L. Moscow: Ekzamen, 2004, 768. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqdgnp>
10. Половнев К. С. Механизм обеспечения экономической безопасности промышленного предприятия: автореферат дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с. [Polovnev K. S. *Ensuring the economic security of an industrial enterprise*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 2002, 23. (In Russ.)]
11. Бендиков М. А., Хрусталева Е. Ю. Экономическая безопасность наукоемких производств. *Вопросы экономики*. 1999. № 9. С. 119–125. [Bendikov M. A., Hrustaleva E. Yu. Economic security of high-tech industries. *Voprosy Ekonomiki*, 1999, (9): 119–125. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ihntae>
12. Хрусталева Е. Ю., Хрусталева Ю. Е. Оценка состояния экономической безопасности высокотехнологичных производств. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2006. Т. 2. № 2. С. 46–52. [Hrustaleva E. Yu., Hrustaleva Yu. E. Assessment of the state of economic security of high-tech industries. *National Interests: Priorities and Security*, 2006, 2(2): 46–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hsohsz>

13. Булатенко М. А., Горонок Д. Л. Ключевые проблемы обеспечения экономической безопасности предприятия в современных условиях. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019. № 2-1. С. 71–75. [Bulatenko M. A., Goronok D. L. Key problems of ensuring economic security of the enterprise in modern conditions. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2019, (2-1): 71–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubmknk>
14. Эриашвили Н. Д., Агапова Т. Н., Маилян С. С., Суглобов А. Е., Кузнецова Е. И., Осипов В. С., Орлова Е. А., Сараджева О. В., Филатова И. В., Макаров В. А., Павенко Д. Е., Богомолов В. А. Экономическая безопасность. М.: Юнити-Дана, 2023. 480 с. [Eriashvili N. D., Agarova T. N., Mailyan S. S., Suglobov A. E., Kuznetsova E. I., Osipov V. S., Orlova E. A., Saradzheva O. V., Filatova I. V., Makarov V. A., Pavenko D. E., Bogomolov V. A. *Economic security*. Moscow: Unity-Dana, 2023, 480. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/loavxi>
15. Маленков Ю. А. Стратегический менеджмент. М.: Проспект, 2011. 224 с. [Malenkov Yu. A. *Strategic management*. Moscow: Prospekt, 2011, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quiqut>
16. Риполь-Сарагоси Ф. Б. Финансовый и управленческий анализ. М., 1999. 220 с. [Ripol-Saragosi F. B. *Financial and management analysis*. Moscow, 1999, 220. (In Russ.)]
17. Гильмитдинов Ш. Г. Оценка конкурентоспособности предприятия на основе использования комплексного показателя. *Проблемы современной экономики*. 2012. № 1. С. 121–123. [Gilmitdinov Sh. G. Evaluation of enterprise' competitiveness on the basis of a complex index. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2012, (1): 121–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcgjyd>
18. Соломахин А. Н., Мальцев А. Ю. Формирование индикативных показателей при непрерывной нормативной системе планирования на перерабатывающем предприятии агропромышленного комплекса. *Региональная экономика: теория и практика*. 2010. № 13. С. 35–39. [Solomahin A. N., Malcev A. Yu. Developing indicators in non-prescriptive normative planning system at a agro-industrial processing enterprise. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2010, (13): 35–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/laroah>
19. Богомолов В. А. Экономическая безопасность. М.: Юнити-Дана, 2013. 295 с. [Bogomolov V. A. *Economic security*. Moscow: UnityDana, 2013, 295. (In Russ.)]
20. Экономическая безопасность, ред. Л. П. Гончаренко, Ф. В. Акулинин. М.: Юрайт, 2014. 478 с. [Economic security, eds. Goncharenko L. P., Akulinin F. V. Moscow: Iurait, 2014, 478. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtupsl>
21. Богданов И. Я. Экономическая безопасность России: теория и практика. М.: Премьер, 2001. 351 с. [Bogdanov I. Ya. *Economic security of Russia: Theory and practice*. Moscow: Premer, 2001, 351. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yivmcc>
22. Глазьев С. Ю. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века. М., 1997. 187 с. [Glazev S. Yu. *Genocide. Russia and the new World Order. The strategy of economic growth on the threshold of the XXI century*. Moscow, 1997, 187. (In Russ.)]
23. Угрозы экономической безопасности их предупреждение, ред. В. В. Криворотов, Н. Д. Эриашвили. М.: Юнити-Дана, 2020. 415 с. [Threats to economic security and their prevention, eds. Krivorotov V. V., Eriashvili N. D. Moscow: Unity-Dana, 2020, 415. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/obbuww>
24. Разуваева Е. Б., Трифонова Ю. В. Комплексная методика оценки рисков и угроз экономической безопасности предприятия. *Мир науки и мысли*. 2023. № 1. С. 150–153. [Razuvaeva E. B., Trifonova Yu. V. Complex methodology for assessing risks and threats to the economic security of an enterprise. *The World of Science and Ideas*, 2023, (1): 150–153. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zyhmzs>
25. Скотт С. Д. Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение. М.: Прогресс, 1989. 528 с. [Scott S. D. *Productivity management: Planning, measurement and evaluation, control and improvement*. Moscow: Progress, 1989, 528. (In Russ.)]
26. Майстренко Г. А., Майстренко А. Г. Некоторые аспекты кадровой стабильности компании как критерия ее эффективности. *Legal Bulletin*. 2020. Т. 5. № 3. С. 98–104. [Maistrenko G. A., Maystrenko A. G. Some aspects of the company's personnel stability as a criterion for its effectiveness. *Legal Bulletin*, 2020, 5(3): 98–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yipdgk>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/nqexbc>

Сравнение схожести интеллект-карт в задачах маркетингового анализа

Логинова Юлия Валентиновна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 2212-5449

<https://orcid.org/0000-0002-8854-5886>

jul.cool@mail.ru

Логинов Илья Валентинович

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,

Россия, Орел

eLibrary Author SPIN: 3442-3656

<https://orcid.org/0000-0003-1882-4705>

Аннотация: Повышение уровня конкурентной борьбы на всех видах рынков приводит к необходимости совершенствования методов, средств и технологий реализации маркетинговых усилий. Одним из способов компактного представления маркетинговой информации являются интеллект-карты, позволяющие систематизировать и визуализировать информацию по анализируемому маркетинговому явлению. Развитие технологий анализа текстов естественного языка позволяет применить весь арсенал методов для совершенствования маркетинговых исследований. В статье интеллект-карты с маркетинговой информацией рассматриваются как форма представления структурированного текста, что позволяет применить лингвистический подход к обработке соответствующих данных. Цель – объединить известные методы семантического анализа текстов и механизма расчета схожести графов в рамках расчета схожести интеллект-карт с помощью метода семантико-графового анализа. Эта методика предполагает преобразование исходной маркетинговой информации во множество структурированных графов лексических единиц, их попарное сравнение и расчет схожести с учетом структурно-множественного подхода и дальнейшее извлечение дополнительной информации методом обобщения. Результаты исследования показали возможность использования методов семантического анализа текстов для обработки маркетинговой информации и извлечения дополнительной информации из набора разнородных источников и от разных экспертов. Сделан вывод, что внедрение средств анализа текстовой информации позволит расширить арсенал методов маркетинговых исследований.

Ключевые слова: маркетинг, рынок, анализ, интеллект-карты, лингвистика, стратегия, семантический анализ, извлечение информации

Цитирование: Логинова Ю. В., Логинов И. В. Сравнение схожести интеллект-карт в задачах маркетингового анализа. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 3. С. 410–423. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-410-423>

Поступила в редакцию 05.06.2024. Принята после рецензирования 29.07.2024. Принята в печать 29.07.2024.

full article

Similar Mind Maps in Marketing Analysis

Julia V. Loginova

Financial University Under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 2212-5449

<https://orcid.org/0000-0002-8854-5886>

jul.cool@mail.ru

Iliia V. Loginov

Central Russian Institute of Management, Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Russia, Orel

eLibrary Author SPIN: 3442-3656

<https://orcid.org/0000-0003-1882-4705>

Abstract: High competition requires new methods, tools, and technologies for implementing marketing efforts. Mind maps represent marketing information in a compact way, which facilitates classification and visualization of the marketing phenomenon under analysis. The method of text analysis can be applied to marketing research because mind maps that represent marketing information are a structured text; such an approach makes it possible to subject mind maps to linguistic processing. This research combined the conventional semantic analysis with comparing mind maps as a method of semantic-graph analysis. Initial marketing data were converted into

a structured graph of lexical units, which were then compared pairwise to calculate similarity, taking into account the structural-multiple approach. The methods of semantic text analysis proved applicable to marketing data and effective in extracting additional information from a set of heterogeneous sources or different experts. Text analysis tools demonstrated a good potential for broadening the range of marketing research methods.

Keywords: marketing, market, analysis, mind maps, linguistics, strategy, semantic analysis, information extraction

Citation: Loginova J. V., Loginov I. V. Similar Mind Maps in Marketing Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 410–423. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-410-423>

Received 5 Jun 2024. Accepted after review 29 Jul 2024. Accepted for publication 29 Jul 2024.

Введение

Повышение уровня конкурентной борьбы на всех видах рынков приводит к необходимости совершенствования методов, средств и технологий реализации маркетинговых усилий. Неотъемлемой частью маркетинговых компаний является этап маркетинговых исследований рынка, продуктов, товаров, конкурентов, который позволяет успешнее вести конкурентную борьбу.

Основой маркетинговых исследований считаются сбор, обработка, классификация и анализ информации о рынке. Выявление новых исчерпывающих сведений о нем и его тенденциях развития позволяет компаниям проводить стратегию развития. При выполнении маркетинговых исследований:

- 1) широко применяют опросы, интервью, фокус-группы, наблюдение, эксперимент [1];
- 2) активно развиваются технологии интернет-продвижения и изучение информации на основе данных информационных источников [2];
- 3) развиваются технологии поиска по ключевым словам с использованием веб-каталогов, тематических серверов [3];
- 4) широко применяются новые информационные технологии, такие как кластерный анализ [4], методы обработки больших данных [5], нейромаркетинг [6], анализ текстов и социальных сетей, мобильные опросы [7].

Весь массив маркетинговой информации можно представить в виде набора текстов с гипертекстовым мультимедийным контентом. Так, в [8] работе рассматривают применение метода семантического дифференциала, в [9] – методы обработки семантической информации.

Широко используемым вариантом репрезентации маркетинговой информации является интеллект-карта (*mind map*), представляющая собой графическую запись в виде диаграммы представления, стратегии и т. д. [10]. Интеллект-карты являются подклассом метода визуального кодирования информации и помогают при систематизации результатов

аналитической работы [11]. Например, в [12] исследовании приведен обзор более двух десятков средств интеллект-карт (Venngage, XMind, Mindomo и др.).

В исследованиях, посвященных применению в маркетинговой деятельности семантического анализа и использованию интеллект-карт, можно выделить следующие аспекты:

- 1) анализ и разработка основ для составления рекламного текста [13–16];
- 2) решение задач по выбору поставщика [17];
- 3) построение стратегических карт бренда [18];
- 4) формирование маркетинговых стратегий [10];
- 5) обучение маркетингу [19] и др.

Развитие методов обработки текстов, фиксирующих естественный язык, позволяет применить весь накопленный на настоящий момент опыт для обработки первичной маркетинговой информации. Решение маркетинговых задач по выявлению схожих либо, наоборот, различающихся маркетинговых действий (стратегий) на основе автоматической обработки текстов в форме интеллект-карт позволит облегчить усвоение больших объемов маркетинговой информации и повысить уровень знаний о предмете маркетинговых исследований. Возможность получения дополнительных преимуществ на развивающихся рынках обосновывает актуальность применения механизмов семантического анализа маркетинговых текстов.

Методы и материалы

Применение интеллект-карт в маркетинговом анализе

Интеллект-карта как диаграмма, используемая для визуальной организации иерархически выстроенной информации, показывает взаимосвязи между частями целого и имеет вид дерева с одним корнем.

Первоначальный анализ маркетинговой проблемы требует удобной формализации явлений. Вариантом исходной задачи является описание потенциального рынка либо маркетинговой стратегии

по продвижению товара на новом рынке. Компактная систематизация информации может быть выполнена в виде интеллект-карты в форме семантически связанного дерева (подвид графа), в котором корнем является исследуемое явление (например, маркетинговая стратегия продвижения бренда): $G = (V, E)$. Вершинами графа являются термины, представленные семантическими выражениями $v \in V$, между которыми задана связь типа *часть – целое*, рассматриваемая в качестве ребер дерева $e \in E$.

Примером применения интеллект-карты для маркетинговой кампании является разработка нового проекта с задействованием существующих ресурсов (рис. 1). Использование для поиска решений можно осуществлять на основе индивидуальных заданий без выделения ключевых слов, поскольку эксперты самостоятельно определяют ветви.

Задача автоматической обработки интеллект-карт в маркетинге возникает при наличии нескольких экспертов-маркетологов \mathcal{E} , формирующих исследование маркетинговой проблемы O , имеющей несколько деревьев G_p , каждое из которых описывает с некоторой неопределенностью один и тот же объект / проблему: $\mathcal{E}: O \rightarrow G$ или $G = O + \varepsilon_o$, где ε_o – ошибка описания маркетинговой проблемы. Возникает типовая задача нахождения схожести графов G_i и G_j по степени описания объекта:

$$S_{ij} = S(G_p, G_j),$$

где S – операция нахождения степени схожести интеллект-карты разными экспертами при описании одного объекта.

Извлечение информации из интеллект-карт методами семантического анализа

При маркетинговом анализе эксперты имеют дело с множеством текстовой информации, фиксирующей естественный язык, в обработке которой помогает автоматизация процесса. По сути исходной информацией для анализа выступает множество упорядоченных текстов $\{G_i\}$, представленных в форме интеллект-карт. Большая их часть включает до 100 узлов с длиной терминов в диапазоне от 1 до 5 слов [20]. К формированию удобных интеллект-карт есть ряд требований, основными из которых являются: число листьев, глубина и связность [21]. Применение метода групповой работы с использованием интеллект-карт позволяет получить более подробную и достоверную информацию об оцениваемом маркетинговом явлении [22; 23]. При этом рассматриваются как инструменты групповой работы (Comapping, Mindomo, MindMeister) [23], так и механизмы парного / группового взаимодействия (парное выдвижение гипотез, парное согласование результатов) [22]. Групповая работа с интеллект-картами определяет две задачи: их объединение [23; 24] и расчет схожести [25].

В центре нашего исследования стоит вторая задача. Так, расчет схожести интеллект-карт предполагает использование различных метрик. В работе [25] обосновывается RGF-метрика – величина отличия частоты графлетов в двух интеллект-картах. В то же время показано, что данная метрика несколько лучше описывает выполненные разными людьми работы по сравнению с механизмами сравнения графов, среднего расстояния и прямой схожести узлов.

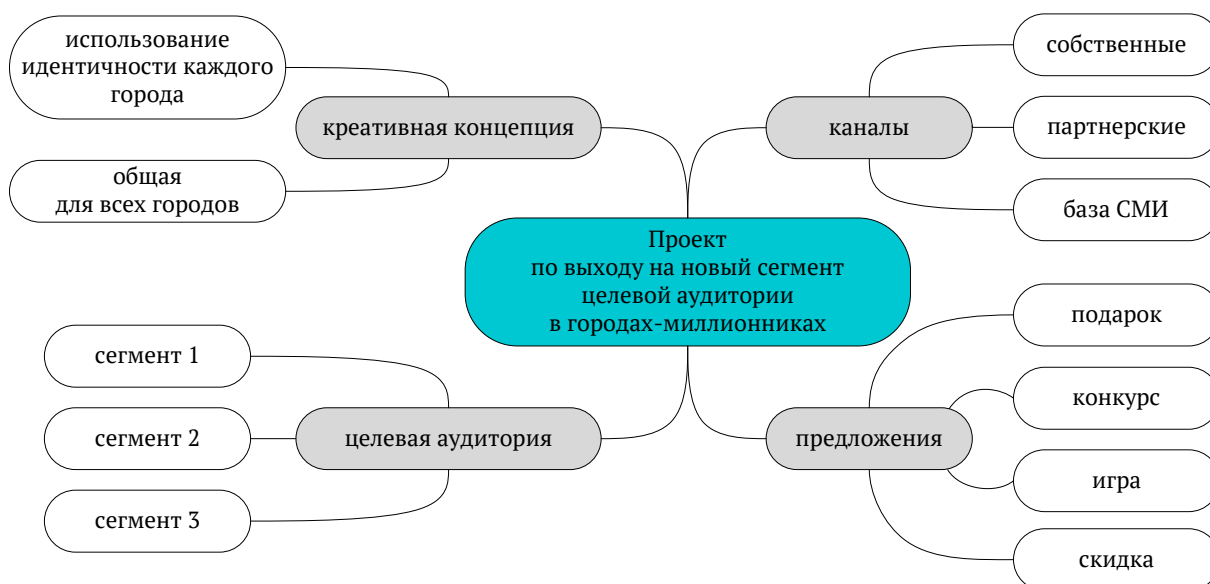

Рис. 1. Пример интеллект-карты для разработки проекта
 Fig. 1. A mind map for project development

Расчет схожести интеллект-карт

С одной стороны, интеллект-карта – это некоторая форма текста на естественном языке, а с другой – ориентированный граф вида дерева. Тем не менее она может быть описана различными способами формализации. Исходя из этого, к анализу множества интеллект-карт могут быть применены следующие подходы:

- методы сравнения графов;
- методы сравнения текстов (терминов);
- методы сравнения множеств.

Применение различных методов имеет свои достоинства и недостатки, однако снижение потери информации при анализе интеллект-карт требует использования положительных достоинств всех методов.

Обзор подходов к оценке схожести множеств

В зависимости от условий применения, в литературе встречаются следующие меры (коэффициенты подобия):

$$S = \frac{P_{ij}}{m} - \text{коэффициент сходства};$$

$$S = \frac{n_{ij}^{(1,1)}}{m} - \text{коэффициент Рао};$$

$$S = \frac{P_{ij} - q_{ij}}{m} - \text{коэффициент Хаммана};$$

$$S = \frac{n_{ij}^{(1,1)}}{n_i^{(1)} + n_j^{(1)} + n_{ij}^{(1,1)}} - \text{коэффициент Роджерса и Танимото};$$

$$S = \frac{n_{ij}^{(1,1)}}{n_j^{(1,1)} + q_{ij}} - \text{коэффициент Джекара};$$

$$S = \frac{2n_{ij}^{(1,1)}}{2n_{ij}^{(1,1)} + q_{ij}} - \text{коэффициент Дейка};$$

$$S = \frac{n_{ij}^{(1,1)}}{n_j^{(1,1)} + 2q_{ij}} - \text{коэффициент сходства};$$

$$S = \frac{P_{ij}}{2m - p_{ij}} = \frac{P_{ij}}{m - q_{ij}} - \text{коэффициент композиционного сходства};$$

$$S = \frac{A \cdot B}{\|A\| \|B\|} - \text{косинусное сходство, где } A \text{ и } B - \text{векторы признаков,}$$

где $n_{ij}^{(1,1)}$ – количество единичных признаков, которые совпадают у обоих объектов (1,1); $n_{ij}^{(0,0)}$ – количество нулевых признаков, которые совпадают у обоих объектов (0,0); $n_{ij}^{(1,0)}$ – количество единичных признаков, которые совпадают у первого объекта, и нулевых признаков у второго объекта (1,0); $n_{ij}^{(0,1)}$ – количество нулевых признаков, которые совпадают у первого объекта, и единичных признаков у второго объекта (0,1); $n_i^{(1)}$, $n_j^{(1)}$ – количество единичных признаков у каждого объекта; $n_i^{(0)}$, $n_j^{(0)}$ – количество нулевых признаков у каждого объекта; $p_{ij} = n_{ij}^{(1,1)} + n_{ij}^{(0,0)}$ – общее количество совпадающих признаков; $q_{ij} = n_{ij}^{(1,0)} + n_{ij}^{(0,1)}$ – общее количество несовпадающих признаков; m – общее количество признаков, по которым осуществляется сравнение.

Косинусное сходство представляет собой меру сходства между двумя векторами предгильбертова пространства и используется для измерения косинуса угла между ними. Данная мера применяется в качестве оценки разреженных векторов, когда следует производить учет только ненулевых измерений. Косинусное сходство двух текстов находится в диапазоне от 0 до 1. Угол между двумя векторами частоты терма может составлять не более 90°. Традиционное косинусное сходство рассматривает признаки векторной модели как независимые или полностью обособленные. «Мягкая» косинусная мера является мерой сходства между двумя векторами, учитывая сходства между парами признаков в векторной модели. Для расчета «мягкой» косинусной меры вводится матрица S-сходства между признаками.

Расчет схожести интеллект-карт в маркетинге на основе семантического сходства текстов

С позиций семантики интеллект-карта представляет собой вид текста (имеет упорядоченную форму ориентированного дерева и некоторые признаки таксономии). В научных исследованиях по данной теме рассматриваются различные модели семантического анализа:

1. На основе графов [26].
2. На основе мер информации [26; 27].
3. Векторные модели [28].
4. Частотный анализ [26]. Например, Normalized Google Distance (NDG):

$$Dist = Dist(w_i, w_j) = \frac{\max\{\log(\text{freq}(w_i))\} - \log(\text{freq}(w_i, w_j))}{\log N - \min\{\log(\text{freq}(w_i))\}, \log(\text{freq}(w_j))}$$

5. Глоссарные методы [29].
6. Гибридные методы [26].

В литературе предложено множество векторных моделей семантического представления текстов (терминов), которые являются текстовыми структурами как выражение вектора значений. В соответствии с [30] исследованием, эти векторы оцениваются с помощью:

- статистического моделирования: LSA (*Latent Semantic Analysis* – латентный семантический анализ) [31] и LDA (*Latent Dirichlet Allocation* – латентное размещение Дирихле) [32];
- использования семантических нейронных сетей, таких как CW [33], Word2Vec [34] и GloVe [35].

Также выделяют модели, основанные на знаниях (*knowledge-based models* – модель представления знаний). Ими пользуются словари (например, Wordnet [36] и Wiktionary), и они необходимы для определения семантической взаимосвязи между

концептами. Такие модели, как ESA (*Explicit Semantic Analysis* – явный семантический анализ) [37], SSA (*Salient Semantic Analysis* – существенный семантический анализ) [38] и NASARI [39], конструируют векторы Bag of Concepts (BoC) для представления текстовых структур в энциклопедические базы знаний. Векторы BoC отражают основные темы текста и описывают его семантику. Данные векторы эффективны для семантического анализа текста, особенно короткого, в котором отсутствует или недостаточна контекстуальная информация. Примером могут выступать: ранжирование по поиску и релевантности, измерение лексико-семантического сходства / родства, понимание поисковых запросов, сегментация короткого текста, категоризация текста и др. [37; 40–45]. В таких моделях используются семантические векторы для измерения взаимосвязанности с учетом соответствующей меры сходства между ними. В основном же рассматриваются следующие семантические модели:

1. ESA конструирует концептуальное пространство термина путем поиска по инвертированному индексу совпадений термина и понятия. Данная модель – традиционная модель векторного пространства, которая применяется для статей Википедии [37].

2. SSA является более консервативной моделью по сравнению с ESA, т.к. в ней определяется значение слова по его непосредственному контексту. Она ограничивается поверхностным семантическим анализом, потому что применяются только прямые ассоциации между словами, что может приводить к концепциям более высокой релевантности [38].

3. LSA – это статистическая модель, в которой сначала строится матрица совпадений терминов и документов из текста, а потом она отображается в новом пространстве с использованием векторного разложения. Термины и документы, которые имеют схожее значение, будут располагаться близко друг к другу [31; 46];

4. MSA (*Mined Semantic Analysis* – ориентированный (поисковый) семантический анализ) – модель концептуального пространства, использующая обучение без учителя для генерации семантических представлений текста. Она представляет текстовые структуры (документы, фразы, термины) в виде набора концепций (BoC), которые берутся из энциклопедических корпусов. Модель выявляет неявные связи между понятиями на основе интеллектуального анализа их ассоциаций [28]:

$$S = S(w_i, w_j) = \begin{cases} 1, S_{\cos}(w_i, w_j) \geq \lambda \\ S_{\cos}(w_i, w_j), S_{\cos}(w_i, w_j) < \lambda \end{cases}$$

5. Модель случайных блужданий [47] предполагает построение векторов – набора концепций (BoC) на основе случайных блужданий в больших ассоциативных базах.

Расчет схожести терминов на основе семантического анализа

Семантический анализ терминов на предмет их схожести предполагает применение таксономических и нейросетевых методов [48]:

1. Задается мера схожести терминов с учетом их многозначности:

$$S = S(w_{i,m}, w_{j,n}),$$

где $w_{i,m}$ – m -й смысл i -термина; $w_{j,n}$ – n -й смысл j -термина.

2. Вводится обратный к схожести термин – расстояние между терминами:

$$Dist = Dist(w_{i,m}, w_{j,n}).$$

3. Устанавливается перечень подходов к расчету схожести терминов [48]:

3.1. Таксономическая модель (кратчайшее расстояние):

$$Dist = dep(w_{i,m}) + dep(w_{j,n}) - 2 \cdot dep(ncn(w_{i,m}, w_{j,n})),$$

где dep – глубина (уровень) термина в таксономии; ncn – ближайший общий предок в таксономии.

3.2. Простой способ на базе таксономии WordNet (расчеты могут быть произведены и на других базах терминов):

$$S = \max \left[-\log \frac{Dist(w_{i,m}, w_{j,n})}{2 \cdot D} \right],$$

где D – максимальная глубина.

3.3. Подход на основе глубины термина:

$$S = \frac{2 \cdot dep(ncn(w_{i,m}, w_{j,n}))}{dep(w_{i,m}) + dep(w_{j,n})}.$$

3.4. Локальное концептуальное разнообразие:

$$Dist = Dist(w_{i,m}, w_{j,n}) = \max_r \frac{\max_r - \min_r}{nlr(r)},$$

где \max_r и \min_r – вес отношений (0 – синоним; 2,5 – антоним; (3.1; 3.2) – гипонимы и меронимы); $nlr(r)$ – расстояние нормализации.

3.5. Расчет максимального пути:

$$S(w_i, w_j) = \max [S(w_{i,m}, w_{j,n})] = \max [C - Dist(w_{i,m}, w_{j,n}) - K \cdot dir(w_{i,m}, w_{j,n})],$$

где C и K – константы ($C = 8, K = 1$); $dir(w_{i,m}, w_{j,n})$ – количество изменений направлений при поиске пути.

3.6. На основе гибридной полезности:

$$S = S(w_{i,m}, w_{j,n}) = \begin{cases} a_i \cdot \beta_i^{Dist(w_{i,m}, w_{j,n})^{-1}}, & Dist(w_{i,m}, w_{j,n}) \leq \gamma \\ 0, & Dist(w_{i,m}, w_{j,n}) > \gamma \end{cases}$$

где γ – максимальное значение глубины термина.

3.7. Информационная модель:

$$S = S(w_{i,m}, w_{j,n}) = IC(w_{i,m}) + IC(w_{j,n}) - 2 \cdot IC(ncn(w_{i,m}, w_{j,n})),$$

где IC – объем информации термина.

3.8. Нейросетевая модель на дистрибутивной семантике. Так, в отличие от традиционной семантики распределения, основанной на подсчете, модель Vines может давать гораздо более плотные векторы слов с меньшими размерностями при обучении без учителя.

3.9. Неспецифичные нейросети. Например, Skip-gram with Negative Sampling (SGNS1) и GloVe2.

3.10. Контекстные нейросети (CNNE). Например, BERT-base.

Расчет схожести интеллект-карт в маркетинге на основе сходства графов

С позиций графов интеллект-карта представляет собой ориентированное дерево с узлами, имеющими семантическое значение. Задачи нахождения структурированных нечисловых объектов рассматривают в виде графов [49] и их отдельных структур [50]. Так, в своих исследованиях ученые:

1. Рассматривают метод оценивания сходства структур графов на основе совмещения вершин и выделения общих подграфов – частичных изоморфизмов [50];

2. Представляют механизм расчета среднего сходства графов через длины цепей [49]:

$$\mu_{cp}(G_i, G_j) = \sum_{k=0}^n \mu((G_i, G_j) / b_k) / n.$$

3. Изучают подход к мере сходства, основанной на объединении двух графов – понятии максимального общего подграфа (SCM) и мере Ву и Палмера [51]:

$$\mu_{CMS}(G_i, G_j) = \frac{|CMS(G_i, G_j)|}{\max\{|G_i|, |G_j|\}}.$$

Мера сходства на основе объединения графов:

$$\mu_{GV}(G_i, G_j) = \frac{|CMS(G_i, G_j)|}{|G_i| + |G_j| - |CMS(G_i, G_j)|}.$$

Широко применяются методы обучения при определении схожести графов. В соответствии с [52] работой выделены следующие механизмы:

1. На основе расширенных графов:
 - 1.1. Уровень узлов (node2vec-PCA, Bag-of-vectors).
 - 1.2. Уровень структур графов (graph2vec, Neural networks with Structure2vec, Simple permutation-invariant GCN, SEED: sampling, encoding, and embedding distributions, DGCNN: disordered graph CNN, N-Gram graph embedding).
2. На основе методов графовых нейросетей:
 - 2.1. Модели GNN-CNN (SimGNN, GSimCNN).
 - 2.2. Модели двойных / сиамских нейросетей (Siamese GCN, Higher-order Siamese GCN, Community-preserving Siamese GCN, Hierarchical Siamese GNN, Siamese GCN for image retrieval).
 - 2.3. Модели поисковых сетей (GMN: graph matching network, NeuralMCS: neural maximum common subgraph GMN, Hierarchical graph matching network, NCMN: neural graph matching network, GMNs for image matching).
3. На основе глубоко обученных графовых ядер (Deep graph kernels, Deep divergence graph kernels, Graph neural tangent kernel).

Результаты

Методика расчета схожести интеллект-карт маркетинговых документов

Работа с множеством источников маркетинговой информации приводит к тому, что у эксперта-маркетолога появляются наборы маркетинговых документов, написанных на естественном языке и представляющих собой гипертекстовые документы. Частным случаем является представление информации на основе интеллект-карт. Авторами рассматриваются две основные задачи извлечения дополнительной маркетинговой информации:

1. Имеется множество интеллект-карт, описывающих маркетинговую проблему (исследование рынка, бренда, компании, стратегии и т.п.) от разных экспертов. Требуется найти схожие и различающиеся элементы в документах, а также оценить величину сходства (различия) / согласованности оценок маркетинговой проблемы:

$$\{\exists_i\}: 0 \rightarrow \{G_i\}: \{S\} = \{S(G_i, G_j)\}.$$

2. Имеется множество интеллект-карт, описывающих различные схожие по типу маркетинговые объекты (разные рынки, различные стратегии, потребители и т.п.) как от одного, так и разных экспертов. Требуется оценить величину сходства документов и упорядочить их по величине схожести с целью выявления общих тенденций и углубленного анализа:

$$\{O_i\} \rightarrow \{G_i\}: \{S\} = \{S(G_i, G_j)\}: R(\{S\}).$$

Решение обоих вариантов проблемы может быть достигнуто с использованием единого подхода на основе рассмотрения интеллект-карты как варианта структурированного текста и на основе применения к нему лингвистического подхода к обработке информации. Предлагаемое в статье решение заключается в представлении исходных маркетинговых данных в форме множества интеллект-карт с дальнейшим обобщением содержащейся информации методами семантико-графового анализа. При этом решение задачи расчета схожести интеллект-карт с маркетинговой информацией заключается в объединении известных методов семантического анализа текстов и механизма расчета схожести графов. Достижимый результат – извлечение дополнительной маркетинговой информации за счет обобщения через схожесть.

Предлагаемая методика семантико-графового расчета схожести маркетинговых графов предполагает выполнение следующих операций:

1. Сбор однотипных интеллект-карт, касающихся исследуемой маркетинговой проблемы $O \rightarrow \{G_i\}$.
2. Представление интеллект-карт, описывающих маркетинговое явление, в формализованный вид – семантическое дерево:

$$\{G_i\}: G = (V, E).$$

3. Преобразование многоуровневого дерева интеллект-карты G_i в одноуровневое путем семантического преобразования концептов – листьев:

$$\forall i: G_i \rightarrow G_i^1.$$

Узлы интеллект-карты $v \in V$ представляют собой термины в форме лексических выражений $v = LE$. Выражения компактны (мало слов во фразе). За счет наличия связи типа *часть – целое* (класс – подкласс) цепь от корня дерева до листа можно преобразовать в семантическое выражение без потери смысла:

$$v_0 \rightarrow v_{01} \rightarrow v_{12} = v_0 : v_{01} : v_{12} = v_{12}^1,$$

где v_0, v_{01} – узлы нулевого и первого яруса дерева; v_{12} – лист дерева G_i ; v_{12}^1 – преобразованный лист дерева G_i^1 .

$$\forall v_{ij}, \text{ где } v_{ij} \text{ – лист дерева: } v_{ij} \rightarrow v_{ij}^1.$$

Так, семантическое значение цепи концептов *Коммуникационная стратегия* → *Инструменты* → *Газеты* преобразуется в лексическое выражение благодаря методу конкатенации *Коммуникационная стратегия. Инструменты. Газеты*.

4. Синтаксическое преобразование лексических единиц в векторы слов ВоС:

$$G_i \rightarrow \{LE_{ij}\},$$

$$\forall v_{ij}^1: v_{ij}^1 \rightarrow (le_1, le_2, \dots, le_n)_{ij} = LE_{ij},$$

где $(le_1, le_2, \dots, le_n)$ – вектор слов для нормированного концепта в соответствии с векторной моделью текста латентного семантического анализа.

5. Попарный расчет схожести всех интеллект-карт $G_i \in \{G_i\}$:

$$\forall i \forall (k \neq i): S = S(G_i, G_i).$$

- 5.1. Попарный расчет схожести концептов v_{ij}^1 и v_{kl}^1 , представленных в форме векторов слов, на основе взвешенного косинусного сходства:

$$S = S(LE_{ij}, LE_{kl}) = \frac{LE_{ij} \odot LE_{kl}}{\|LE_{ij}\| \cdot \|LE_{kl}\| \cdot \sum_m \alpha_m},$$

где \odot – операция взвешенного упорядоченного произведения координат векторов LE_{ij} и LE_{kl} :

$$le_{ijm} \odot le_{klm} = \alpha_m \cdot le_{ijm} \cdot le_{klm},$$

где α_m – весовой коэффициент значимости m -го по схожести концепта из вектора слов; координаты вектора слов упорядочены по схожести.

- 5.2. Упорядочивание пар концептов $\langle LE_{ij}, LE_{kl} \rangle$ по величине схожести (от самых схожих к менее схожим):

$$R_S \{ \langle LE_{ij}, LE_{kl} \rangle \},$$

где R_S – механизм упорядочивания пар маркетинговых концептов.

- 5.3. Прореживание упорядоченного множества концептов путем отбрасывания тех пар концептов, члены которых уже встречались ранее:

$$R_S \{ \langle LE_{ij}, LE_{kl} \rangle \} \xrightarrow{D} R_S^* \{ \langle LE_{ij}, LE_{kl} \rangle \} : \langle G_i, G_k \rangle \rightarrow G_{ik}^S.$$

Тем самым пара семантических графов $\langle G_i, G_k \rangle$ преобразуется во взвешенный граф с узлами, показывающими схожесть элементов.

- 5.4. Расчет схожести пары графов на основе механизма взвешенного сходства графов (повторяется для всех графов):

$$S = (G_i, G_k) = S(G_{ik}^S) = \frac{2 \cdot \sum a_m \cdot s_{ij}}{(2n_{ij}^{(1,1)} + q_{ij}) \sum_m a_m}.$$

6. Ранжирование пар графов интеллект-карт по величине схожести:

$$R_S \{ \langle G_i, G_k \rangle \}.$$

На основе попарных расчетов схожести интеллект-карт могут применяться и другие математические методы обработки данных: кластерный анализ, объединение данных.

Решение задачи семантико-графового анализа маркетинговой информации

Область исследования в работе – маркетинговые мероприятия. В качестве объектов анализа рассмотрены задачи систематизации системы показателей маркетинговой стратегии продвижения сельскохозяйственных товаров (товарная группа – зерно) и жизненного цикла проведения коммуникационных стратегий социальных проектов. От экспертов получены две выборки (5 и 6 трехъярусных интеллект-карт). В соответствии с методикой для обоих объектов анализа сформировано представление интеллект-карт в 2 множества одноуровневых семантических деревьев, и далее для каждого узла рассчитаны величины схожести. На уровне величины сходства $S(G_i, G_k) > 0,7$ (узлы – семантические маркетинговые концепции с величиной сходства более указанной признавались одинаковыми, а менее – различными) это позволило получить 5 групп показателей и 23 показателя в системе результативности маркетинговой стратегии продвижения сельскохозяйственных товаров, и 6 стадий с 14 этапами жизненного цикла проведения коммуникационных стратегий социальных проектов.

Следует отметить, что предложенный в работе механизм не накладывает жестких ограничений

на предметную область, однако имеет правила, связанные с формой и структурой интеллект-карт:

1) типовое число узлов интеллект-карты – не более 100–150, а длина концептов – 2–5 слов, что и может быть обчислено с использованием алгоритма;

2) отсутствие числовых значений, т.к. представленный в работе метод анализа семантических выражений не предполагает сравнения числовых (количественных) величин, свойств и показателей и работает только с самими свойствами и показателями исследуемого маркетингового явления.

Пример расчета схожести интеллект карт на основе семантико-графового анализа

Пример: исходные данные – 5 одноярусных интеллект-карт с числом листьев от 4 до 7. Графическое изображение интеллект-карт (созданное с помощью программного средства MindMapCreator) приведено на рисунке 2.

Рассмотрим пример расчета схожести интеллект-карт G_1 и G_3 . Исходное формализованное и преобразованное представление их графов приведено на рисунке 3.

Для примера (табл. 1):

$LE_{13} = (\text{метод, анализ, метафора}),$

$LE_{36} = (\text{функция, метафора}).$

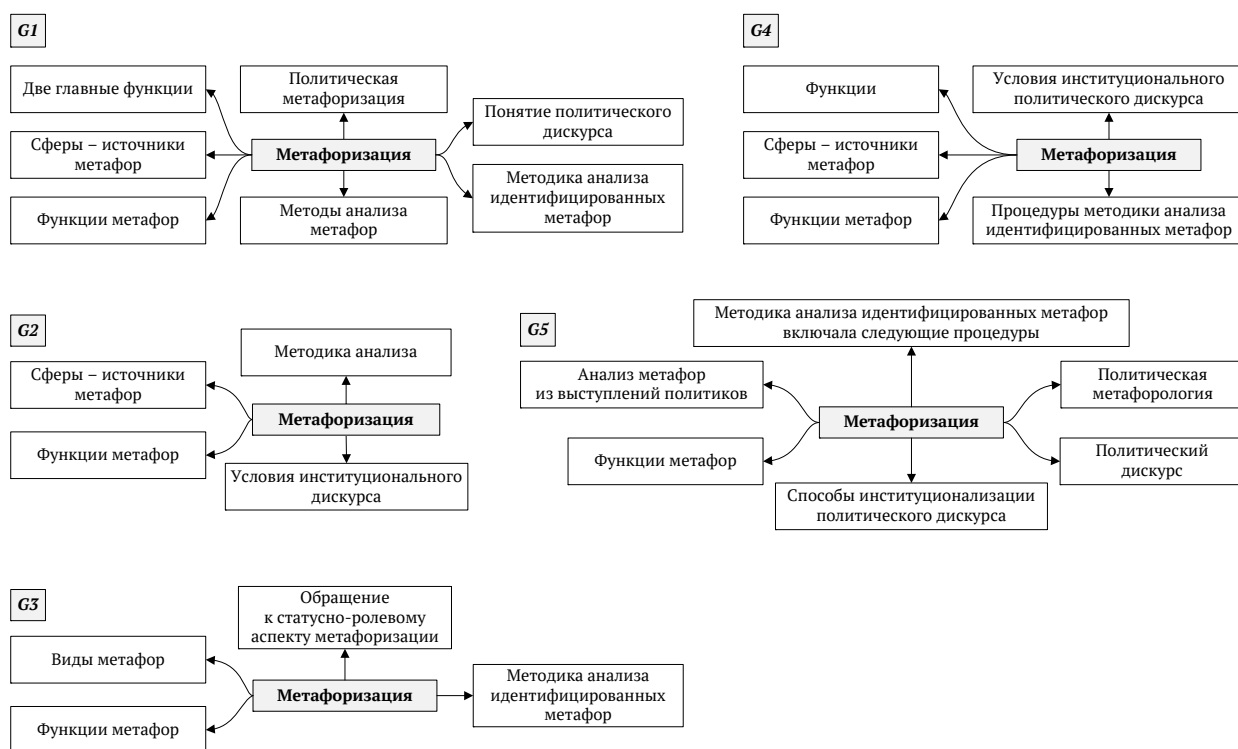

Рис. 2. Набор исходных интеллект-карт, полученных от экспертов

Fig. 2. Initial mind maps compiled by experts

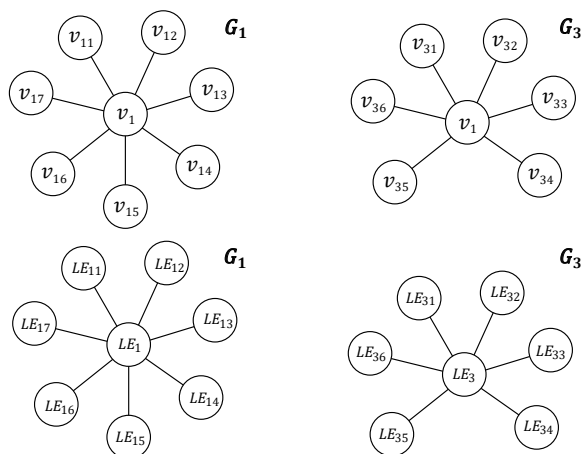

Рис. 3. Представление графов интеллект-карт в исходной и семантической формах

Fig. 3. Representation of mind map graphs in original and semantic forms

Пример расчета схожести концептов $S = S(LE_{13}, LE_{36})$:

$$S = S(LE_{13}, LE_{36}) = \frac{LE_{13} \odot LE_{36}}{\|LE_{13}\| \cdot \|LE_{36}\| \cdot \sum_m a_m}$$

где $\|LE_{13}\| = 3; \|LE_{36}\| = 2$.

Табл. 1. Результаты сравнения схожести концептов LE_{13} и LE_{36}
Tab. 1. Similarity comparison of concepts LE_{13} and LE_{36}

	Метафора	Метод	Анализ	Функция	$\Sigma\alpha$	S
LE_{13}	1	1	1	0	-	-
LE_{36}	1	0	0	1	-	-
$\sqrt{(n_{13})}$	$\sqrt{3}$	$\sqrt{3}$	$\sqrt{3}$	$\sqrt{3}$	-	-
$\sqrt{(n_{36})}$	$\sqrt{2}$	$\sqrt{2}$	$\sqrt{2}$	$\sqrt{2}$	-	-
$\alpha = 1,0$	1,0	1,0	1,0	1,0	3,0	0,41
$\alpha = 0,9$	0,9	0,8	0,7	0,7	2,4	0,45
$\alpha = 0,8$	0,8	0,6	0,5	0,4	2,0	0,50
$\alpha = 0,7$	0,7	0,5	0,3	0,2	1,5	0,56

Рассмотрим другой пример (табл. 2):

$$LE_{36}^* = (\text{метод, метафора}).$$

Наличие весового коэффициента (на основе геометрической прогрессии) изменяет величину схожести в сторону увеличения, что позволяет учесть основные смысловые термины семантического выражения – концепта и особенности текстов на естественных языках.

Табл. 2. Результаты сравнения схожести концептов LE_{13} и LE_{36}^*
Tab. 2. Similarity comparison of concepts LE_{13} and LE_{36}^*

	Метафора	Метод	Анализ	$\Sigma\alpha$	S
LE_{13}	1	1	1	-	-
LE_{36}^*	1	1	0	-	-
$\sqrt{(n_{13})}$	$\sqrt{3}$	$\sqrt{3}$	$\sqrt{3}$	-	-
$\sqrt{(n_{36}^*)}$	$\sqrt{2}$	$\sqrt{2}$	$\sqrt{2}$	-	-
$\alpha = 1,0$	1,0	1,0	1,0	3,0	0,82
$\alpha = 0,9$	0,9	0,8	0,7	2,4	0,86
$\alpha = 0,8$	0,8	0,6	0,5	2,0	0,90
$\alpha = 0,7$	0,7	0,5	0,3	1,5	0,95

Результаты расчета попарной схожести концептов для интеллект-карт G_1 и G_3 приведены в таблице 3. С учетом выполнения операций 5.2 и 5.3 получен взвешенный граф G_{ik}^S (рис. 4).

В качестве мер сходства (как взвешенных, так и невзвешенных) на графах рассматривались: доля схожих объектов, коэффициент Дейка и косинусное

Табл. 3. Результаты сравнения схожести концептов G_1 и G_3
Tab. 3. Similarity comparison of concepts G_1 and G_3

		Интеллект-карта G_3						
		$S(v_{17}, v_{31})$	v_{31}	v_{32}	v_{33}	v_{34}	v_{35}	v_{36}
Интеллект-карта G_1	v_{11}	0,00	0,71	0,00	0,00	1,00	0,32	
	v_{12}	0,00	0,00	0,00	0,41	0,50	0,32	
	v_{13}	0,00	0,00	0,00	0,00	0,41	0,52	
	v_{14}	0,00	0,58	0,00	0,00	0,41	0,00	
	v_{15}	0,35	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	
	v_{16}	0,58	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	
	v_{17}	0,00	0,00	0,00	0,00	0,35	0,89	

Прим.: красным цветом в таблице обозначены несхожие объекты, желтым – частично схожие объекты, зеленым – объекты, признанные схожими (мера схожести выше заданной).

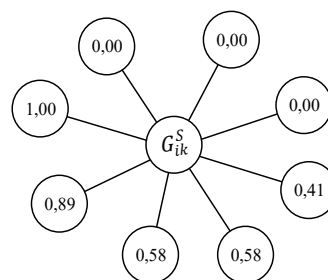

Рис. 4. Граф G_{ik}^S схожести интеллект-карт G_1 и G_3
Fig. 4. Graph G_{ik}^S of similarity between mind maps G_1 and G_3

сходство. Результат оценки схожести интеллект-карт на основе модифицированного коэффициента Дейка приведен в таблице 4.

Результаты кластерного анализа интеллект-карт, описывающих маркетинговое явление, представлены на рисунке 5.

Результаты ранжирования пар интеллект-карт с маркетинговой информацией по уровню схожести приведены в таблице 5.

Табл. 4. Результаты расчета попарной схожести интеллект-карт на основе модифицированного коэффициента Дейка
Tab. 4. Pairwise similarity of mind maps: Dyck coefficient modified

		Интеллект-карты					
		$S(G_i, G_k)$	G_1	G_2	G_3	G_4	G_5
Интеллект-карты	G_1	1,00	0,55	0,53	0,57	0,64	
	G_2	-	1,00	0,58	0,63	0,46	
	G_3	-	-	1,00	0,49	0,43	
	G_4	-	-	-	1,00	0,58	
	G_5	-	-	-	-	1,00	

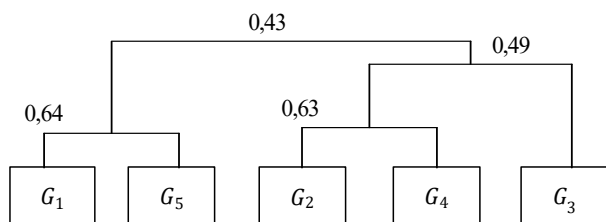

Рис. 5. Кластерный анализ интеллект-карт по величине их сходства

Fig. 5. Cluster analysis of mind maps based on similarity volume

Табл. 5. Упорядочивание пар интеллект-карт $\langle G_i, G_k \rangle$ по величине их схожести $S(G_i, G_k)$

Tab. 5. Ordering pairs of mind maps $\langle G_i, G_k \rangle$ by similarity value $S(G_i, G_k)$

№	$\langle G_i, G_k \rangle$	$S(G_i, G_k)$
1	$\langle G_1, G_5 \rangle$	0,64
2	$\langle G_2, G_4 \rangle$	0,63
3	$\langle G_2, G_3 \rangle$	0,58
4	$\langle G_4, G_3 \rangle$	0,58
5	$\langle G_1, G_4 \rangle$	0,57
6	$\langle G_1, G_2 \rangle$	0,55
7	$\langle G_1, G_3 \rangle$	0,53
8	$\langle G_3, G_4 \rangle$	0,49
9	$\langle G_2, G_5 \rangle$	0,46
10	$\langle G_3, G_5 \rangle$	0,43

Заключение

Результаты по расчету схожести интеллект-карт методом семантико-графового анализа показывают следующее:

1. Метод семантического анализа текстов применим к маркетинговой информации. Так, используемые в работе интеллект-карты (2 выборки из 5 и 6 трехъярусных интеллект-карт) ранжированы по величине их схожести. Результаты применения кластерного анализа позволили сформировать группы интеллект-карт и на их основе систематизировать систему показателей маркетинговой стратегии продвижения сельскохозяйственных товаров и жизненного цикла проведения коммуникационных стратегий социальных проектов. Это значительно расширяет арсенал инструментов обработки маркетинговой информации и позволяет получать дополнительные знания из естественных текстов.

2. Величина схожести интеллект-карт с семантической информацией значительно изменяется в зависимости от механизма расчета схожести. Исследованные в работе метрики на основе коэффициента доли схожих объектов, коэффициента Дейка и косинусного сходства, в том числе модифицированных и взвешенных вариантов, показали разные уровни схожести. Выполнена работа по экспертной оценке величины схожести, и с учетом проведенных исследований в качестве наиболее подходящего способа была выбрана метрика на основе модифицированного коэффициента Дейка. Однако результаты ограничены объемом выборки и количеством привлеченных экспертов и требуют доработки на основе полномасштабного эксперимента.

3. Широкое применение метода алгоритмического анализа интеллект-карт в маркетинге требует развития программных средств поддержки проведения маркетинговых исследований. Можно предположить, что внедрение средств анализа текстовой информации позволит расширить арсенал методов маркетинговых исследований.

4. Следует отметить существенное ограничение исследования – использование в качестве концептов только определений, не выражающих свойства объектов. Предложенная методика ориентирована на нечисловые текстовые концепты и для расширения области ее применения необходимо обеспечить обработку числовой лингвистической информации, например методами обработки нечетких вычислительных запросов.

В работе рассмотрена проблема применения интеллект-карт как средства визуализации и структуризации информации в маркетинговых исследованиях, а также показана возможность использования

методов семантического анализа текстов для обработки маркетинговой информации и извлечения дополнительных сведений из набора разнородных источников и от разных экспертов. На основе метода семантико-графового анализа предложен механизм расчета схожести интеллект-карт с маркетинговой информацией, выполнено исследование применимости предложенной методики при решении типовых задач маркетинга (обобщение структурированной информации от экспертов и выявление общих тенденций). По результатам исследования сделан вывод, что внедрение средств анализа текстовой информации позволит расширить арсенал методов маркетинговых исследований.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Гаус А. С. Исследование портрета потребителей как направление маркетингового исследования. *Трибуна ученого*. 2022. № 10. С. 102–107. [Gaus A. S. Consumer portrait research as a direction of marketing research. *Tribuna uchenogo*, 2022, (10): 102–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/encqea>
2. Madieva Z. Organizing marketing research and information on Internet marketing. *Bulletin of Science and Practice*, 2021, 7(4): 332–338. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/65/38>
3. Козырев П. Э. К вопросу о методах и инструментариях информационного обеспечения маркетинговых исследований с использованием интернет-технологий. *Вестник Гжельского государственного университета*. 2022. № 6. С. 183–192. [Kozyrev P. E. On the question of methods and tools information support of marketing research using Internet technologies. *Vestnik Gzhelskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, (6): 183–192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jsfxbr>
4. Искосков М. О., Каргина Е. В. Управление маркетинговыми исследованиями рынка посредством многомерного кластерного анализа. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2019. Т. 2. № 3. С. 68–73. [Iskoskov M. O., Kargina E. V. Market research management by the multi-dimensional cluster analysis. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatischeva*, 2019, 2(3): 68–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hgrrk>
5. Иванова В. А., Саенко И. И. Применение анализа BIG DATA в маркетинговых исследованиях. *Аллея науки*. 2018. Т. 6. № 5. С. 1120–1123. [Ivanova V. A., Saenko I. I. Application of BIG DATA analysis in marketing research. *Alleia nauki*, 2018, 6(5): 1120–1123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/utnztg>
6. Лапшова О. А., Лялькова И. О. Нейромаркетинг и пипл-метры как методы маркетингового исследования. *Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета*. 2020. № 16. С. 109–114. [Lapshova O. A., Lyalkova I. O. Neuromarketing and people meter as methods of marketing research. *Sotsialno-psikhologicheskie problemy mentalnosti / mentaliteta*, 2020, (16): 109–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tymyqk>
7. Есауленко А. В., Рудская Е. Н. Инновационные методы в маркетинговых исследованиях. *Современные научные исследования и разработки*. 2017. № 8. С. 190–196. [Esaulenko A. V., Rudskaya E. N. Innovative methods in marketing research. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i razrabotki*, 2017, (8): 190–196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymjdv1>
8. Шаройко Ф. В., Грунина А. А. Повышение эффективности маркетинговых исследований с помощью качественно-количественного метода семантического дифференциала. *Дельта науки*. 2018. № 2. С. 58–63. [Sharoiko F. V., Grunina A. A. Improving the effectiveness of marketing research using the qualitative and quantitative method of semantic differential. *Delta nauki*, 2018, (2): 58–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yunrrj>
9. Sknarev D. S. Reclamemics and linguistic marketing as new knowledge areas. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*, 2016, (3): 51–57. <https://elibrary.ru/wlsgit>
10. Ratnapuri C. I., Aprilia S., Ningrum D. K., Sudirman I. D., Alamsyah D. P. The mindmapping for marketing strategy: Case study of fashion industry. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: Proc. 4th Intern. Conf. on Eco Engineering Development*, Banten, 10–11 Nov 2020. Banten: IOP Publishing Ltd, 2021, vol. 794. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/794/1/012082>

11. Kudryavtsev D., Gavrilova T. From anarchy to system: A novel classification of visual knowledge codification techniques. *Knowledge and Process Management*, 2017, 24(1): 3–13. <https://doi.org/10.1002/kpm.1509>
12. Bhattacharya D., Mohalik R. Digital mind mapping software: A new horizon in the modern teaching-learning strategy. *Journal of Advances In Education and Philosophy*, 2020, 4(10): 400–406. <http://dx.doi.org/10.36348/jaep.2020.v04i10.001>
13. Фещенко Л. Г. Пентаграмма рекламного текста, или комплексная методика анализа (предтекст, контекст, текст, подтекст, затекст). *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*: конф. (Орел, 18–19 сентября 2020 г.) Орел: ОГИК, 2020. Вып. 17. С. 21–35. [Feshchenko L. G. Pentagram of advertising text or the complex analysis technique (pre-text, con-text, text, sub-text, after-text). *Genres and types of text in scientific and media discourse*: Proc. Conf., Orel, 18–19 Sep 2020. Orel: OSIC, 2020, iss. 17, 21–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lsbewq>
14. Ехлаков Ю. П., Малаховская Е. К. Семантическая сеть формирования содержания текстового коммуникационного сообщения для продвижения мобильных приложений на потребительский рынок. *Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки*. 2018. Т. 1. № 45. С. 129–138. [Ehlaikov Yu. P., Malakhovskaya E. K. Semantic network for forming the content of text messages for the promotion of mobile applications to the consumer market. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta. Tehnicheskie nauki*, 2018, 1(45): 129–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xptylz>
15. Алексеева Т. Е., Федосеева Л. Н. Англоязычные рекламные слоганы автопроизводителей: структурно-семантический анализ. *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. № 1. С. 81–87. [Alexeeva T. E., Fedoseeva L. N. English advertising slogans of automakers: Structural-semantic analysis. *Proceedings of VSU. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2022, (1): 81–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17308/lic.2022.1/9002>
16. Шлыков В. А., Гордеева О. А. Формирование контекстной рекламы на основе анализа сетевой активности пользователя. *Труды международного симпозиума «Надежность и качество»*. 2020. Т. 1. С. 276–280. [Shlykov V. A., Gordeeva O. A. Formation of contextual advertising based on the analysis of the users network activity. *Trudy mezhdunarodnogo simpoziuma "Nadezhnost i kachestvo"*, 2020, 1: 276–280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bzwhse>
17. Шимохин А. В. Семантический анализ отзывов о поставщиках на основе применения нейросетевой технологии. *Фундаментальные исследования*. 2021. № 5. С. 117–121. [Shimokhin A. V. Semantic analysis of supplier reviews based on the use of neural network technology. *Fundamental research*, 2021, (5): 117–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/fr.43048>
18. Старов С. А., Гладких И. В., Муравский Д. В. Исследование бренд-ассоциаций для построения стратегических карт бренда. *Маркетинг и маркетинговые исследования*. 2019. № 2. С. 116–130. [Starov S. A., Gladkikh I. V., Muravskii D. V. Research of brand associations for building strategic brand maps. *Marketing i marketingovye issledovaniia*, 2019, (2): 116–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/piopuf>
19. Grech G. Marketing mind maps in higher education. *Symposia Melitensia*, 2016, 12: 107–116.
20. Beel J., Langer S. An exploratory analysis of mind maps. *DocEng'11*: Proc. 11th ACM Symposium on Document Engineering, Mountain View, 19–22 Sep 2011. NY: ACM, 2011, 81–84. <http://dx.doi.org/10.1145/2034691.2034709>
21. Kedaj P., Pavlicek J., Hanzlik P. Effective mind maps in e-learning. *Acta Informatica Pragensia*, 2014, 3(3): 239–250. <https://doi.org/10.18267/j.aip.51>
22. Chen T.-Ju, Mohanty R. R., Hoffmann Rodriguez M. A., Krishnamurthy V. R. Collaborative mind-mapping: A study of patterns, strategies, and evolution of maps created by peer-pairs. *ASME 2019 International Design Engineering Technical Conferences and Computers and Information in Engineering Conference*: Proc. 31st Intern. Conf. on Design Theory and Methodology, Anaheim, 18–21 Aug 2019. Anaheim: ASME, 2019. <http://dx.doi.org/10.1115/DETC2019-98125>
23. Koznov D., Larchik E., Pliskin M., Artamonov N. Mind maps merging in collaborative work. *Programming and Computer Software*, 2011, 37, 315–321. <https://doi.org/10.1134/S036176881106003X>
24. Lindholm T. *A 3-way merging algorithm for synchronizing ordered trees – the "3DM" merging and differencing tool for XML*. Helsinki: Helsinki University of Technology, 2001, 128.
25. Jamieson P., Eaton J. Towards a better graphlet-based mind map metric for automating student feedback. *Innovative Use of Technology II*: Proc. 122nd ASEE Annual Conf. & Exposition, Seattle, 14–17 Jun 2015. Seattle: American Society for Engineering Education, 2015. <https://doi.org/10.18260/p.24924>

26. Zhang Z., Gentile A., Ciravegna F. Recent advances in methods of lexical semantic relatedness – a survey. *Natural Language Engineering*, 2013, 19(4): 411–479. <http://doi.org/10.1017/S1351324912000125>
27. Бермудес С. Х. Г. Метод измерения семантического сходства текстовых документов. *Известия ЮФУ. Технические науки*. 2017. № 3. С. 17–29. [Bermudez S. J. G. Method for measuring the semantic-similarity of textual documents. *Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*, 2017, (3): 17–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zdhhxjr>
28. Shalaby W., Zadrozny W. Mined semantic analysis: A new concept space model for semantic representation of textual data. *2017 IEEE: Proc. Intern. Conf. on Big Data (Big Data)*, Boston, 11–14 Dec 2017. Boston: IEEE, 2017, 2122–2131. <https://doi.org/10.1109/BigData.2017.8258160>
29. Soleimandarabi M. N., Mirroshandel S. A., Sadr H. A survey of semantic relatedness measures. *International journal of Computer Science & Network Solutions*, 2015, 3(2). <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.17358.69449>
30. Baroni M., Dinu G., Kruszewski G. Don't count, predict! A systematic comparison of context-counting vs. context-predicting semantic vectors. *ACL 2014: Proc. 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, Baltimore, 23–25 Jun 2014. Kerrville: ACL, 2014, vol. 1: 238–247. <https://doi.org/10.3115/v1/P14-1023>
31. Landauer T. K., Laham D., Rehder B., Schreiner M. E. How well can passage meaning be derived without using word order? A comparison of latent semantic analysis and humans. *Proceedings of the 19th Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. Boulder: University of Colorado Boulder, 1997, 412–417.
32. Blei D. M., Ng A. Y., Jordan M. I. Latent dirichlet allocation. *Journal of Machine Learning Research*, 2003, 3: 993–1022.
33. Collobert R., Weston J. A Unified architecture for natural language processing: Deep neural networks with multitask learning. *ICML'08: Proc. 25th Intern. Conf. on Machine Learning*. NY: ACM, 2008, 160–167. <https://doi.org/10.1145/1390156.1390177>
34. Mikolov T., Chen K., Corrado G., Dean J. Efficient estimation of word representations in vector space. *Proceeding of Workshop at International Conference on Learning Representations*, 2013. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1301.3781>
35. Pennington J., Socher R., Manning C. GloVe: Global vectors for word representation. *EMNLP 2014: Proc. of the 2014 Conf. on Empirical Methods in Natural Language Processing*, Doha, 25–29 Oct 2014. Kerrville: ACL, 1532–1543. <https://doi.org/10.3115/v1/D14-1162>
36. *WordNet: An electronic lexical database*, ed. Fellbaum Ch. Cambridge: MIT Press, 1998, 422. <https://doi.org/10.7551/mitpress/7287.001.0001>
37. Gabrilovich E., Markovitch S. Computing semantic relatedness using Wikipedia-based explicit semantic analysis. *IJCAI-07: Proc. Twentieth Intern. Joint Conference on Artificial Intelligence*, Hyderabad, 6–12 Jan 2007. Menlo Park: AAAI Press, 2007, vol. 6: 1606–1611.
38. Hassan S., Mihalcea R. Semantic relatedness using salient semantic analysis. *AAAI Technical Track: Natural Language Processing: Proc. Twenty-Fifth AAAI Conf. on Artificial Intelligence*, San Francisco, 7 – 11 Aug 2011. Palo Alto: AAAI Press, 2011, 25(1): 884–889. <https://doi.org/10.1609/aaai.v25i1.7971>
39. Camacho-Collados J., Pilehva M. T., Navigli R. NASARI: A novel approach to a semantically-aware representation of items. *NAACL-HLT 2015: Proc. 2015 Conf. of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*, Denver, 31 May–5 Jun 2015. Kerrville: ACL, 2015, 567–577. <http://dx.doi.org/10.3115/v1/N15-1059>
40. Li P., Wang H., Zhu K. Q., Wang Z., Wu X. Computing term similarity by large probabilistic is a knowledge. *CIKM'13: Proc. 22nd ACM Intern. Conf. on Information & Knowledge Management*, San Francisco, 27 Oct–1 Nov 2013. NY: ACM, 2013, 1401–1410. <https://doi.org/10.1145/2505515.2505567>
41. Kim D., Wang H., Oh A. Context-dependent conceptualization. *IJCAI'13: Proc. Twenty-Third Intern. Joint Conf. on Artificial Intelligence*, Beijing, 3–9 Aug 2013. Menlo Park: AAAI Press, 2013, 2654–2661.
42. Song Y., Roth D. On dataless hierarchical text classification. *Main Track: NLP and Machine Learning: Proc. Twenty-Eighth AAAI Conf. on Artificial Intelligence*, Québec, 27–31 Jul 2014. Palo Alto: AAAI Press, 2014, 28(1): 1579–1585. <https://doi.org/10.1609/aaai.v28i1.8938>
43. Egozi O., Markovitch S, Gabrilovich E. Concept-based information retrieval using explicit semantic analysis. *ACM Transactions on Information Systems*, 2011, 29(2). <https://doi.org/10.1145/1961209.1961211>
44. Wang Z., Zhao K., Wang H., Meng X., Wen Ji-R. Query understanding through knowledge-based conceptualization. *IJCAI'15: Proc. 24th Intern. Conf. on Artificial Intelligence*, Buenos Aires, 25–31 Jul 2015. Palo Alto: AAAI Press, 2015, 3264–3270.

45. Hua W., Wang Z., Wang H., Zheng K., Zhou X. Short text understanding through lexical-semantic analysis. *ICDE 2015: 31st Intern. Conf. on Data Engineering*, Seoul, 13–17 Apr 2015. NY: IEEE, 2015, 495–506. <https://doi.org/10.1109/ICDE.2015.7113309>
46. Deerwester S. C., Dumais S. T., Landauer T. K., Furnas G. W., Harshman R. A. Indexing by Latent Semantic Analysis. *JASIST*, 1990, 41(6): 391–407. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-4571\(199009\)41:6<391::AID-ASI1>3.0.CO;2-9](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-4571(199009)41:6<391::AID-ASI1>3.0.CO;2-9)
47. Hughes T., Ramage D. Lexical semantic relatedness with random graph walks. *EMNLP-CoNLL 2007: Proc. 2007 Joint Conf. on Empirical Methods in Natural Language Processing and Computational Natural Language Learning*, Prague, 28–30 Jun 2007. Kerrville: ACL, 2007, 581–589.
48. Yang D., Yin Y. Evaluation of taxonomic and neural embedding methods for calculating semantic similarity. *Natural Language Engineering*, 2022, 28(6): 733–761. <https://doi.org/10.1017/S1351324921000279>
49. Кохов В. А., Ибрахим А. Р., Кохов В. В. Система моделей для анализа сходства графов с учетом расположения цепей. *Вестник Московского энергетического института*, 2009. № 5. С. 5–13. [Kokhov V. A., Ibrahim A. R., Kokhov V. V. System of models for the analysis of graph's similarity with account of circuit arrangement. *Vestnik Moskovskogo energeticheskogo instituta*, 2009, (5): 5–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxnbur>
50. Погребной А. В. Метод определения сходства структур графов на основе выделения частичного изоморфизма в задачах геоинформатики. *Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов*. 2015. Т. 326. № 11. С. 56–66. [Pogrebnoi A. V. A method for determining the similarity of graph structures based on the allocation of partial isomorphism in geoinformatics problems. *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov*, 2015, 326(11): 56–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqwbxv>
51. Labriji A., Charkaoui S., Abdelbaki I., Namir A., Labriji E. H. Similarity measure of graphs. *International Journal of Recent Contributions from Engineering, Science & IT*, 2017, 5(2): 42–56. <https://doi.org/10.3991/ijes.v5i2.7251>
52. Ma G., Ahmed N. K., Willke T. L., Yu Ph. S. Deep graph similarity learning: A survey. *Data Mining and Knowledge Discovery*, 2021, 35, 688–725. <https://doi.org/10.1007/s10618-020-00733-5>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/avfnns>

Взаимное влияние условий и оплаты труда на потребность системы здравоохранения в медицинских работниках

Меркулов Николай Александрович

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Россия, Москва<https://orcid.org/0000-0002-5505-5450>nikolay-merkulov@internet.ru

Анисимов Александр Юрьевич

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 9732-9601

<https://orcid.org/0000-0002-8113-4523>

Аннотация: Актуальность исследования вопросов интенсивности труда медицинских работников обусловлена, с одной стороны, ее влиянием на мотивацию труда, профессиональным выгоранием работников здравоохранения, уровнем баланса профессиональной и личной жизни, а с другой – качеством услуг системы здравоохранения. Цель – изучить взаимосвязь между интенсивностью труда, уровнем текучести кадров и уровнем мотивации сотрудников здравоохранения. Задачи исследования состоят в сравнительной оценке уровня интенсивности труда сотрудников здравоохранения по федеральным округам, оценке показателей, характеризующих потребность в работниках и уровень текучести кадров, а также оценке взаимосвязи показателей интенсивности труда, текучести кадров и уровня заработной платы. В статье использованы методы сравнительного и статистического анализа, индукции и дедукции. Гипотеза состоит в предположении, что высокая нагрузка и интенсивность труда медицинского персонала при одновременной непропорциональной системе оплаты отрицательно влияют на мотивацию работников, что проявляется в повышении текучести кадров и росте потребности в соответствующих сотрудниках этой сферы. В результате исследования установлено, что более высокий уровень интенсивности труда в медицинских организациях оказывает негативное влияние на мотивацию и повышает текучесть кадров. Полученные в процессе выводы подтверждают, что интенсивность труда коррелирует с уровнем текучести кадров, при этом статистические данные показывают отсутствие корреляционной связи между интенсивностью труда и уровнем заработной платы. В связи с этим обоснована необходимость внедрения эффективной системы нормирования труда и более рационального распределения рабочей нагрузки.

Ключевые слова: система здравоохранения, медицинские работники, регламентация труда, текучесть кадров, интенсивность труда, мотивация медицинского персонала, заработная плата

Цитирование: Меркулов Н. А., Анисимов А. Ю. Взаимное влияние условий и оплаты труда на потребность системы здравоохранения в медицинских работниках. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 3. С. 424–432. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-424-432>

Поступила в редакцию 22.02.2024. Принята после рецензирования 24.06.2024. Принята в печать 01.07.2024.

full article

Joint Effect of Working Conditions and Wages on Labor Shortage in Healthcare

Nikolay A. Merkulov

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-5505-5450>nikolay-merkulov@internet.ru

Alexander Yu. Anisimov

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 9732-9601

<https://orcid.org/0000-0002-8113-4523>

Abstract: Healthcare quality depends on medical personnel, i.e., motivation, professional burnout, work-life balance, etc. The authors used standard research methods to investigate the relationship between performance, staff turnover, salary, and motivation in healthcare in various federal districts. The hypothesis was that the high workload and a disproportionate payment system reduce the motivation, which increases staff turnover and leads to shortage of qualified personnel. In this research, stronger labor intensity indeed contributed to lower motivation

of medical personnel and triggered staff turnover. The labor intensity correlated with the level of staff turnover, but no correlation was revealed between the labor intensity and the wages. The article explains the need for a more effective labor rationing system and a more rational workload distribution.

Key words: healthcare system, medical workers, labor regulation, staff turnover, labor intensity, motivation of medical personnel, wages

Citation: Merkulov N. A., Anisimov A. Yu. Joint Effect of Working Conditions and Wages on Labor Shortage in Healthcare. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 424–432. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-424-432>

Received 22 Feb 2024. Accepted after review 24 Jun 2024. Accepted for publication 1 Jul 2024.

Введение

На современном этапе перед организациями здравоохранения стоит задача по обеспечению высококачественной помощи пациентам при рациональном уровне расходов на оказание медицинских услуг. Роль системы управления персоналом имеет решающее значение в решении этой задачи, поскольку, во-первых, оплата труда занимает значительную долю в структуре затрат на оказание медицинских услуг, во-вторых, мотивация сотрудников является важной составляющей сферы менеджмента персонала с теоретической и практической точек зрения. На современном этапе как в производственной сфере, так и в сфере услуг все чаще предъявляются требования к повышению гибкости и эффективности деятельности, в том числе за счет увеличения загруженности кадров с использованием меньшего количества ресурсов. Однако влияние высокой интенсивности труда на эффективность работы организации остается недостаточно изученным. С одной стороны, высокая интенсивность труда может положительно влиять и на результаты деятельности организации, и на уровень удовлетворенности работников, особенно если внутренняя мотивация подкрепляется финансовым вознаграждением за усилия, которые работники прилагают для повышения интенсивности труда [1–3]. С другой – ряд исследований демонстрирует негативные последствия, связанные с более низким уровнем удовлетворенности работой [4; 5], более высоким уровнем стресса [6–8] и профессионального выгорания [9–11]. При этом удовлетворенность работой является часто изучаемым мотивационным результатом в исследованиях систем здравоохранения. Она представляет интерес для исследователей и руководителей организаций здравоохранения из-за своей связи с производительностью и текучестью кадров. Удовлетворенность работой может быть измерена как глобально на основе общего отношения к работе, так и с позиции конкретных аспектов неудовлетворенности. В качестве наиболее важных аспектов удовлетворенности

работой, выявленных в исследованиях [1–26], можно выделить заработную плату и льготы, карьерный рост, обучение без отрыва от работы, комфортную рабочую среду, обоснованный уровень интенсивности труда. Касательно последнего в исследованиях отмечается, что ее высокий уровень отрицательно влияет на качество жизни сотрудников [12; 13] и ограничивает личную жизнь из-за неспособности совмещать работу и отдых [14; 15].

О повышении интереса к оценке взаимосвязи трудовых усилий работников с уровнем мотивации и оплаты труда, свидетельствует рост публикаций, раскрывающих вопросы интенсивности труда работников здравоохранения [16; 17]. Так, в них указывается, что интенсивность труда является одним из самых сильных предикторов снижения удовлетворенности работой, плохого физического и психического состояний (тревога, усталость, раздражительность и стресс). Среди основных факторов, интенсифицирующих рабочий процесс, выделяются: вид выполняемой работы, профессиональная категория медицинских работников, а также нехватка персонала, которая ставит под угрозу не только здоровье работника, но и самих пациентов.

При этом увеличение интенсивности труда означает не только рост продолжительности рабочего времени, но и способность работника производить больший объем работы в единицу времени, тратить больше физических, психологических, умственных усилий во время работы.

Методы и материалы

При исследовании влияния интенсивности труда медицинских работников и уровня их заработной платы на текучесть кадров в системе здравоохранения использован корреляционный анализ. Расчеты проводились с использованием данных, размещенных на официальном сайте Росстата. Сведения, характеризующие интенсивность труда медицинских работников, включают выборку значений

по показателю *Число работников системы здравоохранения на 10 тыс. человек населения* по регионам РФ и федеральным округам за 2017–2022 гг. (в тыс. человек). Данные, отражающие уровень заработной платы, были основаны на выборке значений по показателю *Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата* по регионам РФ и федеральным округам за 2017–2022 гг. (в руб.). Информация о текучести кадров включает выборку значений по показателю *Удельный вес выбывших работников* по регионам РФ и федеральным округам за 2017–2022 гг. (в %). Для оценки значения коэффициентов корреляции сформулированы две гипотезы:

- 1) нулевая гипотеза (H_0) предполагает, что коэффициент корреляции равен нулю, и это указывает на отсутствие линейной зависимости между переменными;
- 2) вторая (альтернативная) гипотеза (H_1) предполагает, что коэффициент корреляции не равен нулю, и это указывает на существенную линейную связь между переменными.

Для оценки значения коэффициента корреляции авторы воспользовались p -значением, рассчитанным с использованием t -распределения, и уровнем значимости, составляющим 0,05. На основе сравнения полученных p -значений с уровнем значимости: либо отвергаем нулевую гипотезу и считаем коэффициент корреляции значимым ($p < 0,05$), либо не отвергаем нулевую гипотезу и считаем, что коэффициент корреляции незначим ($p > 0,05$).

Результаты

Интенсивность труда – скорость физического, умственного вклада в рабочие задачи, выполняемые в течение рабочего дня; включает в себя такие элементы, как скорость выполнения задачи, интенсивность этих задач с точки зрения физических, когнитивных и эмоциональных требований, степень, в которой они выполняются одновременно или последовательно, непрерывно или с перерывами, промежутки между задачами.

Интенсивность труда работников системы здравоохранения регулируется рядом нормативно-правовых актов как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ [18]. Под интенсивностью труда в системе здравоохранения понимается объем затрачиваемого труда в соответствии с уровнем образования, квалификацией и занимаемой

должностью в пределах нормальной продолжительности рабочей недели, превышающий установленные нормы численности, нормы времени на посещение или нормы нагрузки, регулируемые нормативно-правовыми актами о трудовой деятельности медицинского персонала.

При этом, как отмечает О. Е. Дозорцев, регулирование уровня заработной платы находится в ведении регионов и учреждений, что приводит к значительной разнице в размерах оплаты труда за одинаковый объем выполненных работ в разных регионах РФ [19]. В качестве проблемы регулирования и интенсивности труда также выделяются различия в объеме трудовой деятельности разных категорий персонала [20].

Негативные последствия высокой интенсивности труда отражаются в высокой текучести кадров, под которой авторы понимают долю численности выбывших работников за определенный промежуток времени. Нехватка кадров в сфере здравоохранения является большой проблемой во всем мире, вызывающей дисбаланс между потребностью в кадрах и предложением на рынке труда. Так, по оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), к 2030 г. нехватка медицинских кадров составит около 14,5 млн человек. При этом кризис рабочей силы в отчете описан как самая серьезная проблема, с которой в настоящее время сталкивается ВОЗ¹.

Следует обратить внимание на наличие различных точек зрения исследователей на причины нехватки кадров в системе здравоохранения:

- 1) уровень материального вознаграждения [21; 22];
- 2) уровень оплаты труда, высокая нагрузка и плохие условия труда [23; 24].

При этом статистические данные демонстрируют значительный рост доли выбывших работников в среднесписочной численности персонала (рис. 1²).

Оценка основных причин текучести кадров (в том числе влияния уровня заработной платы, напряженности и интенсивности работы) позволяет сформулировать гипотезу зависимости их роста от интенсивности трудовой деятельности и уровня заработной платы. Основанием для такого вывода стали статистические данные, отражающие уровень заработной платы, долю выбывших работников в среднесписочной численности, а также степень интенсивности труда в целом по России и в разрезе

¹ Health workforce requirements for universal health coverage and the sustainable development goals. *World Health Organization*. 06.10.2018. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241511407> (accessed 15 Feb 2024).

² Сост. по: Удельный вес численности выбывших работников в среднесписочной численности с 2017 г. *ЕМИСС. Государственная статистика*. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58140> (дата обращения: 20.02.2024).

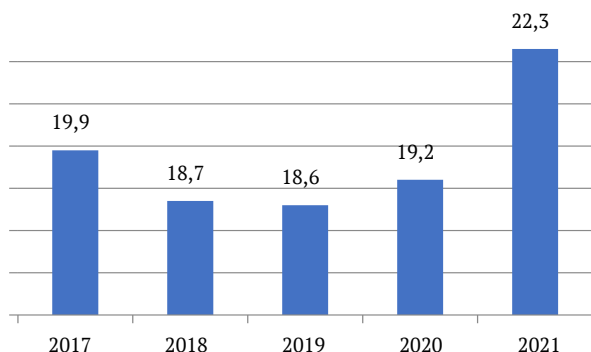

Рис. 1. Динамика доли вышедших работников в средней численности в 2017–2021 гг., тыс. человек
Fig. 1. Dynamics of the share of retired employees in the average number of employees in 2017–2021, thousand people

регионов. Проверка гипотезы о влиянии интенсивности работы и уровня заработной платы на текучесть кадров в системе здравоохранения включает следующие этапы:

1. Выбор факторного показателя, отражающего интенсивность труда работников здравоохранения, и оценка его значимости. В качестве факторного показателя авторами был выбран расчетный – число работников на 10 тыс. человек населения как отражение фактического уровня интенсивности труда и числа рабочих мест в системе здравоохранения, показывающего взаимосвязь численности населения и количества рабочих мест.

Высокий уровень интенсивности труда характеризуется большим объемом работы в единицу времени, ограниченными сроками и часто недостаточным временем для выполнения задач, что может снизить качество и производительность трудовой деятельности. Когда медицинские работники выполняют большой объем работы, это приводит к сокращению необходимого количества персонала, что, в свою очередь (как и нехватка медработников), увеличивает загруженность оставшихся сотрудников, повышая интенсивность их труда.

Далее авторы провели оценку значимости предположения о взаимосвязи показателей численности населения и количества рабочих мест в системе здравоохранения. Значение коэффициента корреляции между численностью населения региона и количеством рабочих мест в системе здравоохранения по субъектам федерации и федеральным округам составило 0,99, что свидетельствует об очень высокой

взаимосвязи между ними. Выборка для проведения статистического анализа включала данные субъектов РФ за 2017–2022 гг. Следовательно, обозначенная зависимость может быть использована при определении потенциального и реального уровня нагрузки и интенсивности труда работников здравоохранения. При прочих равных условиях (уровень и виды заболеваемости, соотношение уровня городских и сельских территорий, демографический состав населения) уровень потенциальной интенсивности труда должен быть равномерно распределен по субъектам РФ. Представленные на рисунке ²³ данные позволяют констатировать неравномерный характер интенсивности труда работников в системе здравоохранения по федеральным округам. При этом наибольшее число работников этой системы приходится на Дальневосточный федеральный округ (ДФО), а наименьшее – на Северокавказский (СКФО).

Сравнение фактического значения численности занятых работников в системе здравоохранения по федеральным округам с числом созданных рабочих мест (рис. 3⁴) демонстрирует значительную незакрытую потребность в работниках, что обуславливает рост интенсивности труда и увеличение нагрузки, приходящейся на одного работника (в случае принятия большего количества пациентов). Такая ситуация может стать причиной потенциального ухудшения качества оказания медицинских услуг.

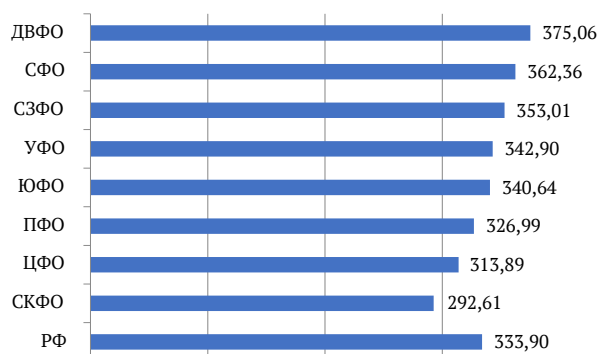

Рис. 2. Численность работников системы здравоохранения на 10 тыс. человек населения по федеральным округам РФ, 2022 г.
Fig. 2. Number of health care workers by federal districts of the Russian Federation, per 10,000 population, 2022

³ Рассчитано по: Среднегодовая численность занятых в экономике (расчеты на основе интеграции данных) с 2017 г. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58994>; Численность постоянного населения в среднем за год. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 20.02.2024).

⁴ Рассчитано по: Количество рабочих мест на всех видах работ по производству товаров и услуг (в среднем за год) с 2017 г. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58992> (дата обращения: 20.02.2024); Среднегодовая численность занятых в экономике...; Численность постоянного населения в среднем за год...

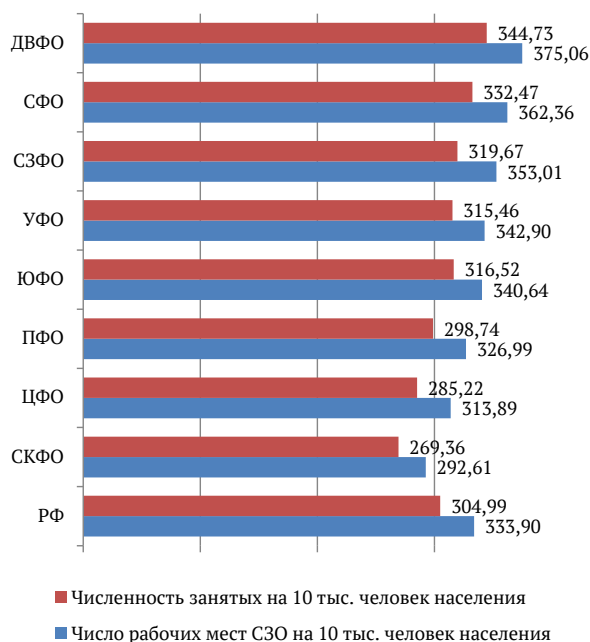

Рис. 3. Соотношение численности занятых медицинских работников с количеством рабочих мест в системе здравоохранения по федеральным округам РФ, 2022 г.

Fig. 3. Medical employees vs. number of healthcare jobs by federal districts of the Russian Federation, 2022

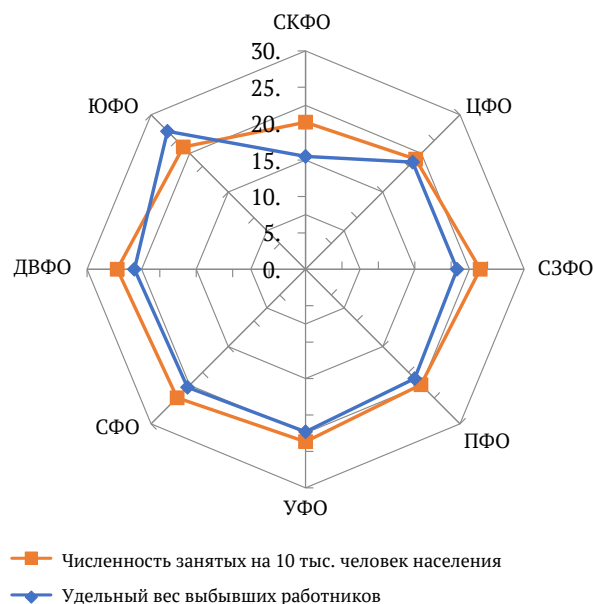

Рис. 4. Взаимосвязи между численностью занятых медицинских работников на 10 тыс. человек населения и удельным весом выбывших работников по федеральным округам РФ, 2022 г.

Fig. 4. Active medical workers vs. retired medical workers by federal districts of the Russian Federation, per 10,000 population, 2022

2. Оценка степени влияния интенсивности труда на текучесть кадров. На этом этапе было установлено наличие корреляционной зависимости между такими показателями, как *численность занятых медицинских работников на 10 тыс. человек населения* и *удельным весом выбывших работников*. Полученное значение составило 0,85. Выборка для проведения статистического анализа включала данные субъектов РФ за 2017–2022 гг. Сведения, отраженные на рисунке 4⁵, показывают, что в федеральных округах, в которых уровень численности работников здравоохранения на 10 тыс. человек населения выше, доля выбывших сотрудников такая же высокая. Так, в Северокавказском федеральном округе доля выбывших сотрудников составляет 15,5 % на минимальное значение численности занятых на 10 тыс. человек населения в 269,36 работников. Наибольшее значение выбывших сотрудников приходится на Дальневосточный федеральный округ – 23,5 % и Южный федеральный округ (ЮФО) – 26,8 % со значениями

344,73 и 316,52 работников на 10 тыс. человек населения соответственно.

3. Оценка степени влияния заработной платы на текучесть кадров. Третий этап предполагает проведение оценки корреляционной зависимости уровня заработной платы и доли выбывших работников. На рисунке 5⁶ показано, что минимальное значение начисленной заработной платы приходится на СКФО – 32244,8 руб., а максимальное – на Центральный федеральный округ (ЦФО) – 64859,2 руб.

4. Оценка влияния интенсивности труда на уровень заработной платы работников здравоохранения. Значение коэффициентов корреляции, зафиксированное на рисунке 6⁷, между долей выбывших и численностью работников на 10 тыс. человек населения составляет 0,71; между численностью работников на 10 тыс. человек населения и уровнем начисленной заработной платы – 0,35; между долей выбывших работников и уровнем начисленной заработной платы – 0,15.

⁵ Сост. по: Количество рабочих мест на всех видах работ...; Среднегодовая численность занятых в экономике...; Численность постоянного населения в среднем за год...; Удельный вес численности выбывших работников...

⁶ Сост. по: Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по полному кругу организаций с 2017 г. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58701> (дата обращения: 20.02.2024).

⁷ Сост. по: Количество рабочих мест на всех видах работ...; Среднегодовая численность занятых в экономике...; Численность постоянного населения в среднем за год...; Удельный вес численности выбывших работников...; Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника...

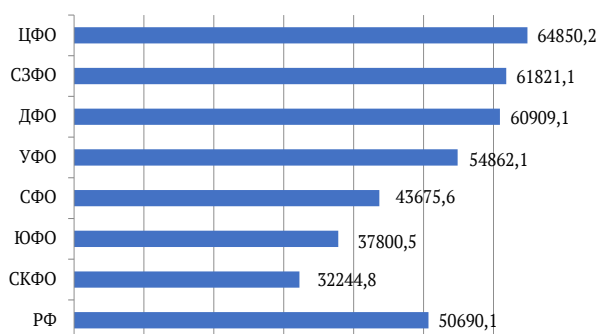

Рис. 5. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата медицинских работников по федеральным округам РФ, 2021 г., руб.

Fig. 5. Average monthly salary of medical workers by federal districts of the Russian Federation, 2021, rubles

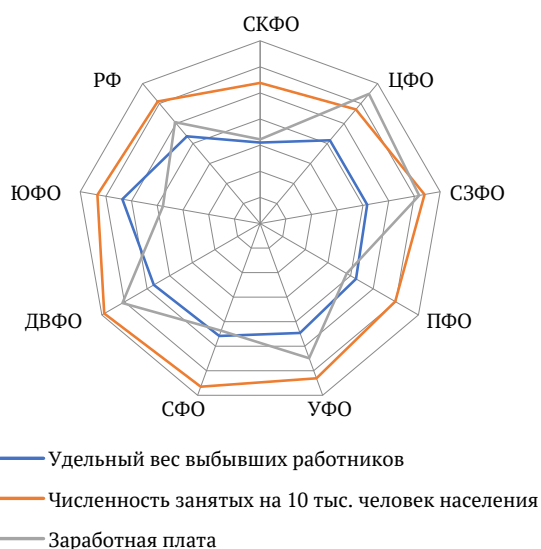

Рис. 6. Соотношение взаимосвязи между численностью занятых медицинских работников на 10 тыс. человек населения, удельным весом выбывших работников и уровнем начисленной заработной платы по федеральным округам РФ, 2021 г.

Fig. 6. Employed medical workers vs. retired medical workers vs. monthly wages by federal districts of the Russian Federation, per 10,000 population, 2021

Статистическая оценка взаимосвязи удельного веса выбывших работников системы здравоохранения и уровня заработной платы по федеральным округам и субъектам показывает значение коэффициента корреляции 0,157 (табл.), что свидетельствует об отсутствии статистической значимости. Следовательно, в большей степени рост удельного веса выбывших работников вызван не уровнем заработной платы, а уровнем нагрузки и интенсивности труда.

Также необходимо отметить наличие несущественной связи между показателями интенсивности труда работников и уровнем заработной платы, что является неблагоприятным фактором с точки зрения мотивации работы. Уровень заработной платы

Табл. Значение коэффициентов корреляции

Tab. Correlation coefficients

Показатель	Численность занятых медицинских работников на 10 тыс. человек населения		Среднемесячная заработная плата	
	Ккор.	p	Ккор.	p
Удельный вес выбывших работников	0,85	0,0011	0,15	0,0456
Среднемесячная заработная плата	0,35	0,0091	-	-

в системе здравоохранения различен по регионам, при этом различия в большей степени обусловлены доплатами, связанными с районными коэффициентами, чем уровнем интенсивности труда работников. Так, за один и тот же объем работ сотрудники системы здравоохранения могут получать неодинаковую заработную плату, что с позиции справедливости вознаграждения и уровня мотивации сотрудников требует дальнейшей проработки механизма соотношения уровня оплаты труда и его интенсивности. В качестве наиболее действенного инструмента такого соотношения выступает нормирование труда.

В данном случае нормирование труда будет обладать целым рядом потенциальных возможностей, при грамотной реализации которых можно решить несколько актуальных управленческих задач (стимулирование работников [25], регулирование интенсивности и напряженности труда, снижение текучести кадров). При этом нормирование трудовой нагрузки и степени интенсивности труда, по нашему мнению, должно осуществляться с учетом оценки трудовых функций, процессов и затрат рабочего времени на выполнение разных работ.

Заключение

Проведенное исследование показало, что регулирование уровня интенсивности труда является одной из основных проблем управления персоналом организаций здравоохранения. За последние несколько лет усилилась тенденция к снижению взаимосвязи между рабочим временем, нормальной продолжительностью рабочего дня и уровнем материальной мотивации, что приводит, в свою очередь, к снижению удовлетворенности трудом, профессиональному выгоранию, нарушению баланса личной и профессиональной жизни работников и, как следствие, к снижению мотивации к труду.

Кроме того, негативные последствия высокой интенсивности труда отражаются в высокой текучести кадров, что является большой проблемой в сфере здравоохранения повсеместно и вызывает дисбаланс между потребностью в кадрах и предложением на рынке труда.

Оценка основных причин текучести кадров позволила сформулировать гипотезу зависимости ее роста от интенсивности труда и уровня заработной платы. Для проверки гипотезы в качестве показателя текучести кадров взяты значения по показателю *Удельный вес выбывших работников* по регионам РФ и федеральным округам за 2017–2022 гг. (в %); в качестве показателя уровня заработной платы – значения по показателю *Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата* по регионам РФ и федеральным округам за 2017–2022 гг. (в руб.); в качестве показателя, характеризующего интенсивность труда, – значения по показателю *Число работников системы здравоохранения на 10 тыс. человек населения* по регионам РФ и федеральным округам за 2017–2022 гг. (в тыс. человек). Статистическая оценка взаимосвязи доли выбывших работников системы здравоохранения, уровня номинальной начисленной заработной платы по федеральным округам и субъектам, уровня интенсивности труда показала, что в большей степени текучесть кадров вызвана не уровнем заработной платы, а уровнем интенсивности труда. Также статистические данные свидетельствуют о наличии несущественной связи между показателями интенсивности труда

работников и уровнем заработной платы, что является неблагоприятным фактором с точки зрения мотивации работы.

Итак, на основе проведенного исследования статистических данных можно сделать вывод об увеличении интенсивности и напряженности труда в системе здравоохранения, вызывающих снижение мотивации работников, повышение текучести кадров и, как следствие, увеличение потребности в персонале. В связи с этим возникает необходимость более четкой регламентации рабочего времени сотрудников и его нормирования с целью снижения неудовлетворенности трудовой деятельностью и повышения мотивации. Такой подход позволяет обеспечить равномерное распределение рабочих задач, снизить интенсивность труда, а также создать его стабильные и предсказуемые условия.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Борисенко Е. М. Об альтернативных способах повышения удовлетворенности трудом работников негосударственных медицинских учреждений. *Проблемы управления социально-экономическими системами: теория и практика*: Междунар. науч.-практ. конф. (Тверь, 15 мая 2021 г.) Тверь: ТвГУ, 2021. С. 168–173. [Borisenko E. M. Towards alternative means to increase the job satisfaction for the employees of the non-governmental medical insitutions. *Problems of management of socio-economic systems: Theory and practice*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Tver, 15 May 2021. Tver: TvSU, 2021, 168–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smyxah>
2. Сабирова Л. Т. Обеспечение внешней конкурентоспособности заработной платы. *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2009. № 1. С. 48–53. [Sabirova L. T. Providing globally competitive salary. *Vestnik Omskogo universiteta. Seria: Ekonomika*, 2009, (1): 48–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kwjgq>
3. Смирных Л. И. Удовлетворенность работой: выбор между стабильной занятостью и трудовой мобильностью. *Экономика образования*. 2009. № 4-2. С. 32–39. [Smirnykh L. I. Job satisfaction: The choice between a stable employment and labor mobility theory and methodology of economics of education. *Ekonomika obrazovaniia*, 2009, (4-2): 32–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqjrqr>
4. Иванова О. Е., Дегтярева В. А. Мотивация работника как ключевое направление кадровой политики организации системы здравоохранения. *Право, экономика и управление: теория и практика*: II Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 12 мая 2022 г.) Чебоксары: Среда, 2022. С. 140–142. [Ivanova O. E., Degtiareva V. A. Employee motivation as a key direction of the personnel policy of the organization of the healthcare system. *Law, economics, and management: Theory and practice*: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf., Cheboksary, 12 May 2022. Cheboksary: Sreda, 2022, 140–142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31483/r-101433>

5. Бурдастова Ю. В. Проблемы и перспективы управления кадровыми ресурсами здравоохранения. *Здоровье мегаполиса*. 2023. Т. 4. № 3. С. 50–58. [Burdastova Yu. V. Challenges and prospects for health workforce management. *City Healthcare*, 2023, 4(3): 50–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2023.v.4i3;50-58>
6. Куликов Е. С., Альмикеева А. А., Кобякова О. С., Шибалков И. П., Файзулина Н. М., Тюфилин Д. С., Деев И. А., Гарганеева Н. П., Старовойтова Е. А., Загროмова Т. А., Балаганская М. А., Кириллова Н. А. Профилактика факторов риска хронических неинфекционных заболеваний, ассоциированных с трудовой деятельностью, у медицинских работников Томской области. *Профилактическая медицина*. 2021. Т. 24. № 6. С. 37–44. [Kulikov E. S., Almikееva A. A., Kobyakova O. S., Shibalkov I. P., Fayzulina N. M., Tyufilin D. S., Deev I. A., Garganeeva N. P., Starovoytova E. A., Zagromova T. A., Balaganskaya M. A., Kirillova N. A. Prevention of risk factors for chronic non-infectious diseases associated with work activity in health care staff of the Tomsk region. *Russian Journal of Preventive Medicine*, 2021, 24(6): 37–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17116/profmed20212406137>
7. Бодиенкова Г. М., Дыренев В. А. Оценка условий труда медицинских работников в период пандемии. *XXI век. Техносферная безопасность*. 2022. Т. 7. № 2. С. 151–157. [Bodienkova G. M., Dyrenov V. A. Evaluation of labor conditions for medical workers during the pandemic. *XXI century. Technosphere safety*, 2022, 7(2): 151–157. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21285/2500-1582-2022-2-151-157>
8. Максименко Л. В., Яковенко И. А. Избыточная трудовая нагрузка стоматологов как предиктор психоэмоциональной нестабильности. *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 6. [Maksimenko L. V., Yakovenko I. A. Excess labor load of dentists as a predictor of psycho-emotional instability. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2017, (6). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wovzif>
9. Сазонова О. В., Гаврюшин М. Ю., Кувшинова Н. Ю., Острыкова Н. А., Бабанов С. А. Профессиональное выгорание медицинских работников: пандемия COVID-19 как фактор опасного влияния на психическое здоровье. *Наука и инновации в медицине*. 2023. Т. 8. № 1. С. 39–44. [Sazonova O. V., Gavryushin M. Yu., Kuvshinova N. Yu., Ostryakova N. A., Babanov S. A. Professional burnout of medical workers in the era of the COVID-19 pandemic as a risk factor for mental health. *Science & Innovations in Medicine*, 2023, 8(1): 39–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35693/2500-1388-2023-8-1-39-44>
10. Низова Л. М., Кислицына И. Г., Иванова С. И. Зона риска как фактор профессионального выгорания медицинских работников. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2018. Т. 26. № 3. С. 137–140. [Nizova L. M., Kislitsyna I. G., Ivanova S. I. The risk zone as a factor of professional burn-out of medical workers. *The problems of social hygiene, public health and history of medicine*, 2018, 26(3): 137–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytopop>
11. Бабанов С. А., Сазонова О. В., Гаврюшин М. Ю., Острыкова Н. А., Кувшинова Н. Ю. Профессиональный стресс и синдром эмоционального выгорания у медицинских работников в период пандемии COVID-19 (обзор литературы). *Терапевт*. 2022. № 6. С. 18–30. [Babanov S. A., Sazonova O. V., Gavryushin M. Y., Ostryakova N. A., Kuvshinova N. Y. Occupational stress and burnout syndrome in medical workers during the COVID-19 pandemic (literature review). *Terapevt*, 2022, (6): 18–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33920/MED-12-2206-03>
12. Дубина Я. В., Журавлева А. Е. Взаимосвязь эмоционального выгорания и качества жизни у медицинских работников. *Векторы психологии: психолого-педагогическая поддержка личности*, гл. ред. Т. Г. Шатюк, Гомель: ГМУ им. Ф. Скорины, 2023. С. 145–149. [Dubina Ia. V., Zhuravleva A. E. The relationship between emotional burnout and quality of life in medical professionals. *Vektory psikhologii: Psikhologo-pedagogicheskaiia podderzhka lichnosti*, ed. Shatyuk T. G., Gomel: Francisk Skorina Gomel State University, 2023, 18–30. (In Russ.)]
13. Сторожева К. Д., Перевозчикова М. А., Сединина Н. С. Психическое здоровье и качество жизни врачей. *Результаты прикладных и поисковых научных исследований в сфере естествознания и технологий: Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 27 декабря 2019 г.)* Белгород, 2019. С. 38–43. [Storozheva K. D., Perevozchikova M. A., Sedinina N. S. Mental health and quality of life of doctors. *The results of applied and exploratory scientific research in the field of natural science and technology: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Belgorod, 27 Dec 2019*. Belgorod, 2019, 38–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kuguyj>
14. Жеглова А. В., Лапко И. В., Богатырева И. А. Совершенствование системы сохранения здоровья работников социальной сферы. *Здоровье населения и среда обитания*. 2022. Т. 30. № 10. С. 40–47. [Zheglava A. V., Lapko I. V., Bogatyreva I. A. Improving the system of health maintenance in social workers. *Zdorove naseleniya i sreda obitaniya*, 2022, 30(10): 40–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2022-30-10-40-47>

15. Штроо В. А., Кольцова Е. А. Work life balance, или есть ли жизнь после работы? *Психология в экономике и управлении*. 2012. № 2. С. 30–37. [Shtroo V. A., Koltsova E. A. Work life balance, or is there life after work? *Psychology in Economics and Management*, 2012, (2): 30–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfbuzp>
16. Avgoustaki A., Frankort H. T. W. All work intensity is not created equal: Effort motives, job satisfaction and quit intentions at a grocery chain. *British Journal of Industrial Relations*, 2023, 61(4): 869–894. <https://doi.org/10.1111/bjir.12724>
17. Сорокин Г. А., Суслов В. Л., Яковлев Е. В., Фролова Н. М. Профессиональное выгорание врачей: значение интенсивности и качества работы. *Гигиена и санитария*. 2018. Т. 97. № 12. С. 1221–1225. [Sorokin G. A., Suslov V. L., Yakovlev E. V., Frolova N. M. Professional burnout in doctors: The value of the intensity and quality of the work. *Hygiene & Sanitation (Russian Journal)*, 2018, 97(12): 1221–1225. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysjkep>
18. Оганезова Е. В. Особенности регулирования труда медицинских работников. *Синергия Наук*. 2020. № 52. С. 519–525. [Oganezova E. V. Peculiarities of labor regulation of medical workers. *Sinergiia Nauk*, 2020, (52): 519–525. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/killgl>
19. Дозорцев О. Е., Агарычева А. В., Данилина М. В. Особенности систем оплаты труда медицинских работников. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022. Т. 12. № 5-1. С. 347–357. [Dozortsev O. E., Agarycheva A. V., Danilina M. V. Features of the systems of remuneration of medical workers. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 2022, 12(5-1): 347–357. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mocuyx>
20. Романов С. В., Абаева О. П., Хазов М. В. Современные проблемы нормативно-правового регулирования труда медицинских работников по совместительству. *Медицинское право*. 2017. № 1. С. 46–49. [Romanov S. V., Abaeva O. P., Khazov M. V. Current issues of statutory regulation of multiple employment of medical workers. *Meditsinskoe pravo*, 2017, (1): 46–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ximwaj>
21. Репринцева Е. В. Система материального стимулирования персонала как фактор снижения текучести кадров в медицинской организации. *Региональный вестник*. 2019. № 7. С. 42–44. [Reprintseva E. V. The system of financial incentives for personnel as a factor in reducing staff turnover in a medical organization. *Regionalnyi vestnik*, 2019, (7): 42–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lxsniv>
22. Алешина Д. Р. Влияние заработной платы на трудовую мобильность медицинских работников в системе здравоохранения (на примере ГБУЗ РКОД МЗ РБ). *Экономика и предпринимательство*. 2018. № 5. С. 1139–1141. [Aleshina D. R. Influence of wages on the labor mobility of medical workers in the health care system (by the example of the SB RASOD MH RB). *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2018, (5): 1139–1141. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oszgzl>
23. Медведская Ю. В., Таюрский А. И. Неблагоприятные условия труда как один из основополагающих факторов текучести кадров в сфере здравоохранения. *Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики*. 2015. № 6. С. 395–398. [Medvedskaya Yu. V., Tayurskiy A. I. Adverse working conditions as one of the fundamental factors of turnover in health care. *Upravlenie chelovecheskimi resursami – osnova razvitiia innovatsionnoi ekonomiki*, 2015, (6): 395–398. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twqdxl>
24. Макаров С. В., Филатова А. К. Социологическое исследование причин текучести медицинских кадров Иркутской области. *Актуальные вопросы общественного здоровья и здравоохранения на уровне субъекта Российской Федерации: Всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 8 декабря 2021 г.)* Иркутск, 2021. Т. 2. С. 102–105. [Makarov S. V., Filatova A. K. A sociological study of the causes of medical staff turnover in the Irkutsk region. *Current issues of public health and public health at the level of a constituent entity of the Russian Federation: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Irkutsk, 8 Dec 2021. Irkutsk, 2021, vol. 2, 102–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zkmaqrg>
25. Сочкова Л. В., Ким А. В., Шарафутдинова Л. Л., Гурьева Н. А. Особенности формирования системы нормирования труда в медицинских организациях, оказывающих первичную медико-санитарную помощь. *Менеджер здравоохранения*. 2022. № 4. С. 19–30. [Sochkova L. V., Kim A. V., Sharafutdinova L. L., Guryeva N. A. Features of the formation of the labor rationing system in medical organizations providing primary health care. *Manager zdavoohranenia*, 2022, (4): 19–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21045/1811-0185-2022-4-19-30>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/jvxzcu>

Исследование причин и факторов изменения потребительского поведения населения

Московцева Лариса Владимировна

Липецкий филиал РАНХиГС, Россия, Липецк

eLibrary Author SPIN: 6848-3556

<http://orcid.org/0000-0002-3161-6700>

mlvl80@mail.ru

Языкова Светлана Владимировна

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,

Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 7564-5190

<http://orcid.org/0000-0002-2176-470X>

Шапошникова Ирина Владимировна

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,

Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 6500-6705

Орлова Алина Александровна

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,

Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 8393-7190

<http://orcid.org/0000-0002-8649-1247>

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена непрерывным развитием общества и регулярными изменениями потребностей и вкусов индивидов. Этому способствуют как глобальные тенденции, так и персональные трансформации. В период изменений производителям важно находить эффективные способы привлечения и удержания внимания потребителей. Цель – изучить глобальные тенденции, сформировавшие предпосылки для изменения поведения индивидов на потребительском рынке, а также выявить факторы, определившие трансформацию структуры и паттернов потребления россиян в период пандемии. Задачи исследования: 1) анализ глобальных тенденций, определяющих характер изменения потребительского поведения в период, предшествующий пандемии; 2) изучение факторов, влияющих на характер потребления россиян и их потребительские реакции в период пандемии; 3) рассмотрение эволюции паттернов потребительского поведения для определения эффективных инструментов повышения качества удовлетворения потребностей населения. Исследование реализовано с помощью метода анализа информации из открытых источников, индукции и дедукции, экономического анализа, графического и логического методов и системного подхода. В статье были изучены глобальные тенденции, определяющие поведение потребителей в доковидное время. Обосновано, что в периоды нестабильности в экономике, связанные со снижением экономического благополучия и с развитием неопределенности, население переходит к реализации модели *кризисного потребления*, проявившейся и в условиях пандемии соответственно. Выявлено, что тенденция сверхпотребления в острую фазу COVID-19 стала трансформироваться в направлении рационального выбора и ответственного потребления. Цифровые технологии во время пандемии определили новый вектор и паттерны потребительского поведения, изменившегося в рамках развития глобальных тенденций доковидного периода и под влиянием совокупности факторов в ковидное время. Авторами также установлены инструменты повышения качества удовлетворения потребностей населения.

Ключевые слова: потребительское поведение, пандемия, управление потребительским поведением, ответственное потребление, сервисы онлайн-торговли, экономное использование ресурсов, финансовая стабильность

Цитирование: Московцева Л. В., Языкова С. В., Шапошникова И. В., Орлова А. А. Исследование причин и факторов изменения потребительского поведения населения. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 3. С. 433–442. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-433-442>

Поступила 29.05.2024. Принята после рецензирования 16.07.2024. Принята в печать 22.07.2024.

full article

Causes and Factors of Changes in Consumer Behavior

Larisa V. Moskovtseva

Lipetsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Lipetsk

eLibrary Author SPIN: 6848-3556

<http://orcid.org/0000-0002-3161-6700>

mlvl80@mail.ru

Svetlana V. Yazykova

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 7564-5190

<http://orcid.org/0000-0002-2176-470X>

Irina V. Shaposhnikova

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 6500-6705

Alina A. Orlova

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 8393-7190

<http://orcid.org/0000-0002-8649-1247>

Abstract: Public needs and tastes change due to global trends and personal transformations. In time of change, producers look for new ways to attract consumers. The research featured global trends that affect the behavior of Russian consumers, as well as the factors that altered the change in the structure and patterns of Russian consumption market during the pandemic of COVID-19. The authors analyzed global trends in consumer behavior in the period preceding the pandemic and studied the factors that affected the behavior of Russian consumers during the pandemic. They traced the evolution of consumer behavior patterns to identify effective tools that could help the market to meet the needs of the population. The research is relied on information from open sources, processed with the help of standard research methods and economic analysis. Unstable economy, poor economic well-being, and general uncertainty push people to the model of *crisis consumption*, which happened during the pandemic. The overconsumption in the acute phase of COVID-19 gradually gave way to rational choice and responsible consumption. Digital technologies that thrived during the pandemic shaped a new vector and patterns of consumer behavior that developed as part of pre-COVID global trends and during the pandemic. The article also describes tools that are able to improve the quality of public consumption.

Keywords: consumer behavior, pandemic, consumer behavior management, responsible consumption, online trading services, economical use of resources, financial stability

Citation: Moskovtseva L. V., Yazykova S. V., Shaposhnikova I. V., Orlova A. A. Causes and Factors of Changes in Consumer Behavior. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 433–442. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-433-442>

Received 29 May 2024. Accepted after review 16 Jul 2024. Accepted for publication 22 Jul 2024.

Введение

Пандемия – значимое событие в жизнедеятельности общества. Она, с одной стороны, подчеркнула имеющиеся противоречия развития, усугубив тем самым существующие структурные диспропорции национального хозяйства и возможности обеспечения экономического роста, проблемы социальной напряженности, усиления неравенства, и создала условия для окончательного ухода с рынка нерентабельных предприятий и исчезновения неконкурентоспособных видов деятельности. Это стало показателем необходимости структурных изменений в различных секторах экономики [1; 2].

Вместе с тем пандемия поставила перед выбором все субъекты экономических отношений: оставить все как есть, тем самым утратить ранее существовавшее благополучие, либо начать быстро

адаптироваться к новым условиям (стать гибкими и отчасти креативными). Для того чтобы обеспечить высокий уровень адаптивности субъектов экономической деятельности к изменяющимся условиям, необходимо сформировать понимание, какие тенденции глобального развития влияют на потребительское поведение, в каком направлении эволюционируют модели поведения потребителей. В этом случае проще определить акценты, которые в своей деятельности могут расставить экономические субъекты, чтобы упрочить присутствие на рынке и заслужить доверие потребителя.

Таким образом, целью проводимого исследования является изучение глобальных тенденций, сформировавших предпосылки для изменения поведения индивидов на потребительском рынке,

а также выявление факторов, определивших изменение структуры и паттернов потребления россиян в период пандемии.

Задачи исследования: 1) анализ глобальных тенденций, определяющих характер изменения потребительского поведения в период, предшествующий пандемии; 2) изучение факторов, влияющих на характер потребления россиян и их потребительские реакции в период пандемии; 3) рассмотрение эволюции паттернов потребительского поведения для определения эффективных инструментов повышения качества удовлетворения потребностей населения.

В фокус исследовательского внимания попадают паттерны потребительского поведения, т.е. шаблоны, повторяющиеся схемы, по которым действуют потребители при принятии решений или совершении покупок. Паттерны потребительского поведения трансформируются под влиянием факторов различной природы (экономические, социальные, культурные, психологические и др.). Изучение происходящих изменений важно для прогнозирования поведенческих реакций потребителей, имеющих благоприятные или опасные для общества и его развития последствия. Ученые касательно факторов, определяющих трансформацию паттернов потребительского поведения, отмечают:

1. На разных этапах социально-экономического развития общества детерминирующая роль тех или иных факторов может изменяться [2–4]. Например, Н. Ф. Солдатов акцентирует внимание на превалировании факторов (социализация мегатерриторий (Крым и Юго-Восточная Украина); экономический кризис вследствие пандемии коронавируса; экономическое давление Евросоюза на экономику России), которые неблагоприятным образом влияют на финансовую модель поведения россиян и, соответственно, трансформируют российский рынок потребительских товаров и услуг [4].

2. Цифровизация – ключевой фактор, влияющий на поведение потребителей [5–9]. Исследователи описывают, каким образом цифровые технологии изменяют процессы принятия потребителем решения о покупке товара, услуги, представляют способы и модели взаимодействия потребителя и производителя и объясняют, как доверие становится базовым условием формирования долгосрочных отношений между ними.

3. Факторами, определяющими изменение паттернов потребительского поведения на современном этапе, являются: интенсификация цифрового развития [10], изменение ценностных ориентиров населения [11], снижение благосостояния населения [12], рост уровня неопределенности [13].

Исследование факторов и причин изменений паттернов потребительского поведения важно для предприятий, которые планируют расширяться и укреплять свои позиции на рынке, и их перспективного развития [1; 14; 15]. Так, регулярное отслеживание изменений в предпочтениях и возможностях потребителей позволяет предприятиям повышать качество взаимодействия с покупателями и адаптировать свои производственные возможности под изменения.

Методы и материалы

Собранная информация о потребительских предпочтениях различных групп населения РФ была систематизирована благодаря методам анализа информации из открытых источников, индукции и дедукции. С помощью метода экономического анализа выявлены устойчивые закономерности развития процессов и явлений. Графический метод применен для визуального представления выявленных закономерностей. Логический метод и системный подход заложены в основу построения рекомендаций для предприятий о применении эффективных инструментов управления поведением потребителей. Информационная база исследования представлена официальными материалами Федеральной службы государственной статистики РФ.

Результаты

Дж. Шет систематизировал ключевые факторы характера потребительского поведения в современных условиях: социальные факторы (в том числе социальный статус, семейное положение, социально-культурное окружение); технологические факторы (влияние научно-технического прогресса и цифровых технологий на привычки и модели поведения потребителей); нормативы социального поведения, принятые в конкретной социально-экономической группе (правила поведения в общественных местах, поощрение потребления социально полезных продуктов и услуг, обязательное медицинское страхование и т.д.); непредвиденные обстоятельства (в том числе стихийные бедствия, эпидемии, иные обстоятельства случайного характера) [16].

Характер потребительского поведения детерминирован и финансово-экономическими факторами, определяющими объективные характеристики конкретной ситуации потребления, ограничивающими проявления потребительских предпочтений, и нормами экономической культуры [17]. Выделенные факторы проявились в рамках глобальных тенденций, определивших характер изменений потребительского поведения в период, предшествующий

пандемии. Речь идет о финансово-экономических кризисах в мировой и национальных экономиках, возникающих с определенной периодичностью (азиатский кризис 1997 г., пузырь доткомов США 2000–2002 гг., энергетический кризис 2000-х гг., финансовый кризис 2007–2008 гг., европейский долговой кризис 2009–2019 гг., финансовый кризис в России 2014–2016 гг. и т.д.). В результате развития кризисных явлений в экономике корректировались модели потребительского поведения [18]. Например, Г. О. Хугаев отмечает, что в период экономической нестабильности проявляется дуалистичность поведения потребителей: с одной стороны, население выбирает стратегию сокращения потребительских расходов, с другой – у некоторых групп населения происходит переориентация на текущее потребление из-за опасений потери сбережений [19]. Объясняется данное явление с позиции поведенческой экономики и особенностями развития потребительского страха в периоды шока [20; 21].

Еще одной глобальной тенденцией развития современного общества является склонность к чрезмерному (сверх) потреблению. Люди хотят покупать больше, не задумываясь о практическом использовании приобретаемых товаров и не оценивая экологических последствий (отходов, загрязнения окружающей среды и т.д.). При реализации такой модели потребления происходит снижение ценности товаров / услуг и сокращение уровня удовлетворенности покупателей приобретаемыми продуктами, что в дальнейшем приводит к неосознаванию собственных желаний и способов их исполнения.

Важная тенденция, получившая развитие в глобальной экономике, – цифровизация и повсеместное внедрение цифровых технологий. Их влияние коренным образом изменило модели потребительского поведения: процесс приобретения товаров и услуг стал проще и быстрее в силу перехода в онлайн-формат; потребитель стал принимать решение о покупке в соответствии с мнением других потребителей на цифровых платформах; благодаря интенсивному развитию сектора онлайн-продаж расширились возможности потребительского выбора [7; 21].

Таким образом, к моменту начала пандемии была реализована модель сверхпотребления, и в условиях периодически возникающих кризисов и цифровизации потребительское поведение подвергалось регулярным трансформациям.

Временная приостановка деловой активности, ограничительные меры для населения и организаций в период распространения COVID-19, а также постепенное ускорение продовольственной инфляции привели к снижению денежных доходов населения и их покупательной способности. В 2020 г. они уменьшились на 2,8 % по сравнению с предыдущим годом¹, и, соответственно, произошло сокращение денежных расходов. Если проанализировать их структуру в 2019–2020 гг., то можно заметить ее существенное изменение (рис. 1²).

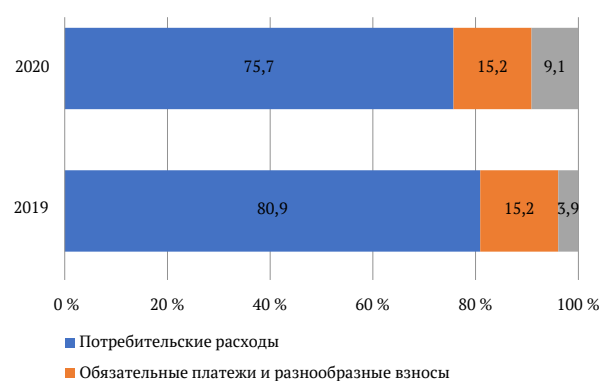

Рис. 1. Структура денежных расходов населения, 2019–2020 гг.
Fig. 1. Public monetary expenditures, 2019–2020

В 2020 г. на 6,4 % сократились потребительские расходы населения, в 2,3 раза увеличились прочие расходы. Доля обязательных платежей и взносов осталась неизменной. Предположение о том, что в период экономической нестабильности население начинает больше копить, опасаясь развития кризиса в будущем, находит подтверждение: в 2020 г. сбережения людей выросли на 133 % и достигли 9,1 % в структуре расходов (для сравнения: в 2019 г. они составляли 3,9 %).

Изменение потребительского поведения в этот период происходило в следующих аспектах [4]:

1. В 2020 г. с началом пандемии произошло сокращение оборота розничной торговли (–5,0 % по сравнению с 2019 г., в том числе –3,3 % – по продовольственным товарам и –6,5 % – по непродовольственным товарам). Еще более выраженным стало сокращение объема платных услуг населению (–16,0 % относительно предыдущего года), прежде всего, за счет сфер, «заблокированных» в период

¹ Денежные доходы населения и их покупательная способность в 2020 г. снизились. Что произошло с потреблением населения? *Высшая школа экономики*. 03.12.2021. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/536488680.pdf> (дата обращения: 12.05.2024).

² Уровень жизни. Доходы, расходы и сбережения населения. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397#> (дата обращения: 12.05.2024).

локдауна: туристские услуги, авиаперевозки, деятельность в области культуры, гостиничный бизнес, общественное питание³ (рис. 2⁴).

Вынужденное изменение структуры потребления и привычных моделей приобретения товаров и услуг способствовало усилению еще одной тенденции в потребительском поведении населения России – росту спроса потребителей на услуги доставки (+27 % в 2020 г. по сравнению с 2019 г.⁵). Данная тенденция наиболее ярко проявилась в сфере доставки продуктов питания, в том числе готовой еды и полуфабрикатов. В ответ на запрос потребителей крупные торговые сети стали интенсивно развивать сервисы по предоставлению этой услуги и производству готовых к употреблению блюд с учетом требований санитарной безопасности. Благодаря этому в 2020 г., несмотря на общее сокращение оборота розничной торговли, продажи продуктов питания и готовой еды в крупных супермаркетах выросли [22]. Таким образом, у потребителей в период пандемии закрепилась устойчивая привычка использования сервисов доставки товаров и услуг.

2. Снижение уровня благосостояния населения с началом пандемии, а также нарастание страхов относительно финансового благополучия в будущем привели к переоценке восприятия потребителем ценности товара. Наметился сдвиг в предпочтении товаров низкого ценового сегмента. По оценке Nielsen, для 47 % FMCG-категорий (*Fast Moving Consumer Goods* – товары повседневного спроса)

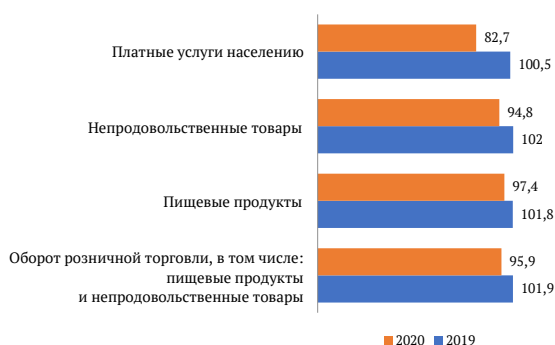

Рис. 2. Оборот розничной торговли и индекс физического объема платных услуг населению, 2019–2020 гг., %
Fig. 2. Retail trade turnover vs. index of physical paid services to population in 2019–2020, %

его значимость в структуре рынка выросла. Появляются новые способы экономии. При этом данная тенденция идет в двух направлениях: 1) со стороны товаропроизводителей, которые стремятся удовлетворить изменившийся спрос населения в части снижения / удержания стоимости товаров (за счет экономии на упаковке, сокращения объема продукции); 2) со стороны потребителей, которые стали переключаться на более дешевые товары-заменители, следить за промоакциями и скидками, искать выгодные ценовые предложения, сокращать количество потребляемых продуктов, осознанно делая выбор в пользу самых необходимых⁶.

Те группы населения, которые ранее отдавали предпочтение продукции определенных брендов, но в период пандемии столкнулись с финансовыми трудностями, были вынуждены трансформировать свои потребительские привычки и отказаться от взаимодействия с традиционными брендами. Таким образом, переоценка ценности товара под влиянием снижения уровня благосостояния населения в период пандемии сделала экономное использование ресурсов ключевым принципом, определяющим характер потребительского поведения.

3. Стремление населения рационально и экономно совершать покупки привело к использованию цифровых торговых площадок. Сервисы онлайн-торговли начали предлагать более широкий ассортимент товаров и услуг, чем предприятия розничной торговли, вместе с тем они проводили акции, предлагали скидки, а также обеспечивали санитарные требования и безопасность транспортировки (доставка до двери). В целом удобство таких сервисов, простота проведения транзакций, оперативность доставки товаров и услуг до потребителя (в 2020 г. получила ускоренное развитие логистическая инфраструктура) сформировали у населения устойчивую привычку приобретения широкого спектра товаров и услуг в сети Интернет. Кроме того, совершая покупки в онлайн-магазинах, потребитель сначала изучает отзывы покупателей, сравнивает товарные характеристики с аналогами других производителей, имеет возможность воспользоваться предложениями кредитных организаций-партнеров о рассрочках платежа, производить оплату в онлайн-режиме,

³ Индекс физического объема оборота розничной торговли (с 2000 г.). *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnaya-torgovlya> (дата обращения: 12.05.2024).

⁴ Сост. по: Индекс физического объема платных услуг населению (в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году) с 2017 г. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/uslugi> (дата обращения: 12.05.2024).

⁵ «Такском» рассказал, как изменился спрос на доставку еды в период пандемии. *Ридус*. 13.05.2020. URL: <https://www.ridus.ru/takskom-rasskazal-kak-izmenilsya-spros-na-dostavku-edy-v-period-pandemii-327048.html> (дата обращения: 09.05.2024).

⁶ Исследование: россияне стали отдавать предпочтение товарам низкого ценового сегмента. *TACC*. 16.06.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8731777> (дата обращения: 12.05.2024).

а также использовать функцию возврата товара. Благодаря множеству преимуществ онлайн-торговли ее объем в 2020 г. в России вырос на 26 %, достигнув 3,7 трлн руб., и продолжил свой рост на этапе выхода из острой фазы пандемии⁷.

4. COVID-19 способствовал укреплению еще одного тренда в потребительском поведении, связанного со стремлением населения к монетизации собственных талантов, в том числе в онлайн-формате, с целью расширения возможностей заработка и поддержания финансовой стабильности в условиях кризиса. Иными словами, сформировалась целая прослойка людей, перешедших из категории потребителей в категорию производителей, которые лучше осознают потребительскую ценность продукции и способны более гибко подходить к ценовой политике в работе с заказчиками. Кроме того, с началом пандемии наблюдался рост спроса на товары ручной работы и их отдельные компоненты, уникальную продукцию и товары, выполненные по индивидуальному заказу, что способствовало расширению возможностей населения в реализации своих талантов, занятию новых рыночных ниш и увеличению продаж продуктов нового свойства⁸.

Развитие указанных тенденций совпало с расширением эксперимента по введению налога на профессиональный доход на все регионы России. Так, в июле 2020 г. самозанятость стала одной из наиболее распространенных форм реализации предпринимательских инициатив населения РФ в связи с удобством и простотой регистрации, организацией налогового учета через онлайн-приложение, низкими ставками по налогу на профессиональный доход (при оказании услуг физическим лицам – 4 %, юридическим лицам – 6 %), широким спектром разрешенных видов деятельности⁹.

В результате численность самозанятых в России увеличилась с 500 тыс. человек в марте 2020 г.

до 2 млн человек в марте 2021 г. и достигла 7 млн человек к марту 2023 г.¹⁰, что можно констатировать как новый устойчивый тренд.

По данным Счетной палаты РФ, к 2023 г. данный налоговый режим стал использоваться населением России для реализации широкого круга видов деятельности, включая недвижимость (13 %), транспортные услуги (11 %), услуги в сфере красоты (9 %), консалтинг и образовательные услуги (8 %), цифровые услуги (7,7 %), а также бытовые услуги, ремонт DIY (*Do It Yourself* – сделай сам)¹¹.

В Минэкономразвития отмечают, что набирают обороты услуги самозанятого населения, связанные с обслуживанием животных (включая кинологию, груминг, вакцинацию), социально важные услуги, в том числе социальная помощь, переработка отходов, услуги мастеров, ремесленников и специалистов в сфере креативных индустрий¹².

5. Заданный пандемией тренд рациональности и экономии в потребительском поведении находит продолжение в Повестке дня¹³ в области устойчивого развития (одной из целей которой является ответственное потребление / рациональное использование) [11]. В данном аспекте речь идет прежде всего о переосмыслении населением в период пандемии ценности жизни и здоровья, а также вещей, которые обеспечивают их поддержание (в частности, экологическое благополучие). В 2020 г. новый виток развития получили инициативы, связанные с сокращением пищевых отходов, повторным использованием товаров и упаковки [23]. Из-за роста значимости вопросов здоровья прослеживается тенденция ведения здорового образа жизни населения, его предпочтения отдаются в пользу экологически чистой продукции без химических добавок [24], и внимание заостряется на способах производства продуктов и их экологическом следе¹⁴. Соответственно, вырос спрос потребителей на экоинновации (экологичные

⁷ Как изменился объем и структура рынка в российском e-commerce в 2020 году. Аналитика РБК. *Оборот.ру*. 04.03.2021. URL: <https://oborot.ru/articles/kak-izmenilsya-obem-i-struktura-rynka-v-rossijskom-e-commerce-9-i131448.html> (дата обращения: 09.05.2024).

⁸ Татьяна Илюшникова: Господдержка помогает самозанятым масштабировать бизнес. *Минэкономразвития РФ*. 06.12.2023. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_gospodderzhka_pomogaet_samozanyatym_masshtabirovat_biznes.html (дата обращения: 09.05.2024).

⁹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики проведения эксперимента по внедрению налога на профессиональный доход». *Счетная палата РФ*. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/8a8/8a81af65e339601a99046d58a3540a69.pdf> (дата обращения: 09.05.2024).

¹⁰ Статистика. *Самозанятость в РФ. Защита прав самозанятых*. URL: <https://sznpd.ru/statistika/> (дата обращения: 09.05.2024).

¹¹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия...; Кому из самозанятых помогла пандемия и как способствовала росту сегмента. *РБК*. 24.09.2020. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f6b67497a8aa98add1103a6> (дата обращения: 09.05.2024).

¹² Татьяна Илюшникова: Господдержка помогает самозанятым масштабировать бизнес...

¹³ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25.09.2015. *ООН*. 21.10.2015. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/2030_Agenda_ru.pdf (дата обращения: 09.05.2024).

¹⁴ Тренды потребления россиянами продуктов питания. Часть 1: Контекст. *Sealed Air блог*. 16.06.2023. URL: <https://силдэйр.рф/blog/trpost/c6x8dczho1-trendi-potrebleniya-rossiyanami-produkto> (дата обращения: 22.05.2024).

материалы, экологичную упаковку, повторное использование и переработку продуктов), что заставило производителей корректировать свои производственные стратегии в соответствии с изменившимися предпочтениями потребителей.

Таким образом, глобальная тенденция сверхпотребления в период пандемии носила затухающий характер. Потребление населения стало еще более адаптивным в кризисных условиях. Цифровизация определила новый вектор потребительского поведения, прочно закрепившийся в процессах жизнедеятельности людей и на этапе постковидного восстановления. Усилились существовавшие ранее тенденции рационального выбора и ответственного потребления. Выявленные изменения могут стать отправной точкой для предприятий при определении вектора работы с потребительской аудиторией и реализации стратегии развития, конечной целью которой является повышение качества удовлетворения потребностей населения.

Учитывая произошедшие в период пандемии изменения потребительского поведения, наиболее актуальными направлениями развития предприятий в контексте его управления являются:

1. Проведение регулярных исследований целевой аудитории, выявление паттернов потребительского поведения, а также их изменений с использованием цифровых инструментов (сбор статистических данных, проведение онлайн-опросов, в том числе с использованием метода Customer Development). В международном формате наиболее информативны такие статистические сервисы, как Euromonitor International, Statista, Nafi, Worldbank, OECD. В проведении онлайн-опросов доказывают свою эффективность Google Forms, Facebook Poll. Сервисы SMM (*Social Media Marketing* – маркетинг в социальных сетях), так же как и Google Analytics, имеют встроенные аналитические агрегаторы, позволяющие отслеживать изменение состава и качества целевой аудитории. Грамотно выстроенная стратегия ведения SMM позволяет предприятиям получать регулярную обратную связь от потребителя.

2. Совместное создание ценности продукта. Основу данной стратегической линии составляют исследования, в которых показано, что изменения восприятия продукта потребителем влекут за собой преобразования самого продукта как носителя потребности [25; 26]. Другими словами, вовлечение потребителя в процесс создания продукта (через формы обратной связи, рекомендации, совместную апробацию и т.д.) расширяет возможности товара удовлетворять только определенную потребность потребителя [27]. В процессе совместного создания товар становится

интегральной частью услуги, которая способна вывести полезность самого товара на новый уровень восприятия покупателем. То есть сам производимый продукт концептуально может не изменяться, при этом спектр сопутствующих услуг (доставки, упаковки, экономии времени на поиск, последующей утилизации и т.д.), требуемых потребителю, расширяется и делает сам товар более полезным для него. Примеры такого взаимодействия покупателя и производителя: организация сервисов доставки еды, приобретения и утилизации бытовой техники, продажи мобильных телефонов и оказания услуг операторов сотовой связи. С учетом «пандемической» моды на уникальные продукты данный подход может значительно ускорить формирование брендов новых производителей и обеспечить им конкурентные преимущества при выходе на рынок, способствовать упрочнению положения действующих производителей в новом амплуа.

3. Формирование доверия потребителей как условие долгосрочного эффективного взаимодействия и укрепления предприятия на рынке. Данное направление включает реализацию двух ключевых принципов взаимодействия производителя и потребителя – прозрачность и диалог. Прозрачность предполагает выстраивание такой модели взаимодействия, в которой отсутствует информационная асимметрия: предприятие открыто информирует потребителей о своих планах, новостях, опасениях, финансовом состоянии, ценовой политике и т.д. В данном случае наиболее приемлемым способом получения обратной связи на указанную открытость является выстраивание диалога с потребителями. Это может быть онлайн-диалог, но более эффективным является проведение мероприятий для «своих», специализированных акций, дней предприятия, конкурсов на выявление наиболее активного потребителя, теплых семейных праздников, предполагающих тесное общение потребителей и представителей предприятия и снятие возможных психологических напряжений в контексте данного взаимодействия.

4. Использование креативного подхода к управлению потребительским поведением на основе психологических методов. Это важная составляющая успеха современного предприятия – понимать особенности психологического состояния клиентов. Например, в период пандемии создавалось пространство социального вакуума вследствие санитарного дистанцирования. Людям стало жизненно необходимо общение, человеческое понимание, забота и внимание, поддержка в условиях стресса из-за неопределенности будущего. Понимание особенностей нового состояния потребителей, их потребностей подтолкнуло многие предприятия

к усилению общения с покупателями, проведению специализированных мероприятий (например «продажа тайных посылок»), способных вызвать улыбку, удивить, организовать хорошую атмосферу, вдохновить людей и создать интригу (что переключает внимание человека и снижает его психологическую напряженность), а также – к использованию элементов геймификации, всегда положительно влияющих на людей и мысленно возвращающих их к детским воспоминаниям.

Заключение

В проведенном исследовании были изучены глобальные тенденции, сформировавшие предпосылки для изменения поведения потребителей. Периоды нестабильности и развития кризисов в экономике в последнее время стали более частыми явлениями, они напрямую воздействуют на реализуемые модели потребительского поведения, заставляя население экономить и сокращать потребительские расходы, что обусловлено особенностями развития потребительского страха. В то же время регулярные кризисы формируют более высокий уровень адаптивности населения и своеобразную привычку *кризисного потребления*, что и проявилось в условиях пандемии.

Тенденция сверхпотребления, которая была распространена в доковидное время, в период острой фазы пандемии стала еще больше трансформироваться в направлении рационального выбора и ответственного потребления. Этому способствовало изменение структуры потребления, переосмысление жизненных ценностей потребителей и, как следствие, переоценка ценностей потребляемых ими товаров и услуг.

Цифровизация, получившая распространение в доковидный период, во время пандемии усилилась, тем самым закрепив потребительское поведение в цифровом формате. Появились новые онлайн-способы взаимодействия производителей и потребителей, получения обратной связи, расширился спектр услуг, предоставляемых с помощью

цифровых сервисов. Модели потребительского поведения, основанные на использовании цифровых технологий, прочно закрепились в жизнедеятельности людей и продолжили свое развитие на этапе постковидного восстановления.

Итак, в рамках развития глобальных тенденций потребительского поведения доковидного периода и под влиянием совокупности факторов, актуализировавшихся в период пандемии, населению России стали свойственны следующие паттерны потребительского поведения:

- 1) использование сервисов доставки товаров и услуг на постоянной основе;
- 2) принцип экономного использования ресурсов;
- 3) приобретение товаров и услуг в сети Интернет;
- 4) использование возможностей монетизации собственных талантов для поддержания финансовой стабильности;
- 5) реализация принципов ответственного потребления в части достижения целей устойчивого развития.

Проведенное исследование позволило авторам определить инструменты повышения качества удовлетворения потребностей населения, которые могут быть внедрены предприятиями в рамках реализации стратегий их перспективного развития и адаптации к изменениям.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Gukasyan Z. O., Tavbulatova Z. K., Aksenova Z. A., Gasanova N. M., Karpunina E. K. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the COVID-19 pandemic. *Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2022, 639–645. https://doi.org/10.1007/978-3-030-90324-4_102
2. Karpunina E. K., Ruzhanskaya N. V., Podorova-Anikina O. N., Zubareva N. N., Luchaninov R. S. Transformation of consumer behavior during the COVID-19 pandemic. *Geo-economy of the future: Sustainable agriculture and alternative energy*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2022, 85–96. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_10
3. Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: Вильямс, 2007. 646 с. [Kotler Ph. *Principles of marketing*. Moscow: Williams, 2007, 646. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrwcnt>

4. Солдатова Н. Ф. Классификация факторов влияния на потребительское поведение в новых экономических условиях. *Экономика, предпринимательство и право*. 2022. Т. 12. № 4. С. 1393–1404. [Soldatova N. F. Classification of factors influencing consumer behavior in new economic conditions. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2022, 12(4): 1393–1404. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/epp.12.4.114411>
5. Ивинская Е. Ю., Абдрахманова Д. Р. Взаимосвязь технологических и организационных инноваций в условиях цифровой трансформации экономики. *Вопросы инновационной экономики*. 2021. Т. 11. № 2. С. 431–442. [Ivinskaya E. Yu., Abdrakhmanova D. R. The relationship between technological and organizational innovations amidst digital transformation of the economy. *Russian Journal of Innovation Economics*, 2021, 11(2): 431–442. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112040>
6. Инновационное развитие экономических систем в условиях цифровизации, ред. Веселовский М. Я., Хорошавина Н. С. М.: Мир науки, 2021. 291 с. [*Innovative development of economic systems in the context of digitalization*, eds. Veselovskii M. Ia., Khoroshavina N. S. Moscow: Mir nauki, 2021, 291. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cnjvtd>
7. Podorova-Anikina O. N., Karpunina E. K., Gukasyan Z. O., Nazarchuk N. P., Perekatieva T. A. E-commerce market: Intensification of development during the pandemic. *Imitation market modeling in digital economy: Game theoretic approaches*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 8 Jul 2021. Cham: Springer, 2022, vol. 368, 363–373. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_40
8. Карпунин К. Д., Карпунина А. Д. Новые тренды потребительского поведения в период пандемии. *Взгляд молодых ученых на подходы и алгоритмы управления пространственным развитием для повышения устойчивости, инновационности и конкурентоспособности экономики регионов*, ред. В. В. Окрепилова, А. Д. Шматко. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 89–98. [Karpunin K. D., Karpunina A. D. New trends in consumer behavior during the pandemic. *Approaches and algorithms for managing spatial development as means of increasing sustainability, innovation, and competitiveness of regional economy as seen by young scientists*, eds. Okrepilova V. V., Shmatko A. D. St. Petersburg: Skifia-print, 2022, 89–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.48542/mold/2022/karpunin.89-98>
9. Пашке В. С., Яковлев А. В., Акименко В. А. Менеджерские технологии адаптации предприятий в условиях пандемии. *Вестник ТвГУ. Серия: Экономика и управление*. 2022. № 1. С. 49–64. [Pashke V. S., Yakovlev A. V., Akimenko V. A. Managerial technologies of adaptation of enterprises in the conditions of a pandemic. *Vestnik TvGU. Seria: Ekonomika i upravlenie*, 2022, (1): 49–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26456/2219-1453/2022.1.049-064>
10. Плюснина О. В. Возможности цифровых технологий в восстановлении экономики в постковидной реальности. *Вестник ТвГУ. Серия: Экономика и управление*. 2023. № 1. С. 15–25. [Plyusnina O. V. Digital technology potential of economic recovery in post-COVID reality. *Vestnik TvGU. Seria: Ekonomika i upravlenie*, 2023, (1): 15–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26456/2219-1453/2022.4.015-025>
11. Московцева Л. В., Головлева И. В., Усанов А. Ю., Корякина Т. В. Устойчивое развитие России и регионов в условиях пандемии. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 1. С. 129–141. [Moskovtseva L. V., Golovleva I. V., Usanov A. Yu., Koryakina T. V. Sustainable development of Russia and its regions during the pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 129–141. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-129-141>
12. Kuzmenko N. I., Lapushinskaya G. K., Lisova E. V., Tleptserukov M. A., Karpunina E. K. Russian regions: Assessment of factors of growth in the living standard and well-being of the population. *Geo-economy of the future: Sustainable agriculture and alternative energy*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2022, 619–639. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_66
13. Региональные хозяйственные системы и риски современности, ред. Б. О. Хашир. М.: Русайнс, 2023. 256 с. [*Regional economic systems and current risks*, ed. Khashir B. O. Moscow: Ruscience, 2023, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hwayuv>
14. Алехина О. Ф., Артюшкова А. Ю., Корякина Т. В., Иода Ю. В. Новые векторы и ограничения в развитии предпринимательских структур в новых экономических реалиях. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2023. Т. 13. № 1. С. 102–115. [Alekhina O. F., Artyushkova A. Yu., Koryakina T. V., Ioda Yu. V. New vectors and limitations in the development of entrepreneurial structures in the new economic realities. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2023, 13(1): 102–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rsvxf>

15. Galieva G. F., Mirgorod E. E., Alekhina O. F., Khashir B. O., Beilina A. F. Anti-crisis technologies for improving the efficiency of the organization's personnel management. *Towards an Increased Security: Green innovations, intellectual property protection and information security*, eds. Popkova E. G., Polukhin A. A., Ragulina J. V. Cham: Springer, 2022, vol. 372, 887–896. https://doi.org/https://doi.org/10.1007/978-3-030-93155-1_95
16. Sheth J. Impact of COVID-19 on consumer behavior: Will the old habits return or die? *Journal of Business Research*, 2020, 117: 280–283. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.05.059>
17. Жуковская И. Ф. Российский ритейл в период пандемии COVID-19: ускорение цифровизации. *Экономика, предпринимательство и право*. 2022. Т. 12. № 1. С. 267–286. [Zhuckovskaya I. F. Russian retail during the COVID-19 pandemic: Accelerating digitalization. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2022, 12(1): 267–286. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/epp.12.1.114103>
18. Коновалова М. Е., Усанов А. Ю., Труфанова С. А., Родин А. Ю. Структурный анализ причин и последствий глобальных кризисов (на примере стран G7). *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 4. С. 10–24. [Konovalova M. E., Usanov A. Yu., Trufanova S. A., Rodin A. Yu. Structural analysis of the causes and consequences of global crises (using the example of G7 countries). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(4): 10–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mgcnef>
19. Хугаев Г. О. Потребительское поведение в условиях экономического кризиса. *Социология*. 2017. № 2. С. 70–73. [Khugaev G. O. Consumer behavior during economic crisis. *Sotsiologiya*, 2017, (2): 70–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxluhb>
20. Яньшина И. В. Психологические особенности потребления в период экономических кризисов. *Мир педагогики и психологии*. 2023. № 5. С. 331–337. [Yanshina I. V. Consumption psychology during economic crises. *Mir pedagogiki i psikhologii*, 2023, (5): 331–337. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqcvsf>
21. Карпунина Е. К., Губернаторова Н. Н., Соболевская Т. Г. Эффекты пандемии COVID-19: новые паттерны потребительского поведения. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2022. № 1. С. 63–76. [Karpunina E. K., Gubernatorova N. N., Sobolevskaya T. G. Effects of the COVID-19 pandemic: New patterns of consumer behavior. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 2022, (1): 63–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iyhzbo>
22. Бурдяк А. Я. Потребление товаров и услуг в 2020 г.: пандемическая модель. *Экономическое развитие России*. 2021. Т. 28. № 2. С. 65–68. [Burdyak A. Ya. Consumption of goods and services in 2020: The pandemic model. *Russian Economic Developments*, 2021, 28(2): 65–68 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tmysyd>
23. Хашир Б. О., Яковлева Е. А., Лубова Т. Н., Адлина Т. В. Социально-экономическое благополучие человека в условиях воздействия экологических угроз. *Вестник Сургутского государственного университета*. 2023. Т. 11. № 3. С. 82–95. [Khashir B. O., Yakovleva E. A., Lubova T. N., Adlina T. V. Social and economic well-being under the influence of environmental threats. *Surgut State University Journal*, 2023, 11(3): 82–95. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-3-82-95>
24. Averina O. I., Gridnev Yu. V., Lavrikova N. I., Smirnova E. V., Karpunina E. K. Sustainable development during the COVID-19 pandemic: Opportunities for ecological innovation in Russian regions. *Innovation management and information technology impact on global economy in the era of pandemic*: Proc. 37th IBIMA Conf., Cordoba, 1–2 Apr 2021. Cordoba: IBIMA, 2021, 1118–1129.
25. Prahalad C. K., Ramaswamy V. Co-creating unique value with customers. *Strategy & Leadership*, 2004, 32(3): 4–9. <https://doi.org/10.1108/10878570410699249>
26. Prahalad C. K., Ramaswamy V. Co-creation experiences: The next practice in value creation. *Journal of Interactive Marketing*, 2004, 18(3): 5–14. <https://doi.org/10.1002/dir.20015>
27. Борисов А. Б. Модели интеграции потребителей в процесс совместного создания ценности. *Креативная экономика*. 2021. Т. 15. № 9. С. 3475–3490. [Borisov A. B. Models for integrating consumers into the process of joint value creation. *Journal of Creative Economy*, 2021, 15(9): 3475–3490. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ce.15.9.113500>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/eevtyj>

Повышение ВРП экономики Иркутской области на основе роста уровня энергетической эффективности регионального промышленного комплекса

Дзюба Анатолий Петрович

Уральский федеральный университет им. первого Президента

России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

eLibrary Author SPIN: 1528-8220

<https://orcid.org/0000-0001-6319-1316>

dzyuba-a@yandex.ru

Конопелько Дмитрий Викторович

Южно-Уральский государственный университет,

Россия, Челябинск

<https://orcid.org/0000-0002-3104-0094>

Аннотация: Среди важнейших показателей уровня экономической эффективности субъектов Российской Федерации выступает уровень энергетической эффективности потребления топливно-энергетических ресурсов региональной экономикой. В статье проводится эмпирическое исследование показателей потребления электроэнергии, ВРП и душевого потребления электроэнергии в регионах России за 2021 г., подчеркивающих высокую роль экономики Иркутской области в формировании государственного энергетического баланса и в экономике страны. Построенная авторами карта электроемкости ВРП в регионах России показала, что уровень энергетической эффективности Иркутской области, несмотря на то что данный регион является одним из крупнейших потребителей электроэнергии в России, существенно отстает от большинства регионов страны. Как следствие, выявляется необходимость совершенствования теоретической базы в области повышения энергоэффективности, что и определяет актуальность статьи. Цель работы – выполнить оценку прироста экономических показателей Иркутской области в условиях выравнивания уровня энергетической эффективности региона до среднероссийских показателей. Основными методами стали методы статистических исследований и экспертных оценок, моделирования, прогнозирования. При анализе уровня электроемкости ВРП по видам экономической деятельности в федеральных округах России и регионах Сибирского федерального округа выявлено, что основные проблемы низкой электроемкости ВРП региона связаны именно с промышленным сектором, который использует основную часть потребляемой электроэнергии и дает значительную долю регионального ВРП. Представлены результаты моделирования изменения объемов ВРП Иркутской области (проведенного в 2 этапа) при повышении уровня энергетической эффективности в секторе промышленного электропотребления региона. В нем установлен рост ВРП на 57 % (с 1268 млрд руб. до 2000 млрд руб.), основанием которого стало увеличение ВРП промышленным сектором Иркутской области (с 494 млрд руб. до 1226 млрд руб.).

Ключевые слова: энергетическая эффективность, электроемкость ВРП, региональный ВРП, цены на электроэнергию, потребление электроэнергии, экономика промышленности, Сибирский федеральный округ, Иркутская область

Цитирование: Дзюба А. П., Конопелько Д. В. Повышение ВРП экономики Иркутской области на основе роста уровня энергетической эффективности регионального промышленного комплекса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 3. С. 443–458. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-443-458>

Поступила в редакцию 01.04.2024. Принята после рецензирования 01.07.2024. Принята в печать 08.07.2024.

full article

Raising Gross Regional Product of Irkutsk Region by Increasing Energy Efficiency of Regional Industrial Complex

Anatoly P. Dzyuba

Yeltsin Ural Federal University, Russia, Yekaterinburg

eLibrary Author SPIN: 1528-8220

<https://orcid.org/0000-0001-6319-1316>

dzyuba-a@yandex.ru

Dmitry V. Konopelko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3104-0094>

Abstract: Energy efficiency of fuel and energy consumption is an important indicator of regional economy. The article provides an empirical study of electricity consumption, gross regional product, and electricity consumption per capita in Russia's regions in 2021. The analysis focused on the role of the Irkutsk Region in the development of Russia's energy balance and economy. The authors mapped the electric intensity as part of gross regional product and found out that it is very low in the Irkutsk Region, despite the fact that this region is one of the largest consumers of electricity in Russia. The analysis revealed a national need for a better theoretical basis in energy efficiency. The research featured the increase in economic indicators of the Irkutsk Region in conditions of leveling the regional energy efficiency to average indicators. The authors used the methods of statistical research, expert assessments, modeling, and forecasting. They analyzed electric intensity by type of economic activity in various regions of the Siberian Federal District. As a result, they associated the low electric intensity of the gross regional product in Irkutsk with its industrial sector, which uses a lot of electricity and provides a significant share of the gross regional product. They modelled some changes in the volumes of Irkutsk's gross regional product with an increase in energy efficiency in the industrial power consumption sector. As a result, the gross regional product increased by 57%, rising from 1,268 billion rubles to 2,000 billion rubles. The result was achieved by an increase in the industrial sector from 494 billion rubles to 1,226 billion rubles.

Keywords: energy efficiency, GRP electrical capacity, gross regional product, electricity prices, electricity consumption, industrial economics, Siberian Federal District, Irkutsk Region

Citation: Dzyuba A. P., Konopelko D. V. Raising Gross Regional Product of Irkutsk Region by Increasing Energy Efficiency of Regional Industrial Complex. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 443–458. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-443-458>

Received 1 Apr 2024. Accepted after review 1 Jul 2024. Accepted for publication 8 Jul 2024.

Введение

Иркутская область – крупнейший промышленно развитый регион Российской Федерации и Сибирского федерального округа (СФО). На ее территории расположены самые большие промышленные предприятия страны, относящиеся к отраслям цветной металлургии, горнодобычи, нефтепереработки, деревообработки, целлюлозно-бумажной и цементной промышленности, авиастроения и машиностроения. Их функционирование в регионе обеспечивает одна из крупнейших в России региональных электроэнергетических систем. Суммарная установленная мощность ГЭС, действующих в энергосистеме Иркутской области, составляет 9,162 ГВт, а общая тепловая мощность ТЭЦ превышает 11000 Гкал/ч.

Таким образом, электроэнергетический комплекс Иркутской области является одним из важнейших конкурентных преимуществ региональной

экономики, которое позволяет привлекать инвестиции для размещения новых промышленных предприятий региона, а также обеспечивает стабильное функционирование существующих в первую очередь энергоемких промышленных предприятий. Однако насколько эффективно используется электроэнергетический потенциал Иркутской области, предстоит выяснить в рамках представленного исследования.

Многими отечественными исследователями подчеркивается наличие большого потенциала для экономического роста экономики Иркутской области прежде всего за счет развития промышленности региона: выделяются точки ее роста [1–3] и отмечается необходимость развития инвестиционной политики экономики региона [4; 5]. В условиях развития мирового промышленного комплекса и внедрения инновационных технологий в мировом

и отечественном промышленном секторе российскими учеными рассматриваются возможности использования инновационно-промышленного потенциала в Иркутской области. Так, анализируется развитие ее промышленности на базе ключевых отраслей региональной промышленности [6; 7], на основе которых предлагается улучшение экономики области [8–10].

Проблема необходимости повышения энергетической эффективности экономики РФ, в частности Иркутской области, не является новой для современных исследователей и нередко затрагивается в их научных трудах, подчеркивающих наличие высокого потенциала для повышения энергетической эффективности экономики страны [11–14] и области [15–17], а также изучающих направления решения данной проблемы. Так, одними учеными отмечается высокая роль государственных программ и механизмов государственного регулирования [18; 19], другими – важность применения государственных регуляторных механизмов стимулирования экономики в отдельных отраслях промышленности РФ [20; 21]. Внимание исследователей привлекает и влияние теплоснабжения на уровень энергетической эффективности промышленных территорий и регионов РФ (Иркутской области в том числе) [22; 23]. Помимо этого, оценка воздействия повышения энергоэффективности на национальную и региональную экономику страны, а также попытки реализации прогноза сценариев развития экономики и экологии в связи с этой же причиной выполнено в [24–28] работах. В исследованиях [29; 30] подчеркивается неразрывная связь процесса повышения энергетической эффективности региональных экономик и инновационного развития промышленности, что приносит дополнительный положительный эффект для экономики регионов и страны в целом.

При этом в настоящий момент уровень энергоэффективности экономики РФ и отдельных регионов продолжает отставать от среднероссийских показателей. Это подчеркивает необходимость совершенствования теоретической базы в области повышения энергетической эффективности и определяет актуальность авторского исследования.

Методы и материалы

В статье были использованы матричный и сравнительный методы анализа, метод построения карт позиционирования, экономико-статистические методы, экономическое моделирование, компьютерное моделирование и методы экспертных оценок. Информационная база исследования включает: официальные материалы Федеральной службы государственной

статистики (Росстата), аналитические и статистические отчеты международных организаций, сведения Ассоциации «НП Совет рынка» и АО «Администратор торговой системы», технико-экономические и аналитические данные потребления электроэнергии различными группами лиц / организаций, а также нормативно-правовые акты в области регулирования тарифов на отпуск электрической энергии.

Результаты

Сведения, представленные на рисунке 1, позволяют сделать вывод о том, что масштабы потребления электроэнергии в Иркутской области, годовой расход которой составляет более 55 млрд кВт·ч, являются вторыми по величине среди субъектов РФ. На первом месте находится Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО), входящий в состав Тюменской области, с показателями в 65 млрд кВт·ч. Помимо этого, потребление электроэнергии в Иркутской области более чем в 2 раза превышает показатели Республики Башкортостан / Пермского края, в 4 раза – Приморского края / Липецкой области и в 10 раз – Ульяновской области / Чувашской республики и т.д.

По масштабам потребления электроэнергии *отраслями промышленности* Иркутская область занимает третье место в России (уступая лишь ХМАО и Красноярскому краю), а ее потребление *промышленным комплексом* превышает показатели большинства регионов страны. Например, объем потребления электрической энергии Орловской области / Республики Марий Эл в 40 раз меньше, чем в Иркутской области. Таким образом, доля потребления электроэнергии промышленностью в Иркутской области составляет 70 %, что превышает среднероссийский показатель, который равен 58 %.

Из диаграммы на рисунке 2 следует, что по объемам общего ВРП Иркутская область занимает лишь 15 место в РФ (1268 млрд руб. в 2021 г.). Опережают ее более чем в 4 раза Московская область и Санкт-Петербург, в 2 раза – Краснодарский край и в 1,45 раза – Красноярский край.

По показателям ВРП, производимым промышленностью, Иркутская область занимает лишь 13 место среди регионов Российской Федерации (494 млрд руб. в 2021 г.). В Москве эти показатели в 5,15 раз превышают показатели Иркутской области, в Красноярском крае – в 1,96 раза, в Свердловской области – в 1,59 раза. При этом следует подчеркнуть, что по объемам потребления электрической энергии региональной промышленностью Иркутская область находится впереди указанных регионов. Доля ВРП промышленности в составе общего регионального ВРП Иркутской области составляет 39 %,

Рис. 1. Параметры потребления электроэнергии в регионах России в 2021 г.
 Fig. 1. Parameters of electricity consumption in the regions of Russia in 2021

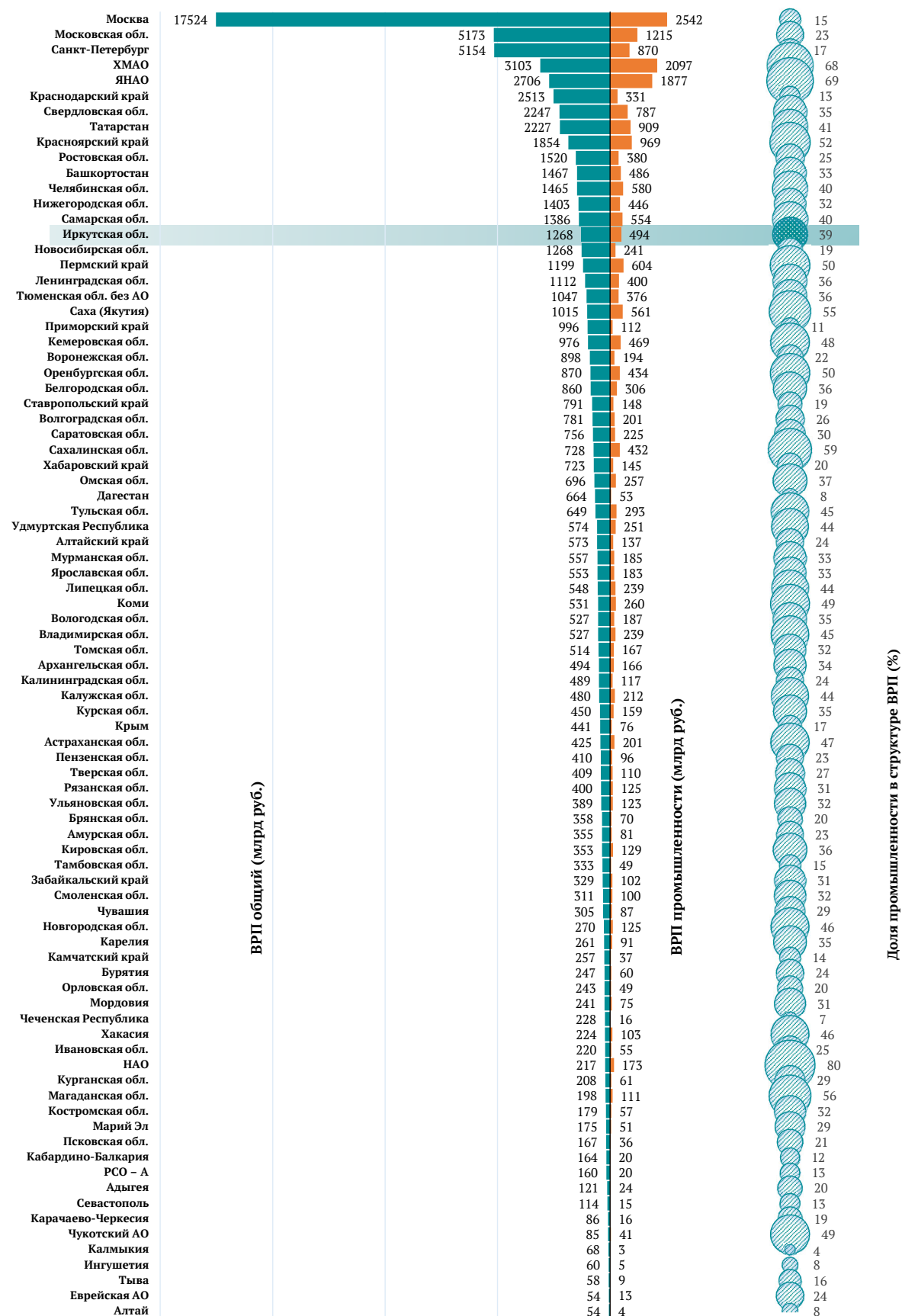

Рис. 2. Параметры ВРП в регионах России в 2021 г.
Fig. 2. Gross regional product in various regions in Russia, 2021

что выше среднего уровня по России (31 %), однако ниже показателей энергоемких регионов страны. В Красноярском крае эта доля равна 52 %, в ХМАО и Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) – 68 % и 69 % соответственно, в Пермском крае – 50 %, Челябинской и Свердловской областях – 40 %.

Учитывая несоответствие масштабам ВРП Иркутской области и объемов потребления электрической энергии в регионе, возникает вопрос об эффективности использования потребляемой электроэнергии и, следовательно, эффективности функционирования экономики одного из наиболее промышленно развитых и энергоемких регионов России.

Одни из основных показателей оценки эффективности потребления электрической энергии странами / отдельными территориальными образованиями – показатели электропотребления на душу населения и электроемкости валового продукта. Потребление электроэнергии на душу населения – величина среднегодового потребления электрической энергии экономикой страны / территориального образования при расчете на каждого жителя, проживающего в стране / территориальном образовании; измеряется в кВт·ч на человека. Чем больше объемы потребления электроэнергии промышленностью в расчете на каждого жителя, тем более высокотехнологично работает экономика, и выше уровень промышленного развития, развития транспорта и автоматизации.

Потребление электроэнергии на душу населения региона рассчитывается по формуле:

$$\text{ЭЛ}_{\text{подуш_рег}} = \frac{\text{ЭЛ}_{\text{рег}}}{\text{Ч}_{\text{нас_рег}}},$$

где $\text{ЭЛ}_{\text{подуш_рег}}$ – потребление электроэнергии на душу населения региона за календарный год (кВт·ч/чел.); $\text{ЭЛ}_{\text{рег}}$ – величина общего потребления электроэнергии региона за календарный год (ГВт·ч, кВт·ч и пр.); $\text{Ч}_{\text{нас_рег}}$ – средняя численность населения региона (человек).

Исходя из данных рисунка 3, Иркутская область является пятой в стране по объемам общего потребления электроэнергии на душу населения, уступая Ненецкому автономному округу (НАО), Архангельской области, ХМАО, ЯНАО и Республике Хакасия. На каждого жителя Иркутской области потребляется 25555 кВт·ч в год, что в 10 раз больше, чем в Республиках Тыва, Дагестан, Северная Осетия – Алания (РСО – А) и Архангельской области. Таким образом, по показателю потребления электроэнергии на душу населения Иркутская область является одним из технологически и промышленно развитых регионов страны с высокой степенью

промышленного потенциала по отношению к удельному количеству проживающих в ней граждан.

По показателям потребления электрической энергии, относящихся к группе *население в расчете на одного жителя*, Иркутская область замыкает тройку лидеров, уступая лишь НАО и ЯНАО. Однако данный показатель свидетельствует о масштабах потребления электроэнергии исключительно населением. На одного жителя Иркутской области приходится 3997 кВт·ч в год, или 333 кВт·ч в месяц. Этот показатель в 5 раз выше, чем в Республиках Тыва, Калмыкия и Мордовия. Однако высокий уровень потребления электроэнергии в данной группе, наоборот, говорит о ее неэффективном расходовании, производимом в регионе. Значительная часть электрической энергии Иркутской области тратится не на производство продукции и оказание услуг или рост валовой добавленной стоимости экономики, а на обеспечение текущей жизнедеятельности населения, что в условиях развития систем индивидуального и централизованного энергоснабжения не является производительным.

Следующим показателем, отражающим сравнительную эффективность использования электрической энергии странами / отдельными территориальными образованиями, является показатель электроемкости ВВП / ВРП. Электроемкость ВРП – величина удельного потребления электроэнергии экономикой страны / территориального образования по отношению к производимому ВВП или ВРП за эквивалентный период. Расчет показателя электроемкости ВВП / ВРП производится по формуле:

$$\text{ЭЛ}_{\text{ВРП}} = \frac{\text{ЭЛ}_{\text{рег}}}{\text{ВРП}},$$

где $\text{ЭЛ}_{\text{ВРП}}$ – электроемкость ВВП экономики страны или ВРП региона / территориального образования (кВт·ч/руб. ВРП); ВРП – показатель валового внутреннего продукта экономики страны / территориального образования (руб.).

Для всех регионов РФ был произведен расчет электроемкости ВРП, который позволил выявить существенное различие его показателей на территории страны (рис. 4). Так, показатели электроемкости ВРП в основных промышленных регионах, характеризующихся большими объемами потребления электроэнергии промышленным сектором, следующие: в Красноярском крае – 0,029 кВт·ч/руб. ВРП, в Челябинской области – 0,025 кВт·ч/руб. ВРП, в Свердловской области – 0,020 кВт·ч/руб. ВРП. Данные расчеты фиксируют отставание Иркутской области (показатель электроемкости которой

составляет 0,44 кВт·ч/руб. ВРП) от представленных регионов РФ более чем в 1,5 раза, за исключением Республики Хакасия. Если же сравнивать электроемкость регионов страны с меньшим потреблением электрической энергии, но развитой промышленностью, то электроемкость ВРП в Иркутской области более чем в 3 раза отстает от их показателей: в Республике Татарстан – 0,013 кВт·ч/руб. ВРП, в Нижегородской области – 0,014 кВт·ч/руб. ВРП, в Ярославской области – 0,014 кВт·ч/руб., в Воронежской области – 0,013 кВт·ч/руб. ВРП, в Пензенской области – 0,011 кВт·ч/руб. ВРП и пр. Таким образом, на производство 1 рубля ВРП в Иркутской области расходуется в 3 раза больше электроэнергии, чем в среднем по РФ, при том, что по объемам общего потребления этот регион является вторым среди других регионов страны.

Расчет электроемкости ВРП группы потребителей, относящихся к промышленности, произведен на основе показателей объемов ВРП промышленности каждого региона РФ и объемов потребления электроэнергии промышленным сектором каждого региона. Сведения на рисунке 5 отражают положение Иркутской области по данному показателю – она является последней, традиционно уступая лишь Республике Хакасия.

При этом электроемкость ВРП промышленности Иркутской области в 1,6 раз больше, чем общая электроемкость ВРП региона, и составляет 0,078 кВт·ч/руб. ВРП. Пока в промышленных секторах Московской области, Республики Алтай, Пензенской области на производство 1 рубля ВРП расходуется не более 0,016 кВт·ч электрической энергии, в Иркутской области – более чем в 4,8 раз больше. Из этого следует, что объемы потерь из-за неэффективного потребления электрической энергии регионом являются довольно-таки большими. Проблемы низкого уровня энергетической эффективности Иркутской

области не ограничиваются низкой электроемкостью ВРП. Так как особенностью энергосистемы этого региона является высокая концентрация гидрогенерации в структуре выработки электрической энергии, то это позволяет снижать цену на электроэнергию, отпускаемую в рамках оптового рынка.

В таблице 1 показано, что цены на отпускаемую электрическую энергию в Иркутской области существенно ниже, чем в большинстве других, представленных на диаграмме, субъектах Российской Федерации. Таким образом, данный регион Сибирского федерального округа (СФО) имеет существенный инвестиционный потенциал, позволяющий размещать на своей территории энергоемкие предприятия. Они за счет сравнительно низкой стоимости покупаемой электрической энергии получают конкурентные преимущества, позволяющие снижать себестоимость производимой продукции, сохранять финансовую устойчивость в условиях нестабильности внешней среды. Однако в текущих условиях действующая промышленность Иркутской области не в полной мере пользуется этими возможностями, что, как мы видим, приводит к значительно более низкой степени энергетической эффективности использования электроэнергии.

Исследование данных таблицы 2 показывает:

- уровень электроемкости как общего ВРП, так и ВРП промышленности Иркутской области, отстает не только от регионов СФО, но и от показателей всех федеральных округов РФ;
- электроемкость ВРП Иркутской области также является одной из самых отстающих среди следующих отраслей: сельское хозяйство, оптовая и розничная торговля, транспортировка и хранение;
- в сегменте других видов экономической деятельности и деятельности в области информации и связи показатели электроемкости ВРП Иркутской области не находятся в числе

ТОП-15 с наименьшей электроемкостью промышленности

ТОП-15 с наибольшей электроемкостью промышленности

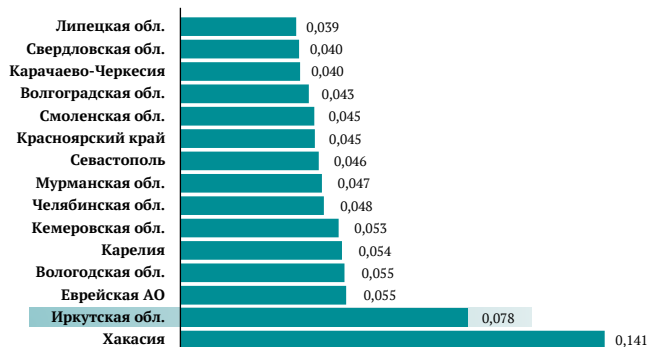

Рис. 5. Показатели электроемкости ВРП группы потребителей, относящихся к промышленности, в 2021 г.
Fig. 5. Electrical intensity of gross regional product in some regional industrial consumers, 2021

последних и даже показывают результаты, которые считаются лучше, чем в некоторых федеральных округах;

- показатель электроемкости ВРП Иркутской области в сегменте строительства один из самых лучших среди федеральных округов.

Таким образом, показатели электроемкости ВРП Иркутской области отстают не во всех сегментах экономической деятельности. По мнению авторов, основные проблемы низкой электроемкости ВРП

региона сконцентрированы именно в промышленном секторе, который использует основную часть потребляемой электроэнергии и дает значительную долю регионального ВРП.

Учитывая выявленные отставания промышленности Иркутской области по уровню электроемкости ВРП, авторами была проведена оценка возможностей роста ВРП региона в условиях повышения эффективности потребления электрической энергии до среднего уровня в СФО.

Табл. 1. Цены на электрическую энергию, реализуемую на розничном рынке в субъектах РФ за январь 2023 г.

Tab. 1. Prices for electric energy on retail market in various regions in Russia, January 2023

№ п/п	Регион	кВт·ч/руб., без НДС	№ п/п	Регион	кВт·ч/руб., без НДС	№ п/п	Регион	кВт·ч/руб., без НДС
1	Саха (Якутия)	4,92	27	Смоленская обл.	4,28	53	Башкортостан	4,02
2	Крым	4,76	28	Удмуртская республика	4,27	54	Санкт-Петербург	4,01
3	Марий Эл	4,75	29	Ставропольский край	4,27	55	Тюменская обл.	4,01
4	Ростовская обл.	4,73	30	Ивановская обл.	4,24	56	Свердловская обл.	3,98
5	Краснодарский край	4,69	31	Тверская обл.	4,24	57	Ленинградская обл.	3,98
6	Севастополь	4,64	32	Нижегородская обл.	4,24	58	Пермский край	3,97
7	Адыгея	4,61	33	Калужская обл.	4,23	59	Кемеровская обл.	3,95
8	Курганская обл.	4,59	34	Владимирская обл.	4,22	60	Алтайский край	3,93
9	Архангельская обл.	4,57	35	Орловская обл.	4,21	61	Красноярский край	3,91
10	Амурская обл.	4,50	36	Белгородская обл.	4,21	62	Новосибирская обл.	3,91
11	Пензенская обл.	4,44	37	Чувашия	4,21	63	Омская обл.	3,91
12	Хабаровский край	4,43	38	Ярославская обл.	4,20	64	Томская обл.	3,86
13	Рязанская обл.	4,42	39	Курская обл.	4,20	65	Хакасия	3,86
14	Ульяновская обл.	4,42	40	Кировская обл.	4,19	66	Алтай	3,84
15	Еврейская АО	4,42	41	Оренбургская обл.	4,16	67	Иркутская обл.	3,82
16	Мордовия	4,39	42	Саратовская обл.	4,16	68	Мурманская обл.	3,71
17	Новгородская обл.	4,39	43	Московская обл.	4,15	69	Забайкальский край	3,62
18	Приморский край	4,38	44	Москва	4,14	70	Карачаево-Черкессия	3,14
19	Калмыкия	4,38	45	Костромская обл.	4,14	71	Северная Осетия	3,09
20	Тульская обл.	4,37	46	Самарская обл.	4,13	72	Ингушетия	3,05
21	Калининградская обл.	4,37	47	Псковская обл.	4,10	73	Дагестан	3,04
22	Астраханская обл.	4,37	48	Татарстан	4,10	74	Бурятия	2,95
23	Липецкая обл.	4,33	49	Вологодская обл.	4,09	75	Кабардино-Балкария	2,86
24	Волгоградская обл.	4,33	50	Брянская обл.	4,06	76	Карелия	2,60
25	Тамбовская обл.	4,32	51	Челябинская обл.	4,05	77	Тыва	2,57
26	Воронежская обл.	4,30	52	Башкортостан	4,02	78	Коми	2,51

Прим.: уровень напряжения – ВН, максимальная мощность энергопринимающих устройств свыше 10 МВт без учета НДС.

Табл. 2. Показатели электроемкости ВРП по видам экономической деятельности в федеральных округах РФ и регионах СФО
 Tab. 2. Electrical intensity of gross regional product by type of economic activity in federal districts of Russian Federation and Siberian Federal District

Территория ФО и регионов	Электроемкость, всего	Добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоснабжение, водоотведение	Сельское хозяйство; лесное хозяйство; охота, рыболовство и рыбоводство	Строительство	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Транспортировка и хранение	Деятельность в области информации и связи	Другие виды экономической деятельности
РФ	0,014	0,024	0,006	0,003	0,002	0,015	0,002	0,004
ЦФО	0,008	0,015	0,008	0,002	0,001	0,010	0,002	0,003
СЗФО	0,012	0,022	0,008	0,004	0,002	0,010	0,002	0,005
ЮФО	0,013	0,024	0,004	0,002	0,003	0,009	0,004	0,004
СКФО	0,013	0,025	0,002	0,001	0,002	0,004	0,005	0,004
ПФО	0,017	0,024	0,005	0,002	0,004	0,026	0,004	0,005
УФО	0,017	0,024	0,007	0,002	0,002	0,017	0,003	0,003
ДФО	0,014	0,015	0,002	0,003	0,004	0,020	0,007	0,005
СФО	0,029	0,048	0,007	0,004	0,006	0,024	0,005	0,005
Алтай	0,014	0,013	0,002	0,002	0,002	0,004	0,008	0,012
Тыва	0,015	0,023	0,003	0,007	0,017	0,016	0,015	0,002
Хакасия	0,074	0,141	0,006	0,003	0,004	0,026	0,005	0,004
Алтайский край	0,018	0,026	0,005	0,003	0,008	0,044	0,007	0,005
Красноярский край	0,031	0,044	0,009	0,006	0,006	0,029	0,005	0,003
Иркутская обл.	0,048	0,078	0,013	0,002	0,008	0,031	0,007	0,004
Кемеровская обл.	0,034	0,052	0,007	0,003	0,004	0,026	0,008	0,006
Новосибирская обл.	0,013	0,018	0,009	0,005	0,005	0,013	0,003	0,005
Омская обл.	0,016	0,019	0,004	0,002	0,005	0,027	0,005	0,007
Томская обл.	0,017	0,029	0,004	0,003	0,002	0,014	0,004	0,005

Первое моделирование производилось на основе данных основных четырех отраслей Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД): добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом, паром, кондиционирование воздуха; водоснабжение и водоотведение. Указанные отрасли формируют 40 % ВРП в масштабах Иркутской области (рис. 6), что в абсолютном выражении составляет 494 млрд руб., а в объеме общего ВРП – 1268 млрд руб. в 2021 г.

Объем общего потребления электроэнергии Иркутской областью в 2021 г. составляет 60,3 млрд кВт·ч, а объем потребления промышленностью – 38,3 млрд кВт·ч или 63,4 %. Общая электроемкость ВРП Иркутской области при таких условиях равна 0,0476 кВт·ч/руб. ВРП, а промышленного сектора региона – 0,0777 кВт·ч/руб. ВРП.

Второе моделирование изменения объемов ВРП Иркутской области при повышении уровня энергетической эффективности в секторе промышленного электропотребления региона проводилось в два этапа:

Рис. 6. Схема обоснования возможностей повышения уровня ВРП Иркутской области на основе повышения эффективности потребления электрической энергии
Fig. 6. Provability scheme for increasing gross regional product in Irkutsk Region by rationalizing electricity consumption

1. Моделирование объемов ВРП промышленного сектора Иркутской области в условиях снижения электроемкости ВРП при сохранении прежних объемов потребления электроэнергии. Средний уровень электроемкости ВРП основных промышленных регионов СФО (Красноярский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Алтайский край, Томская область) составляет 0,0313 кВт·ч/руб. ВРП. При сохранении объемов потребления электрической энергии промышленным сектором Иркутской области в размере 38,3 млрд кВт·ч величина ВРП увеличилась бы с 494 млрд руб. в год до 1226 млрд руб. в год, или на 732 млрд руб. (рост в 2,4 раза).

2. Моделирование объемов общего ВРП Иркутской области в условиях снижения электроемкости ВРП только в промышленном секторе. Если показатели ВРП в остальных отраслях экономики Иркутской области останутся прежними, объем ее общего ВРП увеличится с 1268 млрд руб. в год до 2000 млрд руб. Рост ВРП региона в таком случае составит 57 % (рис. 7). Таким образом, у Иркутской области существует значительный потенциал для экономического роста.

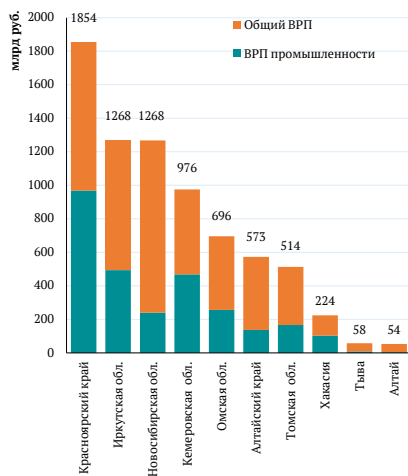
Повышение энергетической эффективности использования электрической энергии в промышленности Иркутской области – задача весьма не простая,

но вполне реализуемая. Учитывая столь существенное отставание Иркутской области по уровню электроемкости ВРП от большинства энергоемких и промышленно развитых регионов страны (Кемеровская область, Челябинская область, Свердловская область, Красноярский край и т.п.), принятие соответствующих мер по повышению ее энергоэффективности является очевидным. Их обсуждению мы посвятим свои последующие исследования.

Заключение

Иркутская область является вторым регионом РФ по масштабам потребления электрической энергии с высокой долей потребления электроэнергии промышленностью, которая представлена отраслями цветной металлургии, горнодобычи, нефтепереработки, деревообработки, целлюлозно-бумажной и цементной промышленности, авиастроения и машиностроения. Уникальность энергетического комплекса Иркутской области также выражается в расположении на территории региона крупнейших гидроэлектростанций, обеспечивающих одну из самых дешевых цен на электрическую энергию, производимую в регионе.

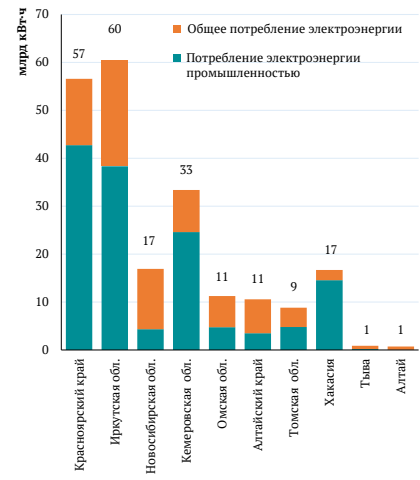
Несмотря на высокие инвестиционные возможности Иркутской области, связанные с низкой стоимостью электрической энергии, производимой

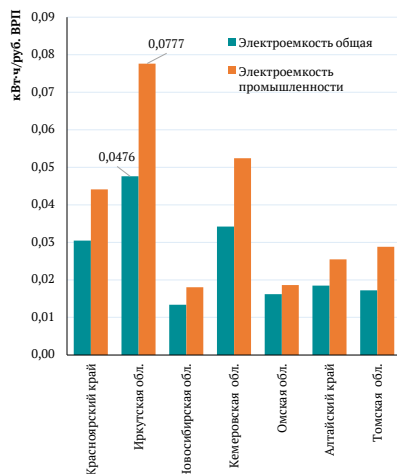
Показатели ВРП регионов СФО

- Иркутская область является вторым регионом СФО по объему ВРП;
- объем ВРП Иркутской области в 2021 г. составил 1268 млрд руб.;
- доля промышленности в ВРП Иркутской области составляет 39 %, что примерно соответствует средним значениям по СФО.

- Иркутская область является первым регионом СФО по объему потребления электроэнергии;
- объем потребления электроэнергии Иркутской области в 2021 г. составил 60 млрд кВт·ч;
- доля промышленности в потреблении электроэнергии Иркутской области составляет 63 %, что примерно соответствует средним значениям по СФО.

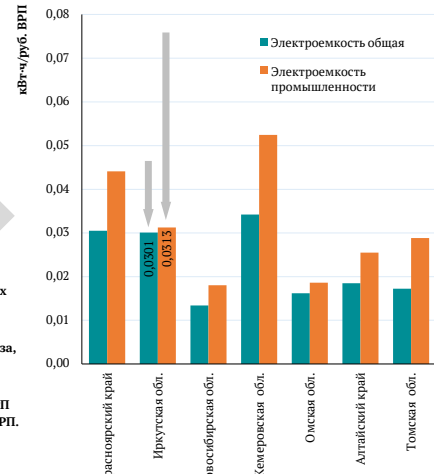
Показатели потребления электроэнергии регионов СФО

Показатели ВРП регионов СФО

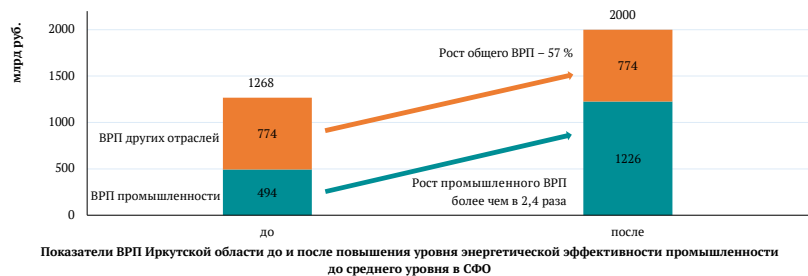
- высокое электропотребление, не соответствующее масштабам производимого ВРП, отражается в завышенных показателях электроёмкости как общего ВРП, так и в разрезе отраслей промышленности;
- электроёмкость промышленности ВРП Иркутской области более чем в 1,6 раза превышает показатели других регионов СФО.

- проведено моделирование изменения ВРП региона при приведении уровня электроёмкости промышленных предприятий до среднего уровня в СФО;
- среднее значение электроёмкости промышленности в СФО составляет 0,0313 кВт·ч/руб ВРП (меньше в 2,48 раза, чем фактическое);
- учитывая долю потребления электроэнергии промышленностью в регионе, общая электроёмкость ВРП Иркутской области также снизилась до 0,030 кВт·ч/руб ВРП.

Показатели ВРП регионов СФО

- при неизменном потреблении электроэнергии в Иркутской области промышленностью, объем которой составляет 38 млрд кВт·ч в год, а также повышении показателя электроёмкости ВРП до среднего уровня в СФО, объем ВРП промышленности увеличивается с 494 млрд руб. до 1226 млрд руб. (на 732 млрд руб., или в 2,48 раза);
- общий рост ВРП Иркутской области вырастает на 57 %, с 1268 млрд руб. до 2000 млрд руб.

Показатели ВРП Иркутской области до и после повышения уровня энергетической эффективности промышленности до среднего уровня в СФО

Рис. 7. Схема обоснования возможностей повышения уровня ВРП Иркутской области на основе повышения эффективности потребления электрической энергии

Fig. 7. Provability scheme for increasing gross regional product in Irkutsk Region by rationalizing electricity consumption

региональной энергосистемой, по показателям ВРП регион уступает многим субъектам РФ, чье потребление электроэнергии оказывается ниже. Это отставание более детально описывается при расчете характеристик общей электроемкости ВРП региона. Так, на производство 1 рубля ВРП Иркутская область расходует более чем в 3 раза больше электрической энергии, чем большинство промышленно развитых регионов России.

Исследование показателей электроемкости ВРП промышленного сектора Иркутской области выявило еще большее отставание от общей электроемкости региона примерно в 1,6 раза. Если в промышленных секторах Московской области, Республики Алтай, Пензенской области на производство 1 рубля ВРП расходуется не более 0,016 кВт·ч электрической энергии, то промышленность Иркутской области расходует более чем в 4,8 раз больше электроэнергии на производство эквивалентной валовой добавленной стоимости. Следует также подчеркнуть, что, учитывая масштабы потребления электроэнергии промышленностью Иркутской области, объемы потерь из-за ее неэффективного потребления регионом являются большими. Это обстоятельство хоть и указывает на отставание уровня развития экономики Иркутской области от остальной страны, но констатирует наличие потенциала для роста.

На основе проведенного моделирования потенциала роста ВВП Иркутской области в условиях

повышения эффективности потребления электрической энергии была выявлена возможность роста ВРП региона на 57 % (с 1268 млрд руб. до 2000 млрд руб.) при увеличении ВРП промышленным сектором Иркутской области (с 494 млрд руб. до 1226 млрд руб.). Полученные показатели являются существенными и вполне обоснованными, т.к. снижение электроемкости ВРП региона производилось до уровня субъектов РФ, схожих по отраслевой специфике региональной экономики, и масштабов потребления электроэнергии промышленностью.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and /or publication of this article.

Критерии авторства: А. П. Дзюба – концептуализация, методология, разработка системы показателей. Д. В. Конопелько – обзор литературы, подготовка чернового варианта, редактирование, визуализация.

Contribution: A. P. Dzyuba developed the research concept, methodology, and indicators.

D. V. Konopelko reviewed scientific publications, drafted the manuscript, proofread the final version, and designed the visualization.

Литература / References

1. Блануца В. И., Черепанов К. А. Цифровая экономика Иркутской области: гравитационная модель полюсов роста. *Инновационное развитие экономики*. 2019. № 6. С. 27–34. [Blanuca V. I., Cherepanov K. A. The digital economy of the Irkutsk Region: A gravitational model of the poles of growth. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, 2019, (6): 27–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cnlqty>
2. Чистякова О. В. Экономика простых вещей и точки роста экономики Иркутской области в условиях импортозамещения. *Известия Байкальского государственного университета*. 2023. Т. 33. № 2. С. 312–321. [Chistyakova O. V. The economy of simple things and the growth points of the economy Irkutsk region in terms of import substitution. *Bulletin of Baikal State University*, 2023, 33(2): 312–321. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33\(2\).312-321](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33(2).312-321)
3. Герасимова Т. А. Цифровая экономика России и потенциал Иркутской области. *Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века*: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Иркутск, 22 сентября 2017 г.) Иркутск: ИГУ, 2017. С. 156–161. [Gerasimova T. A. The digital economy of Russia and the potential of the Irkutsk Region. *Socio-cultural dynamics of the Irkutsk Region in the XX – early XXI century*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Irkutsk, 22 Sep 2017. Irkutsk: ISU, 2017, 156–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yliuoo>
4. Андреева Е. Л., Тараканов М. А., Черников А. П. Экономика Иркутской области: современное состояние и проблемы развития. *Иркутский историко-экономический ежегодник*. 2016. С. 25–36. [Andreanova E. L., Tarakanov M. A., Chernikov A. P. The economy of the Irkutsk Region: Current status and problems of development. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*, 2016, 25–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrieif>
5. Журавлев И. И. Государственная инвестиционная политика: проблемы, особенности и практика (на примере Иркутской области). *Аудиторские ведомости*. 2023. № 2. С. 208–215. [Zhuravlev I. I. State investment

- policy: Problems, features and practice (on the example of the Irkutsk region). *Auditorskie vedomosti*, 2023, (2): 208–215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ccvyde>
6. Шаламов Г. А., Данилова А. М., Баранова В. С. Развитие промышленности и сельского хозяйства в Иркутской области в 2014–2021 гг. *Экономический альманах: IX Всерос. науч.-практ. конф.* (Иркутск, 30 ноября 2022 г.) Иркутск: ИрННТУ, 2023. С. 588–594. [Shalamov G. A., Danilova A. M., Baranova V. S. Development of industry and agriculture in the Irkutsk Region in 2014–2021. *Economic Almanac: Proc. IX All-Russian Sci.-Prac. Conf.* Irkutsk, 30 Nov 2022. Irkutsk: IrNRTU, 2023, 588–594. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tzivek>
 7. Вихорева М. В., Кириллова Т. К. Развитие приоритетных направлений социально-экономической деятельности региона. *Известия Байкальского государственного университета*. 2019. Т. 29. № 1. С. 166–172. [Vikhoreva M. V., Kirillova T. K. Priority directions development of the region's social and economic activity. *Bulletin of Baikal State University*, 2019, 29(1): 166–172. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2019.29\(1\).166-172](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2019.29(1).166-172)
 8. Ипполитова Н. А., Григорьева М. А. Современная территориальная дифференциация промышленности Иркутской области. *География и природные ресурсы*. 2021. Т. 42. № 4. С. 123–131. [Ippolitova N. A., Grigoryeva M. A. The current territorial differentiation of the industry of Irkutsk oblast. *Geography and Natural Resources*, 2021, 42(4): 123–131. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15372/GIPR20210413>
 9. Филимонова И. В., Шумилова С. И., Дзюба Ю. А. Комплексный анализ и прогноз недропользования в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока. *Экологический вестник России*. 2019. № 10. С. 20–27. [Filimonova I. V., Shumilova S. I., Dzyuba Yu. A. Comprehensive analysis and forecast of subsoil use in the regions of Eastern Siberia and the Far East. *Ekologicheskii vestnik Rossii*, 2019, (10): 20–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jeieyd>
 10. Панасенкова Е. Ю., Тимофеев С. С. Возможные направления развития биоэкономики в Иркутской области. *XXI век. Техносферная безопасность*. 2019. Т. 4. № 2. С. 248–259. [Panasenkova E. Yu., Timofeev S. S. Possible directions for the development of bio-economy in Irkutsk Region. *XXI century. Technosphere safety*, 2019, 4(2): 248–259. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21285/2500-1582-2019-2-248-259>
 11. Пастухова Е. Я., Морозова Е. А. Динамика экономического развития ресурсодобывающих регионов в условиях пандемии. *Фундаментальные и прикладные аспекты устойчивого развития ресурсных регионов: III (XX) Всерос. науч. конф. с Междунар. уч.* (Новокузнецк, 7–10 декабря 2021 г.) Новокузнецк: КемГУ, 2022. С. 79–82. [Pastuhova E. Ya., Morozova E. A. Economic development dynamics of resource producing regions in a pandemic. *Fundamental and applied aspects of sustainable development of resource regions: Proc. III (XX) All-Russian Sci. Conf. with Intern. Participation, Novokuznetsk, 7–10 Dec 2021.* Novokuznetsk: KemSU, 2022, 79–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mlhptu>
 12. Стенников В. А., Пеньковский А. В., Постников И. В., Еделева О. А., Соколов П. А. Технологические направления энергосбережения в теплоэнергетике Иркутской области. *Актуальные проблемы науки Прибайкалья*, отв. ред. И. В. Бычков, А. Л. Казаков. Иркутск: ИГУ, 2020. С. 211–216. [Stennikov V. A., Penkovskii A. V., Postnikov I. V., Edeleva O. A., Sokolov P. A. Technological directions of energy saving in district heating of Irkutsk Region. *Aktualnye problemy nauki Pribaikalia*, eds. Bychkov I. V., Kazakov A. L. Irkutsk: ISU, 211–216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fasbjg>
 13. Иванова К. П. Обзорная статья по реализации целевой программы «Энергосбережение и повышение энергоэффективности на территории Иркутской области на 2011–2015 годы». *Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. 2014. № 4. С. 77–82. [Ivanova K. P. A Survey article of realisation of the purpose programme of increasing energy efficiency and energy preservation on the territory of Irkutsk Region for 2011–2015. *Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate*, 2014, (4): 77–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thntjr>
 14. Астафьев С. А., Хомкалов Г. В., Вологдин Ф. С. Энергосбережение и повышение энергетической эффективности Иркутской области и г. Иркутска. *Проблемы экономики и управления строительством в условиях экологически ориентированного развития: Пятая Междунар. науч.-практ. онлайн-конф.* (Томск, 12–13 апреля 2018 г.) Томск: ТГАСУ, 2018. С. 34–44. [Astafev S. A., Homkalov G. V., Vologdin F. S. Energy saving and improvement of energy efficiency of Irkutsk Region and Irkutsk. *Problems of economics and construction management in the context of sustainable development: Proc. Fifth Intern. Sci.-Prac. Online-Conf.*, Tomsk, 12–13 Apr 2018. Tomsk: TSUAB, 2018, 34–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqynkx>
 15. Стенников В. А., Соколов П. А., Добровольская Т. В., Стенников Н. В. Перспективы энергосбережения в Иркутской области. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2010. № 4.

- C. 173–180. [Stennikov V. A., Sokolov P. A., Dobrovolskaya T. V., Stennikov N. V. Prospects for energy-saving in Irkutsk Region. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2010, (4): 173–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvtklv>
16. Охотников И. В., Сибирко И. В. Совершенствование механизмов государственного стимулирования ресурсосбережения в целях повышения энергетической эффективности экономики России. *Макро-экономическое регулирование: роль государства и корпораций*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 1 октября 2020 г.) Саратов: Амирит, 2020. С. 60–63. [Ohotnikov I. V., Sibirko I. V. Improving the mechanisms of state incentives for resource conservation in order to increase the energy efficiency of the Russian economy. *Macroeconomic regulation: The role of the State and corporations*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 1 Oct 2020. Saratov: Amirit, 2020, 60–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qmxjhf>
17. Полетаев И. Ю. О неотложных задачах повышения эффективности управления использованием энергетических ресурсов регионов Российской Федерации. *Вопросы региональной экономики*. 2023. № 3. С. 97–103. [Poletaev I. Yu. On urgent tasks of improving the efficiency of management of the use of energy resources of the regions of the Russian Federation. *Voprosy regionalnoi ekonomiki*, 2023, (3): 97–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/worsro>
18. Провоторов И. А., Кудрявцева И. С., Переславцева И. И. Повышение энергетической эффективности в условиях цифровой трансформации сферы ЖКХ. *Жилищное хозяйство и коммунальная инфраструктура*. 2022. № 4. С. 105–112. [Provotorov I. A., Kudryavtseva I. S., Pereslavitseva I. I. Increase in energy efficiency in the context of digital transformation of the housing and communal services sector. *Housing and utilities infrastructure*, 2022, (4): 105–112. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36622/VSTU.2022.23.4.012>
19. Гасанов Э. А., Куликов А. В., Семенова А. М., Фань К. Трансформация бизнес-моделей в энергетической сфере в условиях цифрового развития региональной экономики. *Новые бизнес-модели цифровой экономики в субъектах РФ*: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Хабаровск, 21 марта 2022 г.) Хабаровск: ХГУЭП, 2022. С. 16–25. [Gasanov E. A., Kulikov A. V., Semenova A. M., Fan K. Transformation of business models in the energy sector in the context of digital development of the regional economy. *New business models of the digital economy in the subjects of the Russian Federation*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Khabarovsk, 21 Mar 2022. Khabarovsk: KSAEL, 2022, 16–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.38161/978-5-7823-0753-0-2022-016-026>
20. Трофимов С. Е. Государственное регулирование нефтегазового комплекса в условиях цифровизации мировой экономической системы. *Управленческие науки*. 2023. Т. 13. № 1. С. 71–82. [Trofimov S. E. State regulation of the oil and gas complex in the conditions of digitalization of the world economic system. *Management sciences*, 2023, 13(1): 71–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-1-71-82>
21. Азиева Р. Х., Таймасханов З. Х. Влияние энергетической эффективности на деятельность предприятия. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*. 2023. № 1. С. 28–35. [Azieva R. Kh., Taymaskhanov Z. Kh. Impact of energy efficiency on activities of enterprise. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, 2023, (1): 28–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2023-1-28-35>
22. Дзюба А. П., Конопелько Д. В. Актуальные направления научных исследований в области электрического теплоснабжения в условиях развития энергетических рынков. *Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2023. Т. 19. № 1. С. 11–22. [Dzyuba A. P., Konopelko D. V. Current directions of scientific research in the field of electric heat supply in the conditions of energy markets development. *Vestnik GGNTU. Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki*, 2023, 19(1): 11–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wiowrj>
23. Дзюба А. П., Конопелько Д. В. Влияние отрасли теплоснабжения на уровень энергетической эффективности промышленных территорий и регионов России. *Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2023. № 3. С. 517–542. [Dzyuba A. P., Konopelko D. V. The impact of the heat supply industry on the level of energy efficiency of industrial territories and regions of Russia. *RUDN Journal of Economics*, 2023, (3): 517–542. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2023-31-3-517-542>
24. Петрашевская А. В. Энергетическая эффективность экономики региона: проблемы измерения и роль в экологической паспортизации территории. *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. 2021. № 2. С. 167–173. [Petrashevskaya A. V. Energy efficiency of the regional economy: Problems of its measurement and its role in the ecological certification of the territory. *Izvestiia Gomelskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*, 2021, (2): 167–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oabpci>

25. Санеев Б. Г., Соколов А. Д., Музычук С. Ю., Музычук Р. И. Влияние реализации восточного вектора энергетической стратегии России на энергоэффективность хозяйственного комплекса Байкальского региона. *Регион: экономика и социология*. 2020. № 1. С. 3–27. [Saneev B. G., Sokolov A. D., Muzychuk S. Yu., Muzychuk R. I. The Eastern vector of Russia's energy strategy and its impact on the energy efficiency of the economy of the Baikal Region. *Region: Economics & Sociology*, 2020, (1): 3–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15372/REG20200101>
26. Белов В. И. Энергоэффективность региона и возможные пути ее повышения. *Социальные и экономические системы*. 2022. № 6-3. С. 275–285. [Belov V. I. Energy efficiency of the region and possible ways to improve it. *Sotsialnye i ekonomicheskie sistemy*, 2022, (6-3): 275–285. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/faipwe>
27. Белов В. И. Влияние энергоемкости региональных экономик на повышение энергоэффективности регионов. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2023. № 4. С. 86–92. [Belov V. I. The impact of the energy intensity of regional economies on improving the energy efficiency of regions. *Innovatsionnaia ekonomika: Informatsiia, analitika, prognozy*, 2023, (4): 86–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hxvxgy>
28. Белов В. И. Особенности формирования и реализации региональной политики энергосбережения. *Управление устойчивым развитием*. 2023. № 4. С. 18–24. [Belov V. I. Features of formation and implementation of regional energy saving policy. *Upravlenie ustoichivym razvitiem*, 2023, (4): 18–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fqisme>
29. Редикутьцев А. В., Табанакова П. А. Тенденции развития инновационной деятельности в регионе. *Вектор экономики*. 2023. № 8. [Redikultsev A. V., Tabanakova P. A. Trends in the development of innovation activity in the region. *Vektor ekonomiki*, 2023, (8). (In Russ.)] URL: http://vectoreconomy.ru/images/publications/2023/8/regionaleconomy/Redikultsev_Tabanakova.pdf (дата обращения: 10.03.2024). <https://elibrary.ru/vsggzl>
30. Галеев С. П., Киреева Н. В., Дремов В. В. Критерии энергоэффективности регионов как резерв развития промышленной политики. *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*. 2023. № 7. С. 87–91. [Galeev S. P., Kireeva N. V., Dremov V. V. Regional energy efficiency criteria as a reserve for the development of industrial policy. *Sovremennaiia nauka: Aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo*, 2023, (7): 87–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbqfhv>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ebhmyy>

Систематизация показателей, отражающих состояние ключевых факторов в модели экономического развития региона

Козий Кирилл Юриевич

Донецкая академия управления и государственной службы, Россия, Донецк

eLibrary Author SPIN: 6005-7533

<https://orcid.org/0009-0008-6459-2419>

kirill.kozij@gmail.com

Аннотация: Нестабильность экономической динамики является характерной чертой современного этапа развития национального хозяйства. Скорость, глубина и направленность преобразований в условиях глобальных изменений и нового миропорядка предъявляют новые требования к устойчивости и стабильности экономических систем, к которым также относится и регион. Развитие – это направленный процесс преобразований, затрагивающий все составные стороны развивающегося объекта. В статье исследован механизм экономического развития региона в совокупности составляющих его ключевых факторов: инвестиционной привлекательности, инновационной активности и производительности труда. Цель – систематизировать их показатели и сформировать обобщенную логическую схему – модель экономического развития, движущей силой которой является соответствующий механизм в совокупности его основных элементов, направленный на создание и поддержание системы устойчивого и сбалансированного экономического развития региона. Методической базой исследования выступили труды отечественных исследователей, также использованы методы логического анализа, контент-анализа, описания и обобщения. Для формирования обобщенной логической схемы был применен метод системной идентификации исследуемых объектов. Выявлено, что управление динамикой экономического развития посредством целенаправленного воздействия на ход экономических процессов может способствовать созданию системы устойчивого и сбалансированного экономического развития региона как результата функционирования соответствующей модели, обеспечивающей максимальную эффективность и согласованность хозяйственных процессов. Полученные результаты могут быть использованы широким кругом лиц, интересующихся вопросами развития на всех уровнях экономики.

Ключевые слова: региональная экономика, экономическая динамика, модель экономического развития, инвестиционная привлекательность, инновационная активность, производительность труда

Цитирование: Козий К. Ю. Систематизация показателей, отражающих состояние ключевых факторов в модели экономического развития региона. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 3. С. 459–466. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-459-466>

Поступила в редакцию 06.05.2024. Принята после рецензирования 31.07.2024. Принята в печать 05.08.2024.

full article

Key Factors in Regional Economic Model: Systematizing Indicators

Kirill Yu. Koziy

Donetsk Academy of Management and Public Administration, Russia, Donetsk

eLibrary Author SPIN: 6005-7533

<https://orcid.org/0009-0008-6459-2419>

kirill.kozij@gmail.com

Abstract: Unstable economic development affects the national economy. The rate, severity, and direction of the current transformations in the context of global changes and the new world order place new demands on the sustainability and stability of such economic systems as regions. Development is a directed process of transformation that affects all the constituent aspects of the developing object. The author examined the mechanism of regional economic development as a unity of investment attractiveness, innovative activity,

and labor productivity. The research objective was to systematize the indicators of these factors as a generalized logical diagram. It is a model of economic development driven by a totality of elements aimed at creating and maintaining a system of sustainable and balanced economic development of the region. The study relied on a review of domestic publications, as well as on the method of logical analysis, content analysis, description, and generalization. The method of system identification made it possible to construct a generalized logical diagram. By using a targeted impact on economic processes, one can create a system of sustainable and balanced economic development of the region based on an efficient model of consistent economic processes. The results can be applied in various areas of economic development.

Keywords: regional economy, economic dynamics, economic development model, investment attractiveness, innovative activity, labor productivity

Citation: Koziy K. Yu. Key Factors in Regional Economic Model: Systematizing Indicators. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 459–466. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-459-466>

Received 6 May 2024. Accepted after review 31 Jul 2024. Accepted for publication 5 Aug 2024.

Введение

Современный этап экономического развития на всех уровнях управления (макро-, мезо- и микро-) отмечен, с одной стороны, ускоряющимися процессами глобализации, а с другой – локализации. Причем они затрагивают все сферы жизнедеятельности общества, определяют доминирующее направление в экономическом развитии, устанавливают его траекторию и характеризуются неоднозначностью достигнутых результатов. Глобальные тенденции в рамках капиталистического мироустройства находят свое отражение в экономической динамике, которая представляет собой «существенные изменения экономических показателей, характеризующих развитие экономики: валовой внутренний продукт, темпы роста объемов промышленного производства, потребления, экспорта и импорта и т.д.» [1, с. 70]. Такие тенденции порождают циклические процессы, чем обуславливают асимметрию и неравномерность развития отдельных территорий, регионов.

Исходя из этого, особую значимость приобретают устойчивость и стабильность экономического развития региона, являющиеся закономерным результатом целенаправленного процесса управления. Так, в своих трудах В. В. Подгорный не только подчеркивает значимость устойчивой экономики, но и предлагает соответствующий механизм воздействия на динамику экономического развития, служащий залогом формирования благоприятной среды жизнедеятельности [2; 3]. Другие исследователи также рассматривают управление экономикой как фактор сбалансированного и стабильного развития региона [4–8].

Устойчивое экономическое развитие региона как результат целенаправленного процесса качественных

преобразований предполагает достижение такого динамического равновесия элементов экономической системы, которое создавало бы возможность для противодействия деструктивному влиянию внешних факторов, а также привело к формированию предпосылок расширенного воспроизводства всех видов потенциала региона, что неминуемо сопровождалось бы ростом качества и уровня жизни населения. Такой подход наиболее полно отражает сущность категорий *развитие* и *устойчивость*, преломляя их к экономической сфере. Целенаправленное управленческое воздействие создает предпосылки для обеспечения бесперебойного функционирования экономики региона, отражающейся в ее стабильности.

Управление экономикой региона неразрывно связано с обеспечением устойчивости ее основных элементов, которое может быть осуществлено за счет управления экономической динамикой и при поступательном совершенствовании показателей ее ключевых подсистем. Данный процесс осуществляется в рамках соответствующей модели, представляющей собой, по утверждению В. В. Подгорного, «обобщенное представление о системном устройстве экономики региона в виде схемы, отражающей совокупность протекающих в ней соответствующих взаимосвязанных процессов и явлений» [9, с. 296–297].

Центральным элементом модели является соответствующий механизм развития, позволяющий эффективно мобилизовать внутренние ресурсы, находящиеся в оперативном управлении руководства региона, и тем самым качественно воздействовать на состояние экономической динамики, стабилизируя всю систему устойчивого экономического

развития. Автор убежден, что задействование внутренних ресурсов развития может быть осуществлено преимущественно за счет стимулирования ключевых факторов, представляющих собой принципиальную, функциональную и методическую основу соответствующей модели – ее *инвестиционную привлекательность, инновационную активность и производительность труда*. Именно полное применение внутренних резервов развития с его ключевыми факторами создает систему устойчивого и сбалансированного экономического развития региона – результат функционирования соответствующей модели, проявляющийся в установлении таких пропорций региональной экономической системы, результаты функционирования которой могли бы обеспечить ей максимальную эффективность и согласованность хозяйственных процессов.

Таким образом возникает необходимость систематизации набора показателей, отражающих состояние ключевых факторов в модели экономического развития региона, что и становится целью настоящего исследования. Достигнуть ее можно за счет рассмотрения основных подходов к определению сущности и содержания инвестиционной привлекательности, инновационной активности и производительности труда в регионе и формирования обобщенной логической схемы структурной организации данной модели. Объект – механизм экономического развития региона.

Методы и материалы

Теоретической базой статьи выступают труды отечественных исследователей, специализирующихся в области устойчивого экономического развития регионов, модернизации экономических систем. В качестве методов научного исследования применяются: логический анализ, контент-анализ, описание, обобщение. Для формирования структурной организации модели экономического развития региона был использован метод системной идентификации исследуемых объектов [10].

Результаты

Как было отмечено ранее, ключевыми факторами в модели экономического развития региона являются *инвестиционная привлекательность, инновационная активность и производительность труда* [11, с. 53]. Представленные факторы лежат в основе механизма экономического развития региона, функционирование которого осуществляется на основе критерия неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости формирующих его элементов.

В исследователи с разных сторон подходят к понятию *инвестиционной привлекательности* регионов и предлагают различные методики ее оценки. Так:

1. В. А. Джигоев и Н. В. Цехомский связывают инвестиционную привлекательность с инвестиционным климатом региона [12; 13].

2. Н. Н. Скорниченко утверждает, что инвестиционная привлекательность региона во многом зависит от его инвестиционного потенциала, состоящего из совокупности элементов: ресурсно-сырьевого, трудового, производственного, инновационного, инфраструктурного, потребительского, финансового и институционального потенциалов [14].

3. Содержание концепта *инвестиционная привлекательность*, наряду с вышеперечисленными характеристиками, Т. В. Нешатаева и В. А. Гришук дополняют следующими – *инвестиционная репутация и инвестиционный имидж* региона. Как утверждают авторы, «между любыми парами из них существуют определенные взаимосвязи» [15, с. 51].

4. А. А. Цвырко, Н. В. Сухорукова рассматривают инвестиции как инструмент управления экономикой региона. Содержание понятия инвестиционной привлекательности находит отражение в различных его определениях [16].

5. В. Г. Игнатъев предлагает следующую формулировку: «инвестиционная привлекательность – совокупность множества факторов (экономических, географических, социальных и др.), а также возможностей, угроз, которые напрямую определяют степень притока капиталовложений в тот или иной регион» [17, с. 114].

6. М. А. Санович и М. С. Брагина утверждают: «привлечение инвестиций – это один из основных инструментов развития экономики и роста благосостояния территории» [18].

7. М. Б. Траченко, В. А. Джигоев подчеркивают три ключевые составляющие инвестиционной привлекательности – базовые условия, инвестиционный климат региона и инвестиционный риск [19]. Причем инвестиционный климат находится в непосредственном оперативном управлении руководства региона, является прямым следствием его управляющих воздействий.

8. М. Н. Жейнова выделяет «три комплексных группы методов (позволяющих оценить состояние инвестиционной привлекательности региона), в частности, методы экспертных оценок, факторного анализа и экономико-математические методы» [20, с. 122]. Они обладают как относительными достоинствами, так и недостатками. Экономико-математические методы отличаются

высокой точностью и носят объективный характер, однако наблюдаются сложности при использовании качественных показателей. В свою очередь экспертные оценки могут охватить большое число факторов и предоставить наглядные и сопоставимые результаты, но являются дорогостоящими и носят субъективный характер.

9. Определением уровня инвестиционной привлекательности занимаются также и рейтинговые агентства. Одним из таковых является Национальное Рейтинговое Агентство (НРА), методика которого достаточно полно отражает составные части региональной экономической системы, в рамках которой функционирует подсистема инвестиций. Согласно определению, данному НРА, инвестиционная привлекательность понимается как совокупность факторов с определенным весовым коэффициентом, «влияющих на целесообразность, эффективность и уровень рисков инвестиционных вложений на территории определенного региона»¹. К числу упомянутых факторов относятся следующие: географическое положение и природные ресурсы, трудовые ресурсы, региональная инфраструктура, внутренний рынок, производственный потенциал, институциональная среда, финансовая устойчивость. Значение данных коэффициентов указано в соответствующем аналитическом отчете агентства².

Оценку перечисленных факторов производят с помощью набора из 56 показателей, которые можно разделить на 3 группы: статистические показатели, опросы предпринимательского сообщества, экспертные оценки. Интегральную оценку уровня инвестиционной привлекательности региона I_{np} проводят с использованием формулы:

$$I_{np} = \sum x * y,$$

где x , y – значения соответствующих факторов и весового коэффициента.

Анализ различных методик определения уровня инвестиционной привлекательности региона позволяет заключить, что наиболее перспективной является методика, предложенная М. Б. Траченко и В. А. Джигоевым, т.к. именно она акцентирует внимание на внутренних резервах развития (базовые условия) и результатах управленческого воздействия (инвестиционный климат) с учетом инвестиционного риска.

Инновационная активность – целенаправленная деятельность по созданию, освоению в производстве и продвижению на рынок продуктовых, технологических и организационно-управленческих новшеств³. Ее уровень «определяет темпы развития национальной экономики в целом и конкурентоспособность хозяйствующих субъектов – регионов, отдельных отраслей, предприятий» [21, с. 24].

Результаты исследования А. З. Барыбиной позволили выделить ряд подходов к оценке инновационной активности: «формальный подход, системный подход, ресурсный подход, динамический подход, результативный подход, конкурентный подход, подход матричных моделей и подход "черного ящика"» [22, с. 118]. На основании их систематизации, автор выделяет собственный платформенный подход, сущность которого заключается в «учете базовых показателей объекта хозяйственной деятельности и построении на их основе проекций показателей, характеризующих инновационную активность» [22, с. 120].

В свою очередь методика оценки инновационной активности, предложенная Т. С. Ласковой, Е. Е. Айдаркиной и В. А. Семидоцким, направлена на предпринимательский сектор. В ее (методики) состав входят 6 видов показателей, данные о которых предоставляет Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [23, с. 161]:

- 1) доля инновационных товаров / работ / услуг (%);
- 2) доля затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров (%);
- 3) применение локальных вычислительных сетей и других цифровых технологий в организациях (%);
- 4) использование широкополосного доступа к сети Интернет в организациях (%);
- 5) использование электронного документооборота в организациях (%);
- 6) количество организаций, выполняющих научные исследования и разработки (тыс. ед.).

По мнению автора, инновационная активность должна рассматриваться как в промышленной, так и в научной сферах, т.к. именно они являются ключевыми проводниками инноваций в экономике региона. Данным критериям отвечает подход оценки инновационной активности в региональной экономике, предложенный Е. В. Ерохиной. В его рамках «инновационная активность в региональной экономике в целом определяется как сумма

¹ X ежегодная оценка инвестиционной привлекательности регионов России. Аналитический обзор. НРА. 14.12.2022. URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2022/12/region_invest_2022.pdf (дата обращения: 05.05.2024).

² Там же.

³ Инновационная активность. *Экономическая энциклопедия*, ред. Л. И. Абалкин. М.: Экономика. 1999. С. 234–235.

инновационной активности в промышленности и количественные показатели изменений созданных инноваций в научной сфере» [21, с. 24]. Автор предлагает конкретные формулы, с помощью которых можно рассчитать значение инновационной активности в ключевых сферах – производственной и научной – и вычислить итоговый показатель.

Научное определение *производительности труда*, согласно Н. Н. Волковой, Э. И. Романюк и А. А. Френкель, представляет собой «количество продукции, произведенной работником за единицу рабочего времени, или количество времени, которое затрачено на производство единицы продукции» [24, с. 119]. В России определением индекса производительности труда на микро-, макро- и региональном уровнях занимается Росстат. Согласно его методологии, производительность труда представляет собой меру результативности и эффективности труда человека. Она определяется как отношение результатов производства, отраженных в индексе объема валового регионального продукта (ВРП), к совокупным затратам труда на данное производство, выраженных соответствующим индексом, за определенный промежуток времени. Так как определение производительности труда, данное Росстатом, в целом совпадает с его научным определением, представляется целесообразным обратить внимание на методику расчета данного показателя.

Методика расчета производительности труда, согласно Росстату, может быть основана на натуральных, трудовых или стоимостных показателях производства. Так, согласно приказу № 274⁴, соответствующий показатель по субъектам Российской Федерации (РФ) рассчитывается с применением формулы:

$$I_{пр.т} = \frac{I_{врп}}{I_{зт}} * 100 \%,$$

где, $I_{пр.т}$ – индекс производительности труда; $I_{врп}$ – индекс физического объема валового регионального продукта в основных ценах периода t к периоду $t-1$; $I_{зт}$ – индекс совокупных затрат труда по региону периода t к периоду $t-1$.

В таком виде производительность труда представляет собой относительную величину динамики. Недостатком данного подхода также является и невозможность оценить абсолютный уровень соответствующего показателя. Данные минусы нивелируются в методиках, в рамках которых производительность труда рассчитывается на одного занятого в экономике или на один отработанный час. В качестве таковых выступают: методика Международной организации труда (МОТ) и методика организации экономического развития и сотрудничества (ОЭСР). Представленные способы отличаются прозрачностью, а данные для расчета соответствующих показателей можно найти в открытом доступе, что дает возможность осуществлять межрегиональные или международные сравнения. Однако итоговое значение показателя во многом зависит и от других факторов, например качества и количества используемых основных средств, уровня их автоматизации, степени изношенности и т.д. К тому же немаловажную роль играют и организационные факторы, к которым прежде всего относятся: эффективность организации труда, компетенции сотрудников, организационная культура, опыт производственной деятельности и др.

Итак, каждая из рассмотренных методик определения уровня производительности труда обладает сравнительными преимуществами и недостатками, следовательно, выбор той или иной методики должен быть обусловлен целью и задачами исследования. Проведенный анализ позволяет систематизировать соответствующие показатели на рисунке 1.

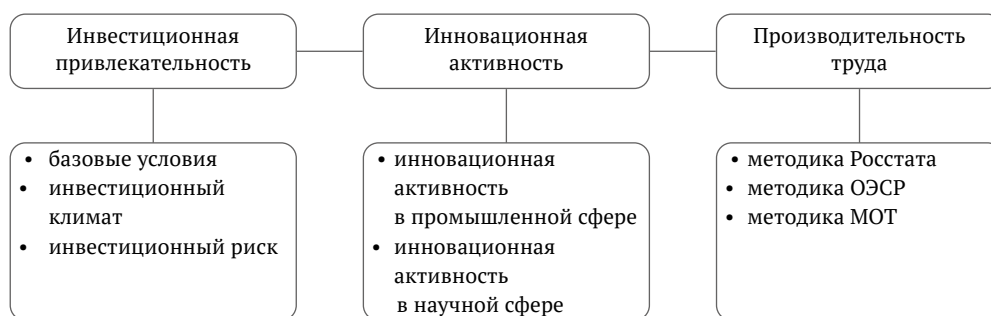

Рис. 1. Система показателей, отражающих состояние ключевых факторов в модели экономического развития региона
Fig. 1. Indicators of key factors in regional economic development model

⁴ Об утверждении Методики расчета показателя «Индекс производительности труда». Приказ Федеральной службы государственной статистики № 274 от 28.04.2018. СПС КонсультантПлюс.

Их систематизация способствует формированию функционально-организационной основы структурной организации механизма экономического развития, который, в свою очередь, является движущей силой соответствующей модели. Ее обобщенная логическая схема представлена на рисунке 2. Функционирование механизма управления динамикой экономического развития построено на основе критерия неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости ее ключевых элементов, которые на данном этапе лежат в основе результата действия соответствующих факторов, формирующих соответствующий механизм развития. Сущность обозначенной взаимосвязи была раскрыта нами в работе [11]. Одной из характерных черт представленной модели является целостность за счет действия прямой и обратной связи, отмеченной стрелками на рисунке.

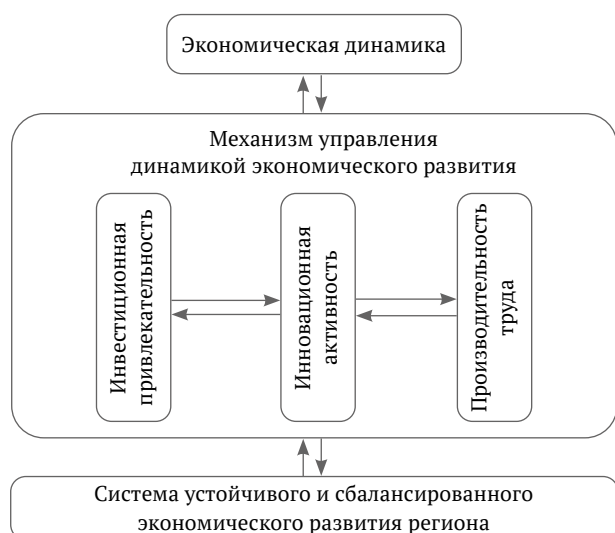

Рис. 2. Обобщенная логическая схема структурной организации модели экономического развития региона

Fig. 2. Structure of regional economic development model: Generalized logical diagram

Заключение

В работе были рассмотрены сущность и содержание основных показателей, отражающих состояние ключевых факторов в модели экономического развития региона. Раскрыто содержание понятий *устойчивое экономическое развитие*, *стабильность* и *сбалансированность* применительно к экономике региона. Проведена систематизация показателей, характеризующих состояние ключевых факторов в модели экономического развития, на основе чего сформирована обобщенная логическая схема структурной организации данной модели. Показано, что управление динамикой экономического развития посредством целенаправленного воздействия на ход экономических процессов может способствовать созданию системы устойчивого и сбалансированного экономического развития региона как результата функционирования соответствующей модели, обеспечивающей максимальную эффективность и согласованность хозяйственных процессов. Значимость представленной модели заключается в возможности ее адаптации к конкретным региональным особенностям, применения в реальной хозяйственной практике и создании на этой основе предпосылок для улучшения качества и уровня жизни населения региона. В рамках направления дальнейших исследований следует выделить разработку и обоснование соответствующего принципиального и методического обеспечения, без которого функционирование модели представляется неосуществимым.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Подгорный В. В. Экономика России: от рыночного фундаментализма к устойчивости и стабильности. Донецк: Центр инновационных технологий в экономике и управлении, 2023. 100 с. [Podgorniy V. V. *Russian Economy: From market fundamentalism to sustainability and stability*. Donetsk: Tsentr innovatsionnykh tekhnologii v ekonomike i upravlenii, 2023, 100. (In Russ.)]
2. Подгорный В. В. Обеспечение устойчивости и стабильности экономики России в условиях глобальных трансформаций. *Методологические и организационные аспекты функционирования и развития социально-экономической системы*: VII Всерос. науч.-практ. интернет-конф. с Междунар. уч. (Донецк, 15 ноября 2023 г.) Донецк: Донецкая академия управления и государственной службы, 2023. С. 80–82. [Podgorniy V. V. Ensuring the sustainability and stability of the Russian economy under global transformations. *Methodological and organizational aspects of the functioning and development of the socio-economic system*: Proc. VII All-Russian Sci.-Prac. Internet Conf. with Intern. Participation, Donetsk, 15 Nov 2023. Donetsk: Donetskaia akademiia upravleniia i gosudarstvennoi sluzhby, 2023, 80–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nlmhuu>

3. Подгорный В. В. Устойчивое развитие России: механизм и модель процесса. *Научная статья года 2022: V Междунар. науч.-исследоват. конкурс.* (Пенза, 30 ноября 2022 г.) Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 46–51. [Podgorniy V. V. Sustainable development of Russia: Mechanism and model of the process. *Scientific articles of 2022: Proc. V Intern. Sci.-Research Competition*, Penza, 30 Nov 2022. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2022, 46–51 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fpsgbd>
4. Штумпф С. Ф. Управление экономическими процессами как фактор социально-экономического развития региона. *Актуальные направления современных научных исследований: перспективы развития: Междунар. науч.-практ. конф.* (Краснодар, 26 февраля 2019 г.) Краснодар: Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2019. С. 215–220. [Stumpf S. F. Management of economic processes as a factor in the socio-economic development of the region. *Current directions of modern scientific research: Development prospects: Proc. Intern. Sci.-Pract. Conf.*, Krasnodar, 26 Feb 2019. Krasnodar: Krasnodarskii TSNTI – filial FGBU «REA» Minenergo Rossii, 2019, 215–220. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sykyik>
5. Барашкова О. В. Сравнительный анализ экономического развития регионов: от теоретических дискуссий к управлению региональным развитием. *Проблемы теории и практики управления.* 2019. № 2. С. 78–91. [Barashkova O. V. Comparative analysis of regional economic development: From theoretical discussions to regional development management. *Problemy teorii i praktiki upravleniia*, 2019, (2): 78–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zceloh>
6. Келеш Ю. В. Проектное управление социально-экономическим развитием региона. Курск, 2019. 171 с. [Kelesh Yu. V. *Project management of socio-economic development of the region.* Kursk, 2019, 171. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eojnpz>
7. Кайсарова В. П., Жигалов В. М. Социально-экономическое развитие регионов Северо-Запада России: оценка стабильности и индикаторы устойчивости. *Проблемы современной экономики.* 2018. № 4. С. 151–157. [Kaisarova V. P., Zhigalov V. M. Socio-economic development of Russia's North-Western regions: Evaluation of stability and indices of sustainability (Russia, St. Petersburg). *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2018, (4): 151–157. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvevja>
8. Вицелярова К. Н., Попов И. В. Экономическая безопасность как фактор устойчивого развития региональной экономики. *Естественно-гуманитарные исследования.* 2022. № 44. С. 51–53. [Vitselyarova K. N., Popov I. V. Economic security as a factor of sustainable development of the regional economy. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniia*, 2022, (44): 51–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvspcz>
9. Подгорный В. В. Модернизация экономической теории как объективная необходимость. *Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: VII Междунар. науч. конф.* (Донецк, 27–28 октября 2022 г.) Донецк: ДонНУ, 2022. Т. 5. Ч. 2. С. 295–297. [Podgorniy V. V. Modernization of economic theory as an objective necessity. *Donetsk Readings 2022: Education, science, innovation, culture, and modern challenges: Proc. VII Intern. Sci. Conf.*, Donetsk, 27–28 Oct 2022. Donetsk: DonNU, 2022, vol. 5, pt. 2, 295–297. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wtnjne>
10. Подгорный В. В. Моделирование – главный принцип структурирования управления социальным развитием общества. *Менеджмент в России и за рубежом.* 2015. № 2. С. 40–48. [Podgorniy V. V. Modeling as a key principle of social development structuring of society. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, 2015 (2): 40–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tptzub>
11. Козий К. Ю., Подгорный В. В. Особенности взаимосвязи и взаимозависимости ключевых факторов экономического развития региона. *Финансово-экономическое развитие Донбасса: проблемы, пути решения: Республ. науч.-практ. конф.* (Донецк, 11–12 апреля 2024 г.) Донецк: ДонАУиГС, 2024. С. 53–55. [Koziy K. Yu., Podgorniy V. V. Features of the relationship and interdependence of key factors in the economic development of the region. *Financial and economic development of Donbass: Problems, and solutions: Republic. Sci.-Pract. Conf.*, Donetsk, 11–12 Apr 2024. Donetsk: DonAMPА, 2024, 53–55. (In Russ.)]
12. Джиоев В. А. Сущность и взаимосвязь понятий инвестиционной привлекательности и инвестиционного климата регионов. *Вестник университета.* 2020. № 3. С. 118–122. [Dzhioev V. A. Essence and interrelation of the concepts of investment attractiveness and investment climate of region. *Vestnik Universiteta*, 2020, (3): 118–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-3-118-122>
13. Цехомский Н. В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат. *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии.* 2022. № 1. С. 5–9. [Tsekhomsky N. V. Investment attractiveness and investment climate. *Teoriia i praktika servisa: Ekonomika, sotsialnaia sfera, tekhnologii*, 2022, (1): 5–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kahstb>

14. Скорниченко Н. Н. Обеспечение инвестиционной привлекательности регионов России в условиях влияния международных санкций. *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*. 2022. Т. 13. № 2. С. 100–108. [Skornichenko N. N. Ensuring the investment attractiveness of Russian regions under the influence of international sanctions. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie*, 2022, 13(2): 100–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18287/2542-0461-2022-13-2-100-108>
15. Нешатаева Т. В., Гришчук В. А. Понятие инвестиционной привлекательности региона и его место в системе инвестиционных категорий. *Общество, экономика, управление*. 2022. Т. 7. № 1. С. 48–54. [Neshataeva T. V., Grishchuk V. A. Concept of investment attractiveness region and its place in the system of investment categories. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie*, 2022, 7(1): 48–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/2618-9852-2022-17107>
16. Цвырко А. А., Сухорукова Н. В. Проблемы повышения инвестиционной привлекательности региона. *Вектор экономики*. 2022. № 6. [Tsvyrko A. A., Sukhorukova N. V. Problems of increasing the investment attractiveness of the region. *Vektor ekonomiki*, 2022, (6). (In Russ.)] URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2022/6/financeandcredit/Tsvyrko_Sukhorukova.pdf (дата обращения: 05.05.2024). <https://elibrary.ru/pgelbx>
17. Игнатъев В. Г. Критерии инвестиционной привлекательности региона. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020. Т. 2. № 6. С. 114–117. [Ignatev V. G. Criteria for investment attractiveness of the region. *Ekonomika i upravlenie: Problemy, resheniia*, 2020, 2(6): 114–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhlkz>
18. Санович М. А., Брагина М. С. Инвестиционная привлекательность региона: трактовка понятия и факторы ее определяющие. *Актуальные вопросы современной экономики*. 2021. № 11. С. 172–176. [Sanovich M. A., Bragina M. S. Investment attractiveness of the region: Interpretation of the concept and factors determining it. *Aktualnye voprosy sovremennoi ekonomiki*, 2021, (11): 172–176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/awzmr>
19. Траченко М. Б., Джиоев В. А. Экспресс-анализ инвестиционной привлекательности регионов. *Финансы и кредит*. 2018. Т. 24. № 9. С. 2151–2165. [Trachenko M. B., Dzhioev V. A. Express analysis of the investment appeal of regions. *Finance and Credit*, 2018, 24(9): 2151–2165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/fc.24.9.2151>
20. Жейнова М. Н. Система социально-экономического партнерства в условиях инвестиционного развития региона. *Донецк*, 2022. 234 с. [Zheinova M. N. *System of socio-economic partnership in the conditions of investment development of the region*. Donetsk, 2022, 234. (In Russ.)]
21. Ерохина Е. В. Инновационная активность региона: проблемы, оценка и возможности стимулирования. *Общество: политика, экономика, право*. 2015. № 2. С. 22–28. [Erokhina E. V. Innovative activity in the region: Challenges, assessment, and reinforcement resources. *Obshchestvo: Politika, ekonomika, pravo*, 2015, (2): 22–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tuobsh>
22. Барыбина А. З. Применение платформенного подхода к оценке инновационной активности. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Экономика и менеджмент»*. 2021. Т. 15. № 4. С. 115–124. [Barybina A. Z. Application of a platform approach to assessing innovative activity. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 2021, 15(4): 115–124. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/em210412>
23. Ласкова Т. С., Айдаркина Е. Е., Семидоцкий В. А. Формирование системы показателей для оценки инновационной активности в предпринимательстве региона. *Вестник Академии знаний*. 2022. № 53. С. 159–163. [Laskova T. S., Aйдarkina E. E., Semidotsky V. A. Formation of a system of indicators for assessing innovative activity in the entrepreneurship of the region. *Vestnik Akademii znanii*, 2022, (53): 159–163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qfoxiu>
24. Волкова Н. Н., Романюк Э. И., Френкель А. А. Сравнительный анализ различных подходов к измерению производительности труда. *Экономическая наука современной России*. 2020. № 3. С. 117–131. [Volkova N. N., Romanyuk E. I., Frenkel A. A. Comparative analysis of various approaches to calculating labour productivity. *Economics of Contemporary Russia*, 2020, (3): 117–131. (In Russ.)] [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-3\(90\)-117-131](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-3(90)-117-131)

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/epkrys>

Оценка привлекательности ресторанных рынков регионов Сибирского федерального округа

Максименко Ирина Анатольевна

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 8704-5032

<https://orcid.org/0000-0002-2286-8201>

imaksimenko@sfu-kras.ru

Здрестова-Захаренкова Светлана Викторовна

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 2944-9595

<https://orcid.org/0000-0003-3242-2411>

Вашко Татьяна Александровна

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 3103-9861

<https://orcid.org/0000-0003-2312-0411>

Аннотация: Многие ресторанные компании видят восстановление и дальнейшее развитие ресторанного рынка после ковидных ограничений и перебоев в логистических процессах в территориальной экспансии. В связи с этим фокус внимания рестораторов обращается к проблеме определения территорий, обеспечивающих наибольшие перспективы для развития бизнеса. Выбор географических рынков для экспансии, как правило, базируется на оценке их привлекательности. Вопросами этой оценки и составлением рейтингов рынков занимаются преимущественно исследовательские компании и институты, регулярно публикующие результаты своих рэнкингов. Однако в них отсутствуют рейтинговые оценки привлекательности отечественного ресторанного рынка в целом и его отдельных региональных сегментов. Кроме того, в методической литературе нет общепринятого подхода к оценочным параметрам данного рынка. Цель – провести оценки привлекательности ресторанных рынков регионов Сибирского федерального округа при помощи трех различных методик. Каждая из них включает в себя однофакторные или многофакторные параметры, определяющие состояние ресторанного рынка в статичный момент времени. Все методики базируются на объективных статистических данных, что позволяет говорить о достаточно высокой степени достоверности полученных результатов. По итогам комплексной диагностики составлен рейтинг привлекательности регионов Сибирского федерального округа для целей территориальной экспансии ресторанных компаний. Однозначным лидером является Красноярский край (занимает первую позицию по всем методикам); три крайние позиции в нем занимают республики Хакасия, Тыва, Алтай (в порядке снижения их привлекательности); остальные шесть регионов (Новосибирская область, Алтайский край, Кемеровская, Иркутская, Омская и Томская области) распределились в средней части рейтинга.

Ключевые слова: ресторанный рынок, привлекательность рынка, параметры оценки привлекательности, территориальная экспансия, развитие ресторанного бизнеса, диспропорции развития, Сибирский федеральный округ, рейтинг привлекательности ресторанных рынков

Цитирование: Максименко И. А., Вашко Т. А., Здрестова-Захаренкова С. В. Оценка привлекательности ресторанных рынков регионов Сибирского федерального округа. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 3. С. 467–478. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-467-478>

Поступила 28.03.2024. Принята после рецензирования 19.06.2024. Принята в печать 23.06.2024.

full article

Attractiveness of Restaurant Markets in Siberian Federal District

Irina A. Maksimenko

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 8704-5032

<https://orcid.org/0000-0002-2286-8201>

imaksimenko@sfu-kras.ru

Svetlana V. Zdrestova-Zakharenkova

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 2944-9595

<https://orcid.org/0000-0003-3242-2411>

Tatyana A. Vashko

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 3103-9861

<https://orcid.org/0000-0003-2312-0411>

Abstract: Many restaurant companies turn to territorial expansion to restore and develop the restaurant market after COVID-19 restrictions and disruptions in logistics. As a result, they need to select territories with the greatest business development prospects. As a rule, they choose geographical markets for expansion based on attractiveness assessments and market ratings provided by various research companies and institutes. However, these reports often lack rating attractiveness assessments for separate regions and the domestic restaurant market as a whole. Moreover, a review of scientific publications revealed no standard approach to market parameters in this sphere. The authors employed three different methods to assess the attractiveness of restaurant markets in the regions of the Siberian Federal District. Each method included single-factor or multi-factor parameters that determined the state of the restaurant market at a static moment in time. The methods were based on objective statistical data, which provided a fairly high degree of reliability. The comprehensive diagnosis yielded an attractiveness rating for various regions of the Siberian Federal District and their territorial expansion prospects for restaurant companies. The Krasnoyarsk Region demonstrated the best results by all methods. The republics of Khakassia, Tyva, and Altai appeared to be the least attractive areas for restaurant business expansion. The remaining six regions of Novosibirsk, Altai, Kemerovo, Irkutsk, Omsk, and Tomsk occupied the middle ranking.

Keywords: restaurant market, market attractiveness, attractiveness assessment parameters, territorial expansion, restaurant business development, development imbalances, Siberian Federal District, attractiveness rating of restaurant markets

Citation: Maksimenko I. A., Vashko T. A., Zdrestova-Zakharenkova S. V. Attractiveness of Restaurant Markets in Siberian Federal District. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 467–478. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-467-478>

Received 28 Mar 2024. Accepted after peer review 19 Jun 2024. Accepted for publication 23 Jun 2024.

Введение

Уход с российского рынка в 2022–2023 гг. многих иностранных сетей быстрого питания¹ (McDonald's, Domino's Pizza, Starbucks, Papa John's International, Ninja Sushi, Pizza Hut и др.) освободил рыночное пространство для отечественного ресторанного бизнеса. В этих условиях российские рестораторы начали активную географическую экспансию, направленную на укрупнение рыночных структур и территориальное расширение.

После определенной паузы в развитии (из-за перебоев в поставке импортных продуктов, напитков и оборудования) ресторанные компании вновь набирают обороты [1; 2] и основным драйвером развития на ближайшие 4–5 лет видят именно региональную экспансию², связанную с ростом спроса россиян на качественную кухню и развитием внутреннего туризма на фоне ограничения зарубежных поездок [3; 4].

¹ Leroy Merlin, KFC, Paulig: как теперь называются знакомые бренды. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/02/10/2023/62b56ead9a79477e7b13e2e2> (дата обращения: 12.01.2024).

² Кузьмина В. Кушать продано: в регионах увеличится число московских сетевых ресторанов. *Известия*. 22.10.2023. URL: <https://iz.ru/1592843/vera-kuzmina/kushat-prodano-v-regionakh-uvlichitsia-chislo-moskovskikh-setevykh-restoranov> (дата обращения: 12.01.2024).

О своем желании масштабировать бизнес заявляют Tigrus Group (рестораны «Остерия Марио», «Швили», Zest, Bar BQ), ресторанные сети «Мясо и Рыба», «Якитория», «Теремок», Novikov Group, Bellini Gastronomic Ecosystem, 0,75 Group и др.³ Необходимость наращивания оборотов и доли рынка обусловлена спецификой индустрии, в которой важное значение имеют задачи снижения доли постоянных расходов в общей структуре и оптимизации логистических решений, а также рост возможностей использования технологических инноваций при тиражировании сети в *городах-миллионниках* [5]. Так, фокус внимания рестораторов обращается к вопросам определения территорий, обеспечивающих наибольшие перспективы для развития бизнеса [6]. Выбор географических рынков для экспансии, как правило, базируется на оценке привлекательности этих рынков с позиции их емкости [7], наличия потенциального спроса [8], интенсивности конкуренции [9] и возможностей обеспечивать приемлемую доходность [10].

Российский ресторанный рынок еще очень молод относительно траекторий развития рынков развитых стран. Новая эпоха отечественного ресторанного бизнеса едва насчитывает 30 лет, однако этот период был очень насыщенным с позиции смены концепций и форматов заведений, доминирующих предпочтений потребителей, трендов в развитии рынка [11]. С 2008 г. ресторанный рынок переживает уже четвертое сжатие, спровоцированное кризисными явлениями (рис. 1⁴). Несмотря на то что последние имеют в корне различные причины и являются несопоставимыми по масштабу и глубине

поражения рынка, все они служат определенными драйверами формирования новых рыночных тенденций.

За последние 5 лет общее количество организаций на рынке почти не изменилось. К началу 2020 г. ресторанный рынок достиг пиковых показателей: количество баров, кафе и ресторанов приблизилось к 186 тыс. Но потом бизнес подкосила пандемия – количество организаций сократилось до 175 тыс. в 2021 г. В 2021–2022 гг. рынок буквально замер, но с 2023 г. начал расти (рис. 2⁵).

Судя по общему количеству организаций, эта тенденция сохранится. Если на январь 2023 г. на рынке (организаций) насчитывалось 180 тыс., то к июню 2023 г. количество практически достигло 188 тыс. Самый уверенный рост на рынке показывают кафе (+5,2 % за 6 месяцев 2023 г.). Следует отметить, что ресторанов и баров также становится больше (+4,2 % и +4,3 % соответственно), но их количество растет не так быстро.

Что касается регистраций и ликвидаций, то здесь тоже отмечается положительная динамика. Если до конца 2021 г. количество закрытий превышало открытия, то в 2022 г. ситуация изменилась: было зарегистрировано 36855 компаний, а закрыто только 32122 (рис. 3⁶).

В 2022 г. российский ресторанный рынок пережил трансформацию. Крупные ресторанные сети с иностранным участием сменили собственников на российских. Часть сетевых точек питания простаивала в ожидании ребрендинга. Операторы фастфуда, принявшие решение о продолжении работы, смогли привлечь новых клиентов и улучшить свои показатели.

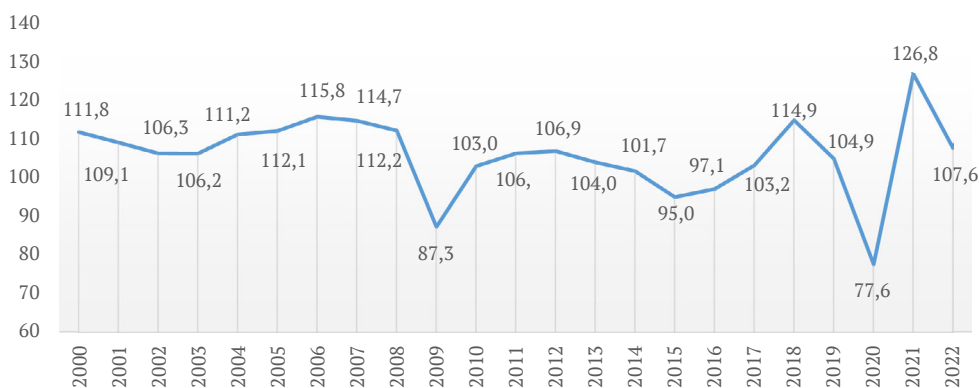

Рис. 1. Индексы физического объема оборота ресторанный рынок в России, %
Fig. 1. Physical volume of turnover on Russian restaurant market, %

³ Столичные ресторанные сети идут в регионы. *ShopAndMall.ru*. 23.10.2023. URL: <https://shopandmall.ru/news/stolicnye-restorannye-seti-idut-v-regiony> (дата обращения: 12.01.2024).

⁴ Сост. по: Торговля в России: статистический сборник. М: Росстат, 2022. 269 с.

⁵ Сост. по: Едим не дома: общепит в России растет. *СКБ Контур*. 06.07.2023. URL: https://kontur.ru/press/news/45205-edim_ne_doma_obshchepit_v_rossii_rastet (дата обращения: 05.03.2024).

⁶ Сост. по: Там же.

Потребители с низким и средним уровнем доходов чаще склонялись к сберегающей модели поведения. В результате спрос на ресторанные услуги смещался в сегменты с меньшим средним чеком, поэтому стало больше заведений формата fast-casual, кофеен / пекарен полного цикла и fast-food сегмента. Такой рост был частично связан, с одной стороны, с увеличением скорости жизни населения и изменением потребительского поведения, а с другой – с консолидацией рынка и выкупом иностранных франшиз⁷.

К тому же развитие рынка происходит крайне неравномерно в разрезе регионов и федеральных округов. Так, данные рисунка 4⁸ отражают тренд на децентрализацию ресторанного бизнеса: традиционные флагманы рынка – Центральный (ЦФО) и Приволжский (ПФО) федеральные округа (которые формируют ресторанную индустрию России на 33,1 % и 12,8 % соответственно) – значительно уступают в темпах развития удаленным регионам. На первые позиции выходят Уральский (УФО), Сибирский (СФО) и Дальневосточный (ДФО) федеральные округа, активно наращивающие обороты.

На этом фоне важную теоретическую и практическую работу по оценке развития региональных ресторанных рынков на регулярной основе проводят:

- исследовательские компании и институты (Федеральная служба государственной статистики (Росстат), Центр экономических исследований «РИА-Аналитика»);
- рейтинговые и консалтинговые компании (Deloitte, Ernst & Young, Nielsen, РБК.Рейтинги, Эксперт-РА, GFK Group, INFOline, TNS Group Media);
- финансово-экономические журналы (Издательский Дом «Коммерсантъ», Forbes, The Economist).

Тем не менее, несмотря на многообразие исследований, в методической литературе отсутствуют рейтинговые оценки привлекательности отечественного ресторанного рынка в целом и его отдельных региональных сегментов. Имеющиеся наработки в области оценки привлекательности рынков концентрируют внимание преимущественно на изучении отдельных аспектов потребительских рынков, таких как емкость, уровень конкуренции, уровень доходов населения и т.д. [12]. Так как ресторанный рынок является составной частью потребительского рынка [13] (его доля в РФ в 2022 г. составила 4,1 %) наряду с рынком розничной торговли (73,6 %) и рынком платных услуг (22,3 %)⁹, авторы считают

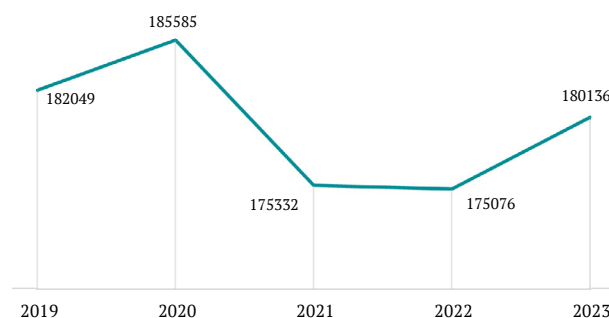

Рис. 2. Динамика количества организаций ресторанного рынка

Fig. 2. Number of restaurant market organizations

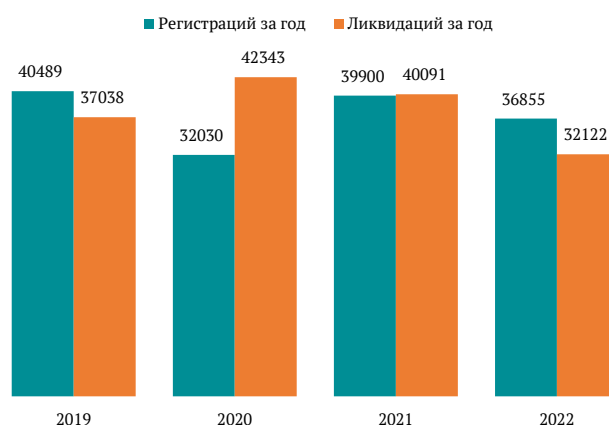

Рис. 3 Динамика регистраций / ликвидаций организаций ресторанного рынка

Fig. 3. Registrations vs. liquidations of restaurant companies

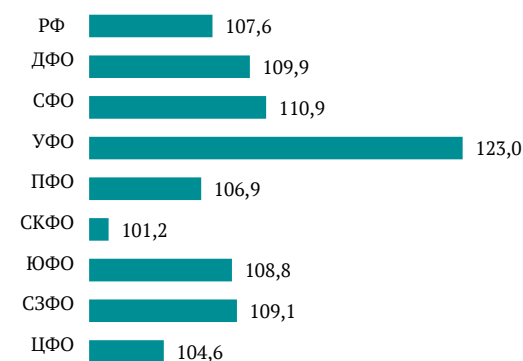

Рис. 4. Оборот ресторанного рынка, 2022 г. к 2021 г., в сопоставимых ценах, %

Fig. 4. Restaurant market turnover in 2022 vs. 2021, comparable prices, %

⁷ Тренды ресторанного бизнеса 2024. SWISSAM. 13.03.2024. URL: <https://swissam.ru/tpost/p1zlpde491-trendi-restorannogo-biznesa-2024> (дата обращения: 15.05.2024).

⁸ Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М: Росстат, 2023. 1126 с.

⁹ Рассчитано по: Регионы России...

правомочным использовать методики оценки привлекательности потребительского рынка для оценки привлекательности ресторанный рынок (с модификацией соответствующих показателей). При этом ввиду отсутствия объективных статистических данных относительно величин оборота ресторанный рынок (Росстат не выделяет данную категорию) принимается допущение эквивалентности категорий *оборот ресторанный рынок* и *оборот общественного питания* (по обобщенным оценкам экспертов индустрии, оборот ресторанный рынок составляет около 65 % оборота общественного питания).

Методы и материалы

Территориальные рамки данного исследования авторы ограничили регионами СФО. Обоснованием этого служат две причины: во-первых, округ является одним из наиболее динамично наращивающих объемы ресторанный рынок; во-вторых, регионы, входящие в округ, достаточно дифференцированные (как по размерам, так и по темпам развития), что представляет особый интерес с точки зрения оценки их привлекательности для экспансии ресторанных компаний.

Еще одним фактором, ограничивающим результативность данного исследования, является отсутствие единой общепринятой количественной методики оценки привлекательности рынков [14]. Соответственно, для повышения объективности результатов авторы считают целесообразным использование одновременно нескольких подходов:

- оценка по индексу покупательной способности Ж. Ж. Ламбена;
- оценка по методике С. Канунникова;
- оценка на основе матричной модели А. И. Ерчака.

Результаты

Оценка по индексу покупательной способности Ж. Ж. Ламбена

Доступный и понятный метод оценки привлекательности рынка предложен в работе [15]. В основе способа оценки три базовых параметра: численность населения, ВВП и товарооборот розничной торговли региона. В этой методике используются не абсолютные значения параметров, а их доля в совокупной выборке (%). На основе долевых величин определяется средневзвешенное значение для каждого региона, которое и принимается в качестве показателя привлекательности. Для целей настоящего исследования в составе

базовых параметров привлекательности региона показатель *товарооборот розничной торговли заменен на оборот общественного питания*.

Полученные в таблице 1¹⁰ результаты свидетельствуют о лидерских позициях в рейтинге Красноярского края (совокупная оценка 21,6), Новосибирской (17,8), Кемеровской (15,0) и Иркутской (14,9) областей. Менее привлекательными для экспансии выглядят Омская область (9,6), Алтайский край (9,0) и Томская область (5,7). Замыкают рейтинг традиционно дотационные регионы – республики Хакасия (3,1), Тыва (1,2) и Алтай (1,1).

Подобное расположение регионов в рейтинге выглядит вполне объективным, но оно обусловлено в первую очередь их размерами: чем регион крупнее, тем больше в нем численность населения, выше оборот общественного питания и, соответственно, вклад в совокупный ВВП округа. На наш взгляд, данная методика подходит для первичного ранжирования, но не позволяет обнаружить причинно-следственные связи между факторами и провести более глубокий анализ.

Табл. 1. Рейтинг привлекательности ресторанный рынок в разрезе регионов СФО по индексу покупательной способности, 2022 г.

Tab. 1. Attractiveness rating of restaurant market in Siberian Federal District by purchasing power index, 2022

Регионы	Рейтинг	Численность населения, %	ВВП, %	Оборот общественного питания, %
Красноярский край	21,6	17,1	27,2	21,3
Новосибирская область	17,8	16,8	14,3	22,7
Кемеровская область	15,0	15,4	16,0	14,2
Иркутская область	14,9	14,1	17,0	14,0
Омская область	9,6	11,0	7,6	10,5
Алтайский край	9,0	12,8	7,5	6,9
Томская область	5,7	6,3	6,3	4,8
Республика Хакасия	3,1	3,2	2,7	3,4
Республика Тыва	1,2	2,0	0,8	0,7
Республика Алтай	1,1	1,3	0,6	1,4

¹⁰ Рассчитано по: Там же.

Оценка по методике С. Канунникова

С. Канунников при создании торговой карты России исходил из «соотношения численности экономически активного населения, среднедушевого дохода населения в месяц, величины прожиточного минимума на одного человека за этот период и оборота розничной торговли на душу населения в год»¹¹. Если трансформировать предложенную им методику для целей данного исследования, формула привлекательности ресторанного рынка (P_{pp}) может иметь следующий вид:

$$P_{pp} = \frac{Ч_{pc} \times Д^3}{P_{мин} \times ОО},$$

где $Ч_{pc}$ – численность рабочей силы в регионе (тыс. человек); $Д$ – среднедушевой доход в регионе (тыс. руб. / человек); $P_{мин}$ – величина прожиточного минимума, установленная в регионе (тыс. руб. / человек); $ОО$ – величина оборота общественного питания на человека в регионе (тыс. руб. / человек).

Данные таблицы 2¹² демонстрируют результаты, в целом схожие с предыдущей методикой: рейтинг привлекательности возглавляет Красноярский край (437477 баллов), у Алтайского достаточно близкие к нему позиции (404154), замыкает же тройку лидеров Новосибирская область (363311). Появление в лидерах Алтайского края обусловлено активным развитием в нем туризма в последние годы.

В сочетании со значительным потенциалом относительно дешевой рабочей силы (одно из самых низких значений величины прожиточного минимума) это становится хорошей наработкой для формирования привлекательности региона для ведения в нем ресторанного бизнеса.

Промежуточное положение в рейтинге у Кемеровской (291249 баллов), Иркутской (269151 балл), Омской (256883) и Томской (164375) областей. Аутсайдерами рейтинга являются регионы-реципиенты – республики Хакасия (31685), Тыва (23060) и Алтай (10725). Они характеризуются низкими показателями рабочей силы и низкими среднедушевыми доходами, однако республики Алтай и Хакасия имеют высокие значения оборота общественного питания на душу населения (в силу малой численности населения в регионах).

Оценка на основе матричной модели А. И. Ерчака

В своем исследовании [16] ученый предлагает матричную модель сравнительной оценки привлекательности региональных потребительских рынков. Исходя из его предложения, выбор региона для территориальной экспансии ресторанными компаниями определяется тремя блоками факторов:

1. Характеризующие потенциальный спрос на региональном ресторанном рынке. Совокупность данных факторов определяет объем рынка и возможность получения дохода рестораторами [17].

Табл. 2. Рейтинг привлекательности ресторанного рынка в разрезе регионов СФО по методике С. Канунникова, 2022 г.
Tab. 2. Attractiveness of restaurant market in Siberian Federal District by S. Kanunnikov's method, 2022

Регионы	Рейтинг	Рабочая сила, тыс. человек	Среднедушевой доход, тыс. руб. / человек	Прожиточный минимум, тыс. руб. / человек	Оборот общественного питания, тыс. руб. / человек
Красноярский край	437,4	1380,8	72940,3	15,5	14,9
Алтайский край	404,1	1077,2	30211,0	12,4	6,5
Новосибирская область	363,3	1307,5	63258,9	14,1	16,2
Кемеровская область	291,2	1157,8	34732,1	12,7	10,9
Иркутская область	269,2	1098,4	43022,2	14,8	11,9
Омская область	256,9	868,1	41951,9	12,4	11,4
Томская область	164,4	498,5	42020,8	14,0	9,1
Республика Хакасия	31,7	233,3	24295,8	14,2	12,6
Республика Тыва	23,1	111,2	12244,9	14,1	4,2
Республика Алтай	10,7	83,0	21811,2	13,1	12,9

¹¹ С. Канунников. Торговая карта России. Коммерсантъ. 14.05.2004. № 85. С. 9.

¹² Рассчитано по: Регионы России...

2. Квалифицирующие уровень конкуренции на региональном рынке. Последний определяет возможности получения рестораторами рыночной власти на новом рынке и, соответственно, ставит вопрос о долгосрочности перспектив деятельности [18].

3. Определяющие прибыльность бизнеса. Такие факторы влияют на объем инвестиций в основные средства индустрии и финансовые результаты ресторанных компаний [19].

Каждый из этих блоков факторов представлен объемными параметрами. Однако для целей сравнения привлекательности целесообразно не только владеть этой информацией, но и знать качественные индикаторы работы региональных ресторанных рынков. Следовательно, необходимо рассчитать показатели, определяющие эффективность использования объемных параметров:

- потенциальный годовой объем спроса (произведение численности населения (Ч) в регионе и среднедушевых доходов (Д)) характеризует фактор *ожидаемый спрос* (С);
- оборот рынка в расчете на 1 компанию (соотношение оборота ресторанных компаний / оборота общественного питания (О) и количества компаний в индустрии (К)) характеризует фактор *уровень конкуренции* на рынке (З);
- рентабельность инвестиций (соотношение сальдированных финансовых результатов (Ф) компаний индустрии и объема инвестиций (И), вложенных в основной капитал) характеризует фактор *прибыльность* бизнеса (Р).

Следовательно, модель предполагает интеграцию объемных и качественных параметров, влияющих на привлекательность регионального ресторанных рынка.

В целях сопоставимости и обеспечения одинаковой размерности целесообразно представлять данные параметры не в абсолютных значениях, а в соотношении со средними показателями по всему СФО (табл. 3¹³). Так, интерпретация полученных результатов по каждому объемному параметру в разрезе регионов производится на основе диалектической логики:

- состояние параметра оценивается как привлекательное, если его значение больше или равно среднему значению по СФО;
- состояние параметра оценивается как непривлекательное, если его значение ниже среднего значения по СФО.

При этом формируется пять агрегированных состояний объемных параметров, определяющих привлекательность регионального рынка для экспансии (табл. 4):

- 1) все 6 параметров (О, К, Д, Ч, И, Ф) в регионе выше, чем средние значения по СФО;
- 2) большинство параметров (4 из 6) в регионе выше, чем средние значения по СФО;
- 3) половина параметров (3 из 6) в регионе выше, чем средние значения по СФО;
- 4) большинство параметров (4 из 6) в регионе ниже, чем средние значения по СФО;
- 5) все 6 параметров (О, К, Д, Ч, И, Ф) в регионе ниже, чем средние значения по СФО.

Табл. 3. Сравнительная оценка объемных параметров, характеризующих состояние региональных ресторанных рынков СФО, 2022 г.

Tab. 3. Comparative assessment of volume parameters on regional restaurant markets in Siberian Federal District, 2022

Регионы	Уровень конкуренции		Ожидаемый спрос		Прибыльность	
	О	К	Ч	Д	И	Ф
Красноярский край	2,13	1,58	1,71	1,18	1,98	8,39
Новосибирская область	2,27	2,43	1,68	1,12	0,65	2,19
Алтайский край	0,69	1,03	1,28	0,88	0,16	4,07
Кемеровская область	1,42	1,12	1,54	0,92	0,55	-0,64
Омская область	1,05	0,81	1,10	0,98	0,51	0,38
Томская область	0,48	0,75	0,63	0,98	0,06	1,43
Иркутская область	1,40	1,62	1,41	0,99	2,49	-3,61
Республика Алтай	0,14	0,30	0,13	0,79	3,55	-2,19
Республика Хакасия	0,34	0,24	0,32	0,81	0,04	-0,07
Республика Тыва	0,07	0,10	0,20	0,65	0,00	0,03
Средняя по СФО	19880,11	705,00	1664,58	35548,00	1741,66	70,44

¹³ Рассчитано по: Там же.

Табл. 4. Матрица объемных параметров, характеризующих состояние региональных ресторанных рынков СФО, 2022 г.
Tab. 4. Matrix of volume parameters of regional restaurant markets in Siberian Federal District, 2022

Параметры	О Ч И ($O > 1$; $Ч > 1$; $И > 1$)	О Ч ($O > 1$; $Ч > 1$; $И < 1$)	О И ($O > 1$; $Ч < 1$; $И > 1$)	Ч И ($O < 1$; $Ч > 1$; $И > 1$)	О ($O > 1$; $Ч < 1$; $И < 1$)	Ч ($O < 1$; $Ч > 1$; $И < 1$)	И ($O < 1$; $Ч < 1$; $И > 1$)	- ($O < 1$; $Ч < 1$; $И < 1$)
К Д Ф ($K > 1$; $D > 1$; $F > 1$)	Красноярский край	Новосибирская область						
К Д ($K > 1$; $D > 1$; $F < 1$)								
К Ф ($K > 1$; $D < 1$; $F > 1$)						Алтайский край		
Д Ф ($K < 1$; $D > 1$; $F > 1$)								
К ($K > 1$; $D < 1$; $F < 1$)	Иркутская область	Кемеровская область						
Д ($K < 1$; $D > 1$; $F < 1$)								
Ф ($K < 1$; $D < 1$; $F > 1$)								Томская область
- ($K < 1$; $D < 1$; $F < 1$)		Омская область						республики Алтай, Тыва, Хакасия

Безусловным лидером в матрице является Красноярский край, 6 объемных параметров которого выше средних по региону. Достаточно перспективной для территориальной экспансии рестораторов выглядит Новосибирская область (только один параметр (И) ниже средних значений по округу). В блок регионов, «проседающих» по 3 параметрам из 6, вошли Иркутская, Кемеровская области и Алтайский край. Эти регионы менее привлекательны для ведения в них ресторанного бизнеса. Наименее перспективными представляются Томская, Омская области (4 параметра из 6 ниже средних значений по региону). Аутсайдерами в матрице являются республики Алтай, Тыва и Хакасия, относящиеся к категории, в которой все 6 объемных параметров ниже средних значений по СФО.

На рисунке 5¹⁴ представлены параметры, определяющие качество функционирования регионального ресторанный рынок.

При этом формируются четыре сочетания качественных параметров, детерминирующих привлекательность регионального рынка для экспансии (табл. 5):

- 1) все 3 параметра (З, С, Р) в регионе выше, чем средние значения по СФО – регионы-лидеры;
- 2) большинство параметров (2 из 3) в регионе выше, чем средние значения по СФО – перспективные регионы;
- 3) большинство параметров (2 из 3) в регионе ниже, чем средние значения по СФО – трудные регионы;
- 4) все 3 параметра (З, С, Р) в регионе ниже, чем средние значения по СФО – регионы-аутсайдеры.

Безусловно, качественные параметры в данной модели являются производными от объемных, однако они имеют ряд различий, что обуславливает разные позиции регионов в матрицах объемных и качественных показателей:

- 1) интегральная структура качественных параметров (исчисляются на базе двух объемных);
- 2) качественные показатели снижают дисперсию оценивания привлекательности ресторанных рынков.

Позиционирование в матрице в соответствии с качественными параметрами подтверждает лидерское положение Красноярского края. Однако список

¹⁴ Рассчитано по: Там же.

перспективных регионов, достаточно привлекательных для ведения в них ресторанного бизнеса, пополнился Кемеровской и Омской областями (высокая емкость рынка и значительные обороты ресторанных компаний на фоне низкой рентабельности или ее отсутствия), а также Алтайским краем и Новосибирской областью (значительная емкость рынка и высокая рентабельность на фоне оборотов ниже, чем средние по СФО). Достаточно затруднительными для ведения ресторанного бизнеса представляются Иркутская и Томская области и республики Хакасия и Тыва. Республика Алтай замыкает рейтинг привлекательности региональных ресторанных рынков СФО.

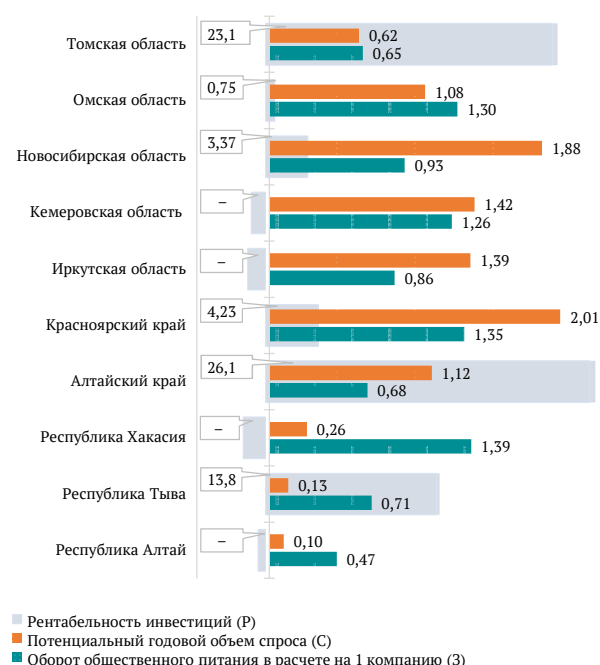

Рис. 5. Сравнительная оценка качественных параметров, характеризующих состояние региональных ресторанных рынков СФО, 2022 г.

Fig. 5. Qualitative parameters of regional restaurant markets in Siberian Federal District, 2022

Итоговый рейтинг привлекательности региональных ресторанных рынков СФО

Диагностика регионов СФО с точки зрения привлекательности их ресторанных рынков продемонстрировала схожие результаты, несмотря на использование различных методик. Однозначным лидером рейтинга является Красноярский край (занимает первую позицию по всем методикам). В порядке снижения привлекательности наблюдается полная определенность у республик Хакасия, Тыва, Алтай, занимающих три крайние позиции. Остальные шесть регионов СФО распределились в средней части рейтинга в следующей очередности: Новосибирская область, Алтайский край, Кемеровская, Иркутская, Омская и Томская области.

Мотивы территориальной экспансии могут существенно различаться у крупных ресторанных холдингов и небольших ресторанных компаний [20]. Для лидеров рынка освоение новых регионов – это возможность использовать накопленный потенциал, аккумулированный в известности бренда, отлаженности логистических цепей, эффективности операционных процессов и т.д. Для компаний с менее сильными рыночными позициями при выборе регионов для экспансии ключевыми критериями могут стать уровень барьеров входа на рынок и уровень имеющейся на рынке конкуренции. То есть расширение бизнеса на базе менее привлекательных региональных рынков создает для них возможность нивелирования участия в прямой конкурентной борьбе с наиболее сильными игроками ресторанного рынка.

Следовательно, для крупных ресторанных холдингов, обладающих значительной ресурсной базой и заинтересованных в выходе в регионы СФО с наибольшей емкостью ресторанного рынка, наиболее привлекательными являются территории Красноярского края, Новосибирской области и Алтайского края.

Табл. 5. Матрица качественных параметров, характеризующих состояние региональных ресторанных рынков СФО, 2022 г.
Tab. 5. Matrix of qualitative parameters of regional restaurant markets in Siberian Federal District, 2022

З С Р	З С	З Р	С Р	З	С	Р	-
(З > 1; С > 1; Р > 1)	(З > 1; С > 1; Р < 1)	(З > 1; С < 1; Р > 1)	(З < 1; С > 1; Р > 1)	(З > 1; С < 1; Р < 1)	(З < 1; С > 1; Р < 1)	(З < 1; С < 1; Р > 1)	(З < 1; С < 1; Р < 1)
Красноярский край (1,35; 2,01; 4,23)	Кемеровская область (1,26; 1,42; -1,16)	-	Алтайский край (0,68; 1,12; 26,19)	Республика Хакасия (1,39; 0,26; -1,8)	Иркутская область (0,86; 1,39; -1,45)	Республика Тыва (0,71; 0,13; 13,8)	Республика Алтай (0,47; 0,79; -0,62)
-	Омская область (1,3; 1,08; 0,75)	-	Новосибирская область (0,95; 1,88; 3,37)	-	-	Томская область (0,65; 0,62; 23,19)	-
Регионы-лидеры	Перспективные регионы			Трудные регионы			Регионы-аутсайдеры

В свою очередь, для менее крупных компаний, не имеющих значительных средств для широкой территориальной экспансии, более важным является отдача от вложенных в региональный рынок ресурсов и, как следствие, для них более привлекательными являются Кемеровская, Иркутская, Омская и Томская области. Выход же на ресторанный рынок республик Хакасия, Тыва, Алтай требует разработки нишевых стратегий и учета прогнозируемых рисков, связанных с оценкой окупаемости инвестиций.

Заключение

После сжатия ресторанного рынка, обусловленного ковидными ограничениями в 2020 г. и антироссийскими санкциями в 2022 г., происходит его постепенное восстановление, которое сопровождается поиском рестораторами новых территорий, обеспечивающих наибольшие перспективы для развития. Основным интересом представляются географические рынки, с достаточной емкостью на фоне приемлемых рисков. Выявление рынков, соответствующих данным критериям, базируется на оценке их привлекательности для ведения ресторанного бизнеса.

Общепринятого методического подхода к оценке привлекательности ресторанного рынка как в отечественной, так и зарубежной практике не существует. Как правило, различные исследовательские и консалтинговые компании используют собственные разработки и критерии оценки привлекательности тех или иных территорий и рынков. В рамках данной статьи авторы выделили три методики в области оценки привлекательности потребительских рынков, которые можно использовать для оценки ресторанного рынка (с модификацией соответствующих показателей), т.к. последний является составной частью потребительского рынка. В целях повышения объективности результатов авторы использовали одновременно все три методики для оценки привлекательности ресторанных рынков СФО.

На основе полученных результатов оценки по всем трем методикам был составлен итоговый рейтинг,

однозначным лидером которого является Красноярский край (занимает первую позицию по всем методикам); три крайние позиции в нем занимают республики Хакасия, Тыва, Алтай (в порядке снижения их привлекательности); остальные шесть регионов СФО (Новосибирская область, Алтайский край, Кемеровская, Иркутская, Омская и Томская области) распределились в средней части рейтинга.

Интерпретация полученных позиций регионов СФО в рейтинге позволяет сформировать определенную картину их привлекательности для ведения ресторанного бизнеса. Однако рассмотренные методики статичны, т.к. включают только данные поперечного сечения и построены на количественных показателях и внутренних параметрах рынка. Исходя из этого, динамическая перспектива может предложить рестораторам более полную картину привлекательности целевых рынков, что позволило бы ресторанным компаниям моделировать различные сценарии развития.

Итак, изучение привлекательности региональных ресторанных рынков требует дальнейших исследований для формирования действенных инструментов выбора, которые позволяли бы принимать эффективные решения в периоды высокой турбулентности, охватывали бы большее количество параметров и были бы более динамичными.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and /or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Петров И. А., Липкан И. В. Влияние санкционных ограничений на ресторанный сегмент отечественного рынка. *Трансграничные рынки товаров и услуг: проблемы исследования: V Междунар. науч.-практ. конф. (Владивосток, 9–10 ноября 2023 г.)* Владивосток: ДвФУ, 2023. С. 321–323. [Petrov I. A., Lipkan I. V. The impact of sanctions restrictions on the restaurant segment of the domestic. *Cross-border markets of goods and services: Research problems: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf., Vladivostok, 9–10 Nov 2023.* Vladivostok: FEFU, 2023, 321–323. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vjkmpr>
- Казанчев М. А., Хутов З. М. Перспективы развития рынка ресторанного бизнеса в условиях кризиса. *Перспектива – 2020: Междунар. науч. конф. (Нальчик, 1–30 апреля 2020 г.)* Нальчик: КБГУ, 2020. С. 25–30. [Kazanchev M. A., Khutov Z. M. Prospects for restaurant business market development during crisis.

- Perspective 2020: Proc. V Intern. Sci. Conf., Nalchik, 1–30 Apr 2020. Nalchik: KBSU, 2020, 25–30. (In Russ.)* <https://elibrary.ru/fehzlg>
3. Поздеева С. Н., Зайчикова И. В. Развитие внутреннего туризма в России в современных реалиях. *Modern Economy Success*. 2023. № 4. С. 97–102. [Pozdeeva S. N., Zaychikova I. V. Development of domestic tourism in Russia in modern realities. *Modern Economy Success*, 2023, (4): 97–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bqxsir>
 4. Дятлова А. Р. Развитие внутреннего туризма как фактор восстановления туристической отрасли России. *Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития: XVI Всерос. науч.-практ. конф. (Барнаул, 18–19 апреля 2023 г.)* Барнаул: Пять плюс, 2023. С. 39–40. [Diatlova A. R. Development of domestic tourism as a factor in the restoration of the Russian tourism industry. *Russia in the XXI century: Global challenges, priorities and development prospects: Proc. XVI All-Russian Sci.-Prac. Conf., Barnaul, 18–19 Apr 2023. Barnaul: Piat plus, 2023, 39–40. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/oqyhbc>
 5. Саврасова Д. В., Данн О. С., Постникова В. О. Изменение ресторанного рынка России в период пандемии. *Актуальные проблемы развития экономики и управления в условиях новой реальности: Всерос. (национал.) науч.-практ. конф. (Москва, 22 февраля 2023 г.)* М.: МУИВ, 2023. С. 467–476. [Savrasova D. V., Dann O. S., Postnikova V. O. Changes in the Russian restaurant market during the pandemic. *Current problems of economic development and management in modern context: Proc. All-Russian (National) Sci.-Prac. Conf., Moscow, 22 Feb 2023. Moscow: WMU, 2023, 467–476. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/smyrpg>
 6. Соломон И. Д. Оценка факторов привлекательности новых рынков (на примере рынка В-2-В) Проблемы современной экономики. 2008. № 4. С. 299–303. [Solomon I. D. Evaluation of attractiveness factors of the new markets (case of B-2-B market) (Russia, Omsk). *Problemy sovremennoy ekonomiki*, 2008, (4): 299–303. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ldfuzf>
 7. Хаммадеева Л. К., Ибрагимова А. И. Емкость рынка как один из основных показателей его привлекательности. *Проблемы и перспективы развития отрасли торговли в реализации непрямого государственного управления: электрон. науч.-практ. конф. (Казань, 29 сентября 2016 г.)* Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2016. С. 259–262. [Khammadeeva L. K., Ibragimova A. I. Market capacity as one of the main indicators of its attractiveness. *Problems and prospects for the development of the trade industry in the implementation of indirect public administration: Proc. Online Sci.-Prac. Conf., Kazan, 29 Sep 2016. Kazan: Pechat-Cervis-XXI vek, 2016, 259–262. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/ykjpgx>
 8. Штода А. Н., Федотова Е. Б. Анализ трактования инвестиционной привлекательности компаний российского рынка продуктового ритейла. *Актуальные вопросы современной финансовой науки: заоч. Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 28 февраля 2017 г.)* Майкоп: Электронные издательские технологии, 2017. С. 288–291. [Shtoda A. N., Fedotova E. B. Interpreting investment attractiveness of companies on the Russian grocery retail market. *Current issues of modern financial science: Proc. Cor. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Krasnodar, 28 Feb 2017. Maikop: Electronic publishing technology, 2017, 288–291. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/xyaabv>
 9. Ли Н., Фань В. Основные критерии привлекательности зарубежных рынков. *Социально-ориентированное управление в условиях глобализации: IV Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (Москва, 19 мая 2015 г.)* М.: РУДН, 2015. С. 118–122. [Li N., Fan V. Key criteria for attractiveness of foreign markets. *Socially-oriented management in the context of globalization: Proc. IV All-Russian Cor. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 19 May 2015. Moscow: RUDN University, 2015, 118–122. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/vyqgnj>
 10. Крупина Н. Н. Оценка привлекательности локальных товарных рынков. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2022. № 9. С. 14–21. [Krupina N. N. Assessment of attractiveness of local commodity markets. *Ekonomika selskokhoziaistvennykh i pererabatyvaiushchikh predpriatii*, 2022, (9): 14–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2022-0-9-14-21>
 11. Чаплина А. Н., Герасимова Е. А., Максименко И. А., Здрестова-Захаренкова С. В. Трансформация ресторанного рынка в эпоху цифровой экономики. *Проблемы современной экономики*. 2019. № 3. С. 279–283. [Chaplina A. N., Gerasimova E. A., Maksimenko I. A., Zdrestova-Zakharenkova S. V. Transformation of the restaurant market in the era of digital economy (Russia, Krasnoyarsk). *Problemy sovremennoy ekonomiki*, 2019, (3): 279–283. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/maarlz>
 12. Егорова Н. И. Оценка привлекательности новых рынков. *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд*. 2011. № 9. С. 75–80. [Egorova N. I. Assessing attractiveness of new markets. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: Novyi vzglad*, 2011, (9): 75–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rsrzql>
 13. Максименко И. А., Вашко Т. А. Анализ конкурентной устойчивости индустрии HoReCa в Сибирском федеральном округе. *Бизнес. Образование. Право*. 2020. № 3. С. 260–267. [Maksimenko I. A., Vashko T. A. Analysis

- of competitive stability of the HoReCa industry in the Siberian federal district. *Business. Education. Law*, 2020, (3): 260–267. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.52.370>
14. Gallego I., González-Rodríguez M. R. Font X. A multi-criteria, composite index methodology to measure the suitability of target markets for the hotel industry. *Tourism Management Perspectives*, 2023, vol. 47. <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2023.101104>
 15. Ламбен Ж. Ж., Чумпитас Р., Шулинг И. Менеджмент, ориентированный на рынок. 2-е изд. СПб.: Питер, 2011. 718 с. [Lambin J. J., Chumpitaz R., Schuiling I. *Market-driven management*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2011, 718. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quqfmf>
 16. Ерчак А. И. Матричная модель сравнительной оценки привлекательности региональных потребительских рынков. *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. Минск: БГЭУ, 2018. Вып. 11. С. 158–167. [Erchak A. Matrix model comparative evaluation of the attractiveness of the regional consumer markets. *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. Minsk: BSUE, 2018, iss. 11, 158–167. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvhjba>
 17. Тенова З. Ю., Горошко Т. Н., Шомахова А. И. Региональная специфика рынка услуг ресторанного бизнеса России. *Экономика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: IV Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 25 апреля 2020 г.)* Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 106–108. [Tenova Z. Yu., Goroshko T. N., Shomakhova A. I. Regional specifics of the Russian restaurant business services market. *Economics in theory and in practice: Current issues and modern aspects: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 25 Apr 2020*. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2020, 106–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ffmwnc>
 18. Семенов С. В., Сульдина Е. П. Рынок ресторанного бизнеса как рынок с высокой конкуренцией. *Нижегородская наука*. 2018. № 6. С. 12–20. [Semenov S. V., Suldina E. P. Restaurant business market as a market with high competition. *Nizhegorodskaya nauka*, 2018, (6): 12–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrvyqh>
 19. Огнева А. Д. Циклы развития и эффективность инвестиционных вложений в развитие ресторанного рынка. *Научные революции: сущность и роль в развитии науки и техники: Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 20 января 2018 г.)* Уфа: Аэтерна, 2018. С. 222–225. [Ogneva A. D. Development cycles and efficiency of investments in the development of the restaurant market. *Scientific revolutions: The essence and role in the development of science and technology: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa, 20 Jan 2018*. Ufa: Aeterna, 2018, 222–225. (In Russ.)]
 20. Фомина А. А. Проблемы расширения ресторанного бизнеса в сеть на российском рынке. *Проблемы развития современного общества: 9-я Всерос. Национ. науч.-практ. конф. (Курск, 23–24 января 2024 г.)* Курск: Университетская книга, 2024. С. 558–563. [Fomina A. A. The problems of expanding the restaurant business into a network in the Russian market. *Problems of development of modern society: Proc. 9 All-Russian National Sci.-Prac. Conf., Kursk, 23–24 Jan 2024*. Kursk: Universitetskaia kniga, 2024, 558–563. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hgywfa>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/bqvivm>

Исследование рисков экономической безопасности территорий в период неопределенности, вызванной пандемией

Хашир Бэлла Олеговна

Кубанский государственный технологический университет,
Россия, Краснодар

eLibrary Author SPIN: 3844-7405

<http://orcid.org/0000-0003-0596-9606>

mskhashir@mail.ru

Усанов Александр Юрьевич

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4532-8574

<http://orcid.org/0000-0002-2329-8300>

Иода Юлия Владимировна

Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, Липецк

eLibrary Author SPIN: 8423-0962

<http://orcid.org/0000-0002-7320-0666>

Плясова Светлана Владимировна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5487-2743

<http://orcid.org/0000-0002-4681-7011>

Аннотация: Цель – выявить риски экономической безопасности территорий, носящие экономический и социальный характер, а также определить векторы государственной политики по их нивелированию в контексте обеспечения высокого уровня человеческого развития. Задачи статьи включают: 1) определение показателей для анализа рисков экономической безопасности территорий в условиях неопределенности, вызванной пандемией; 2) изучение социально-экономической напряженности территориального развития как источника рисков; 3) обоснование вектора государственной политики по нивелированию рисков экономической безопасности территорий. В исследовании применены графический и логический методы, методы сбора информации из открытых источников, систематизации, экономического анализа (метод абсолютных, относительных и средних величин). Временной период исследования (2018–2022 гг.) позволяет оценить влияние неопределенности, вызванной пандемией, на экономическую безопасность территорий Российской Федерации. Проведен анализ показателей экономической безопасности федеральных округов России в обозначенный период. Установлены риски, носящие экономический и социальный характер. Исследование рисков экономической безопасности показало, что пандемия и вызванная ей неопределенность прежде всего оказали дестабилизирующее влияние на социальное благополучие населения федеральных округов Российской Федерации и трансформировали возможности их развития. Обосновано, что государственная политика, направленная на нивелирование социальных рисков экономической безопасности территорий, формирует базис для долгосрочных трансформаций и поддержания высокого уровня адаптивности населения к изменениям.

Ключевые слова: риск, экономическая безопасность территорий, экономический риск, социальный риск, пандемия, неопределенность

Цитирование: Хашир Б. О., Плясова С. В., Усанов А. Ю., Иода Ю. В. Исследование рисков экономической безопасности территорий в период неопределенности, вызванной пандемией. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 3. С. 479–488. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-479-488>

Поступила в редакцию 09.07.2024. Принята после рецензирования 05.08.2024. Принята в печать 12.08.2024.

full article

Regional Economic Security Risks during Pandemic Uncertainty

Bella O. Khashir

Kuban State Technological University, Russia, Krasnodar

eLibrary Author SPIN: 3844-7405

<http://orcid.org/0000-0003-0596-9606>

mskhashir@mail.ru

Alexander Yu. Usanov

Financial University Under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4532-8574

<http://orcid.org/0000-0002-2329-8300>

Svetlana V. Plyasova

Financial University Under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5487-2743

<http://orcid.org/0000-0002-4681-7011>

Yulia V. Ioda

Lipetsk Branch of the Financial University Under the Government of the Russian Federation, Russia, Lipetsk

eLibrary Author SPIN: 8423-0962

<http://orcid.org/0000-0002-7320-0666>

Abstract: The article describes economic insecurity that occurs in a time of uncertainty and affects human development and social well-being. The authors defined indicators to analyze, identified and justified the vector of state policy, and studied the socio-economic issues of territorial development as a source of risks. The data under analysis were obtained from public sources, systematized, and subjected to economic analysis using the methods of absolute, relative, and mean values, as well as graphical and logical methods. The period under study covered 2018–2022, which made it possible to assess the impact of the uncertainty caused by the COVID 19 pandemic on the Russian federal districts by analyzing indicators of economic security. The research revealed economic and social risks, as well as the state policy in leveling them across the country. The pandemic triggered economic uncertainty, which destabilized the social well-being and development opportunities of the population in the regions. The current state policy provides long-term transformations and allows the population to adapt to changes.

Keywords: risk, regional economic security, economic risk, social risk, pandemic, uncertainty

Citation: Khashir B. O., Plyasova S. V., Usanov A. Yu., Ioda Yu. V. Regional Economic Security Risks during Pandemic Uncertainty. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 479–488. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-479-488>

Received 9 Jul 2024. Accepted after review 5 Aug 2024. Accepted for publication 12 Aug 2024.

Введение

В настоящее время происходит изменение приоритетов человеческого существования. Различные факторы неопределенности и хаоса, включая пандемию, развитие военно-политических конфликтов, подрыв экономической стабильности, радикальные социальные преобразования, интенсивную цифровизацию, климатические и экологические катастрофы, подтолкнули людей к переосмыслению традиционных ценностей, трансформации жизненных установок и целей развития [1]. В докладе Организации Объединенных Наций (ООН) говорится о том, что в современном меняющемся мире различные аспекты неопределенности наслаиваются друг на друга и взаимодействуют друг с другом, нарушая привычный образ жизни человека, заставляя его чувствовать себя все более незащищенным¹.

Это приводит к дестабилизации общества, развитию психических расстройств как следствию когнитивной неопределенности, чувства тревожности и уныния и роста неудовлетворенности жизнью [2].

На первый план в условиях неопределенности выходят проблемы адаптации человека к изменяющимся условиям и неустроенности его жизни [3], заключающиеся в экономическом неблагополучии и неуверенности в завтрашнем дне. Кроме экономических рисков, с каждым днем расширяется пространство социальных, социально-психологических, эпидемиологических, экологических и ментальных рисков, которые ставят под угрозу обеспечение качественной жизни людей. Поэтому при проведении анализа экономической безопасности территорий в период неопределенности, необходимо делать

¹ Доклад о человеческом развитии за 2021–2022 гг. Времена неопределенности, неустроенные жизни: наше будущее в меняющемся мире. *United Nations Development Programme*. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22ru.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

акцент не только на риски, носящие экономический характер, но и на социальные риски, снижающие качественные аспекты безопасности жизнедеятельности человека.

Итак, целью статьи является исследование рисков экономической безопасности территорий, носящих экономический и социальный характер, а также определение вектора государственной политики по их нивелированию в контексте обеспечения высокого уровня человеческого развития. Задачи работы включают: определение показателей для анализа рисков экономической безопасности территорий в условиях неопределенности, вызванной пандемией; изучение социально-экономической напряженности территориального развития как источника рисков; обоснование вектора государственной политики по нивелированию рисков экономической безопасности территорий.

Гипотеза исследования состоит в том, что в условиях неопределенности изучение и анализ социальных рисков экономической безопасности территорий, ограничивающих возможности человеческого развития и поддержания социального благополучия, приобретают большую значимость в сравнении с экономическими.

Методы и материалы

Для исследования рисков экономической безопасности территорий могут применяться различные методики. Наиболее распространен подход В. К. Сенчагова, который предлагает выделение базовых показателей экономической безопасности территории и сравнение их с достигнутыми общестрановыми значениями [4]. Данная система показателей в зависимости от целевых установок проводимых исследований обычно корректируется [5–8]. Традиционный подход к анализу рисков экономической безопасности территории строится на их разграничении в зависимости от сфер и секторов функционирования экономики, например риски реального сектора экономики, риски социальной сферы, риски финансовой сферы [1; 9–11].

Для выявления угроз регионального развития может быть проведен сравнительный анализ экономической безопасности с использованием метода экспертной оценки [12]. Оценка рисков экономической безопасности хозяйственных систем различного уровня осуществляется и на основе статистических методов [13]. С расширением факторов

неопределенности в методике диагностирования рисков экономической безопасности исследователи начали включать оценку специфических сторон проявления данных угроз: ученые оценивают риски цифровизации [14; 15] и исследуют влияние эпидемиологических рисков на состояние экономической безопасности региона [16]. Однако, по мнению авторов, в условиях неопределенности более уместным становится подход к исследованию рисков экономической безопасности территорий, основу которого составляет выявление социальных рисков и ограничений для расширения возможностей человеческого развития.

Исследование выполнено на основе применения методов сбора информации из открытых источников, систематизации, проведения экономического анализа для обработки первичных данных (с использованием метода абсолютных, относительных и средних величин), графического метода для визуализации тенденций и закономерностей, логического метода, метода дескриптивного анализа причин и последствий выявленных закономерностей для интерпретации опубликованных данных и описательного анализа.

Временной период, в рамках которого проводится анализ, составляет 5 лет (2018–2022 гг.), чтобы более отчетливо идентифицировать динамику развития федеральных округов Российской Федерации и установить тенденции нарастания рисков экономической безопасности в условиях неопределенности, вызванной пандемией. Информационная база исследования сформирована материалами Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат).

Результаты

Для выявления экономических рисков безопасности федеральных округов России в условиях неопределенности, вызванной пандемией, будут проанализированы три показателя: ВРП на душу населения, среднемесячные доходы на душу населения, изменение среднегодовой численности занятых.

Данные, представленные на рисунке 1², показывают разнонаправленную динамику ВРП на душу населения в федеральных округах Российской Федерации в 2020 г. Безусловно, начало года, которое характеризовалось введением локдаунов и санитарных ограничений, ухудшением демографической ситуации, оказалось провальным с точки зрения

² Сост. по: Валовой региональный продукт на душу населения по субъектам РФ 2016–2022 гг. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 12.05.2024); Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М.: Росстат, 2023. 1126 с.

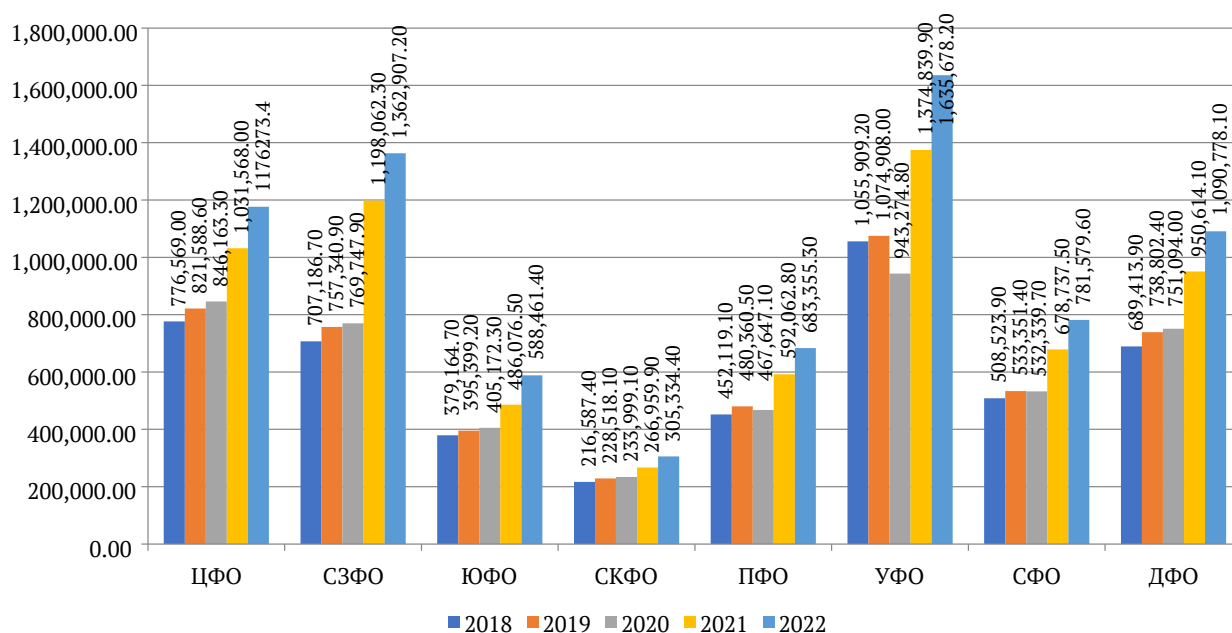

Рис. 1. ВРП на душу населения федеральных округов РФ, 2018–2022 гг., руб.

Fig. 1. Gross regional product per capita in Russia's federal districts, 2018–2022, RUB

достижения финансового результата и выполнения производственных планов предприятий [17]. Однако уже к середине года, по мере снятия ограничений и адаптации предприятий к новым условиям хозяйствования, некоторым регионам страны удалось возместить упущенное. Так из восьми федеральных округов РФ в 2020 г. пять продемонстрировали прирост ВРП на душу населения и только три показали отрицательную динамику. К 2021 г. общий тренд стал позитивным, и, по предварительным данным Росстата, рост показателя должен был продолжиться в 2022 г. несмотря на санкционные ограничения Евросоюза [18].

Анализ динамики среднемесячных доходов на душу населения в 2018–2022 гг., с одной стороны, показывает рост показателя во всех федеральных округах России, с другой – в стране наблюдалось ухудшение материального положения населения по сравнению с доковидным периодом [19; 20] (рис. 2³). При тщательном рассмотрении и анализе можно получить несколько объяснений сложившейся ситуации:

1. По мере выхода из острой фазы пандемии размер социальных выплат сократился на фоне реализации комплекса мер государственной поддержки предпринимательства⁴. Кроме того, в октябре 2020 г. была произведена индексация заработной платы части сотрудников бюджетных учреждений (на 3%)⁵.

2. В России велика доля граждан, вовлеченных в теневые экономические отношения, т.е. получающих теневую заработную плату (около 25 % фонда оплаты труда). Данная категория работников и изменения их заработка не отражаются в рамках официальной статистики, однако являются сильно уязвимыми к колебаниям экономической конъюнктуры [21; 22].

В числе причин таких показателей: изменение структуры доходов населения за счет увеличения социальных выплат в рамках реализованных компенсационных мер государства⁶ на фоне выраженного сокращения доходов от собственности и от предпринимательской деятельности в течение всего 2020 г. и незначительное снижение оплаты труда наемных работников преимущественно во втором квартале 2020 г. [19].

³ Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М.: Росстат, 2021. 1112 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М.: Росстат, 2023. 1126 с.

⁴ О мерах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Распоряжение Правительства РФ № 670-р от 19.03.2020 (в ред. от 11.07.2020). СПС КонсультантПлюс.

⁵ О принятии мер федеральными государственными органами, федеральными государственными учреждениями – главными распорядителями средств федерального бюджета по увеличению с 1 октября 2020 г. оплаты труда работников подведомственных учреждений. Распоряжение Правительства РФ № 2250-р от 04.09.2020 (в ред. от 11.07.2020). СПС КонсультантПлюс.

⁶ О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей. Указ Президента РФ № 199 от 20.03.2020. ИПП Гарант.

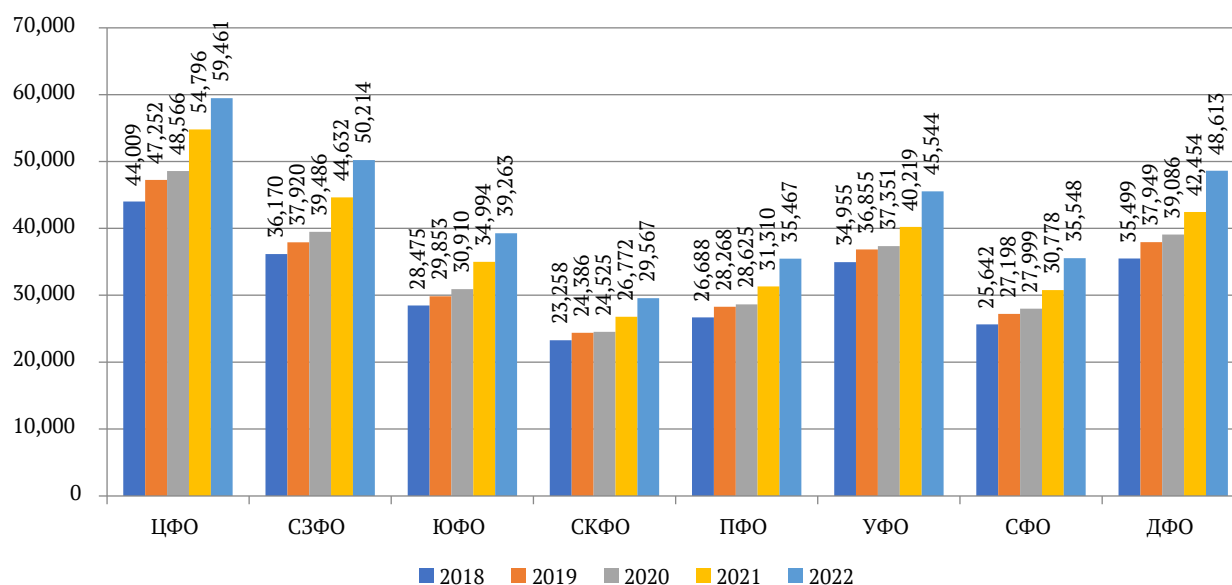

Рис. 2. Среднедушевые денежные доходы населения федеральных округов РФ, 2018–2022 гг., руб/мес
Fig. 2. Average per capita monetary income in Russia's federal districts, 2018–2022, RUB/month

Политика санитарных ограничений в 2020 г. оказала влияние на рынок труда, создав реальную угрозу экономической безопасности территорий. В условиях неопределенности и невозможности прогнозирования динамики развития пандемического кризиса, предприятия были вынуждены искать варианты сокращения затрат на персонал. В зависимости от доступных инструментов они прибегали к таким мерам, как: сокращение штатного состава, вынужденные отпуска, экономия фонда рабочего времени, перевод сотрудников на краткосрочные контракты, привлечение фрилансеров для выполнения конкретных производственных задач. Поскольку в сложной ситуации оказались все хозяйственные субъекты, рынок труда отреагировал практически моментально в форме роста напряженности, снижения занятости и увеличения уровня безработицы. Пик негативных тенденций пришелся на второй квартал 2020 г., но после принятия государством мер поддержки рынка труда работодатели были вынуждены корректировать реализуемые меры с указаниями Правительства.

Тем не менее по итогам 2020 г., согласно сведениям на рисунке 3⁷, во всех федеральных округах Российской Федерации наблюдалась дестабилизация рынка труда, в меньшей степени в Дальневосточном федеральном округе (ДФО). Однако после спада пика пандемии и в результате реализации мер

поддержки к 2021 г. ситуация с занятостью в России нормализовалась.

Надо отметить, что большую роль в стабилизации рынка труда сыграли цифровизация и развитие гибких форм занятости [23]. Часть населения федеральных округов РФ, используя возможности онлайн-занятости и потенциал новой институциональной формы самозанятости, стали активными участниками цифровых платформ глобального рынка труда либо прибегли к коммерциализации собственных талантов и продвижению проектов в сети Интернет [14]. Сам факт возможности организации труда в дистанционном формате, который в начале пандемии был вынужденной мерой, подтолкнул предприятия к пересмотру традиционных форматов работы, корректировке стоимости труда и создал тем самым возможности сохранения части рабочей силы в рамках реализации гибкой занятости [24].

Но страх потери места работы, лишения заработка на фоне неопределенности будущего и непонимания вероятных сроков протекания пандемии и последующего кризиса сформировали у населения высокий уровень тревожности, социальной напряженности и неуверенности. Данные характеристики в условиях появления новых факторов нестабильности могут провоцировать развитие конфликтов различного уровня как внутри страны, так и между

⁷ Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М.: Росстат, 2021. 1112 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М.: Росстат, 2023. 1126 с.

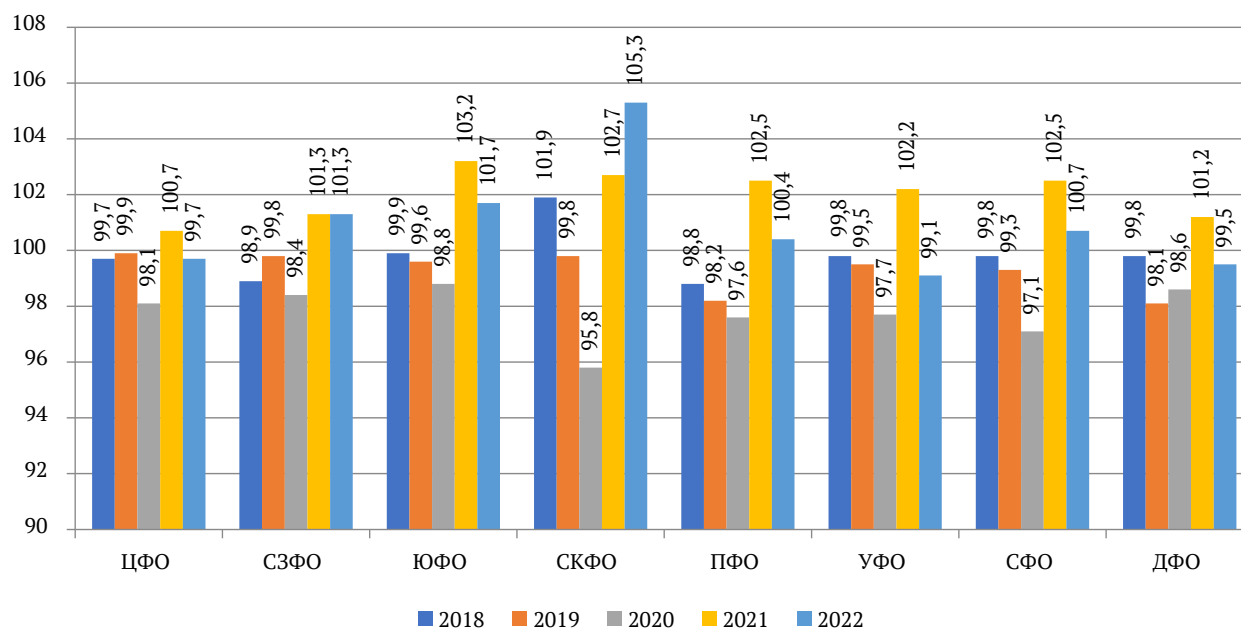

Рис. 3. Изменение среднегодовой численности занятых в федеральных округах РФ, 2018–2021 гг., %
Fig. 3. Average annual working population in Russia's federal districts, 2018–2021, %

национальными государствами. По своему содержанию риск экономической безопасности, связанный с дестабилизацией рынка труда, носит социальный характер и в случае реализации имеет прямые негативные последствия для населения территории.

Уровень человеческого развития, в соответствии с методологией ООН, определяется ожидаемой продолжительностью жизни, доступом к образованию и работой системы здравоохранения, степенью неравенства, системой социальной защиты, экологической ситуацией. В рамках исследования социальных рисков экономической безопасности следует провести анализ динамики ожидаемой продолжительности жизни при рождении в федеральных округах РФ.

Данные, представленные на рисунке 4⁸, показывают, что в 2020 г. во всех федеральных округах России ожидаемая продолжительность жизни существенно сократилась. Максимальное снижение показателя характерно для Приволжского федерального округа (ПФО) (–2,9 %), минимальное – для ДФО (–1,5 %). Сокращение ожидаемой продолжительности жизни свидетельствует об отклонении населения от правил здорового образа жизни; о низком качестве медицинских услуг и невысоком уровне их доступности, недостатке расходов консолидированных бюджетов территорий на здравоохранение региона; неблагоприятной климатической и экологической

ситуациях, о неблагоприятных бытовых условиях населения для поддержания личной гигиены [3].

Уровень образования напрямую не определяет продолжительность жизни населения, однако детерминирует возможности получения более высокого дохода и, соответственно, способность населения получать более качественную медицинскую помощь, от которой непосредственно зависит продолжительность жизни людей [25]. Негативная динамика показателя свидетельствует о наличии реальной угрозы для территориального развития. Между тем после прохождения пика пандемии в 2020 г. только в Уральском федеральном округе (УФО) тренд на сокращение продолжительности жизни выправился. В остальных федеральных округах России только к 2022 г. значение показателей нормализовалось.

Пандемия и вызванная ей неопределенность сыграли важную роль в трансформации жизненных ценностей населения, благодаря чему стал более осозанным подход к поддержанию благоприятной экологической ситуации в федеральных округах. Сам факт снижения расходов на охрану окружающей среды, сокращение доли улавливания загрязняющих веществ либо количества реализованных природоохранительных мероприятий становится сигналом о возникновении социального риска экономической безопасности.

⁸ Сост. по: Там же.

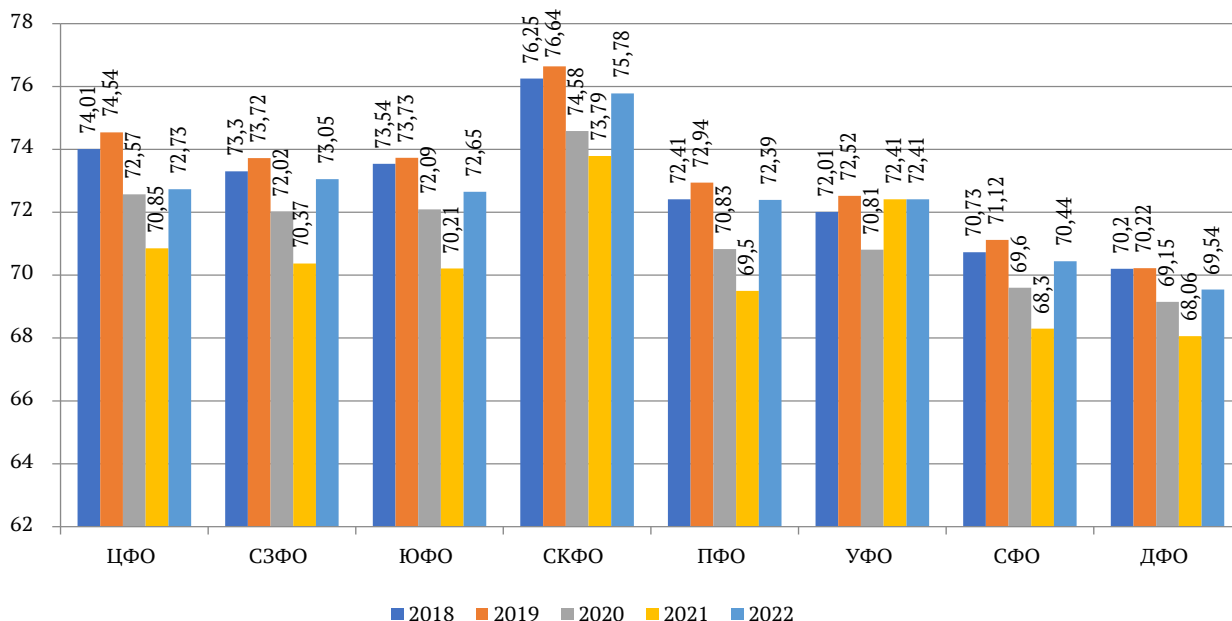

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в федеральных округах РФ, 2018–2022 гг., количество лет
Fig. 4. Life expectancy at birth in Russia's federal districts, 2018–2022, years

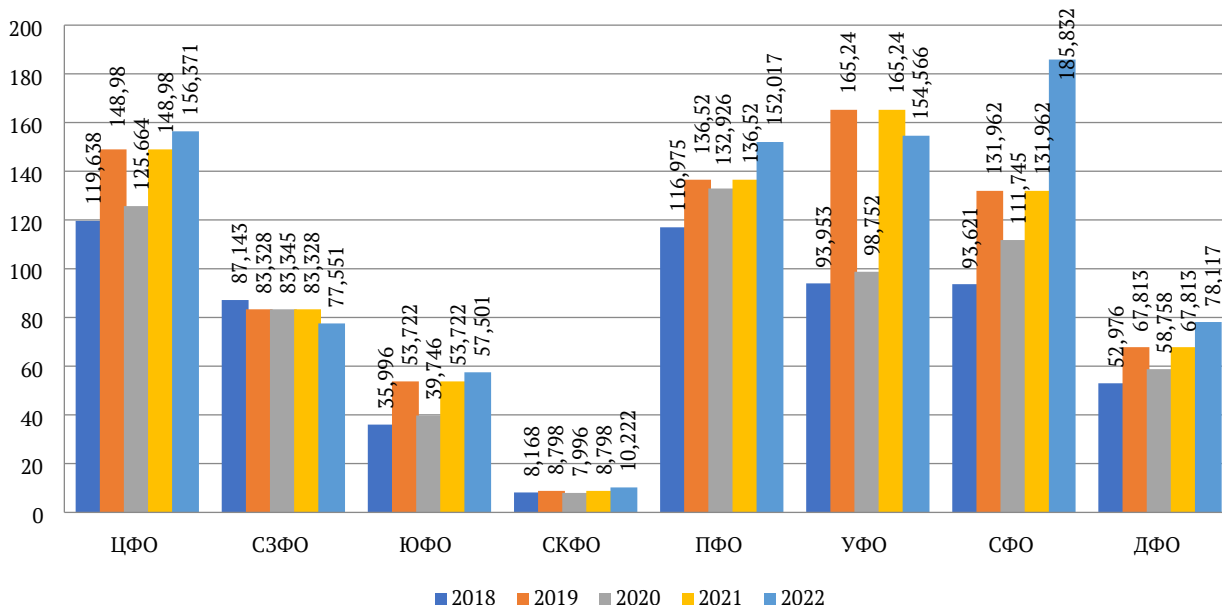

Рис. 5. Динамика расходов на охрану окружающей среды в федеральных округах России, 2018–2022 гг., млн руб.
Fig. 5. Environmental protection expenditures in Russia's federal districts, 2018–2022, mRUB

На рисунке 5⁹ видно, что в условиях общероссийского роста расходов на охрану окружающей среды заметна их сильная территориальная дифференциация. Если в Уральском и Южном федеральном округе (ЮФО) в 2020 г. произошел сильный рост (+67,3 % и +35,1 % соответственно), а Центральный

(ЦФО), Сибирский (СФО), ДФО, Северо-Кавказский (СКФО) округа отличались умеренной динамикой (+18,6 %, +18,1 %, +15,4 %, +10 % соответственно), то в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) наблюдалась отрицательная динамика показателя (–0,02 %).

⁹ Сост. по: Там же.

Дифференциация наблюдается и в изменении показателя улавливания загрязняющих атмосферу веществ от стационарных источников. Например, в СЗФО произошло радикальное сокращение показателя в 2020 г. (тогда как в большинстве регионов оно было умеренным), а в СФО наблюдался его прирост. Однако реализация экологических инноваций в пандемийном 2020 г. оставалась приоритетной задачей во всех федеральных округах страны, несмотря на ухудшение финансово-экономической ситуации¹⁰. В целом в период постковидного восстановления расходы на поддержание экологически благоприятной обстановки в регионах продолжают расти, за исключением СЗФО и УФО.

Таким образом, государственная политика по нивелированию рисков экономической безопасности в условиях неопределенности должна быть ориентирована на поддержание тех сфер, которые обеспечивают высокий уровень человеческого развития, т.е. здравоохранения и медицинского обслуживания. В них требуются меры по модернизации лечебных организаций, наращиванию койко-мест в амбулаторных заведениях, укреплению кадрового состава, созданию условий для внедрения цифровых технологий, в том числе для диагностирования и лечения заболеваний, а также реализации удаленных форм консультаций и лечения (телемедицина).

Развитие человеческого потенциала и повышение адаптации населения к изменениям прежде всего в части профессиональной реализации требует совершенствования системы образования, запуска новых современных образовательных программ подготовки специалистов и переподготовки кадров, высвободившихся в результате структурных изменений рынка труда. Дистанционные формы обучения могут расширить возможности доступа к нему различных категорий населения.

В условиях регулярных экологических катастроф и усугубления глобальной проблемы изменения климата внимание федеральных округов и входящих в них регионов к реализации природоохранных мероприятий, запуску экологических инициатив, внедрению экоинноваций и популяризации экологического образования, безусловно, может повысить качество жизни населения и снизить экологические риски экономической безопасности.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что при анализе экономической безопасности в условиях воздействия факторов неопределенности следует прежде всего обращать внимание на риски, оказывающие непосредственное влияние на возможности человеческого развития и поддержание социального благополучия территорий. Авторами проанализированы экономические показатели развития федеральных округов России, установлены причины пандемической динамики, а также выявлены условия преодоления негативных тенденций.

Особое внимание уделено анализу социальных рисков экономической безопасности территорий. Проанализирована динамика показателей, характеризующих индикаторы рынка труда, уровень человеческого развития, продолжительности жизни, неравенства, экологической ситуации.

Анализ социальных рисков экономической безопасности показал, что пандемия и вызванная ей неопределенность оказали негативное влияние на социальное благополучие населения федеральных округов Российской Федерации. Данный аспект служит основой для реализации долгосрочных трансформаций в российской экономике, направленных на поддержание высокого уровня адаптивности населения к внешним изменениям.

В статье определены ориентиры государственной политики по нивелированию рисков экономической безопасности на основе поддержания высокого уровня человеческого развития.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

¹⁰ Удельный вес организаций, осуществлявших инновации, обеспечивающие повышение экологической безопасности 2010–2022 гг. *Росстат*. 31.08.2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 12.05.2024).

Литература / References

1. Региональные хозяйственные системы и риски современности, ред. Хашир Б. О. М.: Русайнс, 2023. 256 с. [*Regional economic systems and the risks of modernity*, ed. Khashir B. O. Moscow: Ruscience, 2023, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hwayuyv>
2. Карпунина Е. К., Карпунин Д. В., Алехина О. Ф., Швецова И. Н., Сусякова О. Н., Витюткина Т. А., Пономарев С. В., Бутова Л. М., Назарчук Н. П., Абалакин А. А., Губернаторова Н. Н., Федотова Е. В., Астахин А. С. Современные подходы к обеспечению экономической безопасности государства и регионов в эру неопределенности. М.: Русайнс, 2022. 306 с. [Karpunina E. K., Karpunin D. V., Alekhina O. F., Shvetsova I. N., Susliakova O. N., Vitiutina T. A., Ponomarev S. V., Butova L. M., Nazarchuk N. P., Abalakin A. A., Gubernatorova N. N., Fedotova E. V., Astakhin A. S. *Modern approaches to ensuring the economic security of the state and regions in the era of uncertainty*. Moscow: Ruscience, 2022, 306. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fbodgm>
3. Kuzmenko N. I., Lapushinskaya G. K., Lisova E. V., Tleptserukov M. A., Karpunina E. K. Russian regions: Assessment of factors of growth in the living standard and well-being of the population. *Geo-economy of the future. Sustainable agriculture and alternative energy*, 2022, 619–639. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_66
4. Экономическая безопасность России, ред. Сенчагов В. К. М.: Дело, 2005. 895 с. [*Economic security of Russia*, ed. Senchagov V. K. Moscow: Delo, 2005, 895. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/poctnv>
5. Митяков Е. С., Ладынин А. И. Методический инструментарий интегральной оценки социально-экономических систем на примере анализа динамики индикаторов научно-технической безопасности регионов России. *Экономическая безопасность*. 2022. Т. 5. № 2. С. 473–490. [Mityakov E. S., Ladynin A. I. Methodological tools for the integrated assessment of socio-economic systems on the example of Russian regions' scientific and technical security indicators. *Economic security*, 2022, 5(2): 473–490 (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ecsec.5.2.114409>
6. Левкина Е. В., Сахарова Л. А., Денисевич Е. И. Оценка экономической безопасности региона (на примере Приморского края). *Экономика, предпринимательство и право*. 2022. Т. 12. № 9. С. 2529–2542. [Levkina E. V., Sakharova L. A., Denisevich E. I. Assessing of the economic security of a region (case study of Primorye). *Economics, entrepreneurship and law*, 2022, 12(9): 2529–2542. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116259>
7. Yakovleva E., Gorbunova O., Oganessian T., Shurupova O., Karpunina E. Scientific and educational potential as a factor in ensuring the economic security of the state in terms of the digital development intensification: Analysis and assessment for the BRICS countries. *IBIMA 2020: Proc. 36th Intern. Conf., Granada, 4–5 Nov 2020*. Pennsylvania: IBIMA, 2020, 8205–8214. <https://elibrary.ru/vjoptu>
8. Kapustina N., Strelnikova T., Ioda E., Furman E., Karpunina E. Social risks of digital transformation. *IBIMA 2020: Proc. 35th Conf., Seville, 1–2 Apr 2020*. Pennsylvania: IBIMA, 2020, 7682–7692.
9. Карпунина Е. К., Конищев Е. В. Вызовы для экономической безопасности регионов России в период пандемии. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2021. Т. 11. № 6. С. 105–120. [Karpunina E. K., Konishchev E. V. Challenges for the economic security of Russia's regions during the pandemic. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2021, 11(6): 105–120. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-105-120>
10. Korolyuk E., Rustamova I., Kuzmenko N., Khashir B., Karpunina E. Diagnostics of regional economic security problems during the 2020 crisis. *IBIMA 2021: Proc. 37th Intern. Conf., Cordoba, 30–31 May 2021*. Pennsylvania: IBIMA, 2021, 5248–5257. <https://elibrary.ru/zqkoip>
11. Fraymovich D. Y., Konovalova M. E., Roshchektaeva U. Yu., Karpunina E. K., Avagyan G. L. Designing mechanisms for ensuring the economic security of regions: Countering the challenges of instability. *Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security: Proc. Conf., Switzerland, 1 Jan – 31 Dec 2021*. Cham: Springer, 2022, vol. 372, 569–581. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93155-1_63
12. Каранина Е. В. Концептуальные аспекты комплексной экспресс-диагностики уровня экономической безопасности и рейтингования регионов современной России. *Инновационное развитие экономики*. 2016. № 6-2. С. 248–257. [Karantina E. V. Conceptual aspects of complex express diagnostics of economic security and regional rating in modern Russia. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, 2016, (6-2): 248–257. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylikpb>

13. Karpunina E. K., Galieva G. F., Andriyashka M. V., Vorobyeva A. V., Bakulin O. V. Country risk assessment as a tool for improving the quality of state economic security management (on the example of Germany). *Quality – Access to Success*, 2021, 22(183): 136–142. <https://elibrary.ru/vbshhn>
14. Molchan A. S., Karpunina E. K., Kochyan G. A., Petrov I. V., Velikanova L. I. Effects of digitalization: New challenges for economic security systems. *Vision 2025: Education Excellence and Management of Innovations through Sustainable Economic Competitive Advantage*: Proc. 34th Intern. Conf., Madrid, 13–14 Nov 2019. Pennsylvania: IBIMA, 2019, 6631–6639. <https://elibrary.ru/ymgyoh>
15. Bychkova N. P., Tavbulatova Z. K., Ruzhanskaya N. V., Tamov R. M., Karpunina E. K. Digital readiness of Russian regions. *IBIMA 2020*: Proc. 36th Conf., Granada, 4–5 Nov 2020. Pennsylvania: IBIMA, 2020, 2442–2460. <https://elibrary.ru/oxfwph>
16. Mejokh Z., Korolyuk E., Sozaeva D., Pilipchuk N., Karpunina E. Economic security of Russian regions: Risk factors and consequences of the COVID-19 pandemic. *IBIMA 2020*: Proc. 36th Conf., Granada, 4–5 Nov 2020. Pennsylvania: IBIMA, 2020, 8197–8205. <https://elibrary.ru/ijnevm>
17. Tishchenko E. S., Gonezhuk M. K., Karpunina E. K., Strelnikova T. D., Gundorova M. A. Demographic problems of Russian regions: Analysis of long-term dynamics and tools for overcoming. *Imitation Market Modeling in Digital Economy: Game Theoretic Approaches*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 8 Jul 2021. Cham: Springer, 2022, 784–797. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_84
18. Карпунина Е. К., Усанов А. Ю., Труфанова С. А., Губернаторова Н. Н. Внешнеэкономическая деятельность как детерминант экономической безопасности России: оценка угроз и перспектив развития в условиях санкционных ограничений. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 5. С. 10–26. [Karpunina E. K., Usanov A. Yu., Trufanova S. A., Gubernatorova N. N. Foreign economic activity as a determinant of Russia's economic security: Assessment of threats and prospects for development under sanctions restrictions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(5): 10–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cktnde>
19. Соболева И. В., Соболев Э. Н. Доходы населения в условиях пандемии: сдвиг уязвимых зон и механизмы защиты. *Экономическая безопасность*. 2021. Т. 4. № 3. С. 531–548. [Soboleva I. V., Sobolev E. N. Household income in a pandemic: Shifting vulnerable zones and protection mechanisms. *Economic security*, 2021, 4(3): 531–548. (In Russian)] <https://doi.org/10.18334/ecsec.4.3.112448>
20. Капелюшников Р. И. Анатомия коронакризиса через призму рынка труда. *Вопросы экономики*. 2022. № 2. С. 33–68. [Kapeliushnikov R. I. The anatomy of the corona crisis through the lens of the labor market adjustment. *Voprosy Ekonomiki*, 2022, (2): 33–68. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-2-33-68>
21. Соболев Э. Н. Оплата труда в российской экономике: тенденции и проблемы. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2018. № 5. С. 79–96. [Sobolev E. N. Remuneration of labor in the Russian economy: Trends and challenges. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*, 2018, (5): 79–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00006>
22. Sobolev E., Campbell A. Present-day problems of wage remuneration in Russia. *Review of Radical Political Economics*, 2020, 52(4): 673–683. <https://doi.org/10.1177/0486613420939920>
23. Карпунина Е. К., Моисеев С. С., Карпунин К. Д. Трансформация рынка труда в период пандемии: новые риски экономической безопасности. *Друкеровский вестник*. 2022. № 1. С. 156–165. [Karpunina E. K., Moiseev S. S., Karpunin K. D. Transformation of the labor market during the pandemic: New economic security risks. *Drukerovskii vestnik*, 2022, (1): 156–165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2022-1-156-165>
24. Okunkova E. A., Kosorukova I. V., Lazareva T. G., Korolyuk E. V., Bogomolova A. V. Global gig economy: Prospects and key growth threats for developing countries. *International Journal of Work Innovation*, 2023, 3(4): 403–417. <https://doi.org/10.1504/ijwi.2023.128862>
25. Карпунина Е. К., Усанов А. Ю., Валишина Н. Р. Рост благосостояния населения как фактор укрепления экономической безопасности региона: постковидная перспектива. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 3. С. 60–72. [Karpunina E. K., Usanov A. Yu., Valishina N. R. The growth of the welfare of the population as a factor of strengthening the economic security of the region: POSTCOVID perspective. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(3): 60–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njovtv>

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Контакты для сотрудничества:

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), morea@inbox.ru
Молокова Ксения Игоревна, ответственный секретарь, КемГУ
(Кемерово, Россия),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), morea@inbox.ru
Ksenia I. Molokova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Молокова Ксения Игоревна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Ksenia I. Molokova.
Literary editors (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 26.08.2024.

Дата выхода в свет 23.09.2024.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 20,46. Уч.-изд. л. – 17.

Тираж 500 экз. Заказ ____

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-pses.kemsu.ru

